ДЛЯ НЕМНОГИХЪ.

СПЕЦІАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ

по

Генеалогіи и геральдикѣ, исторіи, археологіи
и искусству.

П. Н. ПЕТРОВА,

за 1872-й годъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. М. Котомина, у Обух. моста д.-№ 93.
1873.

ДЛЯ НЕМНОГИХЪ.

СПЕЦІАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ

по

Генеалогіи и геральдикѣ, исторіи, археологіи
и искусству.

П. Н. ПЕТРОВА,

за 1872-й годъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. М. Котомина, у Обух. моста д. № 93.
1873.

ПЕРЕЧЕНЬ СТАТЕЙ

въ

СБОРНИКѢ

«ДЛЯ НЕМНОГИХЪ»

за 1872 годъ.

I. Геральдика и генеалогія.

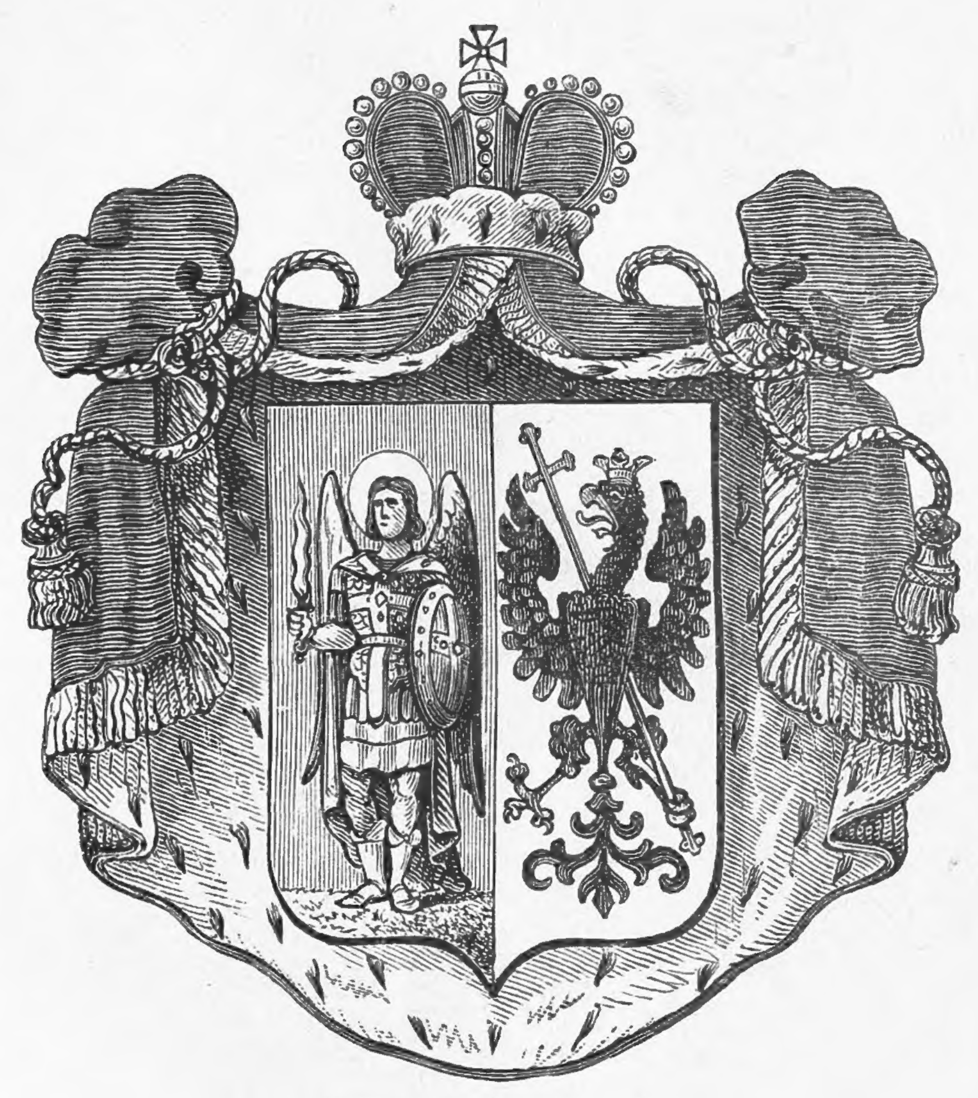
(Гербы и указаніе извѣстныхъ лицъ въ фамиліяхъ).

II. Исторія и Топографія.

III. Искуства.

ГЕНЕАЛОГІЯ и ГЕРАЛЬДИКА.

Волконскіе, князья.

Прозваніе свое фамилія эта получила отъ рѣчки Волкони, *) притока р. Упы, на которой поселился—четвертый сынъ князя тарусскаго Юрія Михайловича **),— князь

*) Рѣчка Волконь протекаетъ во второмъ станѣ Одоевскаго уѣзда, Тульской губерніи. На этой рѣчкѣ, по Списку населенныхъ мѣстъ, значатся стоящими нынѣ семь селеній: деревня Тимофеевская (№ 3481), Зельца: Высокое (3486), Негилево (3487), Березовка (3490), Голованн (3491), Востьяново (3492) и село Березово (3489). Всего 183 двора и 1670 душъ обоего пола.

**) Пятаго сына св. князя Михаила Всеволодовича Черниговскаго, замученнаго въ 1246 году, въ Ордѣ, Батыемъ

Иванъ (меньшой) Юрьевичъ, «толстая голова»; получивъ въ удѣлъ отъ отца своего волость Сопрыскину. Сынъ этого лица — Юрій Ивановичъ писался и прозывался княземъ Волконскимъ, но родъ его потомковъ, вмѣстѣ съ происходившими также отъ Ивана Юрьевича «толстой головы» князьями *Конинскими* и *Спашскими*, отъ ига татарскаго и набѣговъ литовскихъ «захудалъ и извелся» — какъ говорили послѣдующіе представители фамиліи Волконскихъ, споря при царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ о своемъ происхожденіи отъ Михаила Черниговскаго. Впрочемъ, захудалость рода *Волконскихъ* относится только до первыхъ четырехъ колѣнъ фамиліи, на службѣ московскихъ государей, съ начала XVI вѣка уже прославившейся воинскими доблестями. Сынъ праправнука перваго князя, прозывавшагося Волконскимъ—*Петръ Васильевичъ* прозваніемъ *Верига*, былъ воеводою у царя Василія, отца Грознаго: въ 1515 г. въ походѣ къ Витебску, 1519 г.—въ походѣ на Литву, а 1520—21 г. третьимъ воеводой въ Тулѣ. Замѣтимъ здѣсь кстати, что тульское воеводство въ это время (1519 г.) все состояло изъ князей Волконскихъ; изъ нихъ: *Внукъ Григорьевичъ* былъ *вторымъ*, *Дмитрій Ивановичъ—четвертымъ*, а *Ипатъ Васильевичъ пятымъ* воеводою въ Тулѣ. Ипатъ Васильевичъ этотъ, прозваніемъ *Потулъ*, родной братъ Вериги, въ 1537 году былъ и вторымъ воеводою тульскимъ, смѣнивъ кажется Волконскаго же, князя Ивана Патыхича, непоказываемаго, впрочемъ, въ колѣнныхъ росписяхъ, но 14 лѣтъ воеводствовавшаго, а передъ тѣмъ начальствовавшаго въ литовскомъ походѣ (1519) третьимъ большимъ полкомъ. Въ казанскомъ походѣ 1544 г. семеро *князей Волконскихъ* показаны дѣйствующими: Алексѣй Васильевичъ шелъ къ Казани съ перваго марта, луговою стороною Волги, въ качествѣ 2-го воеводы 5-го передоваго полка; бояринъ Иванъ Андреевичъ былъ воеводою 7-го большого полка; окольничій Григорій Михайловичъ вторымъ воеводою шестого полка *правой руки;* стольникъ Андрей Васильевичъ 3-мъ головою въ государевомъ полку; въ которомъ 117-мъ головою былъ стольникъ же Степанъ Никитичъ; а сынъ его Савва Степановичъ — 10-мъ полковымъ судьею; наконецъ, князь Иванъ Никитичъ находился «рындою» съ большимъ государевымъ доспѣхомъ. Пятеро князей Волконскихъ прини-

мали участіе въ тверскомъ походѣ 1549 года, гдѣ изъ нихъ: окольничій, Иванъ Васильевичъ прозв. *Глыжъ* былъ вторымъ воеводою седьмого передового полка; Михаилъ Ивановичъ прозв. *Жучка*, 2-мъ же воеводою 9-го сторожеваго полка; стольникъ Иванъ Матвѣевичъ былъ 26-мъ асауломъ; а дворяне Михаилъ и Иванъ Ивановичи, одинъ *завоеводчикомъ* (адъютантомъ) другой судьею полковымъ. Послѣдній изъ поименованныхъ—да Жучка, находились и въ полоцкомъ походѣ (1551 г.) вмѣстѣ съ однофамильцами: окольничимъ Василіемъ Ив., стольниками Ѳедоромъ, Ѳомою и Никифоромъ и дворяниномъ Саввою Ивановичами, князьями же Волконскими. Въ этомъ походѣ кн. Андрей Васильевичъ Волконскій возилъ государевы: саадакъ, да сулицу, а въ польскомъ походѣ 1568 г. хранилъ рогатину царскую. Въ ту пору гнѣвнаго отношенія государя къ боярамъ своимъ, Волконскіе князья оказываются мужественными бойцами, охранявшими предѣлы отечества отъ вороговъ. Князь Петръ Афанасьевичъ въ 1565 г. стоялъ съ дружиною на Окѣ, въ 1572 г. дѣлалъ засѣку перемышльскую, съ 1577 г. является для отпора литовскаго вторженія со стороны лифляндовъ и въ 1579 г., за разбитіе въ Курляндіи нѣмцевъ, награжденъ *золотымъ червоннымъ*—замѣнявшимъ тогда медаль. Послѣ тульскаго воеводства, поразитель нѣмцевъ, въ 1581 г. посланъ царемъ къ Могилеву, гдѣ и разбилъ онъ вылазку враговъ изъ Шклова, въ слѣдующемъ году отряженный оборонять Новгородъ отъ Литвы, вмѣстѣ съ княземъ Голицынымъ. Князь Андрей Романовичъ Волконскій прозв. *Быкъ*, при Грозномъ воеводствовавшій въ Торопцѣ и ходившій въ Заволочье, при царѣ Ѳедорѣ строилъ Бѣлгородъ на Донцѣ (1590), черезъ два года потомъ оборонялъ Соловецкій монастырь, а затѣмъ былъ на воеводствѣ въ Черниговѣ (1596) и—съ войскомъ, на Донцѣ (1597). Князь Михаилъ Петровичъ Волконскій, прозв. *Жмурка*, при царѣ Ѳедорѣ воевода на Украйнѣ и въ Тулѣ, при Годуновѣ воевода на Алатырѣ (1600), въ Шатскѣ (1601) и Ливнахъ (1603—4). Съ Андреемъ Быкомъ защищалъ Соловки князь Григорій Константиновичъ *Кривой* — Волконскій, при Годуновѣ посолъ въ Крымъ (1600), и воевода ертаула (авангарда) въ Брянскѣ (1605 г.); на свадьбѣ самозванца угощавшій польскихъ пословъ и самъ посланный къ Сигизмунду съ увѣдомленіемъ

о гибели Лжедимитрія (1606 г.). При Шуйскомъ оборонялъ онъ Москву отъ Лисовскаго (1609 г.) и въ Ладогѣ билъ шведовъ (1610 г.). Съ воцареніемъ Михаила пожалованный въ окольничіе, онъ помогалъ Пожарскому разбить поляковъ и казачьи шайки, да у Никитскихъ воротъ отбилъ приступъ Владислава къ Москвѣ (1 октября 1618 г.), заставивъ его отступить и удалиться отъ нашей столицы. Указавъ главныя его, очень вѣскія заслуги, менѣе важныя порученія послѣднихъ лѣтъ жизни этого доблестнаго лица мы не приведемъ, сообщивъ только, что умеръ князь Григорій Константиновичъ Волконскій въ Валуйкахъ, въ 1634 г., находясь съ крымцами при размѣнѣ плѣнныхъ. Князь Михаилъ Константиновичъ *Хромой*, строитель Березова (1594) въ отдаленномъ Обскомъ краѣ, въ сѣверозападной Сибири, 2-й воевода тобольскій(1595-7), геройски погибъ въ Пафнутьевомъ монастырѣ въ самой церкви въ Боровскѣ, защищаясь съ горстью храбрыхъ, куда измѣнники впустили уже поляковъ. Князь Ѳедоръ Ивановичъ прозв. *Меринъ*, извѣстный со времени воеводства въ Мценскѣ (1605 г.), принадлежитъ къ числу бойцовъ-патріотовъ, осадившихъ поляковъ въ Москвѣ, въ 1611 и 1612 году. Въ 1620 году онъ былъ судьею въ *челобитенномъ приказѣ*. Князь Иванъ Ѳедоровичъ прозв. *Лось*, упоминаемый въ 1607 какъ начальникъ артиллеріи при осадѣ Тулы, въ 1633 году былъ первымъ воеводою у Никитскихъ воротъ въ Москвѣ, при набѣгѣ крымцевъ, а въ 1638 году былъ 2-мъ распорядителемъ при дѣланіи *земляного города* въ столицѣ. Бояринъ Петръ Ѳедоровичъ *Мерина*, упоминаемый съ 1617 г., въ 1625 году стольникъ, въ 1633 г. 2-й воевода въ астраханскомъ походѣ противъ калмыковъ, въ 1634 и 35 гг. былъ у провода границъ съ Литвою, въ Торопцѣ. Онъ на другой день коронаціи царя Алексѣя Михайловича (29 сентября 1646 г.) пожалованъ въ окольничіе и назначенъ судьею въ челобитенный приказъ, и, всѣми уважаемый, умеръ въ 1650 году. Братъ предъидущаго, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, начавъ службу съ рынды (1621 г.), въ 1626 году сдѣланъ стольникомъ, въ 1634 г. защищался въ Бѣлгородѣ отъ польскаго короля, отбивъ всѣ его приступы и за это, 8 іюля произведенный въ окольничіе, получилъ щедрое награжденіе, да должность судьи челобитеннаго приказа. Въ 1639 году названъ

намѣстникомъ Муромскимъ, въ 1642 г. проводилъ границу съ Польшею въ Путивлѣ, а въ 1651 же году пожалованъ въ бояре; чуть не потерявъ жизнь въ Псковѣ, посланный туда (1650) усмирять мятежъ и самъ попавшись въ руки возмутителей. Въ 1663 году онъ посланъ противъ башкиръ, въ Казань, гдѣ и умеръ 1665 г. Не менѣе важную роль какъ онъ, игралъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича и князь Василій Богдановичъ Волконскій, прозв *Веригина Любка*, умерш. 1675 г. окольничимъ (съ 1671 г.). Онъ упоминается въ стольникахъ въ 1634 году, въ 1651 г. значится 1-мъ судьею въ *холопьемъ* приказѣ, 1653—5 гг. дѣйствуетъ въ Астрахани, приводя калмыковъ къ присягѣ на подданство Россіи, а въ 1661 году находится *осаднымъ воеводою* въ Переяславлѣ. Изъ числа представителей рода князей Волконскихъ за XVII вѣкъ, слѣдуетъ еще упомянуть окольничаго царей Ивана и Петра Алексѣевичей,—бывшаго въ живыхъ еще въ 1703 году,—князя Ѳедула Ѳедоровича, бывшаго уже стольникомъ въ 1659 году, въ 1683 году приводившаго къ присягѣ въ Астрахани имеретинскаго царя Арчила и въ слѣдующую весну привезшаго дѣтей его въ Москву *). Самымъ важнымъ лицомъ изъ фамиліи князей Волконскихъ въ XVIII вѣкѣ, оказывается праправнукъ князя Михаила Константиновича Хромаго — защитника Пафнутьева монастыря,—сынъ стольника Никиты Ѳедоровича и старшей сестры канцлера графа Алексѣя Петровича Бестужева-Рюмина — Аграфены Петровны, пріятельницы императрицы Анны Ивановны, судимой Верховниками, — князь Михаилъ Никитичъ Волконскій (род. 9 октября 1713 и умерш. 16 января 1796 года). При Екатеринѣ II, онъ былъ главнокомандующимъ въ Москвѣ, а ранѣе этого составлялъ проэктъ раздробленія Польши; до того находясь русскимъ посломъ въ Варшавѣ и зная хорошо тамошнія дѣла. Изъ рода князя Ѳедора Константиновича *Криваго* — сынъ праправнука его,—тоже генералъ аншефъ, какъ и Михаилъ Никитичъ,—князь Семенъ Ѳедоровичъ Волконскій (род. 10 мая 1703 и умеръ 4 мая 1768 г.) прославился какъ и предшественникъ, въ семилѣтнюю войну, состоя тогда въ чинѣ генералъ-пору-

---

*) Царевичей Александра и Матвѣя, изъ которыхъ старшій былъ первымъ генералъ-фельдцейхмейстеромъ русской артиллеріи.

чика. Родъ обоихъ этихъ лицъ уже непродолжается, хотя оба были женаты и оставили потомство. Князь Михаилъ Никитичъ былъ женатъ на старшей дочери извѣстнаго кабинетъ-секретаря Петра I, Алексѣя Васильевича Макарова, Елизаветѣ Алексѣевнѣ, (умерш. въ маѣ 1782 г.), отъ которой имѣлъ двухъ сыновей: Льва Михайловича († 1798) и Павла Михайловича (1763, † 15 декабря 1808), умершихъ безъ потомства. Сестра ихъ, княжна Анна Михайловна (умершая 1824 г.), была за фельдмаршаломъ княземъ А. А. Прозоровскимъ. Князь же Семенъ Ѳедоровичъ, женатый на княжнѣ Софьѣ Семеновнѣ Мещерской, (род. 13 сентября 1707 г., ум. 7 апрѣля 1777 г.), имѣлъ отъ нея одного только сына, князя Григорія Семеновича, члена государственнаго совѣта, генерала отъ кавалеріи (род. 30 января 1742 и ум. 17 іюля 1824 г.), женатаго на княжнѣ Репниной и начавшаго новую вѣтвь *Репниныхъ - Волконскихъ*, о которой мы говорить не будемъ, намѣреваясь посвятить ей особую статью. Кромѣ сына, князь Семенъ Ѳедоровичъ Волконскій оставилъ шесть дочерей, изъ которыхъ третья: княжна Анна Семеновна (род. 12 янв. 1737 г., ум. 4 февр. 1812 г.), бывшая за статскимъ совѣтникомъ Николаемъ Яковлевичемъ Оленинымъ,—была мать президента Имп. Ак. Худ. Алексѣя Николаевича Оленина (1763-1843 г.). Четыре изъ остальныхъ вышли за мужъ, за: Римскаго-Корсакова, Дмитріева-Мамонова, Хрущева и Ермолова.

Кромѣ приведенныхъ, изъ представителей фамиліи князей Волконскихъ XVIII вѣка, упомянемъ еще внука праправнука Ѳедора Константиновича, — бѣлгородскаго воеводы временъ Годунова — генерала отъ инфантеріи, князя Николая Сергѣевича Волконскаго (род. 30 марта 1753 г. и ум. 3 февр. 1821 г.), женатаго на княжнѣ Екатеринѣ Дмитріевнѣ Трубецкой (род. 15 сент. 1749 и ум. 8 мая 1792 г.). Единственная дочь этой четы, княжна Марія Николаевна (1790 — 1830) была за графомъ Николаемъ Ильичемъ Толстымъ.

Изъ дѣятелей XIX вѣка, назовемъ посла въ Царьградъ князя Дмитрія Михайловича, генералъ-лейтенанта, умершаго 1838 г. и женатаго на графинѣ Натальѣ Алексѣевнѣ Мусиной-Пушкиной. Сынъ ихъ, князь Михаилъ Дмитріевичъ

(род. 1811 г.), имѣетъ въ супружествѣ княжну Анну Ивановну Варшавскую, графиню Паскевичь-Эриванскую.

Но, самымъ важнымъ представителемъ рода Волконскихъ былъ, конечно, фельдмаршалъ, князь Петръ Михайловичъ, министръ Императорскаго двора, род. 26 апр. 1776 и ум. 27 авг. 1852 г.

Князь Петръ Михайловичъ Волконскій, начавъ службу по седьмому году возраста, сержантомъ, назначенъ былъ въ 1797 году въ адъютанты къ великому князю Александру Павловичу и съ того времени не разлучался съ нимъ до 1824 года; съ 1810 года исполняя обязанности начальника главнаго штаба, при лицѣ Императора, во всѣ компаніи славной борьбы съ французами. Преемникъ Александра I, ввѣрилъ князю Волконскому вновь образованное министерство двора (1826 г.), а въ 1847 г. возвелъ его въ достоинство канцлера россійскихъ орденовъ. Раньше этого, именно въ день открытія Александровской колонны (30 августа 1834 г.),—предсѣдателемъ коммисіи по сооруженію которой былъ Волконскій — Императоръ пожаловалъ титулъ свѣтлости князю Петру Михайловичу.

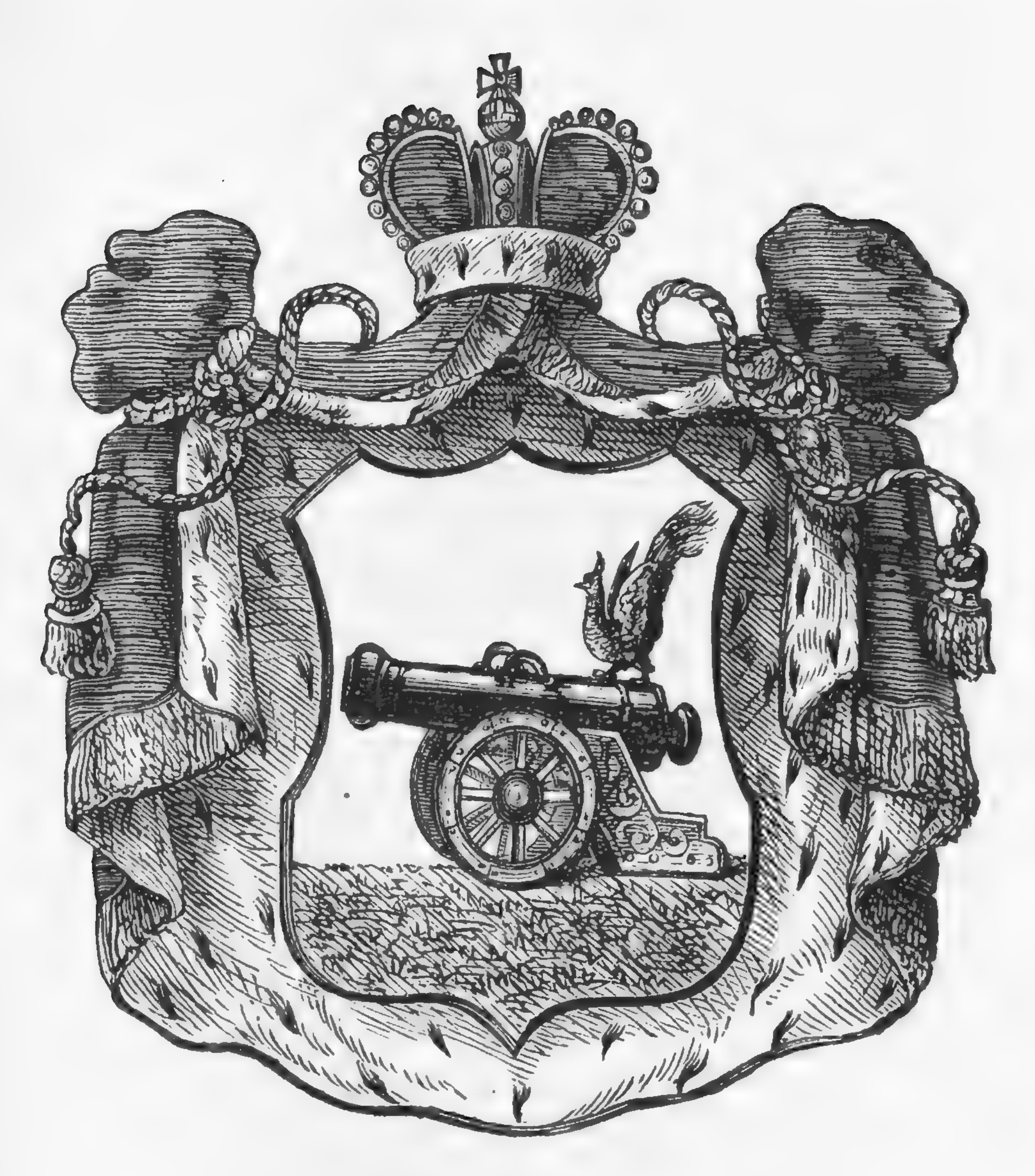
Князь Петръ Михайловичъ былъ сынъ бригадира, князя Михаила Петровича и княжны Елизаветы Петровны Макуловой (ум. 1796 г.). Онъ былъ женатъ на княжнѣ Софьѣ Григорьевнѣ Волконской же, дочери помянутаго уже нами князя Григорія Семеновича. Отъ брака этой четы родились два сына и дочь; старшій изъ нихъ князь Дмитрій Петровичъ, который женатъ былъ на Марьѣ Петровнѣ Кикиной, оставилъ дочь княжну Софью Дмитріевну. Второй же сынъ, князь Григорій Петровичъ, женатый на графинѣ Марьѣ Александровнѣ Бенкендорфъ, имѣетъ дочь, княжну Елизавету Григорьевну. А дочь фельдмаршала князя Петра Михайловича — княжна Александра Петровна,—за мужемъ за Павломъ Дмитріевичемъ Дурново.

Отецъ фельдмаршала приходился шестымъ потомкомъ князя Ивана Өедоровича пр. *Лось* и въ 15 колѣнѣ отъ родоначальника фамиліи, по старшей линіи.

Настоящіе продолжатели рода князей Волконскихъ, принадлежатъ уже къ младшимъ линіямъ фамиліи.

Гербъ князей Волконскихъ представляетъ щитъ, разсѣ-

ченный перпендикулярно на двое. Въ правой половинѣ, въ лазуревомъ полѣ, кіевскій гербъ (архангелъ Михаилъ, въ серебряной одеждѣ, держащій въ десницѣ серебряный мечъ, а въ шуйцѣ золотой щитъ). Въ лѣвой же половинѣ щита черниговскій гербъ: въ золотомъ полѣ черный одноглавый коронованный орелъ, съ золотымъ крестомъ въ лѣвой лапѣ. Щитъ помѣщонъ на развернутой горностаевой мантіи и покрытъ княжескою шапкою.

Князья Вяземскіе.

Князья Вяземскіе, прямые потомки Рюрика и Мономаха. Въ пятомъ колѣнѣ отъ послѣдняго, въ потомствѣ старшаго сына его Мстислава, великаго князя кіевскаго, въ XIII вѣкѣ жилъ князь Андрей Владиміровичъ, прозваніемъ *Долгая рука*, женатый на дочери великаго князя кіевскаго Мстислава старшаго Романовича. По удѣльному г. Вязьмѣ князь Андрей Владиміровичъ, 4-й сынъ князя Владиміра (Димитрія) Рюриковича Кіевскаго (отъ второго брака его) сталъ называться Вяземскимъ и сдѣлался родоначальникомъ фа-

миліи, нами теперь обозрѣваемой. Этотъ мужественный князь погибъ 4-го іюня 1223 года, отъ ярости монголовъ, послѣ гибельной битвы при р. Калкѣ (Калміусѣ), три дня защищаясь въ укрѣпленіи и сдавшись на договоръ, положась на святость условій. Дикіе воители нарушили свои клятвы и трехъ князей, выданныхъ имъ Бродниками: Андрея Владиміровича Вяземскаго, Александра Дубровницкаго и великаго князя кіевскаго Мстислава,—задушили подъ досками.

Правнукъ основателя фамиліи, скончавшагося такъ плачевно, тоже Андрей Вяземскій,—но Афанасьевичъ,—въ 1300 году отбилъ отъ г. Дорогобужа осаждавшаго его князя Александра Глѣбовича Смоленскаго, придя на помощь осажденнымъ. Внукъ этого героя (Андрея Афанасьевича), Левъ (Семенъ) Ивановичъ, злодѣйски убитъ въ 1403 г. въ Торжкѣ, вмѣстѣ съ супругою свою княгинею Юліаніей, княземъ Юріемъ Святославичемъ, позорныя предложенія котораго прекрасная княгиня отвергла и вздумала защищаться отъ насилія убійцы ея мужа. Этотъ несчастный князь былъ безъ удѣла. Вязьмою тогда владѣли литовцы, изгнавъ или плѣнивъ представителя старшей линіи рода въ 1405 г., когда племянникъ великаго князя Литовскаго Витовта, князь Симеонъ Лугвень взялъ безъ сопротивленія гор. Вязьму, въ то время составлявшій важный торговый пунктъ. Князья Вяземскіе, какъ подручники Литовскіе, впрочемъ, занимали еще родовой свой наслѣдственный удѣлъ, даже и послѣ покоренія этого города Московскому государю княземъ Даніиломъ Щенею (1493 г.). Воевода московскій жителей гор. Вязьмы привелъ къ присягѣ на вѣрность Іоанну, самъ же государь оставилъ здѣсь въ качествѣ подчиненнаго себѣ владѣльца—князя Андрея Юрьевича Вяземскаго. Съ этого времени князья Вяземскіе вступили въ разрядъ служилой московской аристократіи и многіе изъ нихъ прославили родъ свой подвигами, и на ратномъ полѣ, и на поприщѣ администраціи. Не перечисляя князей Вяземскихъ сподрядъ, по колѣнамъ, мы укажемъ на нихъ и дѣла тѣхъ изъ представителей этого славнаго рода, которые составили себѣ репутацію и извѣстность. При Іоаннѣ Грозномъ, князь Александръ Ивановичъ Вяземскій, праправнукъ Романа Константиновича, правнука

родоначальника, отличился, предводительствуя дружиною вятчанъ, при покореніи Астрахани. Праправнукъ же Михаила Юрьевича, тоже праправнука предка фамиліи—оружничій (съ 1564 г.), князь Афанасій Ивановичъ, былъ извѣстный любимецъ Іоанна IV, умершій 1573 г. Братъ его—Юрій (Василій) Ивановичъ умеръ окольничимъ (1571 г.). Внукъ праправнука Юрія Константиновича (Юрія Васильевича) князь Никита Семеновичъ, былъ при Михаилѣ воеводою въ Болховѣ (1626 г.).

Въ шестомъ же колѣнѣ отъ Романа Константиновича приходились извѣстные дѣятели временъ Михаила Ѳедоровича и Алексѣя Михайловича, сыновья князя Семена Юрьевича: Иванъ Семеновичъ, воевода въ Можайскѣ (1636 г.), Никита Семеновичъ, воевода въ Епифани (1632 г.), Осипъ Семеновичъ, воевода въ Шуѣ (1646—48 г.) и Петръ Семеновичъ, воевода сперва въ Лухѣ (1646—48 г.), потомъ въ Епифани (1649—1651 г.). Потомство оставилъ изъ нихъ второй, изъ трехъ сыновей котораго, младшій—Матвѣй Никитичъ, палъ со славою въ бою подъ Конотопомъ (1660 г.), а самое потомство его исчезло (въ 1690 г.), со смертью князей Алексѣя Ивановича и Петра Васильевича. Изъ одной вѣтви съ ними (т. е. средней), ведущей начало отъ втораго сына родоначальника, приходился (въ 8-мъ колѣнѣ отъ начала фамиліи) современный съ ними дѣятель, князь Ѳедоръ Ивановичъ, бывшій при царѣ Ѳедорѣ А. (1678 г.) воеводою въ Костромѣ. Дочь одноимяннаго съ нимъ (также князя Ѳедора Ивановича) княжна Марья Ѳедоровна Вяземская, оставшаяся въ дѣвицахъ, была особою, до того приближенною къ императрицѣ Екатеринѣ I, что по смерти царевны Натальи Алексѣевны (1719 г.), государыня ввѣрила княжнѣ непосредственную заботливость о дѣтяхъ на время нахожденія своего за границею. Въ концѣ XVII вѣка (1699 г.), не считая особъ женскаго пола, представителей рода князей Вяземскихъ, владѣвшихъ крестьянами, значится всего 36 человѣкъ. Въ XVIII вѣкѣ, конечно, число вѣтвей, и за прекращеніемъ нѣкоторыхъ, должно было увеличиться. Мы позволимъ себѣ, впрочемъ, за минувшій и настоящій вѣка, разсматривать только старшую и младшую линіи, указавъ изъ нихъ на самыхъ видныхъ представителей.

Старшая линія въ XVIII вѣкѣ представлялась прямыми потомками князей: Силы (Василія) и Григорія Романовичей Вяземскихъ. Отъ старшаго внука перваго изъ нихъ—Якова Ивановича Большаго, въ третьемъ колѣнѣ, приходятся Иванъ и Андрей Ѳедоровичи. Внукомъ перваго былъ князь Иванъ Ѳедоровичъ, оставившій трехъ сыновей: Ивана, Николая и Василія Андреевичей. Отъ Григорія же Романовича, въ шестомъ колѣнѣ, былъ маіоръ князь Алексѣй Ѳедоровичъ (ум. 1737 г.),—отецъ самаго знаменитаго лица изъ всей фамиліи, генералъ-прокурора Екатерины II-й.

Князь Александръ Алексѣевичъ,—родившійся 3-го августа 1727 г.) отъ брака князя Алексѣя Ѳедоровича съ Пелагеею Ивановной Позняковой, какъ извѣстно, былъ довѣреннымъ лицомъ своей монархини, во всѣ 27 лѣтъ своего генералъ-прокурорства и умеръ (8-го января 1792 г.), искренно ею сожалѣемый. Родъ этого славнаго сановника прекратился, потому что отъ брака съ княжною Еленою Никитишною Трубецкой (1743—1832), князь А. Алексѣевичъ оставилъ только четырехъ дочерей, бывшихъ замужемъ за: графомъ Д. А. Толстымъ (Екатерина Ал.), Ант. дюкомъ де Серра-Капріола (Анну Ал. † 1839 г.), гр. Д. А. Зубовымъ (Прасковью Ал. † 1835 г.) и за барономъ Розенкранцомъ (Варвару Ал. † 1850 г.).

Продолжателемъ же до нашего времени старшей линіи князей Вяземскихъ, въ лицѣ мужскаго потомства, оказывается (потомокъ въ 6-мъ колѣнѣ князя Романа Семеновича, умершаго 1403 г.),—князь Иванъ Андреевичъ, д. т. сов. отъ брака съ княжною Марьею Сергѣевною Долгорукой, оставившій сына. Сынъ этотъ былъ князь Андрей Ивановичъ, при Екатеринѣ II намѣстникъ Нижегородскій, при Павлѣ I—сенаторъ, дѣйств. тайн. сов., родившійся 1750 г., а умершій 20-го апрѣля 1807 г. Отъ брака (1784) съ Евгеніею Ивановной О'Рейли, князь Андрей Ивановичъ оставилъ сына и дочь — княжну Екатерину Андреевну (ум. 1809 г.), бывшую за княземъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Щербатовымъ. Сынъ же, здравствующій еще, извѣстный поэтъ князь Петръ Андреевичъ Вяземскій (род. 1792 г.), дѣйств. тайн. сов., оберъ-шенкъ высочайшаго двора, бывшій товарищъ министра народнаго просвѣщенія. Отъ брака съ княжною Вѣрою Ѳедоровною Гагариной, тоже здрав-

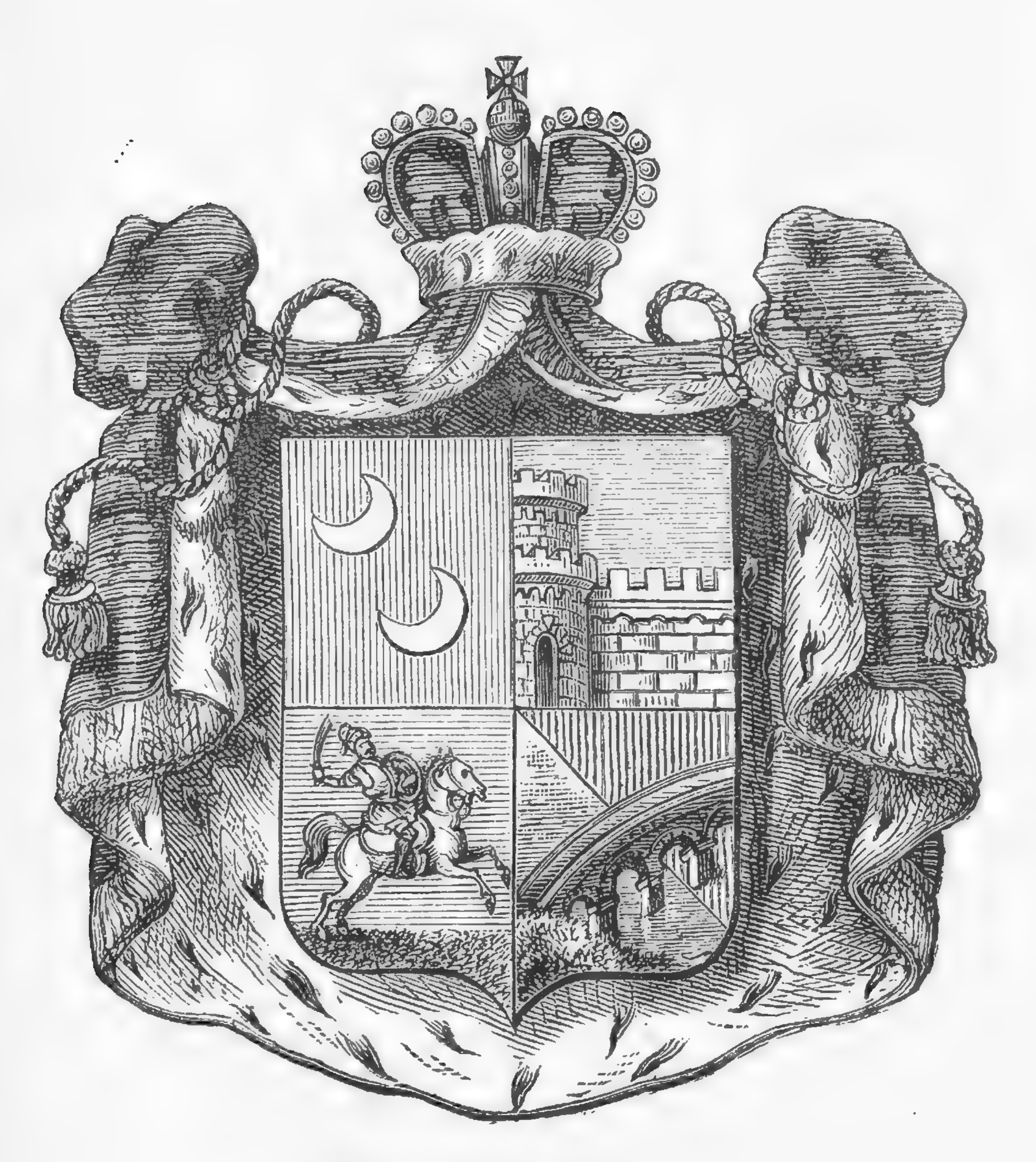
ствующею, князь Петръ Андреевичъ Вяземскій имѣетъ сына, князя Павла Петровича (род. 1820 г.), дѣйств. статск. сов., бывшаго попечителя казанскаго учебнаго округа, члена археографической коммиссіи, женатаго на Марьѣ Аркадьевнѣ Бекъ, урожденной Столыпиной. У этой четы есть сынъ князь Петръ Павловичъ (род. 1854 г.). Кромѣ сына, князь Петръ Андреевичъ Вяземскій имѣлъ дочерей: княжну Марью Петровну (1813 — 1848 г.), бывшую за дѣйств. тайн. сов. Петромъ Александровичемъ Валуевымъ, и, умершихъ въ дѣвицахъ, княжонъ Прасковью Петровну (1817—1835 г.) и Надежду Петровну (1822—1840 г.).

И младшая линія рода Вяземскихъ до нынѣ продолжается. Представители ея происходятъ отъ Романа Константиновича, потомковъ котораго въ XVII вѣкѣ мы уже указали. Въ XVIII вѣкѣ жилъ—отъ него въ VIII колѣнѣ—статскій совѣтникъ князь Григорій Ивановичъ (ум. 12-го февраля 1805 г.), отъ перваго брака (съ Львовой) оставившій трехъ дочерей, и отъ втораго брака (съ Беклемишевой), четырехъ дочерей и трехъ сыновей. Изъ нихъ старшій, князь Николай Григорьевичъ (род. 1767 г. 3-го января и ум. 2-го декабря 1846 г.), отъ перваго брака (съ Екатериною Васильевной Васильчиковой), оставилъ трехъ дочерей, а отъ втораго—(съ Софьею Григорьевной Берингъ, урожденной Паниной) двухъ сыновей, изъ которыхъ младшій,—князь Левъ Николаевичъ,—умеръ 1852 года.

Отъ того же родоначальника (князя Романа Константиновича) въ 6-мъ колѣнѣ приходился князь Алексѣй Васильевичъ, правнукъ котораго, дѣйств. тайн. сов., князь Сергѣй Ивановичъ (ум. 17-го марта 1813 г.), отъ брака съ Анною Өедоровной Каменской,—сестрой фельдмаршала (род. 1743 г. и ум. 1797 г.), оставилъ двухъ сыновей и дочь. Старшій изъ сыновей, князь Михаилъ Сергѣевичъ (род. 16-го ноября 1770 г- и ум. 22-го января 1848 г.), былъ въ отечественную войну шефомъ 13-го егерскаго полка и высочайшимъ приказомъ 13-го іюля 1813 г. *исключенъ изъ службы, какъ умершій.* Братъ его, тоже генералъ-маіоръ, князь Сергѣй Сергѣевичъ (род. 1775 г. и ум. 6-го августа 1847 г.), отъ брака съ Елизаветой Ростиславной Татищевой, оставилъ двухъ сыновей и дочь—княжну Варвару Сергѣевну, въ супружествѣ за Ершовымъ. Старшій

сынъ, князь Александръ Сергѣевичъ (род. 1806 г.), отъ перваго брака съ Анастасіей Николаевной Римской-Корсаковой (1810—1848 г.) имѣетъ дочь (княжну Ольгу Александровну) замужемъ за графомъ С. П. Буксгевденомъ, а отъ втораго брака—съ Екатериною Львовной Ольсуфьеной, урожденной баронессою Боде—сына, князя Константина Александровича (род. 1852 г.). Младшій братъ князя Александра Сергѣевича, князь Николай Сергѣевичъ (род. 1814 г.), отъ брака съ Екатериною Петровною Новосильцовой, имѣетъ сына—князя Виктора Николаевича—и дочь, княжну Зинаиду Николаевну.

По происхожденію отъ князей Смоленскихъ, князьямъ Вяземскимъ предоставлено пользоваться гербомъ княжества Смоленскаго, сохраняемымъ также и на гербѣ Смоленской губерніи. Онъ изображаетъ въ щитѣ, имѣющемъ серебряное поле на зеленой травѣ, на золотомъ лафетѣ червую пушку, обращенную вправо. На пушкѣ представлена сидящею райская птичка. Гербовый щитъ увѣнчанъ княжескою шапкой и помѣщенъ на развернутой горностаевой мантіи (см. гербовникъ ч. I, № 9).

Мещерскіе князья.

Древній родъ, ведущій начало отъ князя Ширинскаго Гуссейна, сынъ котораго Мухамедъ, придя изъ большой орды, завоевалъ племя Мещеру въ 1298 году. На мѣстѣ новаго завоеванія у Мухамеда родился сынъ Беклемишъ, при частыхъ сношеніяхъ съ русскими до того освоившійся съ нашимъ бытомъ, что даже принялъ св. крещеніе съ именемъ Михаила и сдѣлался родоначальникомъ князей Мещерскихъ, бывшихъ владѣтельными въ продолженіе 6-ти

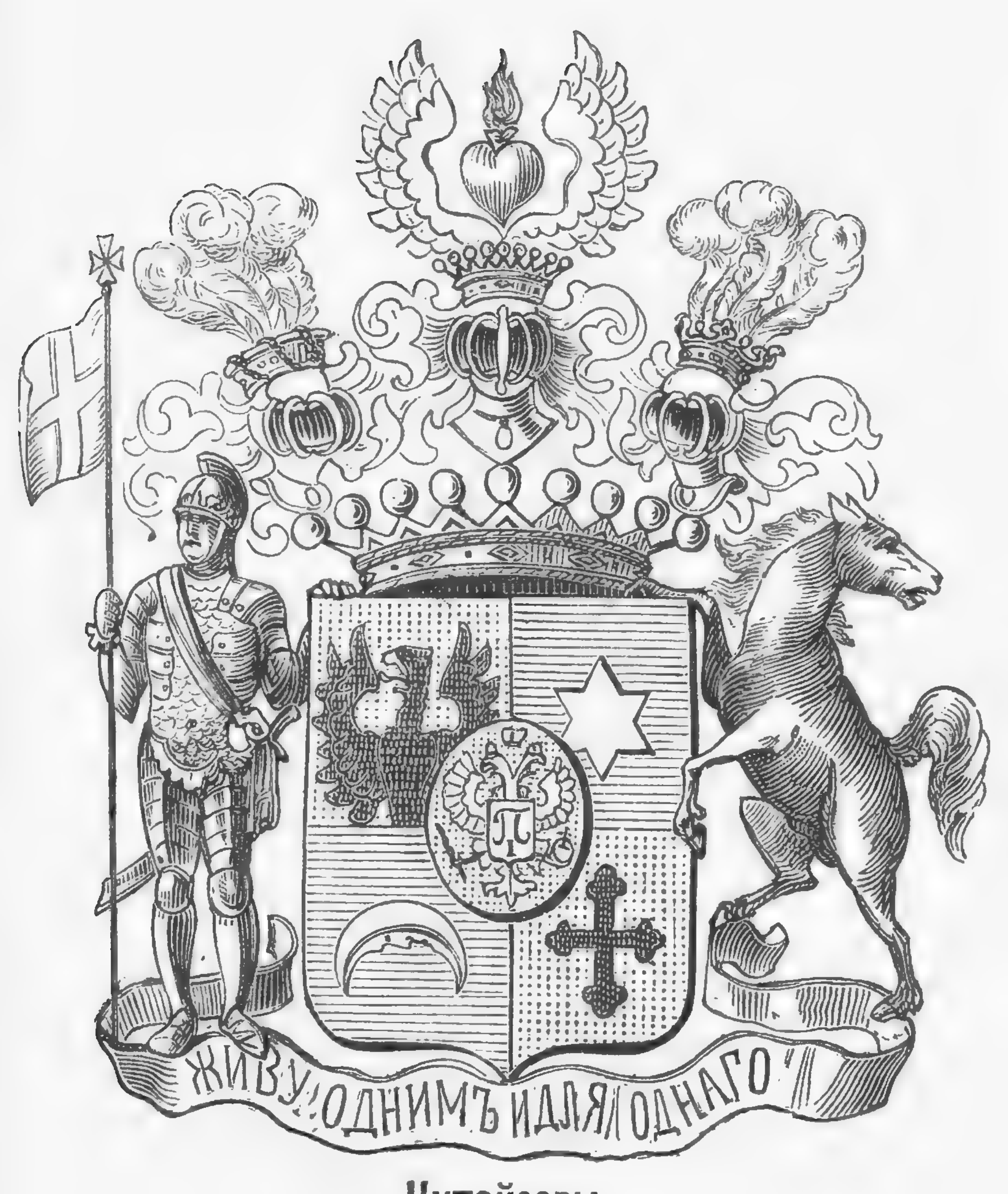
поколѣній. Внукъ родоначальника, князь Юрій Θедоровичъ Мещерскій, явясь на помощь къ Дмитрію Донскому, съ своимъ полкомъ, отличился въ куликовской битвѣ. Праправнукъ его князь Юрій Семеновичъ, послѣдній князь, самостоятельно владѣвшій Мещерой, по согласію съ роднымъ братомъ Василіемъ и двоюродными: Константиномъ и Иваномъ Борисовичами Мещерскими, обмѣнялъ свою землю на волости, данныя ему Іоанномъ III въ отчины. Съ этого времени, князья Мещерскіе вступаютъ въ рядъ слугъ московскаго государства. Уже внучата князя Юрія Семеновича, Григорій Дмитріевичъ, Василій Дмитріевичъ *Кіясъ* и Михаилъ Дмитріевичъ *Висковатый*, являются воеводами Василія V, первый изъ нихъ командовалъ даже большимъ полкомъ въ казанскомъ походѣ 1506 года. Внукъ Константина Борисовича, при этомъ же государѣ, былъ воеводою въ Мещерѣ 1514 г., и въ Костромѣ 1520 г., другой же внукъ Иванъ меньшой Никитичъ, былъ при Грозномъ воеводою въ Рязани 1537 и Брянскѣ 1558 г. Въ это же время сынъ Григорія Дмитріевича, Юрій Григорьевичъ, послѣ воеводства въ Мещерѣ (1541 г.), состоялъ намѣстникомъ Вятскимъ (1545 г.), а сынъ *Кіясовъ*, Иванъ Васильевичъ, въ 1558 г. былъ воеводой въ Дедиловѣ. Средній-же сынъ Висковатова, князь Юрій Михайловичъ, въ 1582 году показанъ воеводой въ Михайловѣ. Правнукъ князя Ивана Борисовича, Григорій Θедоровичъ, отличившись при взятіи Казани, воеводствовалъ потомъ, послѣдовательно, въ Свіяжскѣ (1556 г.), Новгородѣ-Сѣверскомъ, Путивлѣ и Тулѣ (1567 г.). Внукъ *Кіяса*, князь Юрій Григорьевичъ, при Грозномъ же, былъ воеводой въ Смоленскѣ (1557 г.) и потомъ въ Пронскѣ (1579 г.). Въ XVII вѣкѣ, въ одно царствованіе Михаила Θедоровича, мы знаемъ *семь воеводъ* изъ рода князей Мещерскихъ. Четверо изъ нихъ были одной вѣтви, въ 5-мъ колѣнѣ отъ Ивана Борисовича, а именно: князья Богданъ Матвѣевичъ, воевода въ Островѣ (1626 г.), Булатъ Михайловичъ, воевода въ Бѣжецкѣ (1620 г.), Иванъ Афанасьевичъ, воевода въ Торопцѣ (1617 г.), начальникъ одного участка сторожевыхъ, въ Москвѣ (1624 г.), да Никифоръ Яковлевичъ, воевода въ Серпуховѣ (1619 г.) и Тулѣ (1624 г.). Представители старшей линіи, родные братья Мещерскіе-*Боровитины*, Дмитрій Юрьевичъ былъ воевода

въ Епифани (1620 г.) и въ Лебедини (1622—1624 г.), а Иванъ Юрьевичъ въ 1618 году состоялъ въ числѣ защитниковъ Москвы, при нашествіи королевича Владислава. Внукъ Юрія Михайловича, князь Никифоръ Ѳедоровичъ, находясь воеводой въ Новгородѣ въ 1611 году, сильно противился присягѣ, требуемой шведами, несмотря на угрозы Делагарди, подвергшаго его даже тяжкому заключенію. Съ 1643 по 1646 годъ находился онъ воеводой въ Верхотурьѣ и, переведенный въ 1652 году въ Сургутъ, на другой годъ тамъ умеръ. Въ царствованіе Петра I, въ числѣ храбрыхъ полковниковъ считался князь Семенъ Ѳедоровичъ, въ чинѣ генералъ-поручика, умершій при Аннѣ (1732 г.). Сынъ его князь Григорій Семеновичъ, женатый на Аннѣ Ивановнѣ (1721—1773 г.), былъ генералъ-поручикомъ при Елизаветѣ. Въ тоже царствованіе и тоже генералъ-поручикъ былъ князь Ѳедоръ Васильевичъ, умершій 1756 года оставивъ двухъ сыновей и пять дочерей, изъ которыхъ младшая княжна Наталья Ѳедоровна была за Николаемъ Ивановичемъ Неплюевымъ. Упомянемъ также вице адмирала князя Степана Михайловича, при отставкѣ произведеннаго въ адмиралы и умершаго 1775 г. Сыновья князя Степана Ивановича имѣли также значеніе въ царствованіе Екатерины II.: младшій Алексѣй Степановичъ былъ генералъ-поручикомъ, а старшій Платонъ Степановичъ (1713—1799 г.), въ чинѣ полнаго генерала уже шесть лѣтъ (съ 1769 по 1775 г.) управлялъ Малороссіей, потомъ, бывъ намѣстникомъ казанскимъ, симбирскимъ, пензенскимъ и вятскимъ, оставилъ службу въ 1792 году. Но Павломъ I. вновь приглашонный, назначенъ казанскимъ генералъ-губернаторомъ и награжденъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго; потомство сыновей его продолжается. При Павлѣ I еще служили Иванъ Ивановичъ генералъ-лейтенантомъ, Прокофій Васильевичъ гофмаршаломъ, и Василій Ивановичъ генералъ-провіантмейстеромъ;—при Александрѣ I, сенаторъ. Отъ брака съ графиней Натальей Андреевной Матвѣевой, имѣлъ онъ сына князя Сергѣя Васильевича, въ свою очередь оставившаго двухъ сыновей и двухъ дочерей. Старшій изъ нихъ, князь Иванъ Сергѣевичъ (родился 1775 г., умеръ 1851 г.), вышелъ въ отставку маіоромъ. А братъ его, князь Петръ Сергѣевичъ былъ дѣйствительный тайный совѣтникъ, сенаторъ и оберъ-

прокуроръ святѣйшаго синода. Отъ брака съ Екатериною Ивановною Чернышевой онъ имѣлъ единственнаго сына князя Элима Петровича (1808—1844 г.), женатаго на Варварѣ Степановнѣ Жихаревой и умершаго камергеромъ.

У князя Ивана Сергѣевича было четыре сына и двѣ дочери, старшій, князь Василій Ивановичъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, женатъ былъ на баронесѣ Шарлотѣ Борисовнѣ Фитингофъ (умершей 1841 г.); князь Сергѣй Ивановичъ, женатъ на княжнѣ Александрѣ Борисовнѣ Голицыной; князь Николай Ивановичъ женатъ на княжнѣ Александрѣ Ивановнѣ Трубецкой и князь Петръ Ивановичъ женатъ на Екатеринѣ Ивановнѣ Карамзиной, дочери исторіографа. Одна изъ дочерей, Марья Ивановна, замужемъ за И. Н. Гончаровымъ. Изъ шести сыновей князя Василія Ивановича, старшій, князь Борисъ Васильевичъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, камергеръ, нынѣ тверской предводитель дворянства, женатъ на княжнѣ Софьѣ Васильевнѣ Оболенской. Князь Александръ Васильевичъ имѣетъ въ супружествѣ графиню Елизавету Сергѣевну Строганову. Князь Иванъ Васильевичъ дѣйствительнѣй статскій совѣтникъ, камергеръ, подольскій гражданскій губернаторъ. Князь Сергѣй Васильевичъ женатъ на Маріѣ Владиміровнѣ Апраксиной и, княжна Елена Васильевна за княземъ Каликстомъ Биреномъ. Намъ извѣстно еще нѣсколько именъ представителей рода Мещерскихъ, но до полученія болѣе обстоятельныхъ извѣстій объ этихъ лицахъ, мы теперь привести ихъ удерживаемся.

Гербъ рода князей Мещерскихъ (во II-й части общаго гербовника, отд. 1, № 8.)—Высочайше утвержденъ въ 1798 году. Помѣщонный гербъ представляетъ щитъ, раздѣленный на четыре части; въ первой изъ нихъ въ червленномъ полѣ двѣ серебряныя луны, рогами вверхъ; вторая и третья имѣютъ лазуревое поле,—во второй, серебряная крѣпость, а въ третьей ѣздокъ съ поднятымъ вверхъ мечомъ, скачущій въ лѣвую сторону. Въ четвертой же части щита, въ червленомъ полѣ, серебряный мостъ. Гербовый щитъ помѣщонъ на развернутой горностаевой мантіи и увѣнчанъ русской княжеской короной.

Кутайсовы.

ГРАФСКІЙ ДОМЪ.

Родоначальникомъ этого рода, пріобрѣтшимъ ему графское Россійской имперіи достоинство, былъ Иванъ Павловичъ Кутайсовъ, попавшій въ плѣнъ къ намъ, мальчикъ-турокъ, окрещенный и отданный Екатериною II въ прислугу великому князю Павлу Петровичу. Въ день возшествія его на престолъ, Кутайсовъ, бывшій камердинеромъ, пожалованъ въ чинъ 6-го класса, черезъ нѣсколько-же дней произведенъ въ 5-й классъ, съ наименованіемъ гардеробмейстеромъ, а въ день

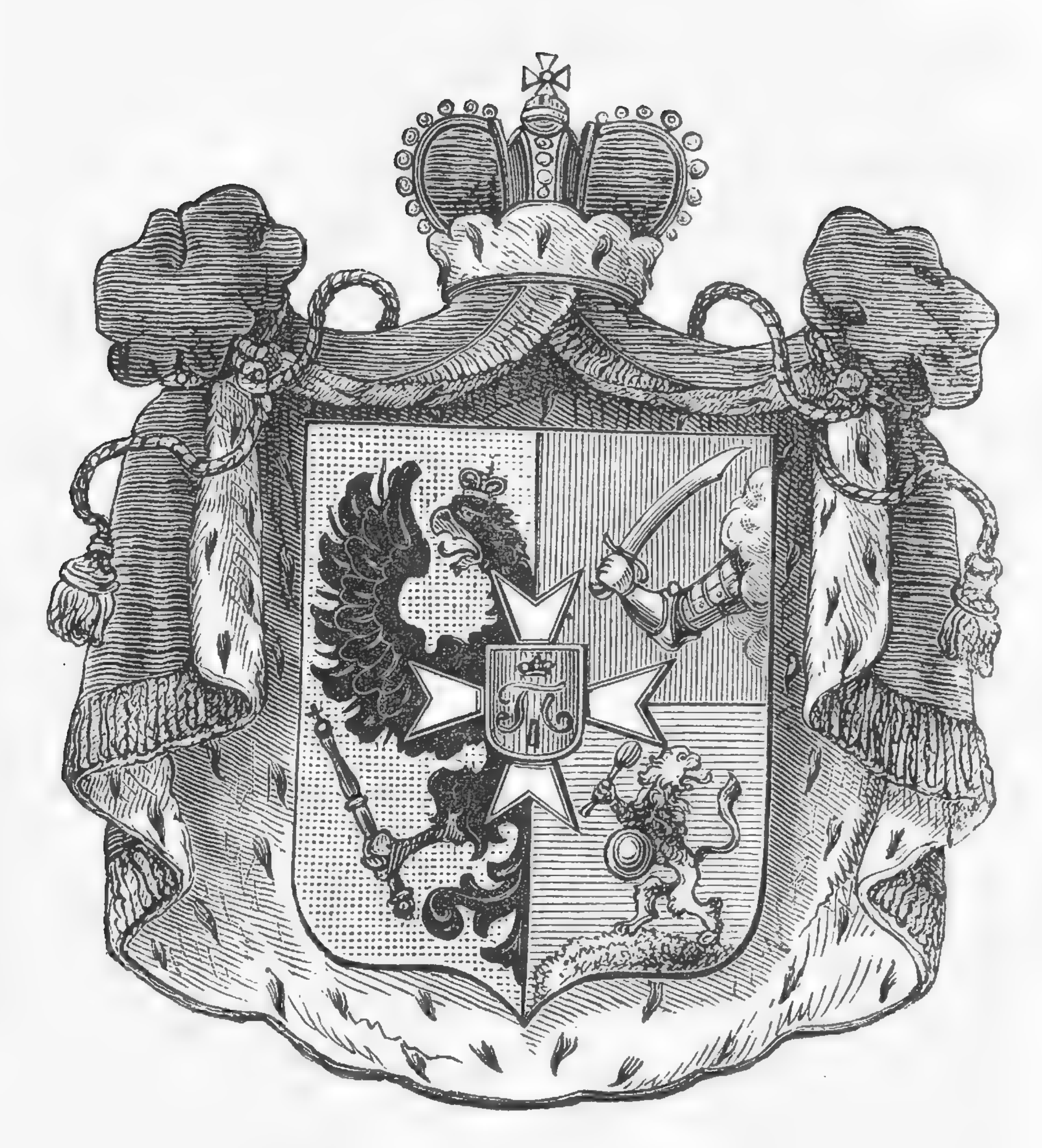
коронованія императора Павла I-го—въ 4-й классъ, съ званіемъ оберъ-гардеробмейстера. Декабря 6-го 1798 г. И. П. Кутайсовъ пожалованъ въ егермейстеры и кавалеры ордена Св. Анны, 22-го февраля 1799 г. возведенъ въ баронское, а 5-го мая того-же года въ графское Россійской имперіи достоинство и 21-го іюля еще получилъ Александровскую ленту. На мѣсто умершаго Л. А. Нарышкина 1-го января 1800 года произвелъ Государь Кутайсова въ оберъ-шталмейстеры, давъ ему орденъ св. Андрея Первозваннаго, въ томъ же году (19-го дек.). Со смертью Павла I, карьера графа Кутайсова окончилась: 16-го марта 1801 г. онъ уволенъ отъ службы и скончался уже въ царствованіе Николая I, 9-го января 1834 г., лѣтъ 75-ти отъ роду. И. П. Кутайсовъ былъ женатъ на Аннѣ Петровнѣ Рѣзвой, умершей въ іюлѣ 1848 года. Отъ брака ихъ было два сына и двѣ дочери: графы Павелъ и Александръ Ивановичи и графини Марья и Надежда Ивановны. Графиня Марья Ивановна была за племянникомъ перваго министра финансовъ—графомъ Владиміромъ Ѳедоровичемъ Васильевымъ, продолжателемъ рода; а графиня Надежда Ивановна за княземъ Александромъ Ѳедоровичемъ Голицынымъ. Графъ Александръ Ивановичъ Кутайсовъ, генералъ-маіоръ, начальникъ артиллеріи первой арміи, всѣми любимый и подававшій самыя блистательныя надежды, убитъ при Бородинѣ, всего на 29-мъ году жизни (род. 1784 года, умеръ 26-го августа 1812 г.). Старшій-же сынъ графа Ивана Павловича, графъ Павелъ Ивановичъ дожилъ до 60 лѣтъ (род. 1780 г., ум. 1840 г.), достигнувъ званія члена государственнаго совѣта и оберъ-гофмейстера. Женатъ онъ былъ на княжнѣ Прасковьѣ Петровнѣ Лопухиной, родной сестрѣ княгини Анны Петровны Гагариной, имѣвшей большую силу при дворѣ Павла I. Отъ брака П. И. Кутайсова съ П. П. Лопухиной, родились (какъ и у отца его) два сына и двѣ дочери. Изъ нихъ графиня Анна Павловна была за царевичемъ Грузинскимъ Окропиромъ Георгіевичемъ, а младшая — графиня Александра Павловна, за княземъ Алексѣемъ Алексѣевичемъ Голицынымъ. Два же сына,— женаты: графъ Иванъ Павловичъ Кутайсовъ (II) на Елизаветѣ Дмитріевнѣ Шепелевой, а графъ Ипполитъ Павловичъ—на княжнѣ Натальѣ Александровнѣ Урусовой.

Гербъ графовъ Кутайсовыхъ помѣщонъ въ IV-й части Общ. Герб. подъ № 14. Гербовый щитъ, разсѣченный двумя перпендикулярами, на четыре части, въ срединѣ еще имѣетъ овальный щитокъ, заключающій (въ золотомъ полѣ) государственный гербъ, въ которомъ, на груди орла, въ лазуревомъ полѣ вензелевое изображеніе имени благодѣтеля рода Кутайсовыхъ, императора Павла I. Въ первой части щита, въ золотомъ полѣ, возникающій одноглавый чорный орелъ. Во второй части, въ лазуревомъ полѣ, серебряная звѣзда о шести лучахъ. Въ третьей части, въ лазуревомъ-же полѣ, серебряный полумѣсяцъ, рогами внизъ, а въ четвертой части гербоваго щита, въ золотомъ полѣ, чорный крестъ.

Гербовый щитъ увѣнчанъ графскою короною, и подъ нею три серебряныхъ шлема. Надъ правымъ шлемомъ корона баронская, по срединѣ—графская, а съ лѣва—дворянская корона. Нашлемники съ боковъ представляютъ, съ каждой стороны, по три страусовыхъ пера; въ срединѣ-же,—два чорныхъ орлиныхъ крыла и между ними серебряное сердце, горящее пламенемъ.

Наметъ лазуревый съ подложкою золотомъ.

Щитодержцы: справа воинъ въ серебряныхъ латахъ съ малиновою перевязью черезъ правое плечо, держитъ въ правой рукѣ знамя, на древкѣ увѣнчанномъ мальтійскимъ крестомъ. Слѣва—бѣлый конь. Девизъ: *живу однимъ и для одного.*

Аргутинскіе-Долгорукіе

князья.

Грузинскіе князья Аргутовы, въ лицѣ самаго знаменитаго изъ представителей фамиліи ихъ, намѣстника Эчміадзинскаго патріарха, армянскаго архіепископа Іосифа, жившаго въ Россіи и управлявшаго духовными дѣлами своего исповѣданія,—за услуги, оказанныя съ 1782 года, особенно-же во время похода на Кавказъ графа В. А. Зубова, получили княжеское достоинство Россійской имперіи 22-го марта 1800 года, съ наименованіемъ Аргутинскихъ-Долгорукихъ.

Родъ ихъ въ отечествѣ очень древенъ, такъ что они,—конечно по легендарнымъ сказаніямъ,—ведутъ его отъ царя персидскаго Артаксеркса Долгорукова; какъ высокопреосвященный Іосифъ и указывалъ въ своемъ родословіи. Услуги возведеннаго въ русскіе князья архіепископа, такъ цѣнились высоко, что не подвергали критикѣ или сомнѣнію такое пресловутое родословіе. Между тѣмъ, въ составѣ русскихъ родовитыхъ князей, Аргутинскіе-Долгорукіе оказываются людьми новыми, на столько даже, что, кромѣ высокопреосвященнаго Іосифа, говоря о фамиліи, нами обозрѣваемой, представляется возможность еще указать на внука архіепископа — дѣятеля во время минувшей войны англо-французско-турецкой — князя Моисея Захаровича Аргутинскаго-Долгорукаго, генералъ-лейтенанта, генералъ-адъютанта, начальника войскъ въ при-каспійскомъ краѣ, тамъ управлявшаго и гражданскою частію. Что касается лица, доставившаго княжеское достоинство въ Россіи потомству своихъ братьевъ и племянниковъ, т. е. до самаго князя Іосифа Аргутинскаго, то онъ, безъ сомнѣнія, большіе бы доставилъ вѣсъ и значеніе своему роду, если бы не умеръ въ такое время, когда за всѣ минувшіе подвиги и труды, воля русскаго Государя и выборъ всѣхъ армянъ назначили его патріархомъ эчміадзинскимъ. Въ 1800 г., какъ извѣстно, нестало эчміадзинскаго патріарха Луки и ему въ преемники выбранъ 57-ми-лѣтній архіепископъ Іосифъ, обойдя старшаго въ санѣ, константинопольскаго армянскаго патріарха Даніила. Избранный, съ граматою императора Павла (30-го октября), отправился въ Грузію, черезъ Астрахань и прибывъ въ Тифлисъ, но недоѣхавъ еще до своей резиденціи и не дождавшись поставленія въ патріархи, умеръ въ столицѣ Грузіи, 9-го марта 1801 г. Знавшіе хорошо Іосифа увѣряли, что честолюбіе его неудовлетворено еще было патріаршествомъ и что думалъ онъ доставить престолъ одной изъ закавказскихъ землицъ-царствъ своему любимому племяннику Захарію, отцу героя Герчебильскаго.

Если это правда, то судьба, недавъ исполниться излишнимъ затѣямъ честолюбія, сыграла съ представителями рода князей Аргутинскихъ-Долгорукихъ, горькую шутку, заставивъ въ настоящемъ вѣкѣ, занимать, болѣе или менѣе скромныя должности по администраціи тифлисской губер-

ніи. Старшій внукъ Іосифа кн. Иванъ Захаровичъ былъ (1823) попечителемъ Тифлисскаго Благороднаго училища.

Князь Моисей Захаровичъ, скончавшійся въ Тифлисѣ 20 февраля 1855 года на 58-мъ году жизни, послѣ долговременной тяжкой болѣзни, составилъ себѣ громкую репутацію на Кавказѣ, какъ воинъ и умный администраторъ. Получивъ первоначальное образованіе на родинѣ, онъ прослужилъ 10 лѣтъ въ Петербургѣ (1817—27) и затѣмъ посвятилъ себя кавказской боевой жизни. Онъ отличился при взятіи Эривани, прогналъ Лазовъ при Хартѣ, (1820 г); разбилъ Лезгинъ при новыхъ Закаталахъ (5 ноября 1830.). Усмиривъ Куртинцевъ (1833), съ своимъ тифлискимъ полкомъ первый пришолъ на мысъ Адлеръ (1837); прогналъ Лезгинъ отъ Нухи (1838) и усмирилъ Гурію (1841 г). За разбитіе Шамиля при Кюлюли (1841 г). произведенъ въ генералъ-маіоры. Въ 1845—6 год. отличился съ самурскимъ отрядомъ, и 1 янв. 1847 назначенъ Дербентскимъ воен. губ., а 8 ноября того же года онъ занялъ постъ начальника прикаспійскаго края.

За послѣдніе десятки лѣтъ онъ самое знаменитое лицо фамиліи, давшей также и нѣсколькихъ уѣздныхъ чиновниковъ. Такъ, напримѣръ, князь Михаилъ Андреевичъ ст. сов. былъ въ послѣднее время (1871) помощникомъ управляющаго Закавказскою Казенною Палатою. Маіоръ кн. Павелъ Парсадановичъ (1862) былъ помощникомъ Шемахинскаго Уѣзднаго Начальника.

Упомянемъ еще князей: Михаила Павловича (1848) тифлисскаго уѣзднаго предводителя дворянства и Николая Давидовича — предводителя дворянства Тираспольскаго уѣзда (1860).

Гербъ рода князей Аргутинскихъ - Долгорукихъ (общій гербовникъ ч. V, № 6), представляетъ щитъ, разсѣченный сперва, перпендикулярно, на двое. Въ правой половинѣ щита, въ золотомъ полѣ, изображонъ возникающій до половины русскій государственный орелъ, имѣющій на груди мальтійскій крестъ, въ которомъ вензеловая начальная буква имени императора Павла I,—даровавшаго роду русское княжеское достоинство. Лѣвая-же половина гербоваго щита горизонтально еще разсѣчена на двое. Въ верхнемъ от-

рѣзкѣ, въ червленномъ полѣ, изъ облака выходитъ рука въ серебряныхъ латахъ, держащая мечъ. Въ нижнемъ-же отрѣзкѣ, въ лазуревомъ полѣ, стоящій левъ держитъ въ лапахъ: въ правой булаву золотую, и въ лѣвой, золотой-же щитъ.

Гербовый щитъ помѣщонъ на развернутой горностаевой мантіи и увѣнчанъ княжескою русскою короною.

Царственный домъ Романовыхъ.

Внизу главнаго щита на государственномъ гербѣ, помѣщается собственный гербъ Его Императорскаго Величества, въ правой половинѣ щита

Гербъ царственнаго рода Романовыхъ: въ серебряномъ полѣ червленный грифъ, держащій золотые: мечъ и тарчъ (щитъ съ выпуклымъ укрѣпленіемъ въ серединѣ), увѣнчанный малымъ орломъ. На чорной каймѣ гербоваго щита восемь оторванныхъ львиныхъ головъ: четыре золотыя и четыре серебряныя.

Помѣщая гербъ, считаемъ нужнымъ привести судьбу собственно боярскаго рода Романовыхъ. Родъ этотъ въ годъ кончины царя Михаила Өедоровича, уже имѣлъ единственныхъ представителей въ лицѣ Государя да его семейства.

Происхожденіе свое Романовы вели отъ одного потомка Видвута, князя Литовскаго, переселившагося «изъ Пруссъ»

въ XIII вѣкѣ и, по принятіи православія, названнаго Іоанномъ: Сынъ его Андрей Васильевичъ (кобыла) былъ бояриномъ московскимъ при Симеонѣ Гордомъ и ѣздилъ въ Тверь за невѣстою этого государя. Отъ пятаго изъ сыновей Андрея Ивановича (кобылы)—Ѳедора Андреевича, происходятъ Захарьины-Юрьевы и отъ нихъ *Романовы.* Родоначальникомъ Захарьиныхъ оказывается праправнукъ боярина Андрея Ивановича — Юрій Захарьевичъ (сынъ Захарія Ивановича, внукъ Ивана Ѳедоровича, правнукъ Ѳедора Андреевича). Юрій Захарьевичъ былъ второй изъ трехъ сыновей своего отца, бояринъ Іоанна III (1493 г.), въ 1500 году взявшій своему государю отъ Литвы Дорогобужъ и въ 1504 году умершій. Изъ шести сыновей его *) четверо пережили отца и трое дожили до царствованія Іоанна Грознаго: Михаилъ Юрьевичъ, бояринъ Василія (1521 г.), ум. 1538 г., Григорій Юрьевичъ, бояринъ Іоанна IV (1547 г.), умеръ въ монашествѣ съ именемъ Гурія, 1-го марта 1567 г., и Романъ Юрьевичъ, умершій въ санѣ окольничаго 16-го февраля 1543 года.

Этотъ-то Романъ Юрьевичъ Захарьинъ и есть родоначальникъ вѣтви или *рода Романовыхъ*, оказывающихся,—по происхожденію отъ одного родоначальника,—въ свойствѣ съ фамиліями: Жеребцовыхъ, Елкиныхъ, Вантѣевыхъ, Гавшиныхъ, Кошкиныхъ, Гольтяевыхъ, Беззубцевыхъ, Дурновыхъ, Брехиныхъ, Козаковыхъ, Яковлевыхъ, Ляцкихъ, Юрьевыхъ, Шереметевыхъ и нѣкоторыхъ другихъ.

Романъ Юрьевичъ Захарьинъ былъ, кажется, женатъ на двухъ женахъ, изъ которыхъ отъ первой были сыновья: Долматъ, Данило и Никита Романовичи и дочь Анна Романовна, бывшая за княземъ Андреемъ Ѳедоровичемъ Сицкимъ; а отъ второй же—Ульяны Ивановны,—дочь Анастасія Романовна, сдѣлавшаяся первою супругою царя Іоанна IV Грознаго (13-го февраля 1547 г.). Проживъ съ Іоанномъ тринадцать лѣтъ, Анастасія была матерью шестерыхъ дѣтей **)

---

*) Изъ нихъ двое умерли при жизни отца: Василій Юрьевичъ (15-го іюля 1498 г.) и Иванъ Юрьевичъ (6-го іюля 1503 г.).

**) Отъ Анастасіи Романовны были у Іоанна Грознаго дѣти: 1) царевна Анна (род. 18-го августа 1549 г., ум. въ августѣ 1550 г.). 2) царевна *Марія* (род. 17-го марта 1551 г., ум. въ млад.). 3) царевичъ *Димитрій* (род. 11 октября 1552 г., ум въ іюнѣ 1553 г.). 4) царевичъ Іоаннъ

и умерла всего лѣтъ тридцати отъ роду (7-го августа 1560 г.). Со смертью ея прошли красные дни для Россіи — Іоаннъ сталъ, въ полномъ смыслѣ слова, *Грознымъ* для своихъ подданныхъ. Для родныхъ первой жены своей царь Іоаннъ IV былъ однако благосклоненъ, особенно для братьевъ. Изъ нихъ старшій, послѣ умершаго (5-го сентября 1543 г.), въ слѣдъ за отцомъ—Долмата Романовича—Данило Романовичъ, герой Казани и Ливоніи, мужественный воевода, бояринъ (1547 г.), былъ дворецкимъ (1548 г.) и умеръ 27-го ноября 1565 г., не оставивъ отъ двухъ жонъ прямого потомства: сыновья умерли въ младенчествѣ, а дочери были за мужемъ: одна за Шестуновымъ, другая за княземъ Оболенскимъ. Такъ, что продолжателемъ рода оказывался младшій изъ братьевъ, Никита Романовичъ, начавшій службу въ 1524 году, въ 1549 г. сдѣланный окольничимъ, а въ 1563 году бояриномъ. Въ 1585 г., имѣя отъ роду лѣтъ семьдесятъ слишкомъ, онъ постриженъ въ монашество, съименемъ Нифонта, и въ 1586 г. 23-го апрѣля умеръ схимникомъ; отъ двухъ жонъ оставивъ шесть сыновей, да четыре дочери. Отъ первой жены, о которой мы знаемъ только, что звали ее Варварой и умерла она 18-го іюня 1552 года—имѣлъ Никита Ивановичъ, вѣроятнѣе, только дочерей: Анну Никитишну, бывшую замужемъ за княземъ Иваномъ Ѳедоровичемъ Троекуровымъ (ум. 6-го декабря 1586 г.), *Евфимію* Никитишну, бывшую за княземъ (Софрономъ) Иваномъ Васильевичемъ Сицкимъ, бояриномъ въ 1585 г., подвергшимся ссылкѣ при Годуновѣ (1601 г.) ***), вмѣстѣ съ женою.

Въ началѣ 1601 года подкупленный обѣщаніемъ награды и подъученный холопъ крайчаго Александра Никитича Романова—Второй Бортеневъ подалъ извѣтъ, будто-бы его господинъ держитъ травное зелье для отравы царя Бориса и по этому безсмысленному обвиненію, всѣ братья Романовы посланы въ ссылку, разлучены съ супругами, и пострижены.

Княгиня Евфимія Никитишна Сицкая во время гоненія,

(род. 28-го марта 1554 г., убитъ отцомъ 19-го ноября 1582 г.). 5) царевна Евдокія (род. 26-го февраля 1556 г., ум. 1558 г.) и 6) Ѳедоръ Іоанновичъ, царь, (род. 11-го мая 1557 г., ум. 7-го января 1598 г.).

***) И умершимъ въ монахахъ въ Кожеозерскомъ монастырѣ (23-го марта 1608 г.).

была пострижена съ именемъ Евдокіи и умерщвлена въ Сумскомъ острогѣ 8-го апрѣля 1602 г.

Кажется, впрочемъ, что *отъ первой-же жены* былъ у Никиты Ивановича и сынъ *Ѳедоръ Никитичъ*, въ 1587 году получившій боярство, а въ 1601 году постриженный съ именемъ Филарета, въ Антоніевомъ Сійскомъ монастырѣ.

По смертигонителя рода Романовыхъ—царя Бориса,-самозванцемъ возведенный въ ростовскіе митрополиты и, въ 1610 году, посланный съ княземъ Голицынымъ въ станъ Сигизмунда договариваться о королевичѣ Владиславѣ, Филаретъ, въ противность правъ народныхъ, удержанъ въ плѣну въ Польшѣ. По освобожденіи же, возведенный въ московскіе патріархи (1618 г.), онъ умеръ, слишкомъ 80-ти лѣтъ 1-го октября 1633 года.

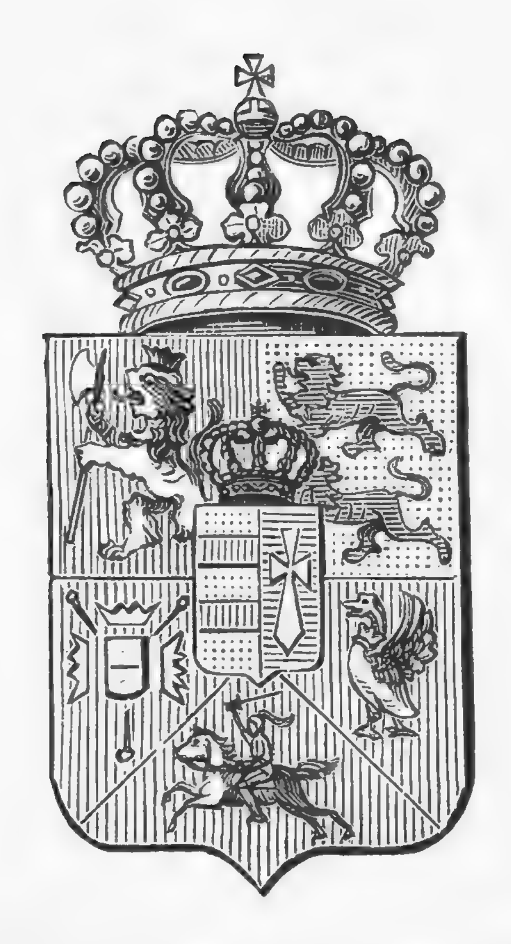
Мы знаемъ только одну жену Ѳедора (Филарета) Никитича—княжну Ксенію Ивановну Шестову, отъ которой имѣлъ онъ дѣтей: 1) Татьяну Ѳедоровну, бывшую за княземъ Иваномъ Михайловичемъ Катыревымъ-Ростовскимъ и умершую 4-го ноября 1612 года; 2) Бориса Ѳедоровича, умерш. въ младенчествѣ (20-го ноября 1593 г.); 3) Никиту Ѳедоровича, умершаго въ младенчествѣ (29-го ноября 1593 г.); 4) *Михаила Ѳедоровича*, родившагося 12-го іюля 1596 г., воспитаннаго съ 1601 по 1606 годъ теткою Марѳою Никитишной, а потомъ матерью, и 21-го февраля 1612 года выбраннаго народомъ въ цари,—въ качествѣ ближайшаго изъ прямыхъ потомковъ незабвенной царицы Настасьи Романовны,—и умершаго послѣ 33 лѣтъ царствованія, 12 іюля 1645 года. 5) Левъ Ѳедоровичъ, умеръ еще на первомъ году возраста 21-го сентября 1597 г. и 6) Иванъ Ѳедоровичъ, въ младенчествѣ-же умеръ. 7-го іюня 1599 г. извѣстны по синодику.

Ксенія Ивановна, разлученная съ супругомъ, при постриженіи наречена Марѳою. Съ воцареніемъ сына, она жила при дворѣ его, называясь *великою старицею* и скончалась 27-го января 1631 г. Послѣ Ѳедора Никитича слѣдують дѣти, *несомненно отъ второго брака отца* его *съ дочерью князя* Александра Борисовича *Горбатаго княжною Евдокіею Александровною* Горбатою (Шуйской). Она умерла 4-го апрѣля 1581 г., подаривъ мужу дѣтей: 1) Льва (ум. въ молодыхъ лѣтахъ 5-го февраля 1595 г.), 2) Михаила, окольничаго (умершаго въ ссылкѣ въ Перми 18-го марта

1605 г.), 3) Александра, крайчаго-боярина (1599 г.), умершаго въ ссылкѣ 15-го марта 1605 г., 4) Никифора—Василія (ум. въ ссылкѣ въ Пелымѣ 15-го февраля 1601 г.); и 5) Ивана.

Кромѣ сыновей, были у Никиты Ивановича Романова еще дочери: 1) Ульяна (ум. въ младенчествѣ 1565 г.), 2) Мареа, бывшая за княземъ Борисомъ Камбулатовичемъ Черкасскимъ, съ нимъ и сосланная, но, по смерти его (25-го апрѣля 1602 г.) возвращенная изъ ссылки и умершая 1610 г., да 3) Ирина Никитишна, при возвращеніи сестры Марфы, выданная за боярина Ивана Ивановича Годунова и дожившая до дней внука,—царя Алексѣя Михайловича; на свадьбѣ его замѣняя мѣсто матери.

Иванъ Никитичъ Романовъ, по смерти брата Василія Никитича, переведенъ изъ Пелыма въ Уфу, а оттуда на службу въ Нижній Новгородъ; возвращенъ изъ ссылки самозванцемъ, сдѣланъ бояриномъ (1605 г.) и дожилъ до 1640 г. Вскорѣ по возвышеніи въ боярство, онъ вступилъ въ бракъ съ Ульяною Өедоровною (ум. 1650 г.), и отъ нея имѣлъ дѣтей: Никиту Ивановича (рожд. около 1607 г. и ум. 1655 г. 11-го декабря), боярина въ 1645 г. и дворецкаго, неимѣвшаго потомства. Со смертью его боярскій родъ Романовыхъ прекратился, оставляя только царскій домъ. Потому что, дѣти Ивана Никитича: Андрей († 25-го апрѣля 1609 г.), Димитрій (4-го ноября 1611 г.), Прасковья I-я († 27-го декабря 1611 г.), Ирина († 10-го сентября 1615 г.), Прасковья II-я († 25-го октября 1622 г.) и Иванъ († 30 іюля 1625 г.),-умерли либо въ дѣтствѣ, или во младенчествѣ.

Гербъ Шлезвигъ-Голштинскій.

Начиная повѣтсвованіе о гербѣ царсвеннаго рода. Романовыхъ, мы уже упомянули о мѣстѣ нохожденія родового Его Императорскаго Величества, заключающагося въ помѣщонныхъ на одномъ щитѣ гербахъ: рода Романовыхъ и Шлезвигъ-Голштинскомъ.

Гербъ Голштинскій, помѣщонный въ лѣвой половинѣ, представляетъ щитъ четверочастный съ особою оконечностью и малымъ по срединѣ щиткомъ. Въ первой, верхней лѣвой части помѣщонъ гербъ норвежскій: въ червленномъ полѣ стоящій, золотой коронованный левъ, въ переднихъ лапахъ держащій серебряную алебарду. Ниже норвежскаго герба (между нимъ, среднимъ щиткомъ и оконечностью), въ такъ называемой *третьей* части, общаго щита, гербъ Голштиніи. Это въ червленномъ полѣ, посрединѣ малый щитъ, раздѣленный горизонтально на серебряное и крас-

ное поле (внизу), къ краямъ щитка этого прислонены съ боковъ и сверху разрѣзанныя части серебрянаго листа крапивы (или полосы мѣха, вырѣзанныя къ наружѣ зубчиками), между ними же діагонально къ верхнимъ угламъ средняго щита и перпендикулярно къ нижней дугѣ его (краснаго поля) расположены три серебряные гвоздя, шляпками къ наружнымъ сторонамъ щита. Съ правой стороны, въ верхней половинѣ общаго гербоваго щита, по принятому численію,—во *второй* части его—гербъ Шлезвига: въ золотомъ полѣ два лазуревые *леопардные* (т. е. горизонтально одинъ подъ другимъ, а не вертикально къ землѣ, стоящіе) *льва*. Подъ гербомъ Шлезвига,-въ *четвертой* части щита—гербъ Стор-маркскій: въ червленномъ полѣ серебряный лебедь съ распущенными крыльями и чорными ногами, имѣющій на шеѣ золотую графскою корону. Въ нижней оконечности (между малымъ щиткомъ и гербами голштинскимъ и стор-маркскимъ) гербъ Дитмарсенскій: въ червленномъ полѣ на серебряномъ конѣ и черномъ седлѣ, въ золотыхъ доспѣхахъ, всадникъ съ поднятымъ мечемъ для пораженія. Малый щитокъ, въ срединѣ главнаго, украшенъ великогерцогскою короною и представляетъ поле, разсѣченное вертикально на двое: въ правой половинѣ его, гербъ Ольденбурга, а въ лѣвой—Дельменгорста. Ольденбургскій гербъ представляетъ въ золотомъ полѣ двѣ горизонтальныя полосы червленнаго цвѣта. Гербъ же дельменгарстскій представляетъ въ лазуревомъ полѣ длинный золотой крестъ съ нижнемъ острымъ концомъ. Главный гербовый щитъ увѣнчанъ королевскою короною.

Что касается генеалогіи княжескаго шлезвигъ-голштинскаго рода, то происхожденіе свое ведетъ онъ отъ сына графа Дидриха Ольденбургскаго и второй супруги его Гедвиги (сестры Адольфа VIII, герцога шлезвигскаго и графа голштинскаго)—Христіана I (род. 2455, ум. 1481 г.), въ 1448 г. выбраннаго въ датскіе короли, въ 1450 г. — въ короли Швеціи, въ 1456 г. — въ короли Норвегіи, а въ 1459 получившаго послѣ дяди въ наслѣдство герцогство Шлезвигъ и графство Голштинію, которое въ 1474 г. императоромъ Фридрихомъ III, возведено на степень герцогства. Второй сынъ Христіана I, Фридрихъ I (1471 —1533) десяти лѣтъ отъ рожденія герцогъ Шлезвига и Голштиніи, за 10

лѣтъ до смерти выбранный въ короли датскіе, есть, собственно глава линіи датскихъ королей, занимавшихъ съ XVI вѣка престолъ этой страны до 1863 года, когда родъ Фридриха I совсѣмъ уже прекратился въ лицѣ короля Фридрихя VII (род. 1808 и сконч. 55 лѣтъ отъ роду). Отъ младшаго же сына короля датскаго Фридриха I, а именно, отъ Адольфа (1525 — 1586) ведетъ начало и родъ голштейнъ-готторпскихъ герцоговъ, прямымъ потомкомъ которыхъ былъ супругъ старшей дочери императора Петра I, герцогъ голшинскій Карлъ-Фридрихъ.

Линія его рода отъ начала ведется такъ. Герцогъ Адольфъ, отъ брака съ Христиною, дочерью ландграфа Филиппа гессенскаго имѣлъ десять человѣкъ дѣтей обоего пола, изъ которыхъ 4-я (по порядку), дочь—Христина была въ бракѣ за королемъ шведскимъ Карломъ IX и сдѣлалась матерью знаменитаго Густава II Адольфа; седьмой (по порядку) братъ ея Іоганъ-Адольфъ (род. 1575 ум. 1616 г.) въ дѣтствѣ еще архіепископъ бременскій (1586 г.) и епископъ любскій (159) г.), сдѣлавшись потомъ герцогомъ готторпскимъ, въ 1596 году женился на принцессѣ Августѣ, дочери датскаго короля Фридриха II. Первый сынъ, родившійся отъ этого брака (1597) былъ Фридрихъ III, послѣ отца герцогъ готторпскій, на 52 году отъ роду получившій (1658) въ суверéнное владѣніе герцогство Шлезвигъ. Отъ брака съ Маріею-Елизаветой, дочерью курфирста Іоганна-Георга саксонскаго, Фридрихъ III имѣлъ 9 дочерей и 7 сыновей. Четвертая дочь его Гедвига-Элеонора была замужемъ за Карломъ X, королемъ шведскимъ, а пятый сынъ, Христіанъ Альбрехтъ (1641—1694)—14-ти лѣтъ отъ роду епископъ любскій,—спустя четыре года наслѣдовалъ затѣмъ родителю во владѣніи готторпскою частью Голштиніи и Шлезвига, не разъ изгоняемъ былъ датскимъ оружіемъ изъ своихъ владѣній, но въ 1689 г. дождался полнаго подтвержденія правъ своихъ. Вступивъ въ 1667 г. въ бракъ съ принцессою Фридерикою-Амаліею, дочерью датскаго короля Фридриха III, герцогъ Христіанъ-Альбрехтъ оставилъ четырехъ дѣтей. Старшій изъ сыновей Фридрихъ IV (1671—1702 г.) женился 27-ми лѣтъ отъ роду на шведской принцессѣ Гедвигѣ-Софіи (1681 — 1708), дочери короля Карла XI и сестрѣ Карла XII. Герцогъ гол-

штинскій за приверженность свою дѣлу своего царственнаго шурина, имъ горячо любимаго, заплатилъ жизнью, павъ въ бою при Клиссовѣ. Онъ оставилъ въ сиротствѣ единственнаго сына, принца Карла-Фридриха, по смерти матери и при несчастіи дяди, потерявшаго свои наслѣдственныя владѣнія. Но, въ то время, когда казалось все было противъ него, Петръ I, убѣжденный министромъ шведскимъ Герцемъ, принялъ участіе въ судьбѣ сироты, владѣтеля Голштиніи только по имени, и въ 1724 году обручилъ съ нимъ свою старшую дочь отъ Екатерины I, цесаревну Анну Петровну. Бракъ ихъ высочествъ совершился въ годъ смерти Великаго Петра (20 мая 1725 г.). По смерти Екатерины I, герцогиня Анна Петровна должна была съ супругомъ воротиться въ его голштинскія владѣнія, и въ слѣдующемъ году (4 мая 1728) скончалась; въ исходѣ третьяго мѣсяца по рожденіи единственнаго сына, названнаго при рожденіи (10 февр. 1728 г.) Карломъ-Петромъ Ульрихомъ. Онъ же по смерти родителя (1739 г.) и по вступленіи на престолъ всероссійскій тетки его, императрицы Елизаветы Петровны, въ Петербургѣ принялъ православіе съ именемъ великаго князя Петра Ѳеодоровича. Державная тетка, вслѣдъ затѣмъ, соединила великаго князя Петра Ѳеодоровича съ принцессою Августою Ангальтъ-Цербстскою, дочерью двоюродной сестры его отца—Іоганны-Елизаветы принцессы голштинской же *). Супруга эта и преемница престола императора Петра III, — какъ и онъ принявшая еще до брака восточное православіе съ именемъ великой княгини Екатерины Алексѣевны, — была наша великая Екатерина II, мать императора Павла I, благодѣтельница Россіи, прославленная во всемъ мірѣ.

---

*) Она была 2-я дочь принца Христіана-Августа голштинскаго, младшаго брата Фридриха IV, дяди и администратора владѣній герцога Карла-Фридриха во время сиротства его, до совершеннолѣтія.

Князья Пожарскіе.

Къ числу многихъ родовъ историческихъ дѣятелей въ отечествѣ, угасшихъ, почти вслѣдъ за прославленіемъ фамиліи величайшими изъ представителей ея,—принадлежатъ и князья Пожарскіе;—изъ младшей вѣтви которыхъ вышелъ спаситель отечества, въ тяжкую годину самозванцовъ и междуцарствія.

Князья Пожарскіе вели свой родъ отъ сына великаго князя Всеволода Юрьевича—Ивана, получившаго въ удѣлъ (1238 г.) г. Стародубъ *клязескій*.

По своему клязескому удѣлу, потомки этого князя стали называться *стародубскими*. Сынъ Ивана Всеволодовича, Михайло Ивановичъ (ум. 1315 г.) писался первымъ съ этимъ прозваніемъ. Младшій правнукъ его, кн. Андрей Ѳедоровичъ, ходившій съ Дмитріемъ Донскимъ на Михаила Тверскаго (1375 г.), имѣлъ четырехъ сыновей, изъ которыхъ старшій — Василій Андреевичъ, получивъ въ удѣлъ разоренную пожаромъ волость Радогость, прозвался *Пожарскимъ*, передавъ и вотчину и прозваніе единственному сыну своему кн. Даніилу Васильевичу, у котораго былъ тоже одинъ сынъ, князь Ѳедоръ Даниловичъ. У него-же было пять сыновей, князья: Иванъ большой *Черный*, Ѳедоръ, Семенъ, Василій и Иванъ *меньшой* Ѳедоровичи.

У Ивана Б. Ѳедоровича было четыре сына: *Василій* Ивановичъ *Рубецъ*, *Иванъ* Ивановичъ *Быкъ*, *Михаилъ* Ивановичъ *Столбъ* и *Иванъ* Ивановичъ *меньшой*. Потомства ихъ мы незнаемъ. Оно осталось отъ трехъ прочихъ сыновей князя Ѳедора Даниловича Пожарскаго. Князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ, въ монашествѣ Ѳеогностъ, отъ брака съ княгинею Анною, упоминаемою въ документѣ 1519 года, имѣлъ четырехъ сыновей: князя Василія Ѳедоровича, прозваннаго

медвѣдь и умершаго бездѣтнымъ, кн. Бориса Өедоровича *долгаго,* женатаго на Евдокіи, кн. Ивана Өедоровича убитаго подъ Казанью (1552 г.) и кн. Тимофея Өедоровича, женатаго на княгинѣ Прасковьѣ и имѣвшаго отъ брака съ нею одного сына кн. Петра Тимофѣевича, упоминаемаго въ грамотѣ 1572 года. Петръ Тимофѣевичъ прозваніемъ *Щепа* въ 1580 году былъ вятскій намѣстникъ, а въ 1600 г. воевода въ Уржумѣ. У Петра Тимофѣевича мы знаемъ трехъ сыновей: Дмитрія *Лопату*, Ивана и Романа Петровичей. Всѣ три брата дѣйствовали подъ начальствомъ князя Дмитрія Михайловича, съ 1610 по 1612 годъ. Князь Дмитрій Петровичъ Лопата Пожарскій дворянинъ московскій, въ 1636 году сдѣланъ стряпчимъ. У него сынъ Борисъ.

Князь Романъ Петровичъ Лопата - Пожарскій, былъ дружкою царицы Евдокіи Лукьяновны Стрешневой, на свадьбѣ ихъ величествъ (1626 г.), съ женою (бывшею въ свахахъ) княгинею Авдотьею Андреевной, и кажется умеръ уже въ 1630 годахъ. У нихъ были сыновья Өедоръ и Семенъ Романовичи, изъ которыхъ послѣдній, вмѣстѣ съ двоюроднымъ братомъ своимъ княземъ Иваномъ Дмитріевичемъ Пожарскимъ, былъ въ рындахъ 1644 г. и окольничимъ 1648 года. У средняго же брата ихъ Ивана, былъ сынъ Өедоръ, о которомъ упоминается всего одинъ разъ. У князя Ивана Өедоровича было только двѣ дочери, княжны: Ефросинія Ивановна, бывшая за Иваномъ Ивановичемъ Мягковымъ и Аграфена Ивановна, за Степаномъ Невѣжинымъ Копнинымъ. У князя-же Бориса Өедоровича Пожарскаго, женатаго на княгинѣ Евдокіи, были сыновья: Семенъ, Михаилъ и Петръ Борисовичи.

Потомство было только отъ князя Петра Борисовича, прозваннаго *корова* и женатаго на (дочери кн. Семена Михайловича и княгини Пелагеи) княжнѣ Өедосьѣ Семеновнѣ Мезецкой. У нихъ были дѣти, князья: Иванъ Петровичь (ум. между 1571 и 1572 г.), Юрій (ум. тоже ранѣе 1572 г.), Александръ и княжна Варвара. Намъ извѣстенъ только сынъ князя Ивана Петровича, Өедоръ Ивановичъ, имѣвшій четырехъ сыновей, князей: Семена, Ивана, Василія и Өедора (упомин. 1590 г.).

3-й сынъ Өедора Даниловича, князь Семенъ Өедоровичъ, женатъ былъ на княгинѣ Евфросиніи, уже вдовѣвшей въ 1527

году, когда умеръ младшій сынъ ихъ князь Иванъ Семеновичъ, по душѣ котораго старшій братъ князь Данило Семеновичъ дѣлалъ вкладъ въ монастырь. Кромѣ Ивана и Данила, у Семена Ѳедоровича были еще младшіе сыновья Григорій и Тимофей.

Князь Василій Ѳедоровичъ, четвертый правнукъ родоначальника фамиліи Пожарскихъ, женатъ былъ на княгинѣ Анастасіи, упоминаемой въ документѣ 1565 года. У нихъ было три сына, князья: Петръ и Иванъ Васильевичи *черные* и кн. Козьма—Борисъ Васильевичъ *Голобокъ*. Князь Петръ Васильевичъ имѣлъ двухъ женъ: Ксенію, упоминаемую въ 1558 году и Варвару, извѣстную по документу 1565 года, гдѣ упоминается и сынъ—князь Иванъ Петровичъ; отъ котораго брака прижитый, впрочемъ, невидно. Мы знаемъ только имена сыновей Козьмы *Голобока*: Михаилъ, Семенъ и Тимофей, да извѣстно еще имя жены князя Ивана Васильевича Чернаго—Варвара, упоминаемая въ 1558—9 г.

Остается провести младшую вѣтвь князей Пожарскихъ, прославившую всю фамилію. Вѣтвь эта начинается княземъ Иваномъ Ѳедоровичемъ Третьякомъ *Меньшимъ*, — пятымъ сыномъ князя Ѳедора Даниловича, внука родоначальника фамиліи. Князь Иванъ Меньшой, отъ княгини Матрены (въ монашествѣ Марѳы) имѣлъ пять сыновей: Ѳедора, Ивана, Юрія, Якова, Петра и дочь княжну Анну; князь Ѳедоръ Ивановичъ, упоминаемый въ документахъ 1565 и 1568 года, оставилъ, въ свою очередь, двухъ сыновей: Михаила и Петра Ѳедоровичей. Князь Михаилъ Ѳедоровичъ былъ стольникъ при Іоаннѣ IV, отличившійся при взятіи Казани и въ Ливонской войнѣ. Онъ, отъ брака съ Марьею (Евфросиньею) Ѳедоровной Беклемишевой (1571 г.), имѣлъ трехъ дѣтей: Дмитрія, Василія (въ монашествѣ Вассіана), и N. M. изъ которыхъ, старшій, князь Дмитрій Михайловичъ, родившійся въ 1578 году и былъ спасителемъ Москвы и Россіи въ 1612 году. Выросъ онъ при дворѣ царя Бориса и въ 1603 году былъ уже стольникомъ. Мать его была при царицѣ Марьѣ Григорьевнѣ въ большой чести, соперничая съ княгинею Лыковой. Гибель семейства царя Бориса отъ самозванца, приведеннаго поляками, въ душѣ молодаго стольника князя Дмитрія Пожарскаго возбудила къ націи польской полнѣйшую антипатію, усиливъ привязанность къ своему

отечественному. При Шуйскомъ, князь Дмитрій Пожарскій, въ 1608 году въ первый разъ обнажилъ мечъ на защиту отечества отъ поляковъ и русскихъ измѣнниковъ. Защитивъ Коломну, тридцатилѣтній воевода разбилъ непріятелей при селѣ Волоцкомъ. Въ 1609 году, на берегахъ Пехорки Пожарскій уничтожилъ шайку злодѣя Салька, разбившаго уже двухъ воеводъ царскихъ (князя Литвинова-Мосальскаго и Сукина). Плѣненіе атамана очистило Владимірскую дорогу къ столицѣ. За эту услугу Пожарскій получилъ должность воеводы въ Зарайскѣ и отстоялъ этотъ городъ отъ попытокъ буйныхъ шаекъ самозванца. Въ 1610 году, освободивъ въ Пронскѣ Ляпунова, осажденнаго поляками, Пожарскій погнался за уходившими и разбилъ ихъ на голову въ Зарайскѣ. Въ 1611 г., на страстной недѣлѣ во вторникъ (19 марта) бьется мужественный воевода въ Москвѣ, укрѣпившись въ Острожкѣ на Срѣтенкѣ. Поляки, сбитые Пожарскимъ, ворвавшись въ тѣсные улицы Китая, ничего другаго не придумали для своего спасенія, кромѣ поджога домовъ при сильномъ вѣтрѣ, скоро разлившемъ волны пламени по всей Москвѣ.

Пожарскій отстаивалъ занятый имъ пунктъ и въ слѣдующіе дни, борясь съ превосходными силами отвсюду стремившихся на него враговъ, до тѣхъ поръ, пока, истекая кровью отъ ранъ, онъ не потерялъ сознанія и очнулся уже въ Троицкой лаврѣ, увезенный соратниками. До осени едва могъ доблестный патріотъ поправиться отъ тяжолыхъ ранъ, полученныхъ въ Москвѣ. Лечась въ своей отчинѣ въ Пурецкой волости (Балахнинскаго уѣзда), князь Д. М. вызванъ Мининымъ для принятія начальства надъ дружиною нижегородцевъ и лѣтомъ 1612 года уже выступилъ для прогнанія поляковъ изъ Москвы. Подойдя къ столицѣ и отбивъ подошедшаго было на выручку Ходкевича, Пожарскій, не смотря на противодѣйствіе, послѣ бѣгства атамана Ив. Заруцкаго, и другого начальника земскаго войска — боярина Дмитрія Т. Трубецкаго — довелъ поляковъ до сдачи Кремля (22 октября 1612 г.). Съ освобожденіемъ столицы выбранъ въ цари Михаилъ Өедоровичъ Романовъ и въ день коронованія его, стольникъ кн. Д. М. Пожарскій (11 іюля 1613 г.) пожаловалъ въ бояре. Еще разъ отвратилъ онъ бѣду отъ Москвы при походѣ Вла-

дислава (1618 г.), получивъ за этотъ подвигъ подарки и прибавку помѣстьевъ (въ сент. 1619 г.). Въ 1621 году онъ вѣдалъ *разбойный приказъ*; на обѣихъ свадьбахъ царя Михаила былъ вторымъ дружкою съ жениховой стороны, а первая жена его Прасковья Варѳоломѣевна, второй свахою. Съ 1628 по 1631 г. Пожарскій былъ воеводою въ Новѣгородѣ, а въ августѣ 1635 г., потерявъ жену, женился на другой—княжнѣ Ѳеодорѣ Андреевнѣ Голицыной.

Въ годъ второй женитьбы своей князь Д. М. Пожарскій назначенъ управляющимъ *суднымъ московскимъ приказомъ*. Въ послѣдній разъ имя спасителяотечества упоминается на царскомъ обѣдѣ 24 сент. 1641 г. Въ слѣдующемъ году, 20 апрѣля онъ уже не существовалъ.

У князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго было отъ первой жены три сына, князья: Петръ, Ѳедоръ и Иванъ Дмитріевичи. Изъ нихъ первые два были стольниками, а третій окольничимъ. Старшіе сыновья были уже рындами въ 1624 году, и второй изъ нихъ въ 1633 году умеръ. Князь Петръ Дмитріевичъ (стольникъ 1628 г.) умеръ въ 1648 г. Онъ отъ брака съ княгинею Анастасіей Григорьевной оставилъ: сына князя Василія Петровича и дочь княжну Евдокію Петровну (ум. 16 марта 1671 г.), бывшую въ первомъ бракѣ за бояриномъ Иваномъ Петровичемъ Шереметевымъ (ум. 1647 г.), а во второмъ за княземъ Юріемъ (Софоніею) Алексѣевичемъ Долгорукимъ, пережившимъ ее и убитымъ въ день перваго стрѣлецкаго бунта (1682 года). Со смертью княгини Евдокіи Петровны родъ старшаго сына спасителя Россіи прекратился. Второй сынъ его, (стольникъ 1628) князь Ѳедоръ Петровичъ умеръ бездѣтнымъ 23 декабря 1632 г. Третій сынъ, князь Иванъ Дмитріевичъ, стольникъ и окольничій 1658 г. вѣдалъ въ 1659 г. *челобитенный приказъ* и умеръ 1668 года. У него былъ сынъ Юрій Ивановичъ, стряпчій и стольникъ 1676 г., да дочь Марѳа, умершая въ младенчествѣ.

Игнатьевы.

(дворянскій родъ).

Прародителемъ древней фамиліи Игнатьевыхъ считается бояринъ В. К. Московскаго Симеона Ивановича Гордаго, выходецъ изъ Чернигова, Ѳедоръ Акинфіевичъ Бяконтъ—дѣдъ митрополита московскаго Св. Алексѣя (1293—1378). Второй братъ Святителя, Ѳеофанъ Ѳедоровичъ, имѣлъ прозваніе *Плещей* и сдѣлался родоначальникомъ дворянъ Плещеевыхъ. У Ѳедора Ѳеофановича были два сына: Степанъ и Даніилъ. Второй изъ нихъ имѣлъ опять двухъ сыновей: Константина и Ивана Даниловичей, изъ которыхъ у старшаго—старшій сынъ—Игнатій Константиновичъ сдѣлался родоначальникомъ фамиліи *Игнатьевыхъ*, нами теперь обозрѣваемой, а отъ брата его—Ивана Константиновича—ведутъ свое происхожденіе дворяне *Жеребцовы*.

Родоначальникъ Игнатьевыхъ и шесть сыновей его еще прозывались Плещеевыми, и только уже дѣти ихъ (2 сына перваго, 3 сына второго, 2 сына четвертаго и 5 сыновей пятаго брата) стали писаться Игнатьевыми въ началѣ XVI-го вѣка.

Важнѣйшее лицо фамиліи въ наше время — Павелъ Николаевичъ Игнатьевъ — представитель потомства младшей линіи,—тверской вѣтви, происходящей отъ Ивана Игнатьевича Плещеева и самаго младшаго изъ 5-ти сыновей его— Михайлы Ивановича Игнатьева, старшій изъ четырехъ сыновей котораго—Григорій Михайловичъ—былъ отцомъ Романа Григорьевича, съ котораго начинается родословіе фамиліи Игнатьевыхъ въ гербовомъ дѣлѣ д-та Герольдіи (1794 г. № 538).

Изъ представителей старшихъ линій рода Игнатьевыхъ, намъ удалось собрать о многихъ лицахъ указанія служебной дѣятельности. Константинъ Ѳедоровичъ *Темка* былъ намѣстникомъ въ Почепѣ (1557 года). Матвѣй Ивановичъ *Нехорошъ* убитъ въ Казанскомъ походѣ (1550 г.), а Матвѣй Дмитріевичъ—намѣстникъ въ Рославлѣ (1584 г.). Ѳедоръ Ивановичъ Игнатьевъ былъ при царѣ Михаилѣ воеводою: 1619 г. въ Боровскѣ, 1621—1622 года въ Серпуховѣ, а съ 1623 по 1625 г. въ Можайскѣ. Кажется, это одно лицо съ Ѳедоромъ меньшимъ Ивановичемъ постельничимъ (1636 г.), упоминаемымъ еще 1640 года. Сыновья Ѳедора Ивановича были: стряпчій Григорій Ѳедоровичъ (1640 г.) казненный 1650 г. и Ѳеофанъ Ѳедоровичъ — непоименованные въ росписяхъ, также какъ и сынъ Никиты Ивановича—Петръ Никитичъ, владѣвшій помѣстьемъ въ Смоленскомъ уѣздѣ по писцовымъ книгамъ 1626—29 г. (см. Д. Арх. Герольд. 1823 года № 44, по Смоленской губ.). Можетъ быть, впрочемъ, что Петръ былъ, христіанское имя *Племянника* Никитича, павшаго подъ Конотопомъ (убит. 1659 года). Двухъ братьевъ его служба намъ нѣсколько извѣстна. Изъ нихъ: Семенъ Никитичъ, патріаршій стольникъ (1629 года), былъ впослѣдствіи дворяниномъ московскимъ, упоминающимся въ боярскихъ книгахъ съ 1636 по 1648 годъ, а Калина Никитичъ—по родословной въ гербовомъ дѣлѣ называемый Каллиникомъ Романовичемъ,—извѣстенъ какъ дворянинъ московскій (1640—1658 г.). Изъ показанныхъ въ родослов-

ной сыновей Романа Григорьевича, Афанасій Романовичъ, владѣтель села Ширкова, записанъ былъ по городамъ Ржеву и Зубцову (по кн. боярской 1624—1625 г.), получивъ окладъ 160 четв. и вотчину, какъ значится изъ челобитья (1690 г.) его сыновей, Степана и Афанасія (ум. 1705 г.) Афанасьевичей. Братъ Афанасія, Михаилъ Романовичъ, по писц. кн. 1624—1625 г. по Ржеву, владѣлъ деревнею Карпуни. У него было восемь сыновей.

За царствованіе Михаила Өедоровича, изъ представителей разныхъ линій Игнатьевыхъ заслуживаютъ упоминанія непоименованные въ родословной: *Иванъ Александровичъ*, изъ патріаршихъ стольниковъ (1629 г.), дворянинъ московскій (упомин. въ боярск. книг. съ 1636 — 1644 г.), *Иванъ Логиновичъ* — Безсонъ, умерш. 1634 г. Братъ его Алексѣй Логиновичъ въ 1633 году посыланъ былъ смотрѣть весною воинскихъ людей на Валуйки, осенью возилъ Царскую грамоту боярину М. Б. Шеину подъ Смоленскъ, а 1635 г. назначенъ воеводою въ г. Ядринъ. Неупомянуты также въ родословной: стряпчій *Максимъ Михайловичъ* (1636—1640 годъ), коломенскій городской дворянинъ *Степанъ Семеновичъ* (1627—1629 г.), да стряпчій же *Иванъ Алексѣевичъ*, дожившій, въ качествѣ московскаго дворянина, до царствованія Өедора Алексѣевича (упомин. съ 1636 по 1677 г.).

При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, служили сыновья Никиты Третьяковича (старшей вѣтви отъ Өедора Васильевича Игнатьева)—*Иванъ Романовичъ*, дворянинъ московскій (упомин. 1665 — 1677 г.) и стряпчій *Савелій Романовичъ* (упомин. 1658—1676 г.), жившіе еще въ правленіе Софьи Алексѣевны (1686 г.). Изъ средней вѣтви—дворянинъ московскій *Артемій Михайловичъ* и изъ младшихъ вѣтвей: *Иванъ Алексѣевичъ* стряпчій (1658 г.), потомъ дворянинъ московскій (1668—1677 г.), да стольникъ *Петръ Ивановичъ* (1676 г.). При старшемъ сынѣ царя Алексѣя Михайловича являются лица, служившія и Петру І-му.

По старшей линіи рода Игнатьевыхъ, укажемъ на стряпчаго *Дениса* (Демида) *Ивановича* (упомин. еще 1692 года), брата его *Ивана Ивановича*, бывшаго въ 1689 г. стольникомъ, *Семена Максимовича Закладника*, московскаго дворянина, упомин. въ боярск. книгахъ 1677—1692 года, и трехъ братьевъ его, изъ которыхъ *Иванъ Максимовичъ* былъ

стряпчимъ, а *Петръ* и *Борисъ Максимовичи* изъ стряпчихъ выслужились въ *стольники* (1681—1682 года). Сынъ Артемья Михайловича, стольникъ *Иванъ Артемьевичъ*, (упомин. въ боярскихъ кн. 1686 — 1692 г.) не оставилъ, кажется, потомства, которое и отъ Петра Максимовича прекратилось въ лицѣ сына—*Артемія Петровича*. За то остается продолжающимся до нашихъ дней потомство стольника *Филона Афанасьевича*—тверской вѣтви—дожившаго до 1705 года. Это лицо приходится прадѣдомъ Павлу Николаевичу Игнатьеву, какъ мы увидимъ далѣе. Братъ Филона—*Наумъ Афанасьевичъ*, московскій дворянинъ 1692 г., потомства мужскаго не оставилъ. Изъ младшей же линіи, продолжающійся же родъ, идетъ еще отъ *Кириллы* (или Киріака) *Ивановича* стольника (1692 г.) изъ стряпчихъ, получившаго въ 1699 году въ вотчину, при похвальной грамотѣ, землю въ Соловскомъ стану (нынѣшн. Орлов. и Тульск. губ.)—Отъ него идетъ существующая въ Тульской губерніи вѣтвь древняго рода Игнатьевыхъ. Три брата Кириллы Ивановича: *Филиппъ* и *Савва*—стольники, да *Иванъ* стряпчій, умерли безъ потомства (покрайней мѣрѣ, намъ неизвѣстнаго).

Въ XVIII вѣкѣ, въ древнемъ родѣ Игнатьевыхъ, мы встрѣчаемъ вѣтви: старшую, среднія и младшія. Къ старшей вѣтви принадлежали праправнуки московскаго дворянина Калины Никитича: ст. сов. *Петръ Андреевичъ* Игнатьевъ, женатый на *Настасьѣ Дмитріевнѣ Безмѣновой*, и братъ его *Александръ Андреевичъ*, женатый на *Прасковьѣ Ивановнѣ Ивковой*. Третій братъ ихъ былъ *Илья Андреевичъ*; всѣ они оставили потомство. У старшаго былъ сынъ, Алексѣй Петровичъ, неоставившій потомства; изъ двухъ же сыновей втораго, оба были отцы значительныхъ семействъ. У перваго, Алексѣя Александровича, было три сына, изъ которыхъ отъ средняго, Павла Алексѣевича, осталось пять сыновей. (Дѣло Арх. Д-та Гер. Конт. № 86, по Тверской губ.)

Отъ *Дмитрія Александровича*, контръ-адмирала (род. 1770 г. и ум. 1839 г.), женатаго на Надеждѣ Алексѣевнѣ Нелединской-Мелецкой, намъ извѣстны: дочь—Любовь Дмитріевна, (род. 1799 г.) и пять сыновей. Всѣ они составляютъ тоже тверскую вѣтвь фамиліи. Изъ нихъ: генералъ-

лейтенантъ *Ардаліонъ Дмитріевичъ* Игнатьевъ (род. 1798, ум. 1851 года), женатъ былъ на *Аннѣ Өедоровнѣ Шишмаревой* и оставилъ двухъ сыновей: Александра и Михаила Ардаліоновичей. Второй братъ, Александръ Дмитріевичъ (род. 1800 г.), оставилъ тоже двухъ сыновей: Дмитрія и Петра Александровичей. Третій, *Алексѣй Дмитріевичъ* (род. 1803 г.) д. ст. сов., былъ саратовскимъ гражданскимъ губернаторомъ. У него, отъ брака съ *Прасковьей Александровной Воейковой,* три сына и дочь: Дмитрій Алексѣевичъ (род. 1837 г.), Александръ Алексѣевичъ (род. 1838 г.), Аркадій (род. 1839 — 1842 г.) и дочь, Екатерина Алексѣевна. Четвертый братъ—Владиміръ Дмитріевичъ (род. 1804 г.), женатый на Екатеринѣ Ивановнѣ, былъ въ чинѣ ротмистра, судьею въ Осташковскомъ Уѣзд. Судѣ (1845 г.). Изъ потомства его намъ только извѣстны три дочери, (Д. по Твер. губ., 1847 г. № 86), но мы вовсе не имѣемъ свѣдѣнія о младшемъ его братѣ, Николаѣ Дмитріевичѣ.

Изъ потомства стольника Филона Афанасьевича, намъ извѣстны, въ XVIII вѣкѣ (тверской вѣтви) сынъ указаннаго лица, *Иванъ Филоновичъ,* и внукъ *Николай Ивановичъ,* секундъ-маіоръ, помѣщикъ Осташковскаго уѣзда, служившій по выборамъ въ чинѣ надвор. сов. Онъ род. 1747 г., женатъ былъ на *Надеждѣ Егоровнѣ Извѣковой,* и умеръ 1800 г., вслѣдъ за исходатайствованіемъ утвержденія герба своей фамиліи. Николай Ивановичъ Игнатьевъ оставилъ единственнаго сына Павла Николаевича (род. 7 іюня 1797 года), нынѣ генерала-отъ инфантеріи и генералъ-адъютанта Е. И. В., члена госуд. совѣта, предсѣдателя комитета гг. министровъ, почотнаго члена: академіи наукъ, московскаго университета и медико-хирургической академіи. Послѣ курса въ московскомъ университетѣ, въ 1814 году П. Н. Игнатьевъ вступилъ въ Преображенскій полкъ подпрапорщикомъ. Въ чинѣ капитана находился при особѣ Импер. Николая I, на Дворцовой и Исаакіевской площадяхъ въ день 14-го декабря 1825 г., и того же мѣсяца, 21 числа, назначенъ флигель-адъютантомъ къ Е. И. В. Съ 1829 по 1834 г. выполнялъ Высоч. поруч. по комитету о преобразованіяхъ въ Оренбургскомъ краѣ, и, съ 23 мая 1834 г., въ теченіи 12 л. былъ директоромъ пажескаго корпуса. Во время состоянія въ этой должности, выполнилъ онъ Высочайшее

поруч. о размѣнѣ ратификацій брачнаго договора Е. И. В. Государыни Великой Княгини Маріи Николаевны, съ герцогомъ Максимиліаномъ Лейхтенбергскимъ. Съ Его Высочествомъ возвратясь въ Петербургъ 20-го мая 1839 г., 6-го іюля 1846 года назначенъ исправляющимъ должность дежурнаго генерала главнаго штаба Е. И. В. и въ томъ же году утвержденъ въ этой должности, съ назначеніемъ въ генералъ-адъютанты. 1848 г. ноября назначенъ попечителемъ медико-хирургической академіи; 26-го авг. 1852 г. назначенъ членомъ госуд. совѣта; іюня 2-го 1853 г. опредѣленъ генералъ губернаторомъ Витебскимъ, Могилевскимъ и Смоленскимъ, а 28 декабря 1854 г.—С.-Петербургскимъ; завѣдуя, затѣмъ, управленіемъ въ столицѣ по 4 ноября 1861 г. А 1864 г. ноября 16, назначенъ предсѣдателемъ коммисіи Прошеній. Отъ брака съ дочерью секундъ-маіора, Марьей Ивановною Мальцовой (кавалерств. дамой орд. Св. Екатерины), у П. Н. Игнатьева дѣти: *Николай Павловичъ* (род. 17-го января 1832 г.) генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ, посолъ въ Константинополѣ, бывшій директоръ Азіатскаго департамента министерства иностранныхъ дѣлъ. *Алексѣй Павловичъ* (род. 22 мая 1842 г.), флигель-адъютантъ, командиръ Курляндскаго лейбъ-уланскаго полка. *Павелъ Павловичъ* (род. 5-го іюня 1848 г.), штабсъ-ротмистръ л.-гв. гусарскаго Е. И. В. полка. *Надежда Павловна*, (род. 2-го ноября 1828 года), въ замужествѣ за княземъ Энгалычевымъ. *Капитолина Павловна* (род. 21 сент. 1829 г.) и *Ольга Павловна*, (род. 1-го авг. 1837 г.), замужемъ за генералъ-маіоромъ свиты Е. И. В., Гродненскимъ губернаторомъ Зуровымъ.

Вѣтвь болѣе младшая, чѣмъ отъ Филона Афанасьевича, идетъ отъ младшаго брата Афанасія Романовича—Михаила, о которомъ мы уже упоминали. Правнуками Михаила Р. были: Андрей—и Иванъ Михайловичъ (генер.-маіоръ). У перваго изъ нихъ былъ одинъ сынъ Александръ Андреевичъ, сынъ котораго, Матвѣй Александровичъ (род. 1769 г.), женатъ былъ на дочери извѣстнаго фабриканта, дворянина, Авдотьѣ Ивановнѣ Затрапезной. Отъ Ивана Михайловича родились два сына: Семенъ и Афанасій Ивановичи, отъ перваго было два, а отъ втораго — три сына, потомство которыхъ указать далѣе мы не имѣемъ теперь возможности.

Изъ потомства Кириллы (Киріака) Ивановича стряпчаго и потомъ стольника, потомство тоже продолжается до нашего времени. Сынъ этого лица, ПетръКирилловичъ, началъ службу въ 1700 г., въ 1719 г. дослужился до капитана и въ отставку (1725 г.) выпущенъ маіоромъ. Сынъ его Борисъ Петровичъ, женатый на Пелагеѣ Гавриловнѣ NN, служилъ въ Семеновскомъ полку и выпущенъ секундъ-маіоромъ 1733 г. У этой четы былъ сынъ Иванъ Борисовичъ (род. 1748 г.), вышедшій въ отставку поручикомъ. Отъ него происходитъ тульская вѣтвь помѣщиковъ Ефремовскаго и Крапивенскаго уѣздовъ. Сыновей Ивана Борисовича указываетъ родосл. кн. Долгорукова—только трехъ: Дмитрія, Кирилла и Іосифа Ивановичей. Мы знаемъ еще четвертаго, помѣщика Крапивенскаго уѣзда, Григорія Ивановича, сержанта гвардіи, отставленнаго прапорщикомъ и женатаго на княжнѣ Екатеринѣ Семеновнѣ Козловской. Унихъ было четыре сына: Михаилъ Григ. (р. 1813 г.), Николай (р. 1814 г.), Александръ (1823 г.) и Алексѣй (1826 г.). Изъ указанныхъ въ Родосл. кн. (ч. 4. стр. 111) сыновей Ивана Борисовича, мы можемъ указать потомство только отъ помѣщика Ефремовскаго уѣзда, Кирилла Ивановича, поручика (род. 1746 г.), женатаго на Иринѣ Ѳедоровнѣ (Д. Арх. Д-та Герольд. по Тульск. губ. 1827 г. № 4.) Унихъ были дочь и сыновья: Иванъ Кирилловичъ (род. 1810 г. 22-го марта), Михайло Кирилловичъ (род. 1820 г.), Петръ Кирил. (р. 1829 г.) и Марья Кирилловна (р. 1818 г.) — см. Д. Арх. Д-та Гер. по Тульск. губ. 1832 г. № 18.

Совсѣмъ непоказаны въ родословной книгѣ кн. Долгорукова, слѣдующіе представители древняго рода Игнатьевыхъ.

Орловская вѣтвь дворянъ Игнатьевыхъ (Д. 1855 года № 17, по Орл. губ.) ведетъ свое происхожденіе отъ Брянскаго городскаго дворянина Ѳомы Ивановича, внукъ котораго, Никита Евстафьевичъ, былъ поручикъ 1734 г. и оставилъ сына Алексѣя Никитича, подпоручика Курск. полка (1764 г.), помѣщика 44 душъ въ дер. Бабичи. Сынъ его былъ брянскимъ исправникомъ (1796 г.) и имѣлъ двухъ сыновей: Николая и Василія Сергѣевичей. Первый изъ нихъ штабсъ-капитанъ, въ бракѣ съ Анной Петровной (по второму

мужу Гардениной) прижилъ сына Сергѣя Николаевича (р. 1822 г.) и 4 дочерей.

Еще моложе вѣтви отъ Кириллы (Киріака) Ивановича приходится родъ Луки Ѳедоровича, сына *Ѳедора Ивановича меньшаго,* постельничаго. Сынъ Луки Ѳед., Степанъ Лукичъ, былъ генералъ-поручикъ (умер. 1747 г.).

Отъ коломенскаго дворянина Степана Семеновича, въ четвертомъ колѣнѣ, было четыре брата: Андреянъ, Максимъ, Семенъ и Алексѣй Мироновичи. У младшаго изъ нихъ былъ сынъ Левъ Алексѣевичъ, подпоручикъ (ум. 1798 г.), оставившій четырехъ дочерей и сына. Это вѣтвь тоже тульскихъ дворянъ (см. Д. по Тульск. губ. въ Арх. Д. Гер. 1835 г. № 4). Дочери Льва Алексѣевича названы: Екатерина,Елизавета, Надежда и ПрасковьяЛьвовны. Сынъ, генералъ-маіоръ, Дмитрій Львовичъ Игнатьевъ женатъ на Надеждѣ Ивановнѣ Барышниковой. У нихъ дѣти: Иванъ Дмитріевичъ (р. 2-го янв. 1823 г.), генералъ-маіоръ, сост. при М. В. Д., Дмитрій Дм. (р. 27 янв. 1827 г.), Николай Дм. (р. 14 дек. 1830 г.) и Анна Дмитріевна (р. 11 сент. 1824 г.).

Отъ одного же родоначальника съ нимъ (Степана Семен.) происходитъ и вѣтвь Смоленскихъ дворянъ Игнатьевыхъ, именно отъ сына его Лаврентія (см. Д. Арх. Д-та Гер. 1823 г. № 44). У него было четыре сына: 1) Ѳаддей Львовичъ, капралъ, женатый на Ѳедосьѣ (род. 1732 ум. послѣ 1792 г., оставилъ двухъ сыновей; 2) Павелъ (род. 1737 г.) былъ подполковникъ и умеръ холостымъ; 3) Ѳедоръ Л—чъ, при отставкѣ ротмистръ (1779 г.), род. 1739 г. и имѣлъ 2 сыновей и 4) Петръ Л — чъ (род. 1740 г.), отставной секундъ-маіоръ, отъ брака съ Авдотьей Семеновной Щербовой (род. 1759 г.) имѣлъ одну дочь, Анисью Петровну (род. 1782 г.).

Сыновья старшаго брата: 1) Венедиктъ Ѳаддѣевичъ (род. 1755 г.) былъ корнетъ, женатый на Еленѣ Петровнѣ Мостыкиной (р. 1757 г.). У нихъ были: сынъ (Яковъ Венедикт., р. 1784 г.) и дочь (Прасковья В — на, р. 1782 г.) 2) Николай Ѳаддѣевичъ, тоже корнетъ (р. 1760 г.), женатъ былъ на Елизаветѣ Николаевнѣ Повало-Швыйковской (род. 1767 г.) и отъ брака съ нею имѣлъ сына Василія Николаевича (р. 1793, ум. 1824 г.) поручика Пермскаго пѣхотнаго полка.

Древнему роду Игнатьевыхъ данъ гербъ (общ. герб. ч. VI отд. 1. № 88) Выс. утв. 7-го декабря 1799 г. Онъ представляетъ щитъ, разсѣченный перпендикуляромъ на двое. Въ правой половинѣ, въ золотомъ полѣ, выходящій до половины орелъ, увѣнчанный дворянскою короною и имѣющій въ правой лапѣ державу. Во второй (лѣвой) половинѣ гербоваго щита, изъ облака, слѣва же, выходящая рука въ латахъ, съ мечомъ. Гербъ увѣнчанъ дворянскими шлемомъ и короною. Наметъ лазуревый, подложенъ золотомъ.

Другой гербъ фамиліи Игнатьевыхъ, неродственной съ описанною нами, помѣщонъ въ I части гербовника, отд. 2 № 89. Онъ представляетъ тоже щитъ, разсѣченный перпендикуляромъ на двое, но въ первой правой половинѣ щита, въ чорномъ полѣ, помѣщены: золотое стропило съ тремя горящими полями, гранатами и тремя вокругъ серебряными звѣздами о 6 лучахъ. Вторая половина щита, въ красномъ полѣ, представляетъ крестообразно положенные: горящій факелъ и шпагу съ золотымъ эфесомъ. Гербовый щитъ увѣнчанъ дворянскимъ шлемомъ. Въ нашлемникѣ лейбъ-компанская шапка съ тремя страусовыми перьями, изъ которыхъ боковыя бѣлыя, а среднее красное. По сторонамъ лейбъ-компанской шапки, распущенныя орлиныя крылья, и на каждомъ изъ нихъ по три серебряныхъ звѣзды о шести лучахъ. Наметъ: справа красный съ серебромъ; слѣва чорный съ золотомъ. Гербъ этотъ Высочайше утвержденъ 1-го января 1798 г.

Гербъ этотъ данъ солдату лейбъ-компаніи Якову Игнатьеву, возведенному, вмѣстѣ съ другими его сослуживцами, по указу Импер. Елизаветы Петровны отъ 31-го декабря 1742 года (19-го октября 1745 г.) въ дворянское достоинство, — за нахожденіе въ лейбъ-компаніи, въ памятную ночь вступленія на престолъ Ея Величества.

Безъ гербовъ, пользуются правомъ, теперь уже потомственнаго дворянства, еще шесть родовъ, носящихъ фамилію Игнатьевыхъ, предки которыхъ пріобрѣли дворянство выслугою. Потомки ихъ записываются въ родословныя книги дворянъ губерній: Московской (два рода), Оренбургской (1 родъ), Рязанской (1 родъ), С.-Петербургской (1 родъ), Симбирской (два рода), Таврической (1 родъ) и Тверской (1 родъ).

Мы ихъ теперь не коснемся, занятые описаніемъ одного древняго рода Игнатьевыхъ, имѣющаго четырехъ-вѣковую исторію и десятки представителей, каждый, въ свою очередь, приносившихъ пользу отечеству службою на поприщѣ военномъ и гражданскомъ. Къ сожалѣнію, не имѣемъ возможности указать нѣкоторыхъ еще заслуженныхъ лицъ, носившихъ фамилію Игнатьевыхъ, но которыхъ принадлежность къ древнему роду открыть намъ неудалось.

Примѣчаніе: (къ стр. 45). Родными же братьями и сестрою Филона и Наума Афонасьевичей Игнатьевыхъ, мы должны кажется, считать еще, непоименованныхъ въ родословной: Якова Афанасьевича духовника царевича Алексѣя Петровича, по его процессу казненаго; Ивана Афанасьевича ключаря Благовѣщенскаго Московскаго собора и Марѳу Афанасьевну, жену стольника царицы Прасковьи Ѳедоровны, кормилицу царевича Алексѣя Петровича, бывшую при немъ до 1702 г.

Минихи.

РУССКІЙ И НѢМЕЦКІЙ ГРАФСКІЕ РОДЫ.

По нѣмецкимъ источникамъ о жизни и родѣ знаменитаго графа фельдмаршала, происхожденіе фамиліи Минихъ слѣдуетъ вести отъ владѣльца замка Рамбспауэръ (на р. Регенъ, въ 1 милѣ отъ Регенсбурга, въ Пфальц-ней-бургскомъ амтѣ Бургъ-Ленгефельдъ) Іогана Минихъ, женатаго на Аннекѣ, ф. Эйнзидель и имѣвшаго отъ ней трехъ сыновей, изъ которыхъ средній—*Германъ,* оказался продолжателемъ рода, женившись на Катеринѣ фонъ-Гаррасъ и приживъ трехъ же сыновей, изъ которыхъ потомство было только отъ средняго — Германа II. Германъ I въ 1526 году, во время

крестьянской войны, былъ изъ замка своего Рамбспауэра выгнанъ, а потомство Германа II, въ лицѣ прижитаго имъ отъ брака съ урожденною Шмидтъ, втораго сына Іоганна, переселилось въ Ольденбургъ, гдѣ поименованный членъ фамиліи Минихъ сдѣлался герцогскимъ ландфохтомъ и владѣльцемъ *Брокдейха*. Іоганнъ Минихъ отъ брака съ Лукреціею фонъ-Даммъ, имѣлъ двухъ сыновей, изъ которыхъ младшій—Рудольфъ, владѣлецъ Брокдейха и Нейенхинторфа, былъ амтовымъ фохтомъ и оберъ-дик-графомъ въ Ольденбургѣ. Этотъ Рудольфъ женился на послѣдней представительницѣ древняго рода фонъ-Нутц-хорнъ—Елизаветѣ и, по этому случаю, получилъ въ 1686 году право включить въ свой гербъ эмблему рода Нутц-хорнъ (стоящаго въ лазуревомъ полѣ серебрянаго лебедя). Отъ брака съ Елизаветой ф. Нутц-хорнъ, Рудольфъ Минихъ имѣлъ пять сыновей, изъ которыхъ Антонъ Гинтеръ М. (род. 9 іюня 1650 и ум. 14 февраля 1721 г.) былъ отцомъ знаменитаго фельдмаршала.

Антонъ Гинтеръ Минихъ, владѣлецъ Нейенхинторфа и Гринека, ротмистръ датской службы, инженеръ гидравликъ въ Ольденбургѣ, получилъ отъ датскаго короля Христіана V (24 мая 1688 г.) гербъ: щитъ разсѣченный на 4 части, въ 1-й и 4-й изъ нихъ въ золотомъ полѣ грудное изображеніе стоящаго монаха, а во 2-й и 3-ей частяхъ въ лазуревомъ полѣ—стоящаго прямо серебрянаго голубя, держащаго въ клювѣ зеленѣющую вѣтвь; — съ правомъ писаться *фонъ-Минихъ*.

Дипломомъ императора отъ 4 мая 1702 г. фонъ Минихи возведены въ дворянское достоинство римской имперіи и при этомъ въ средину главнаго щита, на пересѣченіи перпендикуляровъ, вставленъ малый щитокъ съ императорскимъ орломъ. Антонъ Гинтеръ занималъ должность воеводы въ Эзенсѣ, м. восточно-фризскаго княжества и отъ брака съ Софіею Екатериною Этткенсъ (род. 13 іюня 1659 г. и ум. 27 мая 1710 г.) имѣлъ трехъ сыновей: Іогана Рудольфа, начальника приморскихъ плотинъ въ Ольденбургѣ, Бурхарда Христофа—русскаго фельдмаршала и графа, и барона Христіана Вильгельма, оберъ-гофмейстера императрицы всероссійской Елизаветы Петровны (род. 1688 и ум. 11 апр. 1768. Сверхъ сыновей были у Антона Гинтера М.

три дочери: *Елена*, *Елизавета* за генералъ-маіоромъ прусской службы фонъ-Ретбергомъ, *Шарлота Амалія* за ф. Роленъ, генералъ-лейтенантомъ кельнскаго курфирста и *Доротея Елизавета* за прусскимъ же генералъ-маіоромъ фонъ-Вильденомъ.

Второй сынъ Антона Гинтера Минихъ, Бурхардъ Христофъ (род. 9 мая 1683 г., ум. 16 окт. 1767 г.), началъ службу подъ знаменами принца Евгенія Савойскаго, принятъ былъ въ службу Петромъ I въ 1721 году съ чиномъ генералъ-поручика, при Петрѣ II (25 февр. 1728 г.) возведенъ въ графское достоинство Россійской имперіи, назначенъ генералъ-фельдцейхмейстеромъ и генералъ-губернаторомъ С.-Петербурга, оставленнаго юнымъ монархомъ въ пользу Москвы. Управляя столицею Петра I, при Аннѣ возведенъ Минихъ въ фельдмаршалы, оставаясь президентомъ военной коллегіи. Покоривъ Данцигъ и прославивъ русское оружіе въ Турціи и низвергнувъ регента герцога Бирона, гр. Минихъ сдѣлался первымъ министромъ правительницы Анны Леопольдовны, но скоро долженъ былъ удалиться отъ правленія, оскорбленный пожалованіемъ сана генералиссимуса,—котораго онъ добивался,—отцу императора, принцу Антону Ульриху.

Тѣмъ не менѣе, удаленіе отъ дѣлъ не помѣшало врагамъ хотинскаго героя, при возшествіи на престолъ Елизаветы, впутать его въ процессъ, подвергнуть осужденію и ссылкѣ въ Пелымь, гдѣ прожилъ заслуженный фельдмаршалъ до дней императорства Петра III. Этому государю въ день несчастія напрасно давалъ Минихъ единственные спасительные совѣты, за которые Великая Екатерина потомъ не гнѣвалась на героя, но почтила его полною своею довѣренностью, поручивъ ему постройку и укрѣпленіе Балтійскаго порта.

Графъ Минихъ былъ женатъ два раза: первая жена его Христина Лукреція Вицлебенъ (ум. февр. 1727 г.) была мать всѣхъ тринадцати дѣтей, изъ которыхъ выросли три дочери и сынъ. 18-го сентября 1728 года, графъ Минихъ женился на гофмейстеринѣ двора цесаревны Елизаветы Петровны, вдовѣ р. Салтыковой, Варварой Элеонорой, урожденной Мальцанъ, раздѣлившей потомъ съ супругомъ долгіе годы ссылки. У фельдмаршала Миниха, дочери всѣ

были замужемъ: первая за полковникомъ барономъ Мальцанъ, вторая (*Христина Елизавета*—съ 30-го мая 1728 г.) за королевско-прусскимъ камергеромъ Генрихомъ-фонъ-Менгденомъ и третья *Луиза Доротея* за графомъ Фридрихомъ Салмсъ-фонъ-Вильденфельсъ. Единственный сынъ фельдмаршала—авторъ записокъ о немъ, раздѣлившій несчастіе его,—графъ *Іоганъ Эрнстъ*, Сергѣй Христофоровичъ (р. 30-го дек. 1707 г., ум. 1788 г.), дѣйств. тайн. сов., женатъ былъ на баронессѣ Аннѣ Доротеѣ Менгденъ и отъ брака съ нею оставилъ многочисленное семейство, а именно: 5 сыновей и дочь графиню Анну Ульрику (род. 1741 г. и ум. 18-го янв. 1811 г.) замужемъ за дѣйств. тайн. сов. барономъ Ив. Ѳед. Фитингофомъ. Старшій сынъ *Іоганъ Готлибъ* д. с. сов. былъ ландратомъ въ Лифляндіи (род. 9-го мая 1740 г., ум. 18...) неоставивъ потомства. Второй—графъ Эрнстъ Густавъ, ген.-маіоръ (ум. 1812 г.), оставилъ трехъ дочерей (графинь: *Екатерину*, что за барономъ ф. Нолькенъ, *Анну Доротею*—за полковникомъ Глинкою и *Елизавету)* да сыновей, графовъ: *Фридриха Франца*, ольденбургскаго оберъ-камергера (род. 1-го окт. 1788 г., женатаго на Христинѣ Луизѣ фонъ-Плее (род. 1791 года) и оставившаго 5 дочерей (*).

Братъ графа Фридриха Франца,—гр. Петръ Христофоръ Минихъ, подполковникъ малороссійскаго кирасирскаго полка, женатый на баронессѣ Генріэттѣ Каролинѣ-Клодтъ фонъ-Юргенсбургъ, оставилъ сына графа Христофора Петровича (род. 27-го авг. 1825 г.) доктора правъ.

Третій внукъ фельдмаршала, графъ Христофоръ Сергѣевичъ Минихъ, при Екатеринѣ II былъ тайн. сов. и сенаторъ. Отъ брака съ графинею Анною Андреевною Ефимовской (род. 1-го авг. 1751 г., ум. 22-го мая 1823 г.) онъ оставилъ двухъ дочерей: Екатерину (ум. 1824 г.) и Юлію Хр—вну

(*) *Іоганну* (род. 1812 г.) бывшую за Вильгельмомъ Биловъ-Горовъ (ум. 1846 г.) и (съ 1856 г.) Адольфомъ Карломъ фонъ-Плато; *Паулину* (род. 1817 г.) замужемъ за нидерландскимъ камергеромъ Бентинкомъ (ум. 1855 г.); *Адельгейду* (1819 г.) за Германомъ Рэссингомъ (1839 — 1855) и Н. Фр. Людвигомъ Рэссингомъ (съ 1856 г.) ольденбургскимъ министромъ президентомъ, *Амалія* (род. 1824 г.) за ганноверскимъ генерал-полиціи-директоромъ Энгельбрехтеномъ (съ 1850 г.) и *Александра* (род. 1829 г.) съ 1850 года въ замужествѣ за прусскимъ кавалеристомъ Фр. Богиславомъ фонъ-Штранцемъ.

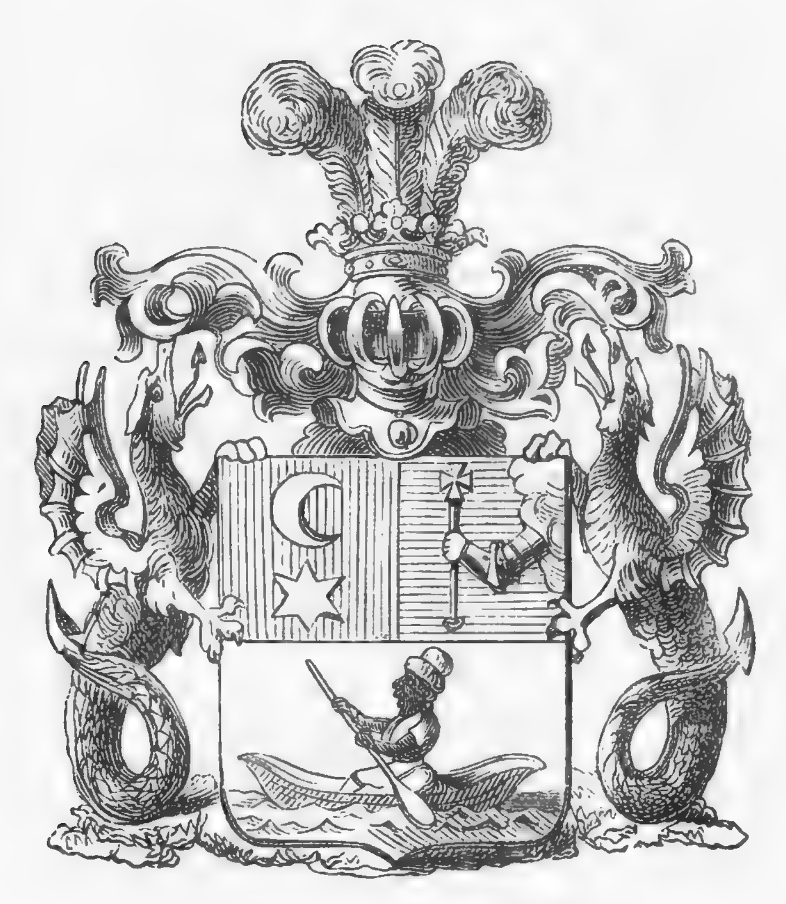
за д. ст. сов. графомъ Мантейфелемъ, да сына,—графа Сергія Христофоровича (род. 1778 г. и умершаго 12-го марта 1808 г.) полковника, адъютанта Е. И. В. Государя Цесаревича Константина Павловича. Четвертый внукъ фельдмаршала, графъ Антонъ Сергѣевичъ Минихъ, гвардіи ротмистръ (ум. 1800 года), отъ брака съ Вѣрой Николаевной Чоглоковой оставилъ сына графа Александра Антоновича, подполковника СПб. драгунскаго полка и четырехъ дочерей. Изъ нихъ: графиня Марья Антоновна была за барономъ Карл. Павл. Розенъ; Катерина Антоновна за графомъ Д'Оллонвиль, Елизавета Антоновна за генер.-лейт. Мих. Дм. Хрущевымъ и графиня Наталья Антоновна за генер.-лейт. графомъ Иракліемъ Иванов. Морковымъ.

Младшій внукъ фельдмаршала, генералъ-маіоръ графъ Сергій Сергѣевичъ Минихъ (ум. 1817 г.) отъ брака съ графинею Браунъ оставилъ одну дочь — графиню Христину Софію Элеонору.

Младшій братъ фельдмаршала, вызванный въ русскую службу Анною и при Елизаветѣ бывшій оберъ-гофмейстеромъ русскимъ, нами хотя поименованъ, но къ указанному выше слѣдуетъ прибавить его дѣтей: сына, умершаго въ русской службѣ въ чинѣ полковника, бездѣтнымъ, и двухъ дочерей, вышедшихъ замужъ за одно и то же лицо (одна послѣ другой) именно графа Гаральда Густава Игельстрома.

Гербъ графа Миниха (Русск. герб. ч. I, отд. I, № 18) представляетъ, въ щитѣ, раздѣленномъ на 4 части, по срединѣ украшенный графскою короною, на золотой полосѣ въ малый щитокъ, которомъ въ серебряномъ полѣ — босоногій стоящій монахъ, въ чорномъ одѣяніи, съ чотками въ рукахъ, кисти которыхъ подняты вверхъ. По сторонамъ средняго щитка видѣнъ *располовинчатый чорный орелъ* въ золотомъ полѣ, коронованный, и въ каждой когтѣ поднятый скипетръ. Въ верхней первой части (лѣвой) общаго щита, подъ полосою съ орломъ, въ лазуревомъ полѣ серебряный лебедь. Въ правой-же части—въ серебряномъ полѣ два опрокинутыя стропила краснаго цвѣта. Подъ полосою, въ 3-й части герб. щита, въ серебр. полѣ три трилистника въ 4-й части (правой нижней) въ лазуревомъ полѣ красная карнизная стѣна и надъ нею выходящая луна. Въ отрѣзкѣ же (между 3-ею и 4-ю частями) пирамида съ обелискомъ,

обвитымъ золотыми змѣями. Подъ колоною голова януса золотая, въ зубчатой коронѣ, гербовый щитъ увѣнчанъ тремя шлемами. Въ нашлемникахъ, съ краевъ—шапки, и въ рединѣ графская корона. Изъ шапокъ, по три изъ каждой, турецкихъ бунчука. Подъ графскою-же короною по бокамъ два знамени, за ними поднятые два крыла, а между ними фигура монаха. Щитодержцы рыцари въ шлемахъ и латахъ. Слѣва стоящій имѣетъ подъ шлемомъ городскую римскую корону и въ рукѣ, на развернутомъ сверткѣ геометрическій чертежъ. Правый щитодержецъ на шлемѣ имѣетъ три страусовыхъ пера и на правомъ плечѣ карабинъ. Наметъ справа голубой, слѣва—красный, подложенный сверху золотомъ, внизу серебромъ.

Араповы, дворянскій родъ.

Родъ дворянъ Араповыхъ существовалъ уже въ концѣ XVI вѣка. Родоначальникомъ этой фамиліи считается Петръ Араповъ, оставившій двухъ сыновей Ѳедора и Афанасія Петровичей муромскихъ городскихъ дворянъ, за которыми закрѣплены въ 1628 году отцовскія помѣстья, какъ видно изъ справки, данной вотчиннымъ департаментомъ, по требованію пензенскаго дворянскаго депутатскаго собранія. Вслѣдствіе этой справки состоялось опредѣленіе того собранія о внесеніи рода Араповыхъ въ VI часть дворянской родословной книги.

Сынъ Афанасья Петровича Арапова—Иванъ имѣлъ сына Никифора дальше котораго родословіе представителей фамиліи не указываетъ. Продолжается родъ предка только въ лицѣ потомковъ Ѳедора Петровича, сынъ котораго Захарія оставилъ сыновей Алексѣя и Ивана.

Изъ нихъ послѣдній, пожалованный въ дворяне по московскому списку, въ 1692 году оставилъ сына Степана Ивановича у котораго въ 1727 году родился сынъ Андрей, имѣвшій чинъ подпоручика. У Андрея же Степановича было четыре сына и дочь Аграфена Андреевна (род. 1767 г.) во время ходатайства о вписаніи фамиліи Араповыхъ въ дворянскую родословную книгу, оказывавшаяся еще въ дѣвицахъ.

Старшій изъ сыновей Иванъ Андреевичь (род. 1760 г.) женатъ былъ на Марьѣ Ивановнѣ Потаповой.

Второй братъ его Николай Андреевичъ (род. 1761 г.) выпущенъ въ отставку секундъ-маіоромъ и женатъ былъ на Ольгѣ Александровнѣ Мошковой.

Третій братъ Сергѣй Андреевичъ, (род. 1768 г.) тоже секундъ-маіоръ въ девяностыхъ годахъ XVIII вѣка судьею уѣзднаго суда Наровчатскаго и еще холостымъ, также, какъ и младшій ихъ братъ, отставной маіоръ Петръ Андреевичъ (род. 1770 г.).

У старшаго изъ братьевъ Ивана Андреевича, въ 1795 году показаны сынъ Николай Ивановичъ (род. 1787 г.) и три дочери: Анна Ивановна (род. 1788 г.), Татьяна Ивановна (род. 1789 г.) и Катерина Ивановна (род. 1791).

Мы не беремъ на себя утверждать что отъ втораго ли сына Андрея Степановича Арапова — Николая Андреевича, происходятъ современные дѣятели, съ фамиліею Араповыхъ каковы, напримѣръ: генералъ-лейтенантъ Александръ Николаевичъ Араповъ, бывшій начальникъ 2 кавалерійской бригады, командиръ л.-гв. кирасирскаго Е. И. В. полка, членъ комитета государственнаго коннозаводства; или, авторъ исторіи оперы въ Россіи д. с. с. Пименъ Николаевичъ Араповъ.

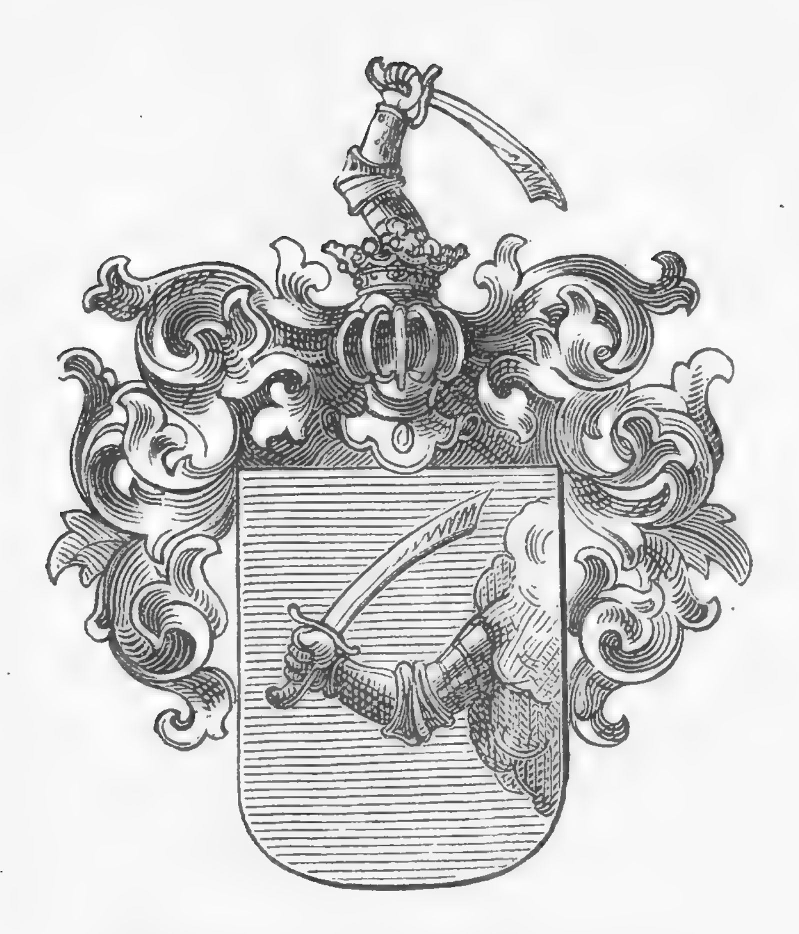
Выставляемъ же это обстоятельство, желая получить разъясненіе отъ живыхъ представителей фамиліи, боясь смѣшивать съ древнимъ родомъ лицъ другаго поколѣнія, совсѣмъ даже не въ родствѣ съ указанными.

Гербъ дворянскаго рода Араповыхъ (Общ. росс. герб. ч. VI № 98) представляетъ щитъ, раздѣленный перпендикуляромъ на три части. Въ верхней части справа, въ лазуревомъ полѣ серебряная луна, подъ нею же шестиугольная золотая звѣзда. Въ лѣвой верхней части,

въ красномъ полѣ, выходящая изъ облака рука, въ латахъ, держащая длинный золотой крестъ.

Въ нижней же части гербоваго щита, въ серебряномъ полѣ арапъ (негръ), плывущій въ лодкѣ, по взволнованной водѣ, въ правую сторону.

Гербовой щитъ увѣнчанъ дворянскою короною. Въ нашлемникѣ помѣщены три страусовыхъ пера. Наметъ красный, подложенный серебромъ. Щитодержцами служатъ два чорные крылатые дракона.

Бахметевы, дворянскій родъ.

Фамилія ихъ писалась трояким образомъ: Бахметевы, Бахметовы и Бахміотовы, но имѣла общаго предка—мурзу Арслана Магмета (Бохмета), выѣхавшаго на службу великаго князя Василія Темнаго и принявшаго христіанство съ именемъ Іереміи. У него были сыновья: Иванъ, Кузьма и Петръ (Дунилъ). У Кузьмы сынъ Константинъ, внукъ Дорофей, правнукъ Евтихій. Отъ родоначальника въ 6-мъ колѣнѣ, слѣдовательно, былъ Ерофей Евтихѣевичъ, писавшійся Бахметевымъ (уже въ концѣ XVI вѣка). Замѣчательныя лица изъ рода Бахметевыхъ въ XVI вѣкѣ, по другимъ вѣтвямъ не приведены въ точную извѣстность. Намъ извѣстно только что у Ивана Еремѣевича, былъ сынъ Никита Ивановичъ. Прочія представители въ родословную поколѣнія Бахметевыхъ, теперь продолжающагося, не внесены. Та-

ковъ, напримѣръ, Михаилъ Михайловичъ Бахметевъ, воевода Грознаго въ полоцкомъ походѣ. Юрій Юрьевичъ, дворянинъ московскій, младшій внукъ Ерофея, отъ 3-го сына его Юрія Ерофеича, Арзамасскаго городскаго дворянина (1627 — 1629), упоминается еще при осадѣ Смоленска Владиславомъ (1634 г.); Андрей Петровичъ, воевода въ г. Кети (въ Сибири) при царѣ Өедорѣ Алексѣевичѣ, былъ правнукъ старшаго сына Ерофея-Авраама Ерофѣевича. А стольники царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, Иванъ и Дмитрій Ефремовичи, да Андрей, Степанъ и Юрій Ивановичи, приходились внучатами третьяго сына Ерофея — Юрія (отъ 2-го сына его Ивана Юрьевича стряпчаго (1658 — 68 г.) и дворянина московскаго (1672 г.). Третій сынъ Юрія Ерофѣевича—Никита, дворянинъ моск. (ум. 1658 г.) имѣлъ сыновей стольниковъ: Амфилохія и Михаила. Въ послѣдній годъ XVII вѣка было 12 помѣщиковъ съ фамиліею Бахметева. Къ которой вѣтви ея принадлежалъ комендантъ Петропавловской крѣпости Яковъ Хрисанфовичъ, именовавшійся Бахміотовымъ, намъ неизвѣстно, но мы можемъ уже рѣшить, что эта вѣтвь или фамилія была не та самая, которой родоначальникомъ оказывается въ 1629 году Василій Михайловичъ Б. и которая имѣетъ отдѣльный гербъ (Гербовникъ ч. VII № 77).

Изъ вѣтвей же, пользующихся гербомъ, нами теперь помѣщаемымъ (Общ. Герб. ч. II № 58), въ минувшемъ и настоящемъ вѣкахъ, достойны упоминанія нѣсколько представителей, составившихъ себѣ почотное имя и извѣстность въ исторіи нашей. Первымъ изъ такихъ лицъ оказывается сенаторъ при Императрицѣ Елизаветѣ, генералъ-поручикъ Иванъ Ивановичъ Бахметевъ, женатый на графинѣ Аннѣ Андреевнѣ Толстой — сынъ стольника Ивана Ефремовича старшаго сына Ефрема Юрьенича стольника (изъ стряпчихъ, 1658 г.) ум. 1669 года;—оставившій двухъ сыновей, Григорія и Николая Ивановичей. У Григорія было опять два сына: Николай и Дмитрій Григорьевичи, на которыхъ и прекращается родъ. Отъ внука Юрія Ивановича—Николая Ивановича, женатаго на Натальѣ Ивановнѣ Масловой, родились три сына: Николай Николаевичъ, генералъ-лейтенантъ,

Петръ Николаевичъ и Алексѣй Николаевичъ, генералъ отъ инфантеріи, членъ государственнаго совѣта (1774—1841 г.), генералъ-губернаторъ Нижегородскій, Казанскій, Пензенскій и Симбирскій.

Сынъ, отъ втораго брака этого лица, съ княжною Натальей Готфридовной Четвертинской. Николай Алексѣевичъ (род. 1833 г.) 28 октября 1856 года возведенъ въ графское достоинство, съ именемъ Протасова-Бахметева. Сестра его (отъ перваго брака отца съ графинею Викторіею Октавьевной Шуазель-Гуфье ум. 1826 г.), —Варвара Алексѣевна замужемъ за Валеріаномъ Григорьевичемъ Столыпинымъ. Продолженіе рода графа Протасова къ Николаю Алексѣевичу перешло какъ къ ближайшему, съ женской стороны, родственнику, потому что братъ его дѣда, Алексѣй Ивановичъ Бахметевъ, кромѣ 4-хъ сыновей, имѣлъ еще двухъ дочерей, изъ которыхъ младшая, Варвара Алексѣевна, вышедшая за д. т. с. Александра Яковлевича Протасова, была матерью графа Николая Александровича, умершаго бездѣтнымъ. Дочь родного брата Варвары Алексѣевны Протасовой—Агафоклея Николаевна Бахметева, была за намѣстникомъ Царства Польскаго, княземъ Михаиломъ Дмитріевичемъ Горчаковымъ.

Гербъ рода Бахметевыхъ, теперь нами помѣщаемый, представляетъ въ голубомъ полѣ выходящую слѣва, изъ облака, руку, въ серебряныхъ латахъ держащую замахнутую саблю. Надъ гербовымъ щитомъ дворянскіе шлемъ и корона, въ нашлемникѣ же повторена эмблема герба—рука съ саблею. Наметъ голубой съ подложкою серебромъ.

Изслѣдованія о другихъ вѣтвяхъ фамиліи Бахметевыхъ, теперь неприведенныхъ нами въ извѣстность, обѣщаемъ со временемъ, при помѣщеніи варіанта герба.

Бекетовы, дворянскій домъ.

Родъ этотъ, какъ видно изъ родословной книги, хранящейся въ Нижегородскомъ дворянскомъ депутатскомъ собраніи, владѣлъ уже дворянскими помѣстьями въ 1561 году. Родоначальникомъ фамиліи считается нѣкто Ѳедоръ отецъ четырехъ сыновей: Андрея, Василія, Тимофея и Семена. У перваго изъ нихъ въ свою очередь, были дѣти: Иванъ, Борисъ и Никита Андреевичи. Второй Василій Ѳедоровичъ умеръ безъ потомства, третій—Тимофей оставилъ сына Ананію, а четвертый, Семенъ Ѳедоровичъ—опять трехъ сыновей: Прокофья, Баима-Петра и Любима, да дочь Настасью.

Средній сынъ старшаго сына родоначальника — Андрея Ѳедоровича—Борисъ Андреевичъ умеръ безъ потомства, отъ старшаго брата его Ивана Андреевича были: дочь Прасковья Ивановна замужемъ за Дмитріемъ Зимнинскимъ да два сына: Тарасъ и Алексѣй Ивано-

вичи. Отъ Никиты же Андреевича родились Ѳедоръ и Никифоръ Андреевичи.

Старшая вѣтвь фамиліи Бекетовыхъ въ пятомъ колѣнѣ, представляетъ двухъ братьевъ Михаила да Ивана Тарасовичей, да сестру ихъ Анну; двухъ же братьевъ, Якова и Афонасья Алексѣевичей, да Осипа и Тимофея Ѳедоровичей (внучатъ Никиты Андреевича) и еще Матвѣя Никифоровича (сына Никифора Никитича.

Средняя вѣтвь въ четвертомъ колѣнѣ, продолжается въ лицѣ трехъ сыновей Ананья Тимофѣевича, Ивана Ананьевича,—московскаго дворянина упоминаемаго еще въ 1692 г. — отца четырехъ дочерей: Маріи, Домны, Анны и Ѳедосьи; Льва Алексѣевича московскаго дворянина (упомин. въ бояр. книгахъ 1683 — 1692 г.), не оставившаго потомства и Никиты Ананьевича, единственная дочь котораго Василиса, вышла замужъ за Ивана Короткаго. Младшая вѣтвь Бекетовыхъ, въ пятомъ колѣнѣ также прекратилась, въ лицѣ дочери Бориса Петровича, Марѳы Борисовны, вышедшей замужъ за кн. Якова Кропоткина.

Въ шестомъ колѣнѣ самая старшая вѣтвь отъ старшаго сына внука родоначальника, пресеклась на дочери Михаила Тимофѣевича, Прасковьѣ Михаиловнѣ, вышедшей за Ивана Аксакова. Но братъ Михаила Тарасовича, Иванъ оставилъ сына Леонтія у котораго также были два сына: Николай и Иванъ Леонтьевича Бекетовы.

Родъ средняго сына внука родоначальника (Алексѣя Ивановича) продолжаемъ былъ отъ младшаго сына его Афанасья Алексѣевича, такъ какъ сынъ Якова Алексѣевича—Павелъ Яковлевичъ—умеръ безъ потомства. Зато Афонасій Алексѣевичъ оставилъ дочь Катерину Афонасьевну бывшую за Иваномъ Дмитріевымъ (мать поэта И. И. Дмитріева) и сыновей: Никиту, Петра и Николая. У Петра Афанасьевича было три сына и три дочери: Платонъ, Иванъ, Петръ, Александра за княземъ Петромъ Несвицкимъ, Екатерина и Елена. Младшій изъ сыновей Афонасья Алексѣевича — Николай Афонасьевичъ, оставилъ сына Аполлона и дочь Анну, въ супружествѣ за Николаемъ Смирновымъ. Старшій

же сынъ Афанасья Алексѣевича, — замѣчательнѣйшее лицо изъ всей фамиліи. Это былъ сенаторъ, генералъ-поручикъ Никита Афанасьевичъ Бекетовъ, сынъ полковника (род. 8 сентября 1729 г., ум. 9 іюля 1794 г.), учившійся въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ и выпущенный изъ него съ чиномъ премьеръ-маіора, и впослѣдствіи обратившій на себя милостивое вниманіе Императрицы Елизаветы Петровны (1750 г.). Зависть Шуваловыхъ удалила его изъ столицы въ чинѣ полковника. Въ семилѣтнюю войну онъ, за отличіе, произведенъ въ бригадиры. Въ чинѣ же генералъ-маіора, при Екатеринѣ II, онъ былъ (1763—1773) астраханскимъ губернаторомъ, пользуясь общимъ уваженіемъ. Платонъ Петровичъ Бекетовъ какъ мы видѣли племянникъ предъидущаго, издалъ нѣсколько книгъ въ Москвѣ въ началѣ XIX вѣка и, между прочимъ, краткія біографіи русскихъ дѣятелей, съ портретами ихъ, въ 5-ти тетрадяхъ.

Средняя вѣтвь фамиліи Бекетовыхъ (отъ Ѳедора и Никифора Никитичей, пресеклась на внучатахъ этихъ лицъ: Сергѣѣ Осиповичѣ, Настасьѣ Тимофѣевнѣ и Алексеѣ Матвѣевичѣ.

Гербъ фамиліи Бекетовыхъ (общій государственный гербовникъ ч. IV № 84) представляетъ щитъ, раздѣленный діагонально (отъ лѣваго верхняго къ правому нижнему углу) на двѣ части. Въ первой изъ нихъ (правой) въ красномъ полѣ изображена, выходящая изъ облака, рука, облеченная въ золотыя латы и держащая шпагу. Въ лѣвой же части щита, въ голубомъ полѣ. представленъ страусъ, держащій въ лапѣ золотой шаръ.

Гербовый щитъ увѣнчанъ обыкновеннымъ дворянскимъ шлемомъ съ короною, подъ которою въ нашлемникѣ повторена эмблема руки, вооруженной шпагою. Наметъ, зеленый съ краснымъ, подложенъ серебромъ.

Беклемишевы, родъ русскихъ дворянъ.

Происхожденіе рода Беклемишевыхъ относится къ XV вѣку—вмѣстѣ съ Княжниными и Фроловыми — отъ правнука «мужа честна» Гавріила, будто бы выѣхавшаго «изъ прусъ» на службу великаго князя московскаго Василья Дмитріевича. Находя во многихъ родословныхъ повтореніе одного и того же стереотипнаго термина «изъ прусъ» и все въ одно княженіе Донскаго, особенныхъ сношеній заграничныхъ неимѣвшаго, невольно представляемъ себѣ — конечно, еще ипотезу — не слѣдуетъ ли *искать* этихъ *прусъ въ Новѣгородѣ*, на софійской сторонѣ, а не гдѣ либо въ другой землѣ? И это тѣмъ вѣроятнѣе, что со временъ Донскаго, если не ранѣе, переходы и переманиванья родовитыхъ аристократовъ новгородскихъ *) на Москву вошли въ оби-

---

*) Какъ извѣстно, больше живших на софійской, чѣмъ на торговой сторонѣ, — сходбищѣ вольницы буйной, демократической и предпріимчиво-торговой.

ходъ существовавшаго порядка вещей; — чѣмъ можетъ быть объяснено и легкое, сравнительно, завоеваніе Новогорода Іоанномъ III. Оставляя за собою высказанное предположеніе, по которому «мужъ честенъ изъ прусъ» долженъ быть Новогородцемъ, и никѣмъ другимъ какъ аристократомъ же, — чѣмъ объясняется и скорое достиженіе начальства въ Москвѣ его потомками — укажемъ въ подспорье прежнимъ доказательствамъ. Что 1) внукъ перваго дворянина въ Москвѣ, носившаго прозвище Беклемишъ (Ѳедора Елизаровича) — родоначальника фамиліи,—Никита Васильевичъ Беклемишевъ отправленъ Іоанномъ III посломъ въ Крымъ (1474 г.), а 2) сынъ его Иванъ Никитичъ Беклемишевъ снова посланъ въ Польшу и Крымъ (1502 г.), куда требовались обыкновенно люди, не только знающіе всѣ порядки и умные, но и знатные происхожденіемъ. Такое же реноме въ новыхъ людяхъ по Москвѣ, какъ Беклемишевы, могло установиться на основаніи славы предковъ.

Трагическая судьба Ивана Никитича Берсеня-Беклемишева,—впутаннаго въ дѣло о разводѣ царя Василія V и, за дерзскія слова на его счотъ—казненнаго (1525 г.), —не повредила, какъ видно, другимъ вѣтвямъ фамиліи играть значительныя роли при сынѣ Василія V—Иванѣ Грозномъ. У него, по самый 1569 г., Беклемишевы были въ чести. Иванъ Васильевичъ Беклемишевъ былъ въ Казанскомъ походѣ 1544 г. 1-мъ воеводою втораго полка, въ 1549 г., въ шведскомъ походѣ, 1-мъ воеводою 6-го большаго полка. Иванъ Григорьевичъ и Михаилъ Семеновичъ Беклемишевы по грамотѣ 2 октября 1550 г. получили помѣстья въ Московскомъ уѣздѣ. Игнатій Игнатьевичъ Беклемишевъ убитъ при взятіи Казани (2 октября 1552 г.);—какъ видно изъ синодика Московскаго Успенскаго собора, въ который вписаны герои на вѣчное поминовеніе, по указу царскому. Леонтій же Юрьевичъ Беклемишевъ былъ выбранъ воеводою въ Новгородѣ въ 1569 году. А Марья (Евфросинія) Ѳедоровна Беклемишева была матерью князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго.

Въ XVII вѣкѣ службы Беклемишевыхъ значительно

понизились въ ступеняхъ іерархіи, хотя все таки члены этой фамиліи бывали судьями въ приказахъ и воеводами въ городахъ. При Алексѣѣ Михайловичѣ судьею Владимірскаго суднаго приказа (1651 г.) былъ сибирскій воевода, потомъ и умершій въ Тобольскѣ (1660 г.), Василій Михайловичъ Одинецъ (основатель особой вѣтви). Братья его или нѣтъ, намъ неизвѣстно: Никифоръ Михайловичъ, бывш. воеводою въ Астрахани (1658 г.), Никита Михайловичъ—вторымъ судьею въ Московскомъ судномъ приказѣ, и Алексѣй Михайловичъ Беклемишевъ, воевода въ Туринскѣ (съ 1664 г.), умершій въ Тюмени воеводою (1670 г.); сынъ послѣдняго Матвѣй—воевода въ Туринскѣ въ это время. По всей вѣроятности у Никиты, Ивана и Өедора Михайловичей былъ братъ Петръ Михайловичъ, сыновьямъ котораго: Исаю Петровичу (стряпчему, бывшему на войнѣ въ малороссіи съ 1675 по 1681 г.), да Пахому и Михаилу Петровичамъ, грамотою 31 августа 1690 г., назначено въ раздѣлъ отцовское помѣстье, съ удѣленіемъ части еще племяннику Ивану Семеновичу. Сынъ Исая Петровича, Григорій Исаевичъ служилъ деньщикомъ у Петра I. Другія вѣтви этой фамиліи, извѣстныя по дѣламъ архива Д—та герольдіи, ведутъ свое начало отъ Александра Васильевича Беклемишева и сына Григорья Васильевича Слезы,—Игнатія Григорьевича Козла. Отъ Александра происходитъ вѣтвь Щадриныхъ-Беклемишевыхъ, получившая Высочайше утвержденный гербъ и грамоту 13 марта 1801 г. Это—дворяне Московской губерніи, изъ предковъ которыхъ Яковъ Семеновичъ верстанъ помѣстнымъ окладомъ въ 1628 году. Сынъ его Семенъ Яковлевичъ въ 1640 г. былъ стряпчимъ, а внукъ его Василій Ивановичъ служилъ маіоромъ.

Въ шестомъ колѣнѣ отъ Игнатья Козла-Беклемишева приходился жилецъ Василій Романовичъ, въ 1667 г. привезшій государю мировыя условія трактата съ Польшею и за то награжденный помѣстьемъ въ Козельскомъ уѣздѣ изъ 830 четьи въ полѣ, съ обращеніемъ изъ нихъ 196 четьи въ помѣстье. Братъ же этого лица, Леонтій Романовичъ, и сынъ ихъ двоюроднаго брата Иванъ Даниловичъ Беклемишевы, были стольниками въ пра-

вленіе царевны Софіи. Правнуку Василья Романовича, по Калужскому дворянскому депутатскому собранію не удалось доказать своихъ правъ на дворянство. (Дѣло по калуж. губ. № 75/2201). Меньшую запутанность представляютъ вѣтви фамилій отъ правнука Игнатья Козла, Ѳедора Григорьевича, получившаго въ 1622 г. окладъ въ 14 руб. деньгами и 240 четв. Отъ правнука этого лица—Тимофея Борисовича, идетъ вѣтвь рязанскихъ дворянъ, доходящая до нашего времени, въ пятомъ колѣнѣ (см. дѣло по Рязан. губ. 1831 г. № 4/506 и 1839 355/132).

Владимірская вѣтвь дворянъ Беклемишевыхъ ведетъ начало отъ сына Тимофея Борисовича, Якова Тимофѣевича, сынъ котораго, секундъ-маіоръ Петръ Яковлевичъ, былъ отцомъ Николая Петровича и дѣдомъ двухъ братьевъ Дмитрія и Петра Николаевичей, признанныхъ дворянами по опред. Владимірскаго дворянскаго депутатскаго собранія 3 марта 1795 г.

Вологодская вѣтвь Беклемишевыхъ ведетъ свое начало отъ Григорья Тимофѣевича, сынъ котораго Степанъ Григорьевичъ имѣлъ помѣстье въ Авнежской волости, перешедшее къ сыну его Михаилу въ 1631 г. Сынъ его Матвѣй былъ помѣщикъ вологодской и галицкой и его имѣнія перешли къ сыну Дмитрію въ 1698 году. Въ 6-мъ колѣнѣ отъ него Александръ Васильевичъ Беклемишевъ внесенъ въ VI часть Родословной книги по опред. Волог...дворян. депут. собр. 10 мая 1795 г. (дѣло по Вolог. губ. 1842 г. № 50/5?4).

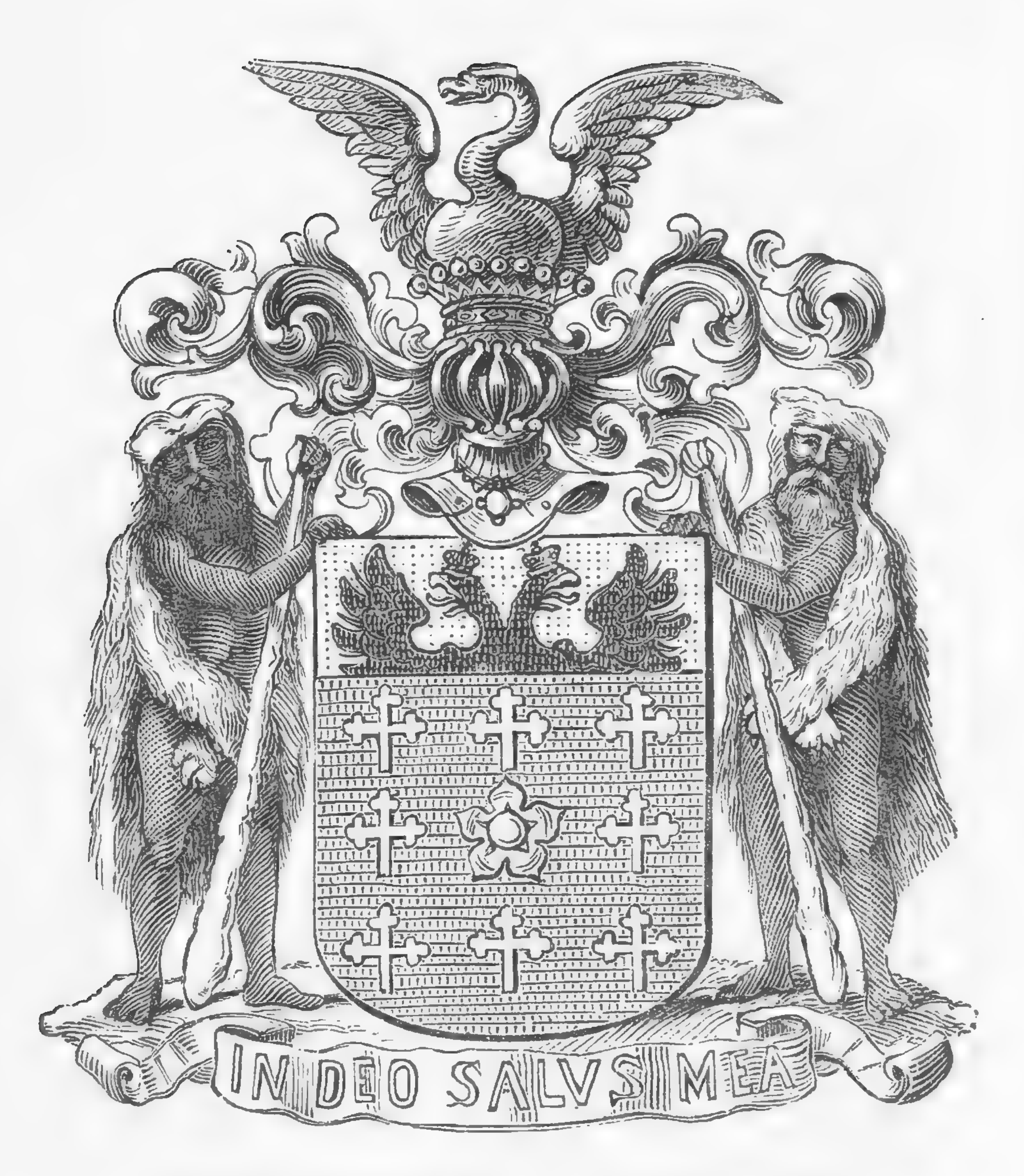
Калужская вѣтвь дворянъ, имѣвшая уже отъ Ѳедора Григорьевича Беклемишева семь колѣнъ къ концу минувшаго вѣка, особенно выяснилась съ представленіемъ родословной отъ военно-походнаго шталмейстера Его Величества полковника Аркадія Илларіоновича Беклемишева (род. 1798 года); прямой предокъ этой вѣтви Ѳедоръ Григорьевичъ уже поименованъ. У сына его Матвѣя было двое дѣтей: Андрей Матвѣевичъ, ротмистръ рейтарскаго строя (1678 г.) и Дмитрій, за службу котораго вдовѣ дано прожиточное въ 1698 году. У Андрея Матвѣевича показаны также два сына: Ѳедоръ и Кириллъ Андреевичи. У Кирилла сынъ Михаилъ

Кирилловичъ, помѣщикъ мѣщовскій, женатый на Аннѣ Алексѣевнѣ Перекусихиной—наслѣдницѣ помѣстья брата своего Семена Алексѣевича, въ Боровскомъ уѣздѣ. Отъ четы этой, родилась дочь Анна же и сынъ Илларіонъ (род. 1746 г.) секундъ-маіоръ при отставкѣ (1774 г.), женатый на Авдотьѣ Петровнѣ Суходольской и владѣвшій помѣстьями въ жиздринскомъ и боровскомъ уѣздахъ (307 душъ). По опред. Калужск. дворянск. депутатскаго собранія, Илларіонъ Михайловичъ Беклемишевъ внесенъ 25 октября 1804 г. въ родословную книгу по губерніи, при чомъ показаны у него дѣти: Анна, Дормидонтъ, Димитрій, Аркадій, Порфирій и Евгенія.

Нижегородская вѣтвь дворянъ Беклемишевыхъ, по Горбатовскому уѣзду, записана въ родословную книгу (дѣло 1845 г. № 46/303) въ лицѣ Михаила Александровича Беклемишева, поручика, и дѣтей его: Александра, Алексѣя, Василія, Ирины, Елисаветы и Александры.

Но, и перечисливъ по дѣламъ архива д—та герольдіи дворянскія вѣтви фамиліи Беклемишевыхъ по губерніямъ Московской, Калужской, Рязанской, Владимірской, Нижегородской и Вологодской, мы не можемъ указать многихъ колѣнъ, представители которыхъ сдѣлались извѣстны своею службою, какъ напр. вице-губернатора въ Астрахани, д. с. с. Ивана Беклемишева, вице-президента комерцъ-коллегіи (1775 г.), Сергѣя Васильевича Беклемишева и лицъ этой фамиліи въ настоящемъ вѣкѣ.

Гербъ рода Беклемишевыхъ (герб. ч. IV, I отд. стр. 36) представляетъ щитъ, раздѣленный на двое. Отъ главы щита, въ голубомъ полѣ, сіяющее золотое солнце, а въ нижней половинѣ, въ красномъ полѣ, золотой коронованный левъ, держащій въ правой лапѣ поднятый мечъ. Гербъ украшенъ дворянскою короною. Въ нашлемникѣ 3 страусовыя пера. Щитодержцы чорные орлы. Наметъ лазуревый съ золотомъ.

Бестужевы-Рюмины, графскій домъ.

Сынъ родоначальника Бестужевыхъ — *о дворянскомъ собственно родѣ которыхъ*, за неполнотою собранныхъ еще свѣдѣній, *мы теперь не коснемся*, — Яковъ Гавриловичъ Бестужевъ получилъ почему то прозваніе Рюма и сдѣлался предкомъ, разсматриваемой нами теперь, фамиліи, Рюминыхъ-Бестужевыхъ. Въ теченіи XVI и XVII вѣковъ прямыхъ представителей этой именно вѣтви об-

ширной фамиліи, мы теперь еще указать прямо не можемъ, до тайнаго совѣтника Петра Михайловича (род. 1664 и ум. 1743 г.), которому въ 1701 г. дано прямое дозволеніе писаться съ ближайшими однородцами, Бестужевыми-Рюмиными. Петръ Михайловичъ же Б. Р., женатый на Евдокіи Ивановнѣ Талызиной, былъ гофмейстеромъ двора царевны Анны Ивановны, въ Митавѣ, и, въ день коронованія Елизаветы Петровны (25 апрѣля 1742 г.),— когда младшій сынъ его вошелъ въ силу при новомъ правительствѣ, — со всѣмъ родомъ возведенъ въ графское достоинство. У Петра Михайловича Б. Р. было трое дѣтей: 1) дочь, Аграфена Петровна, въ супружествѣ за княземъ Никитою Петровичемъ Волконскимъ, 2) старшій сынъ, графъ Михаилъ Петровичъ (1688—1870), д. т. с. посланникъ при шведскомъ дворѣ (1721—1741), потомъ былъ оберъ-гофмаршаломъ Елизаветы и посланникомъ же въ Берлинѣ, Варшавѣ, Вѣнѣ и Парижѣ; не имѣвшій дѣтей отъ двухъ женъ и 3) графъ Алексѣй Петровичъ Б. Р. (1693—1766), одинъ изъ величайшихъ русскихъ дипломатовъ, начавшій службу при Петрѣ I, въ Ганноверѣ, потомъ посолъ въ Даніи, кабинетъ-министръ при Аннѣ, при Елизаветѣ вице-канцлеръ и канцлеръ, а съ 1758 г. опальный, высланный въ подмосковную свою Горетово. Екатерина II, возвративъ ему чины и ордена, произвела престарѣлаго дипломата въ фельдмаршалы. Въ бытность вице-канцлеромъ, графъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ получилъ графскій титулъ римской имперіи (2 (13) іюля 1745 г.) и отъ брака съ Анною Ивановною Беттихеръ (ум. 15 декабря 1761 г.) имѣлъ одного только сына—графа Андрея Алексѣевича, въ день коронованія Екатерины II уволеннаго отъ службы съ чиномъ д. т. с. и умершаго бездѣтнымъ въ 1768 году. Со смертью его прекратилась графская линія Бестужевыхъ-Рюминыхъ, хотя дворяне, въ лицѣ воспитанниковъ кол. асс. Бестужева (по указу 5 мая 1804 года) могутъ считаться продолжающими эту самую, а не другую вѣтвь фамиліи.

Гербъ графскаго рода Бестужевыхъ-Рюминыхъ (Общій Россійскій Герб. ч. I № 10), нами теперь помѣщаемый, представляетъ щитъ, раздѣленный горизон-

тально на двѣ неровныя части. Отъ главы, въ верхнемъ золотомъ полѣ, возникающій императорскій двуглавый коронованный чорный орелъ. Нижнее же чорное поле заключаетъ эмблемы фамильнаго герба Бестужевыхъ: золотой пятилистникъ, окружонный осемью золотыми крестами. Гербовый щитъ графовъ Б. Р. увѣнчанъ графскимъ шлемомъ и короною, въ нашлемникѣ подъ короною возникающій страусъ (или лебедь) съ распростертыми крыльями. Наметъ чорный съ золотомъ. Щитодержцы—дикари съ палицами въ правой рукѣ. Девизъ «In deo salus mea» (въ Богѣ мое спасеніе).

Брюлловы, дворянскій домъ.

Происхожденіе этой фамиліи,—по указанію академика Императ. Акад. Худ. Павла Ивановича Брюлло своему начальству — изъ Франціи. Изгнанные изъ отечества, какъ протестанты, по уничтоженіи нантскаго эдикта, Брюлло поселились въ Люнебургѣ, откуда прапрадѣдъ, получившаго русское дворянство (А. П. Брюллова)—Георгъ Брюло въ 1773 году прибылъ въ Петербургъ съ внукомъ и внучкою, да младшимъ сыномъ: работать на Императорскомъ фарфоровомъ заводѣ, въ качествѣ орнаментнаго скульптора. Внучку отдалъ здѣсь замужъ, а внукъ—Павелъ Ивановичъ, женился два раза. Въ первомъ бракѣ съ дѣвицею Краутведель имѣлъ онъ одного сына Фридриха (Ѳедора Павловича) Брюлло, профессора церковной живописи, род. 1793 г., ум. 1869 г. По смерти же первой жены, вступивъ во второй бракъ съ дочерью

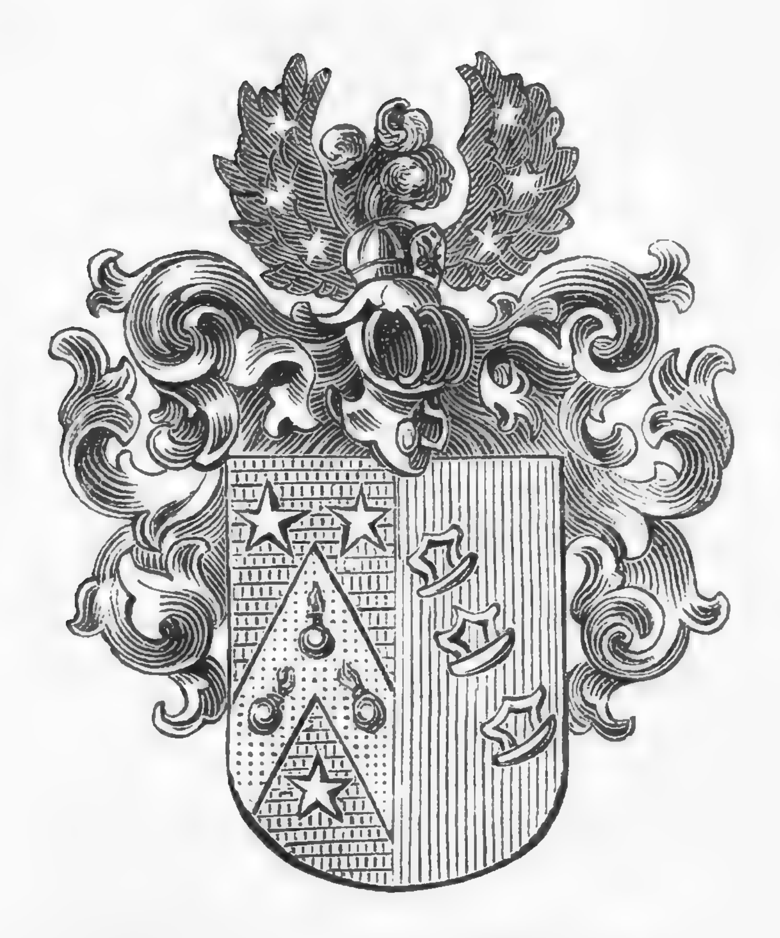
придворнаго садовника, Маріею-Елизаветой Шредеръ— П. И. Брюлло имѣлъ много дѣтей, изъ которыхъ два сына получили знаменитость въ русскомъ искусствѣ: Александръ Павловичъ Брюловъ (біографія котораго помѣщено въ сборникѣ «для немногихъ» 1871 г.) и Карлъ Павловичъ Брюловъ, профессоръ живописи, знаменитый творецъ картины «Послѣдній день Помпеи»,—род. 12 декабря 1799 г. и ум. 12 (24) іюня 1852 г. Карлъ Павловичъ Брюлловъ, какъ извѣстно, не имѣлъ дѣтей отъ брака съ дѣвицею Тиммъ, а Александръ Павл. Брюлловъ, женатый на Александрѣ Александровнѣ Раль, имѣетъ нѣсколько дѣтей, въ числѣ которыхъ есть сыновья. По полученіи званія профессора архитектуры, А. П. Брюлловъ ходатайствовалъ о дарованіи герба его фамиліи, Высочайше утвержденнаго 29 апрѣля 1838 г. (гербовникъ, часть XI, № 130).

Отъ брака Ѳедора Павловича Брюлло съ дочерью пастора Ульмана, укажемъ на сына профессора архитектуры Николая Ѳедоровича Брюлло—какъ продолжателя рода.

Гербъ фамиліи Брюлловыхъ представляетъ щитъ, разсѣченный горизонтально на двѣ части. Въ нижней,—въ лазуревомъ полѣ, золотой бобръ, несущій на спинѣ золотую колонну, и сопровождаемый такою же пчелою. Въ золотой главѣ щита чорное стропило, подъ которымъ червленная о шести лучахъ звѣзда.

Щитъ гербовый увѣнчанъ дворянскимъ шлемомъ и короною. Въ нашлемникѣ, между двумя чорными орлиными крыльями, золотой, возникающій бобръ, съ червленными глазами и языкомъ, держащій серебряный топоръ.

Наметъ лазуревый съ золотомъ.

Булгаковы, дворянскій домъ.

Эта древняя фамилія при Іоаннѣ III раздѣлялась на двѣ уже вѣтви: Булгаковыхъ московскихъ и рязанскихъ.

Родоначальникомъ второй изъ нихъ былъ воевода Иванъ Ивановичъ Шаинъ, перешедшій изъ Чернигова въ Рязань, на службу, въ концѣ XIV вѣка. Отъ внука его, Юрія Константиновича, ведутъ свое происхожденіе Булгаковы, Денисьевы и Назаровы. Сыновей у Юрія Константиновича было трое и всѣ они значатся рязанскими боярами; у младшаго же изъ нихъ (Дениса) былъ сынъ Матвѣй, прозваніемъ Булгакъ-воевода Іоанна II и Василія IV. Въ 1501 году разорялъ онъ улусы дѣтей Ахмата; въ 1507 году былъ воеводою въ Бѣлевѣ, а въ 1520-хъ годахъ правилъ Рязанью. Шесть сыновей Булгака-Булгаковыхъ уже были на службѣ Іоанна Грознаго.

Третій (Михаилъ) былъ воеводою въ Михайловскѣ, Пронскѣ и Велижѣ; четвертый (Өедоръ мл.) воеводой въ Себежѣ и Кинешмѣ; пятый (Иванъ мл.) — воеводой въ Свіяжскѣ и шестой (Юрій) воевода большаго полка въ походѣ на р. Донъ (1585) въ 1593 г. строилъ Тюмень въ Сибири и былъ въ немъ первымъ воеводою. Изъ двухъ сыновей его, младшій — Өедоръ Юр., былъ сподвижникомъ Ляпунова (1610—11 г.). Прекратился за тѣмъ родъ Булгаковыхъ или продолжается до нынѣ, не приведено въ извѣстность, хотя можно предположить, что дьякъ и потомъ судья конюшеннаго приказа — Дмитрій Кузьмичъ Б.—(1654—71) былъ изъ рязанской вѣтви, также какъ и Матвѣй, стряпчій патріарха Іоакима. Вообще 27 помѣщиковъ Булгаковыхъ было еще въ 1699 году. Московская вѣтвь Булгаковыхъ также извѣстна по представителямъ своимъ съ Іоанна III. Елизаръ Б. убитъ въ походѣ 1487 г. Иванъ Ивановичъ Б. владѣлъ въ 1503 г. въ Кашинскомъ уѣздѣ деревнею Слободище. Сыновья и внуки его: Никифоръ, Никита, Иванъ и Тарханъ Ивановичи были на службѣ Іоанна Грознаго.

У Петра Перваго было трое стольниковъ Булгаковыхъ, внукъ одного изъ нихъ былъ дипломатъ вѣка Екатерины, посланникъ ея и невинный страдалецъ въ Турціи—Яковъ Ивановичъ, д. т. с. (род. 1743 г., ум. 1809 г.), умершій холостымъ. Чтобы сохранить фамилію такого доблестнаго слуги государства, двумъ сыновьямъ или воспитанникамъ его — Александру и Константину Яковлевичамъ предоставлено сохранять фамилію Булгаковыхъ и пользоваться гербомъ ея. Изъ нихъ Александръ Яковлевичъ Б. былъ московскимъ почтъ-директоромъ и сенаторомъ, и отъ перваго брака съ княжною Натальею Васильевною Хованской оставилъ двухъ сыновей (Константина и Павла Александровичей), да двухъ дочерей. Второй наслѣдникъ дипломата — Константинъ Яковлевичъ Булгаковъ (1782—1835 г.) С.-Петербургскій почтъ-директоръ, тайн. сов., оставилъ сына Александра Константиновича и 3-хъ дочерей. Изъ нихъ Софья Константиновна за графомъ Борисомъ Алексѣевичемъ Перовскимъ.

Помѣщаемый нами гербъ одной изъ вѣтвей фамиліи Булгаковыхъ (Гербовникъ, ч. II, № 120) представляетъ

щитъ, раздѣленный на двѣ неровныя части. Въ первой отъ главы щита въ голубомъ полѣ золотой крестъ. Въ нижней большой части, перпендикулярно разсѣченной, въ правомъ, красномъ полѣ, золотой крестъ, а въ лѣвомъ золотомъ, крестообразно положенный бунчукъ, стрѣла и мечъ остріями вверхъ. Гербъ украшенъ дворянскимъ шлемомъ и короной съ тремя страусовыми перьями. Наметъ справа голубой, слѣва красный; подложка золотая.

Произведя полныя изысканія о другихъ вѣтвяхъ фамиліи Булгаковыхъ, мы сообщимъ результаты, помѣщая другой гербъ.

Салтыковы, княжескій, графскій и дворянскій родъ.

Родъ Салтыковыхъ имѣетъ уже трехвѣковую исторію. Онъ ведется отъ Михаила Игнатьевича Морозова, прозваннаго Салтыкомъ. Изъ 4-хъ сыновей его, оружейничей Царя Василія, отца Грознаго, Андрей Михайловичъ (ум. 1522 г.) оставилъ также четырехъ сыновей, изъ которыхъ старшій Яковъ (ум. 1571 г.) и младшій Левъ (ум. 1573 г.) были боярами Грознаго. Отъ третьяго же сына Салтыка происходилъ извѣст-

ный бояринъ Михаилъ Глѣбовичъ Кривой Салтыковъ, уѣхавшій въ 1611 году въ Польшу, принимая зловредное для отечества участіе въ козняхъ поляковъ, овладѣвшихъ Москвою подъ видомъ избранія въ цари русскіе Владислава королевича. Внуки этаго злодѣя Россіи возвратились въ Москву при царѣ Алексеѣ Михайловичѣ, а сынъ былъ убитъ Новгородцами въ 1611 году, за измѣну и преданность полякамъ. Изъ потомства втораго же сына Салтыкова, Игнатія, въ третьемъ колѣнѣ извѣстенъ окольничій Михаилъ Михайловичъ (ум. схимникомъ 1608 г.). Сыновья его умерли боярами при Михаилѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ, а правнукъ Ѳедоръ Петровичъ убитъ стрѣльцами въ страшный день 15 Мая 1682 г. Изъ рода Кривого Салтыкова былъ и бояринъ Ѳедоръ (Александръ Петровичъ, умершій, 2 февраля 1697 г.), дочь котораго Прасковья Ѳедоровна, была царицею: супругою царя Ивана Алексѣевича и матерью императрицы Анны Ивановны. Въ правленіе Анны, родной братъ Ея Величества—Василій Ѳедоровичъ, при коронаціи, возведенъ въ графское достоинство, но въ томъ же году умеръ (5 Октября 1780 г.). Января 9 1732 г. возведенъ въ графское же достоинство генералъ-аншефъ Семенъ Андреевичъ, пожалованный московскимъ генералъ-губернаторомъ. Сынъ его графъ Петръ Семеновичъ, фельдмаршалъ, разбилъ Фридриха II, короля прусскаго, подъ Кунерсдорфомъ (1 Августа 1759 г.) а потомъ былъ главнокомандующимъ въ Москвѣ при Екатеринѣ II, и отрѣшонъ за бѣгство изъ столицы во время чумы. Сынъ же его Иванъ Петровичъ генералъ-аншефъ при Екатеринѣ и фельдмаршалъ при Павлѣ (и также военный губернаторъ въ Москвѣ), имѣлъ одного сына, умершаго холостымъ въ 1813 г.

Внучатный племянникъ императрицы Анны, Иванъ Алексѣевичъ, при Елизаветѣ генералъ-поручикъ, въ отставкѣ полный генералъ, имѣлъ двухъ сыновей, изъ которыхъ старшій Николай Ивановичъ — воспитатель сыновей императора Павла I, при Александрѣ I, возведенъ въ князья Россійской Имперіи, съ титуломъ свѣтлости (30 Августа 1814 г.), и потомъ былъ пред-

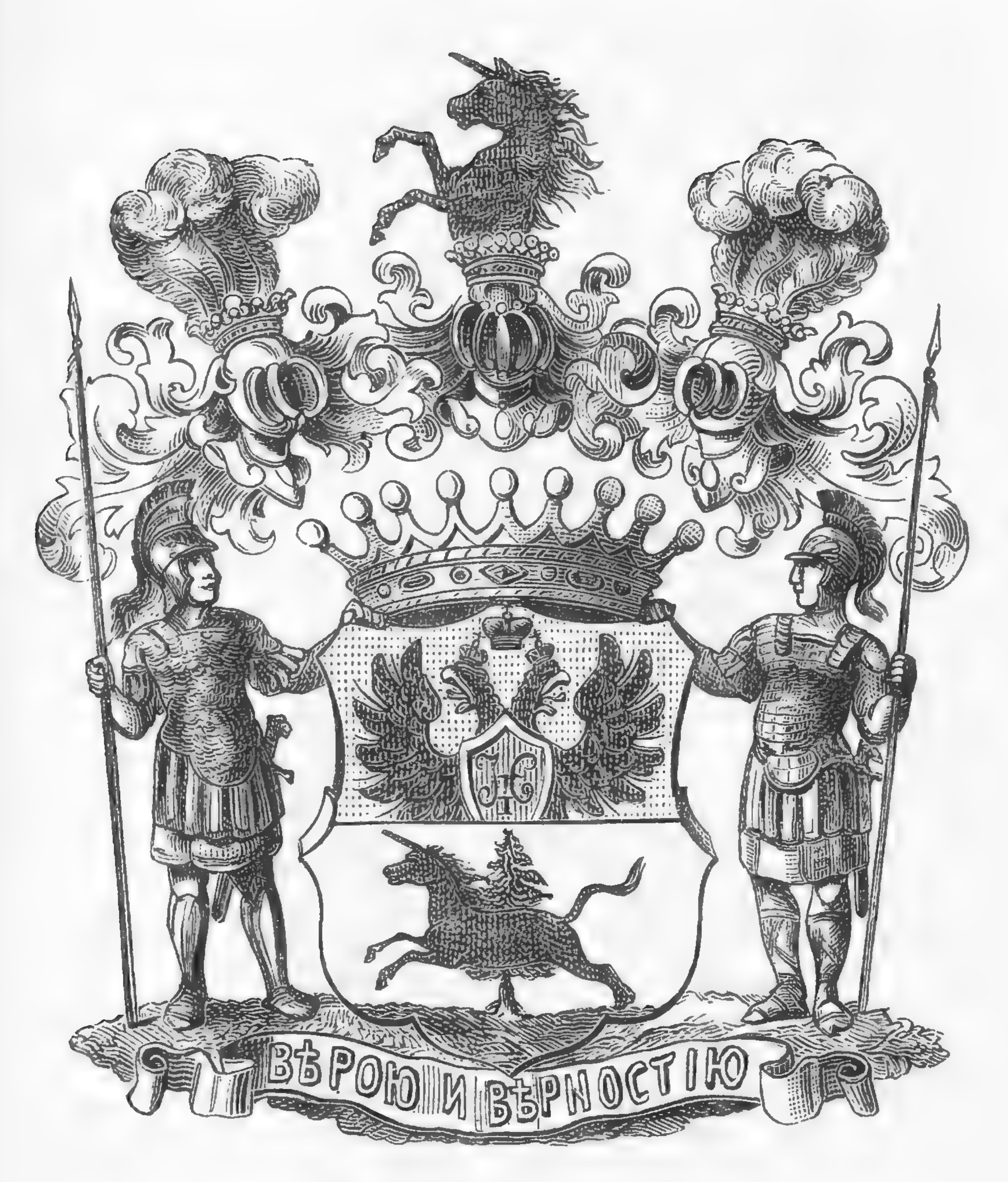
сѣдателемъ государственнаго совѣта. Потомство теперь продолжается отъ обоихъ сыновей этого лица.

Въ Польшѣ существуетъ вѣтвь Салтыковыхъ или *Солтыковъ*, отъ выѣхавшаго на службу къ королю Сигизмунду изъ Москвы Ивана Никитича Ера, принявшаго католицизмъ. Изъ этой вѣтви, при королѣ Станиславѣ Августѣ Понятовскомъ — прославился какъ врагъ его и Россіи, Каэтанъ Солтыкъ, архіепископъ Краковскій. Братъ его Матвѣй былъ кастеляномъ варшавскимъ, а двоюродные братья ихъ были: Матвѣй воеводою сандомирскимъ, а Ѳома кастеляномъ вислицкимъ.

Гербъ дворянъ Салтыковыхъ (Гербовникъ, ч. VII, № 28) въ золотомъ полѣ чорный одноглавый коронованный орелъ, изъ за праваго крыла котораго выходитъ поднятая рука съ мечемъ. На щитѣ дворянскіе: шлемъ и корона съ тремя страусовыми перьями; наметъ золотой съ чернымъ; щитодержцы два единорога. Польская вѣтвь Салтыковыхъ употребляя этотъ же гербъ, почему то ставитъ, вмѣсто дворянской, княжескую корону.

Княжескій гербъ Салтыковыхъ (Гербовникъ ч. IX, № 2) оставляя этотъ же наметъ и тѣхъ же щитодержцевъ, еще имѣетъ девизъ: «за вѣрность, усердіе и труды,» съ княжескою шапкою и мантіею. Гербовый щитъ раздѣленъ на 4 части: первая и четвертая изъ нихъ еще разсѣчены діагонально на два поля, золотое и чорное. Въ первомъ дѣленіи, имѣющемъ русскій двуглавый орелъ (на чорной половинѣ золотой, на золотой чорный). Въ четвертой же части помѣщена шестиугольная звѣзда (на чорной половинѣ золотая, на золотой чорная).

Во второй части щита, въ голубомъ полѣ золотой шишакъ, а въ третьей въ голубомъ же полѣ, золотая шпага, обвитая лавромъ и положенная діагонально остріемъ къ правому верхнему углу. Въ срединѣ щита, въ маломъ щиткѣ, родовой гербъ Салтыковыхъ. Княжескій гербовый щитъ покрываетъ графская корона, а сверхъ ея три дворянскіе шлема. Въ нашлемникахъ помѣщены: справа, согнутая рука, держащая фельдмаршалскій жезлъ; слѣва, тоже согнутая рука держитъ поднятую шпагу, а въ срединѣ — возникающій Россійскій двуглавый орелъ.

Эссенъ, графскій родъ.

Происхожденіе этого рода ведутъ изъ Голландской провинціи Гельдернъ и изъ Вестфаліи, откуда предки Эссеновъ, Дингельнъ (Düngeln) и Эккельнъ (Eckeln), въ XVI вѣкѣ переселились въ Балтійскій край, получивъ и пріобрѣтя имѣнія дворянскія въ Курляндіи, Лифляндіи и на остр. Эзелѣ. Въ Шведской службѣ Эс-

сены получили графское достоинство. Въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка представители рода Эссенъ жили еще въ Бранденбургѣ, а въ концѣ того вѣка считались въ числѣ дворянскихъ фамилій западной Пруссіи и Помераніи. Одинъ изъ этой вѣтви, въ чинѣ маіора прусской службы, былъ комендантомъ въ Мемелѣ 1815 г. и умеръ въ 1818 г.

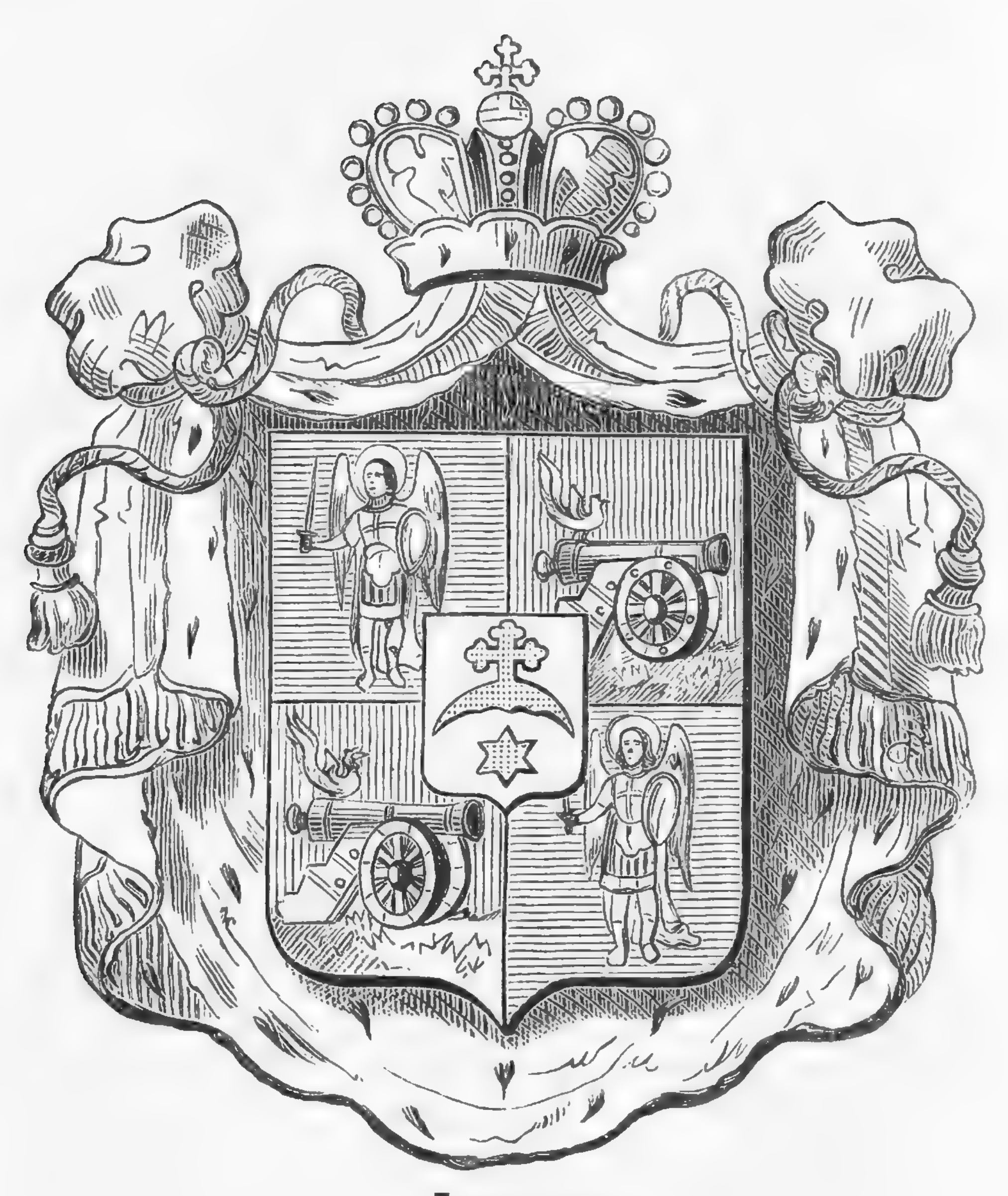
Послѣднимъ представителемъ Лифляндской вѣтви Эссеновъ, былъ графъ Петръ Христіановичъ Эссенъ, русской службы генералъ отъ инфантнріи, членъ государственнаго совѣта, кавалеръ всѣхъ россійскихъ и прусскихъ орденовъ чорнаго и краснаго орла 1 кл., Онъ род. въ Лифляндіи въ 1772 г., при Павлѣ (1798 г.) былъ уже генералъ-маіоромъ лично извѣстнымъ государю съ хорошей стороны. За отличіе въ походѣ въ Италію и Швейцарію (1799 г.) Эссенъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты (1800 г.) и назначенъ Выборгскимъ военнымъ губернаторомъ и инспекторомъ войскъ въ Финляндіи.

Какъ начальникъ 7-й пѣхотной дивизіи, онъ отличился съ нею въ бою при Прейсишъ-Эйлау, а за тѣмъ служилъ подъ начальствомъ Кутузова въ турецкую войну (1808—1812 г.). Во время отечественной войны онъ начальствовалъ корпусомъ и въ 1817 году назначенъ военнымъ губернаторомъ въ Оренбургъ. Въ 1819 году произведенъ въ полные генералы; съ 1830 по 1842 г. былъ военнымъ губернаторомъ С.-Петербургскимъ и неся этотъ санъ возведенъ въ графское достоинство (въ 1833 году). Въ 1828 году единственный сынъ его, въ чинѣ полковника, умеръ отъ ранъ, полученныхъ при Варнѣ, почему Высочайше разрѣшено зятю графа Петра Хр. Эссена, — Штенбокъ-Фермору называться *графомъ Эссенъ-Штенбокъ-Ферморомъ.*

Старинный гербъ Эссеновъ прусскихъ, или, лучше сказать, шведскихъ, по диплому, данному 26 Марта (нов. ст.) 1706 г., представляетъ щитъ рязсѣченный вдоль: съ права, въ золотомъ полѣ красный единорогъ, а съ лѣва, въ серебряномъ полѣ, на тройномъ зеленомъ холмѣ, виноградная лоза.

Приводимый нами, теперь графскій Росоійской им-

періи гербъ Эссена представляетъ щитъ разсѣченный горизонтально. Отъ главы, въ золотомъ полѣ возникающій государственный орелъ съ тремя коронами, имѣющій на груди, въ щиткѣ, вензловое имя императора Николая I. Въ нижней же половинѣ гербоваго щита, въ серебряномъ полѣ, единорогъ, бѣгущій въ лѣво и за нимъ дерево. Щитъ увѣнчанъ графскою короною и подъ нею три шлема, въ нашлемникахъ, имѣющіе съ боковъ по три страусовыхъ пера, а въ срединѣ возникающій единорогъ. Наметъ на право красный съ золотомъ, на лѣво лазуревый съ серебромъ. Щитодержцы воины съ копьями, въ шишакахъ, девизъ «Вѣрою и вѣрностью».

Дашковы.

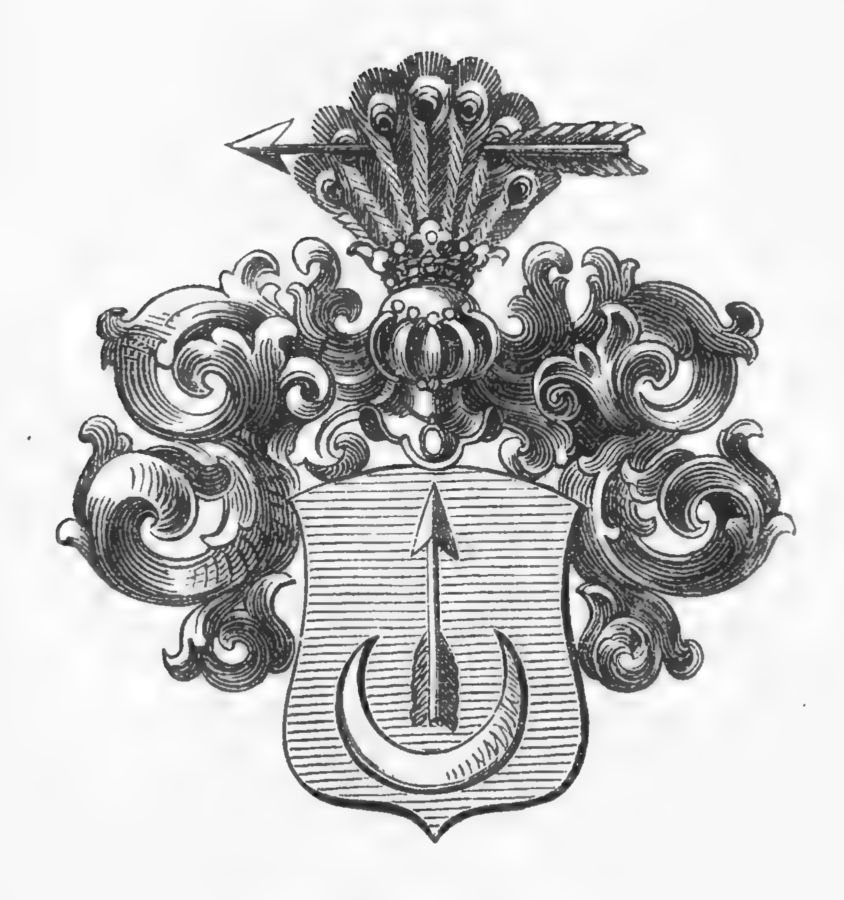
КНЯЖЕСКІЙ ДОМЪ.

Къ числу угасшихъ, хотя и не безслѣдно, древнихъ княжескихъ родовъ отъ Рюрика, принадлежатъ и князья Дашковы. Родоначальникомъ ихъ считаютъ князя Александра Святославича Смоленскаго, прозваннаго почему-то *Дашекъ*, по занятіи литовцами Смоленска, умершаго въ Москвѣ,

1408 года и оставившаго сына Михаила Ал., прозваніемъ *Зіяло*, у котораго было пять сыновей: Константинъ, Дмитрій, Романъ, Михаилъ и Иванъ (Василевской) Михайловичи. У третьяго изъ этихъ братьевъ, Романа, былъ сынъ Өедоръ, въ казанскомъ походѣ, въ 1544 г., бывшій первымъ воеводою 18-го больш. п. А у втораго—Дмитрія Романовича—воеводы Іоанна Грознаго въ походахъ 1545 и 1551 г., были три сына: Андрей, Семенъ и Иванъ Дмитріевичи, изъ которыхъ младшій только оказался продолжателемъ рода. У него именно былъ сынъ Андрей Ивановичъ, въ свою очередь оставившій сыновей Ивана и Петра Андреевичей, изъ которыхъ родъ продолжается отъ одного старшаго сына. Князь Андрей Дмитріевичъ Дашковъ въ 1551 году былъ еще сыномъ боярскимъ, а черезъ четыре года годовалъ 3-мъ воеводою въ гор. Алатарѣ; съ 1567 года былъ приставомъ у царевича Тохтамыша, по завоеваніи же Полоцка былъ 3-мъ воеводою въ Дерптѣ и 4-мъ въ Смоленскѣ, въ 1565—3-мъ воеводою въ Астрахани, а въ 1567 г. воеводою Сторожеваго полка въ Коломнѣ. Братъ его кн. Семенъ Дм. вмѣстѣ съ нимъ начавъ службу, въ 1554 году былъ въ Арскомъ походѣ съ кн. Телятевскимъ, а въ 1562 г.—вторымъ воеводою въ Великихъ Лукахъ. Третій ихъ братъ, кн. Иванъ Дм., тоже бывшій въ Арскомъ походѣ, воеводствовалъ въ Свіяжскѣ (1558 г.), Смоленскѣ (1562 г.), — въ походѣ Телятевскаго въ Литву (1564 г.) начальствовалъ передовымъ полкомъ, а потомъ перебывалъ на воеводствахъ: въ Шатскѣ, Астрахани, Михайловѣ и Дедиловѣ, на Новосили (1568 г.) и въ передовомъ полку на Украйнѣ. Князь Андрей Ивановичъ въ 1587 году былъ воеводою въ Ливнахъ; сынъ его Петръ Андреевичъ убитъ подъ Калугою, другой—Иванъ Андреев., былъ въ 1618 г. 1-мъ воеводою въ Брянскѣ, въ 1633 году оборонялъ Арбатскія ворота отъ прихода Крымцевъ, а въ 1634 году встрѣчалъ шведскаго посланника. У князя Ивана Андреевича были сыновья: Василій и Григорій Ивановичи, не оставившіе потомства, и князь Иванъ Ивановичъ стольникъ въ 1627, въ 1671 г. дворянинъ московской и судья Разбойнаго приказа, въ 1685 году окольничій,—оставившій трехъ сыновей, стольниковъ-же: Өедора, Петра и Андрея Ивановичей. Сынъ послѣдняго Иванъ Андреевичъ, женатый на Леонтьевой, былъ отцомъ князя Михаила (Кондратія)

Ивановича (род. 3-го марта 1736 г. и ум. 17 авг. 1764 г.) бригадира, мужа статсъ-дамы княгини Екатерины Романовны, ур. графини Воронцовой (род. 17 марта 1743 и ум. 4-го янв. 1810 г.). Кто не знаетъ княгиню Дашкову— президента академіи наукъ, писательницу, учоную, энциклопедистку, путешественницу, друга и врага Екатерины II-й, ей постоянно благодѣтельствовавшей?—Дашкову, женщину съ несомнѣннымъ умомъ, но въ тоже время съ чудовищными капризами, сварливостью и сребролюбіемъ. Павелъ I изгналъ ее изъ обѣихъ столицъ; при Александрѣ I она воротилась въ Москву и окончила тамъ дни свои, переживъ сына, князя Павла Михайловича, генералъ-лейтенанта, предводителя дворянства Московской губерніи, ум. 40 лѣтъ отъ роду, въ 1806 году. Съ нимъ прекратился родъ князей Дашковыхъ. Кромѣ сына, отъ брака княгини Екатерины Романовны съ княземъ Михаиломъ Ивановичемъ, была еще дочь, княгиня Анастасія Михайловна, бывшая за мужемъ за Андреемъ Евдокимовичемъ Щербининымъ. Чтобы сохранить воспоминаніе о фамиліи князей Дашковыхъ, императоръ Александръ I дозволилъ внучатному брату послѣдняго представителя рода, наслѣдовавшему и имѣніе его — графу Ивану Илларіоновичу Воронцову: прибавить къ своей фамиліи прозваніе *Дашковъ* и писаться *графомъ Воронцовымъ-Дашковымъ.*

Гербъ князей Дашковыхъ (Гербовн. ч. I, № 10) представляетъ щитъ, разсѣченный на четыре части. Изъ нихъ въ 1-й и 4-й, въ лазуревомъ полѣ повторяется одна эмблема (гербъ Кіевскій): ангелъ въ серебряной одеждѣ, съ такимъ-же мечомъ въ правой рукѣ и золотымъ щитомъ на лѣвой рукѣ. Во *второй* же и *третьей* частяхъ, въ червленномъ полѣ эмблема Смоленскаго герба: чорная пушка на золотомъ лафетѣ и на пушкѣ райская птичка. На пересѣченіи полей гербоваго щита помѣщонъ щитокъ малый, заключающій въ серебряномъ полѣ золотой крестъ, подъ нимъ золотой же полумѣсяцъ, рогами внизъ, и золотую звѣзду о шести лучахъ, подъ полумѣсяцемъ. Гербовый щитъ увѣнчанъ княжескою русскою шапкою и помѣщонъ на развернутой горностаевой мантіи.

Боярскіе и (Баярскіе).

Русскій дворянскій родъ и гербы ихъ.

По свѣденіямъ архива департамента герольдіи правительствующаго сената, дворяне Боярскіе въ настоящее время, числятся по губерніямъ: Кіевской, Минской, Московской, Подольской и Харьковской. По происхожденію отъ разныхъ предковъ, Боярскіе распадаются, собственно» на два независимые рода: минскихъ и подольскихъ, изъ которыхъ послѣдній раздѣлился на вѣтви—харьковскую и кіевскую.

Ходатайство о признаніи въ дворянствѣ рода Боярскихъ послѣдовало при Екатеринѣ II со стороны харьковской вѣтви, и фамилія ихъ внесена въ шестую часть гербовника въ 1788 г. На основаніи указа 20 Января 1797 г. капитанъ Иванъ Васильевичъ Боярскій, уѣздный предводитель дворянства Ахтырскаго уѣзда, далъ

о родѣ своемъ объясненіе, представляя рисунокъ герба своего на утвержденіе герольдмейстерской конторы. По его объясненію (въ дѣлѣ арх. д. герольд. № 64, 1797 г.) предки Боярскихъ вышли изъ Славоніи, при овладѣніи этой страны турками, и нашли прибѣжище въ областяхъ Рѣчи Посполитой-польской, на Украйнѣ, по р. Бугу, заведя слободы Маньковку и Боярку. Король Сигизмундъ II пожаловалъ славянскимъ переселенцамъ въ собственность, занятыя и воздѣланныя ими до того, пустопорожнія мѣста, которыя, къ тому же, должны они были сами, своими силами, защищать отъ турокъ и татаръ крымскихъ, съ этой именно стороны обыкновенно вторгавшихся въ польскія границы.

По словамъ и завѣренію объявителя, тогда же (т. е. при Сигизмундѣ II) данъ роду Боярскихъ и гербъ, который герольдіею въ 1797 году принятъ и утвержденъ законнымъ порядкомъ. Гербъ этотъ представляетъ вола, привязаннаго къ горящему пню дерева, подъ которымъ изображенъ лукъ со стрѣлами, а на землѣ, ниже вола, буква В латинскаго алфавита, начальная фамилія Боярскихъ по польской транскрипціи. Волъ,—по объясненію капитана И.В. Боярскаго,—обозначалъ отличные успѣхи предковъ въ обработываніи часто разоряемой мѣстности, или, лучше сказать, упорство ихъ и стойкость на мѣстѣ поселенія, гдѣ рѣдкій наѣздъ враговъ не обращалъ въ пепелъ жилья ихъ и гдѣ, на защиту своей движимости, приходилось имъ постоянно быть вооруженными. Лукъ и стрѣлы могли выражать боевые тревоги, въ которыхъ проходила жизнь переселенцевъ — славянъ, на пограничномъ постѣ своемъ встрѣчавшихъ враговъ первыми.

Выясняя подробности и толкованіе герба, И. В. Боярскій прибавилъ съ своей стороны, что онъ самъ, «для приличія», самопроизвольно, назначилъ одно зеленое поле гербоваго щита, не зная, какое оно было въ старину, или какое полагалось. Герольдмейстерская контора препятствія не нашла утвердить гербъ вполнѣ по видамъ объявителя, и дѣло кончилось къ совершенному его удовольствію.

О генеалогіи своей капитанъ Боярскій показывалъ

при этомъ также обстоятельно, называя первымъ лицомъ родовой вѣтви харьковскихъ Боярскихъ—Өедора Б., переселившагося съ р. Буга на земли, отведенныя Ахтырскому полку малороссійскаго войска, при рѣчкахъ Мерли и Колонтаевкѣ. Въ селеніи Колонтаевкѣ Өедоръ Боярскій основалъ свою резиденцію, пожалованный въ сотники Ахтырскаго полка, во второй половинѣ XVII вѣка. Старшій сынъ этого сотника,—прапрадѣда разъяснителя родословія,—былъ Григорій Өедоровичъ Б., полковой обозный того же полка; средній Матвѣй Ө. судья, а младшій Тимофей Ө. Б. послѣ 59 лѣтней службы въ полку, былъ выпущенъ въ отставку съ чиномъ полковника. Его сынъ, Василій Тимофѣевичъ Боярскій, служилъ уже въ Харьковскомъ полку, проходя разными чинами, и, по переформированіи казаковъ харьковскихъ въ гусары, съ 1765 г. состоялъ воеводскимъ товарищемъ въ Ахтырской провинціи, и назначенный отъ нея депутатомъ въ коммиссію новаго Уложенія (1767 г.), умеръ въ Петербургѣ, членомъ ея, въ 1775 г. Иванъ Васильевичъ Б. былъ сынъ этого замѣчательнаго человѣка, и самъ, прослуживъ въ военной службѣ 34 г. (1753—87 г.) доканчивалъ жизнь на службѣ по выборамъ дворянства. Онъ и предки его были всѣ православнаго исповѣданія, а сынъ его (род. 1794 г.), въ 1825 г. просилъ о включеніи въ родословную сына Николая (2-хъ лѣтъ) и двухъ дочерей.

Кіевская вѣтвь рода Боярскихъ (д. арх. герольд. № 69, 1845 г.) считаетъ предкомъ своимъ Семена Б., сынъ котораго Григорій названъ дворяниномъ въ дарственной записи, въ книгѣ Каменецъ-Подольскихъ городскихъ актовъ 1630 г. Григорію Семеновичу Б. принадлежали тогда, въ Подольскомъ воеводствѣ, селенія: Васильковецъ и Іорковецъ, да въ Луцкомъ уѣздѣ имѣніе Любитово, которое, послѣ смерти его, дано сыну (Ивану Григорьевичу) въ вотчину (30 Августа 1669 г.). Умирая самъ, Иванъ Григорьевичъ передалъ часть Любитова, по согласію съ сыновьями своими: Михаиломъ, Антономъ, Иваномъ и Осипомъ. Михаилъ Ивановичъ Б. записанъ въ дворянскую книгу Кіевской губерніи (30 Мая 1816 г.) при чемъ показаны у него сыновья:

Антонъ, Михаилъ, Адамъ, Юліанъ и Викентій. Продолжается потомство и его братьевъ.

Подольская вѣтвь Боярскихъ въ дворянствѣ не признана и родъ ихъ исключонъ изъ родословной книги Под. губ., по указу герольдіи отъ 11 ноября 1839 г., послѣдовавшему на имя коммисіи, Высочайше утвержденной для ревизіи дѣйствій подольскаго дворянскаго депутатскаго собранія.

По Московской губерніи зачисленъ и утвержденъ въ дворянствѣ маіоръ Антонъ Ивановичъ Боярскій,—происходившій отъ подольской вѣтви, не имѣвшій земли и женатый (1837 г.) на Раисѣ Александровнѣ Некрасовой,—по опредѣленію 30 іюля 1864 г. (дѣло арх. герольд. № 44, по Московской губ.).

Минскіе дворяне Боярскіе имѣютъ гербъ фамиліи Зассъ и утверждены въ дворянствѣ въ 1835 г. со внесеніемъ въ шестую книгу. Они со всѣмъ другого происхожденія, чѣмъ родъ и вѣтви, нами описанные. Предкомъ ихъ считается,—на сколько видно по актамъ, представленнымъ при утвержденіи въ дворянствѣ (дѣло арх. герольд. 18633, № 36, по Минской губ.), — Іохимъ Валентиновичъ Боярскій (изъ панцерныхъ бояръ литовскихъ), въ смутное время войнъ съ Россіею Сигизмунда III и Владислава, успѣвшій захватить часть имѣнія Загоровскихъ въ смоленскомъ воеводствѣ, котынской волости, на самой русской границѣ (надъ р. Прушаговкою, починки Бруевъ и Сума). Въ захватѣ этомъ прикрывался онъ именемъ «сановниковъ въ совѣтѣ и свитѣ» королевской, — какъ говорится въ привилегіи, данной Владиславомъ IV Загоровскому отъ 1 апрѣля 1636 г. Прибиратель къ рукамъ чужого наслѣдства, Іохимъ Валентиновичъ Боярскій былъ въ то время виленскимъ скарбникомъ и къ концу жизни успѣлъ, вѣроятно, обмѣнять спорные починки на безспорныя земли и крестьянскіе дома въ другой мѣстности. Въ завѣщаніи своемъ, величая себя сыномъ «Валентина за боярина Боярскаго, князя земли Херсонской и Елисаветской — онъ отказалъ Степану Іохим. Б. сыну своему, чашнику смоленскому, въ Вилькомирскомъ повѣтѣ, 26 домовъ, въ селеніяхъ: Высокіе Свиры, Лабуницы, Роговцы и фольваркъ Іохимовъ. У Степана, умершаго въ

1698 году, остались сыновья Генрихъ и Клеофасъ (1729 г.), имѣвшіе наслѣдственную тяжбу, еще начатую съ дѣдомъ ихъ и теперь конченную съ ущербомъ ихъ достоянію. У Генриха, обѣднѣвшаго отъ этого процесса, былъ сынъ Іосифъ, въ свою очередь имѣвшій сына Франца Михаила — родителя Іосифа и Ивана Юліана. Послѣдній изъ нихъ, межевой судья мозырскаго апеляціоннаго суда, просилъ объ утвержденіи въ дворянствѣ, и по просьбѣ его, въ 1833 году, началось дѣло, изъ котораго заимствовали мы извѣстіе о родѣ Боярскихъ, въ Минской губерніи.

Мы помѣстили рисунокъ герба этого послѣдняго рода Боярскихъ (фамиліи Зассъ), представляющій: въ голубомъ полѣ золотой полумѣсяцъ, обращенный рогами вверхъ, и, на срединѣ его, поставленную перпендикулярно, золотую-же стрѣлу, вверхъ остріемъ. Гербъ увѣнчанъ дворянскимъ шлемомъ и короною, надъ которою, вмѣсто нашлемника, помѣщено павлинье перо, вертикально пронзенное стрѣлою.

Отмѣна отъ герба Зассъ, заключается въ непомѣщеніи по сторонамъ стрѣлы двухъ золотыхъ звѣздъ. Въ дѣлѣ (архив. д. герольд. 1833 г., № 36, по Минск. губ.), кромѣ рисунка герба Зассъ, находится еще родословіе отъ Валентія Б. до Ивана Юліана, включительно.

Бутурлины.

Графскій и дворянскій родъ.

Происхожденіе свое родъ Бутурлиныхъ ведетъ отъ Радши (Радила), выходца изъ нынѣшней Пруссіи въ Новгородъ, въ XII вѣкѣ; сдѣлавшагося родоначальникомъ цѣлой полусотни русскихъ дворянскихъ фамилій, угасшихъ и существующихъ *). Въ XIV вѣкѣ, въ ось-

---

*) Пушкиныхъ, Холопищевыхъ, Гавриловыхъ, Невѣдомицкихъ, (Невѣдомскихъ), Улитиныхъ, Товарковыхъ, Свибловыхъ, Хромыхъ, Остеевыхъ,

момъ колѣнѣ отъ Радши, приходится Иванъ Ивановичъ Бутырля, — предокъ обозрѣваемой нами фамиліи, — два сына котораго Иванъ и Юрій, писались уже Бутурлиными. Потомство осталось, впрочемъ, только отъ перваго изъ нихъ; а именно: четыре сына (Андрей, Григорій, Поліевктъ и Никита), опять, въ свою очередь, кромѣ старшаго, сдѣлавшіеся продолжателями рода. Изъ четырехъ сыновей Никиты Ивановича Бутурлина, двое были боярами: Ѳедоръ Н. (умеръ 1520 г.), да Иванъ Н. (ум. 1538 г.), а одинъ Андрей (ум. 1535 г.), значился окольничимъ. Изъ шести сыновей послѣдняго, Иванъ Андреев. Б. былъ бояриномъ (ум. 1577 г.), а двое: Афонасій (ум. 1571 г.), да Дмитрій (ум. 1575 г.), окольничими же. Сынъ втораго изъ братьевъ ихъ, Михаила Андреевича—Иванъ Михайловичъ, бывшій тоже окольничимъ при царѣ Борисѣ, посланъ былъ съ войскомъ на помощь грузинскому царю Александру, завоевалъ почти весь Дагестанъ, но, осажденный въ Таркахъ превосходными силами турокъ и горскихъ инородцевъ, заключивъ съ ними условіе о свободномъ проходѣ на родину, вышелъ изъ-за стѣнъ, положившись на святость договора, однако увидѣлъ вѣроломство враговъ и, пробиваясь между толпами ихъ, нашолъ смерть въ славномъ бою (1605 г.). Третій сынъ его, Василій, воевода Новгородскій (1611 г.), въ слѣдующемъ году явился однимъ изъ вліятельнѣйшихъ соратниковъ кн. Д. М. Пожарскаго. Внукъ Дмитрія Андр. Б., Ѳедоръ Леонтьевичъ, прозваніемъ Воронъ, былъ окольничимъ царя Михаила Ѳедор. и ум. 1640 г. Сынъ его, Тимофей Ѳедоровичъ (умеръ 1651 г.), былъ окольничимъ царя Алексѣя Михайловича. Изъ той-же вѣтви — кривыхъ Б., происходящихъ отъ

Слизневыхъ, Коровиныхъ, Зеленыхъ, Челядниныхъ, Замыцкихъ, Курицыныхъ, Каменскихъ, Курчевыхъ, Булыгиныхъ, Рожновыхъ, Безногихъ, Застолбскихъ, Морохольскихъ, Налиткиныхъ, Чортовыхъ, Волковыхъ, Мусиныхъ, Кологривыхъ, Поводовыхъ, Хрулевыхъ, Чулковыхъ, Жулебиныхъ, Большовыхъ, Меньшовыхъ, Аминовыхъ, Волченковыхъ, Трегубовыхъ, Слѣпцовыхъ, Чоботовыхъ, Еськиныхъ, Мятлевыхъ, Булгаковыхъ, Ноговицыныхъ, Смолкиныхъ, Ширшиныхъ, Неклюдовыхъ, Нечаевыхъ, Третьяковыхъ, Соплиныхъ, и Вороновыхъ, — кромѣ Бутурлиныхъ.

Дмитрія Григ. Б. происходили (правнуки его), прославившіеся въ свое время замѣчательною храбростью: Василій Никитичъ и Никонъ Ѳедоровичъ. Первый, попавшись въ плѣнъ къ шведамъ, согласился принять подданство шведскаго короля и, служа въ войскахъ его (1614 г.), записанъ въ дворянскую родословную книгу шведскаго королевства, подъ именемъ (Wasilius Butterlin). Онъ не оставилъ потомства, женившись въ Швеціи на Аннѣ Кнутсонъ. Троюродный братъ его Никонъ Ѳедоровичъ, въ 1619 году, при подступленіи королевича Владислава къ Москвѣ, мужественно защищалъ Симоновъ монастырь и въ этой обители умеръ, спустя 14 лѣтъ, схимникомъ (1634 г.), нареченный Исаіею. Изъ потомства Поліевкта Ивановича въ 4 колѣнѣ отъ него, были окольничіе царя Алексѣя Михайловича, родные братья: Ѳедоръ Васильевичъ (ум. 4 января 1673 г.) и Андрей Васильевичъ (ум. 1656 г.). Тотъ-же чинъ носилъ и сынъ перваго, Иванъ Ѳедоровичъ; внукъ-же Андрея Васильевича былъ генералъ аншефъ и андреевскій кавалеръ, правитель Малороссіи, Иванъ Ивановичъ Б. (род. 24 іюня 1661 г. и ум. 31 декабря 1738 г.). Правнукъ послѣдняго (шестаго) сына Андрея Никитича—Б. Василья Андреевича, былъ Василій Васильевичъ Бутурлинъ, бояринъ и дворецкій царя Алексѣя Михайловича, въ качествѣ посла государева приводившій малороссійское казачество къ присягѣ на вѣрность Россіи (1654 г.) и ум. 1656 г. Сыновья его Иванъ и Борисъ Васильевичи были тоже боярами, какъ и сынъ Ивана Васильевича (ум. 4 декабря 1665 г.) Петръ Ивановичъ Бутурлинъ, при Петрѣ Первомъ князь-папа (ум. 1724 г.), шутовская свадьба котораго съ Анною Еремѣевной Зотовой, урожденной Пашковой, описана подробно у Берхгольца — очевидца этого юмористическаго пира. Младшій братъ князя-папы, Борисъ Ивановичъ Б., убитъ при Лѣсномъ (1708 г.) въ чинѣ капитана гвардіи, а сынъ его Александръ Борисовичъ (род. 18 іюля 1694 г. и ум. 31 августа 1767 г.) былъ фельдмаршаломъ и возведенъ Елизаветою Петровною (оказывавшею ему особенную благосклонность) въ графское достоинство Россійской Имперіи (17 февраля 1760 г.). Онъ былъ подполковникъ л. гв. Преображенскаго полка, конфе-

ренцъ министръ и главнокомандующій въ Москвѣ. Первый бракъ его съ княжной Анной Михайловной Голицыной (род. 8 декабря 1699 г. и ум. 21 ноября 1727 г.) былъ безплодный; отъ второй же супруги княжны Екатерины Борисовны Куракиной (род. 26 октября 1703 г. и ум. 14 ноября 1772 г.) остались: сынъ графъ Петръ (Іона) Александровичъ, тайн. сов. (род. 8 іюня 1734 г. и ум. 10 іюня 1787 г.) и дочери, графини: Варвара и Екатерина Александровны. Первая изъ нихъ была въ супружествѣ за генералъ-поручикомъ кн. Василіемъ Владиміровичемъ Долгорукимъ, а вторая (ум. 1811) за кн. Юріемъ Васильев. Долгорукимъ. Братъ ихъ графъ Петръ Александров. Бутурлинъ, отъ брака съ графинею Марьею Романовной Воронцовой (род. 29 марта 1738 г.) имѣлъ одного только сына, сенатора графа Дмитрія Петровича Б-на (род. 1761 г. и ум. 19 ноября 1829 г.), да дочь гр. Елизавету Петровну, бывшую за тайн. сов. Андріян. Ив. Дивовымъ. Графъ Дмитрій Петровичъ Б. женатъ былъ на графинѣ Аннѣ Артемьевнѣ Воронцовой и оставилъ 5-хъ дѣтей: двухъ сыновей и трехъ дочерей, вышедшихъ за иностранцевъ. Изъ нихъ графиня Марья Дмитріевна была за флорентинскимъ графомъ Диньи, гр. Елизавета Дм. за ломбард. маркиз. Соммарива и гр. Елена Дм. за ломбардскимъ-же княземъ Видонья Сорсджяно. Что касается продолженія рода отъ сыновей, графовъ: Петра Дмитріевича (род. 1794 г. и ум. 1853 г.) и Михаила Дм. (род. 1807 г.), то, первый изъ нихъ, женатый на Аврорѣ Осиповнѣ Понятовской, имѣлъ сына гр. Петра Петровича; потомство-же второго, графа Михаила Дмитріевича, женатаго на Екатеринѣ Ивановнѣ Нарышкиной, намъ неизвѣстно.

Дворянскій родъ Бутурлиныхъ продолжается только въ лицѣ потомковъ Григорія и Полієвкта Ивановичей; въ родѣ-же генералъ аншефа И. Ив. Бутурлина уже прекратился, такъ какъ сыновья его Юрій и Николай И—чи, не оставили потомства, а отъ Аркадія и Сергія Ив-чей оставалось одно женское поколѣніе. Продолжателемъ одной изъ существующихъ вѣтвей рода Бутурлиныхъ слѣдуетъ считать Николая Сергѣевича Б., отъ втораго внука котораго генералъ-лейтенанта Николая

Алексѣевича (женатаго на княжнѣ Елизаветѣ Сергѣевнѣ Щербатовой), продолжается мужское потомство. Другая существующая вѣтвь идетъ отъ Ивана Самсоновича (въ XVII колѣнѣ отъ Бутурли), правнукъ котораго Петръ Михайловичъ (род. 21 іюня 1763 г. и ум. 2 февраля 1828 г.), женатый на княжнѣ Марьѣ Алексѣевнѣ Шаховской, былъ отцомъ пяти сыновей и пяти дочерей, бывшихъ замужемъ: за Высоцкимъ, Дохтуровымъ, Зыбинымъ, Толстымъ и Майлевскимъ. Старшій изъ сыновей Михайло Петровичъ Бутурлинъ, генералъ-лейтенантъ, нижегородскій губернаторъ (род. 1789 г.) отъ брака съ княжною Анной Петровной Шаховской, оставившей сына Сергія Михайловича и дочь Варвару Михайловну, супругу Мих. Ив. Леонтьева. Второй сынъ, Дмитрій Петровичъ Б. д. т. с. членъ госуд. совѣта, директоръ имп. пуб. библ. (род. 1790 г., ум. 9 октября 1849 г.), отъ брака съ Елизаветой Михайловной Комбурлей, имѣлъ сына Петра Дмитріевича (род. 1826 г.) и дочь Анну Дмитріевну, въ супружествѣ за графомъ Павломъ Сергѣевичемъ Строгановымъ. Третій сынъ Петра Михайловича, Петръ Петровичъ, былъ камергеръ, а четвертый Алексѣй Петровичъ военный генералъ, ярославскій губернаторъ, женатый на графинѣ Ольгѣ Павловнѣ Сухтеленъ. Потомства этихъ двухъ братьевъ мы не знаемъ. Намъ извѣстно только продолженіе фамиліи въ лицѣ дѣтей обоего пола, генерала Сергія Петровича Бутурлина (род. 1 марта 1803 г.), женатаго на княжнѣ Марьѣ Сергѣевнѣ Гагариной.

Помѣщая здѣсь гербъ графовъ Бутурлиныхъ (общ. герб. ч. I № 22) считаемъ нужнымъ, прежде всего замѣтить, что дворянскій гербъ фамиліи существенно рознится отъ графскаго.

Графскій гербъ представляетъ щитъ, раздѣленный на четыре части, съ малымъ щиткомъ посрединѣ. Въ первой и четвертой частяхъ большаго щита, въ золотомъ полѣ половина россійскаго государственнаго герба. Вторая часть (правая верхняя) представляетъ, въ горностаевомъ полѣ руку, въ золотыхъ латахъ, держащую поднятый мечь. Въ маломъ щиткѣ въ золотомъ полѣ, голубой одноглавый орелъ держитъ въ правой лапѣ

мечь, а въ лѣвой — державу. На щитѣ графская корона и надъ нею три шлема. Въ нашлемникахъ: посрединѣ, надъ графскою короною государственный россійскій орелъ; по бокамъ-же, развернутыя знамена и руки въ золотыхъ латахъ съ поднятыми мечами. Наметъ голубой и красный съ подложкою золотомъ. Щитодержцы два венгерца въ синихъ полукафтанахъ и шубахъ съ куньею опушкою, съ золотыми поясами и петлями въ красномъ исподнемъ платьѣ и красныхъ шапкахъ съ мѣхомъ, съ саблями у бока и въ желтыхъ сапогахъ. Каждый изъ нихъ въ свободной рукѣ держитъ бердышъ (чеканомъ къ себѣ) на темной рукояткѣ.

Гербъ дворянъ Бутурлиныхъ (общ. герб. ч. II № 29) представляетъ щитъ съ дворянскою короною и шлемомъ, съ наметомъ такимъ-же и щитодержцами, какъ въ граф. гербѣ. Гербовый щитъ, раздѣленный только на четыре части, представляетъ: въ первой изъ нихъ, въ горностаевомъ полѣ, княжескую шапку; во второй, въ голубомъ полѣ, руку въ золотыхъ латахъ съ мечомъ; въ третьей, въ золотомъ полѣ голубого одноглаваго орла съ мечомъ и державою, и въ послѣдней, четвертой части, въ серебряномъ полѣ,—птицу, стоящую на травѣ, съ золотымъ колосомъ въ клювѣ.

Голенищевы-Кутузовы.

Русскій дворянскій и графскій домъ.

Онъ ведетъ свое начало отъ Гавріила, выѣхавшаго изъ нѣмецкой земли въ Новгородъ; при правленіи имъ Александра Невскаго. У Гавши (Гавріила) сынъ Андрей; у Андрея Прокофій; у Прокофья сыновья Александръ, Ѳедоръ, по прозванію Кутузъ, и Григорій Горбатый. У

Александра Прокофьевича—сынъ Ананія, а у него: Александръ, Евстафій, Даніилъ, Елевферій (Алферей) и Василій прозваніемъ Голенище;—посадникъ въ Новгородѣ, въ 1471 году. Сыновья этого Голенища уже *Голенищевы*. Ихъ было семеро: Василій, Михаилъ, Тимофей, Афонасій, Иванъ, Алексѣй и Лазарь. Семь сыновей было и у Кутуза — *Кутузовыхъ:* Глѣбъ Өедоровичъ, Иванъ Ө., Василій Ө. (бояринъ московскій), Юрій Ө., Семенъ Ө. *(Лапа)*, Өедоръ и Парфеній Өедоровичи. Мы не согласны съ доводами князя Петра Долгорукова, считавшаго Александра Прокшинича Кутузомъ, когда родословіе прямо даетъ прозваніе это одному Өедору. Поэтому и потомки братьевъ Өедора не могутъ быть Кутузовыми, а *Гавшиными* и *Прокшиными*. Одни Кутузовы сыновья и внуки Өедора. Внуковъ этихъ обозначилъ князь Долгоруковъ въ своей росписи (стр. 145), цифрами 19—29, а именно: Михаилъ Глѣбовичъ *Корова* (19), Селиванъ Глѣбовичъ (20), Андрей Глѣбовичъ *Кудреватый* (21), Юрій Ивановичъ *Шестакъ* (22), посолъ въ Крыму (1489) и воевода въ Вяткѣ (1487 — 92) окольничій, ум. 1499 г. Константинъ Васильевичъ (24) окольничій ум. 1501 г., Михаилъ Васильевичъ Клеопа (25); Өедоръ Юрьевичъ *Щука* (26) бояринъ ум. 1531 г.; Василій Семеновичъ *звѣрь* (27); Андрей Семеновичъ *Лапенокъ* (28) и Өедоръ Семеновичъ *Старко* (29). Они были родоначальниками фамилій дворянскихъ: Коровиныхъ, Кудреватыхъ, Шестаковыхъ, Клеопиныхъ, Щукиныхъ, Звѣревыхъ, Лапенковыхъ-Кутузовыхъ.

Что касается собственно Голенищевыхъ, имѣвшихъ раннія помѣстья около Торопца, то у Василья Александровича было шесть сыновей *); а у Михаила и Тимофея по два сына **). Старшій изъ сыновей Васильевыхъ былъ Степанъ, у него-же дѣти Семенъ, да Василій. Изъ потомства Семена наиболѣе замѣчателенъ правнукъ его Григорій Юрьевичъ, стряпчій, получившій въ 1681 году жалованную грамоту на вотчину въ Перемышльской во-

---

*) Василій, Левъ, Константинъ, Матфей, Стефанъ и Иванъ.

**) О послѣднихъ-же четырехъ ничего неизвѣстно кромѣ именъ въ двухъ сборникахъ родословій и въ документахъ, существенно разнящихся.

лости, московскаго уѣзда. Сыновья его были, одинъ (Доримедонтъ) бригадиромъ при Аннѣ, а Петръ капитаномъ. Сыновья-же послѣдняго при Екатеринѣ II при отставкѣ получили чины капитанъ-поручика гвардіи. Второй изъ нихъ (1768 г.), вступилъ на службу по выборамъ въ 1786 г. нагр. чиномъ надв. сов. и въ 1793 г. входилъ съ ходатайствомъ въ ярославское дв. депутатское собраніе о внесеніи рода въ 6-ю часть дворянской родословной книги. Родъ его и теперь числится по Ярославской губерніи, владѣя наслѣдственными помѣстьями. (Дѣло арх. деп. герольд. по Ярославской губ. № 1850, 1843 г.).

Отъ Василья Степановича Голенищева происходитъ вѣтвь псковскихъ помѣщиковъ. Въ восьмомъ колѣнѣ отъ него, тит. сов. Михаилъ Ивановичъ Г. К., владѣлецъ погоста Хотилицы, Торопецкаго уѣзда, въ 1823 году, просилъ о внесеніи сына его въ родословіе. Причемъ сообщалъ, что гербъ рода ихъ утвержденъ съ 1811 года.

Отъ той-же вѣтви, того-же родоначальника (Василья Степановича Голенищева) и также въ восьмомъ колѣнѣ приходился знаменитый спаситель отечества въ грозный 1812 г.—свѣтлѣйшій князь Михаилъ Иларіоновичъ Голенищевъ-Кутузовъ Смоленскій (род. 1745, ум. 1813 г.), неоставившій, какъ извѣстно, дѣтей мужескаго пола, а только дочерей. Распространяться о его подвигахъ, извѣстныхъ каждому, тоже незачѣмъ, такъ какъ намеки и припоминанія безполезны, а большаго въ генеалогическо-геральдической статьѣ дать мы не можемъ. Скажемъ только, что его отецъ Ларіонъ Матвѣевичъ былъ внукъ Ивана Ивановича и правнукъ Ивана Савиновича, Торопецкаго дворянина, получившаго 31 марта 1670 г. похвальную грамоту за службу въ польскую войну и на владѣніе пятою частью его помѣстнаго оклада (900 десятинъ) въ вотчину, наслѣдственно (180 десятинъ). Вотчина эта была въ Порѣцкой волости, сельцо (что была деревня Гришковская) Микулино, надъ р. Торопою. Грамата на вотчину повторена въ 1686 г.

Тверскіе помѣщики Голенищевы-Кутузовы происходятъ отъ третьяго сына Василья Александровича Голе-

нище — Тимофея Васильевича. Въ шестомъ колѣнѣ отъ него приходился Елизарій Александровичъ, получившій по грамотѣ 9 февраля 7189 (1681 г.), въ вотчину 150 четвертей въ Холмскомъ уѣздѣ, въ Велильской волости, въ разныхъ пустошахъ: въ Псковскомъ пригородѣ (Вышегородскомъ уѣздѣ) въ Коровской губ. деревня Бутурлино-Жеребцово, да деревня, что была пустошь Антонова-Өедосово (по книгамъ Холмскаго уѣзда 7136 (1628), 173 (1665) 183 (1675) и 186 (1676) гг. «111 десятинъ въ полѣ, а въ дву потому-жъ». Резиденція Елизара Александровича было село Абросимово. Оно досталось сыну его Матвѣю Елизаровичу (1703 г. марта 16) по наслѣдству отъ отца и дяди (Василія) убитаго на войнѣ—«добрыя земли 15 четв. съ осьминою и 107 четв. среднія земли, да 85 четв. перелогомъ». Матвѣй Елизаровичъ имѣлъ еще въ уѣздахъ Ржевы—Володимѣровой, да Галича—119 чети въ полѣ. Всѣ эти помѣстья достались внучатамъ Матвѣя—Өедору и Сергѣю Яковлевичамъ Г. К. въ 1764 году; вѣроятно, по смерти отца. Өедору Яковлевичу принадлежало еще въ Осташковскомъ уѣздѣ сельцо Зайцево съ деревнями (190 душъ муж. и 194 д. женскаго пола). Родъ Ө. Я. Г. Кутузова и теперь существуетъ. Апрѣля 10, 1841 г. Өедоръ Дмитріевичъ, внукъ этого лица, просилъ тверское дворян. депут. собраніе внести въ родословную дѣтей его (сыновей Михаила, Виктора и дочь Елизавету).

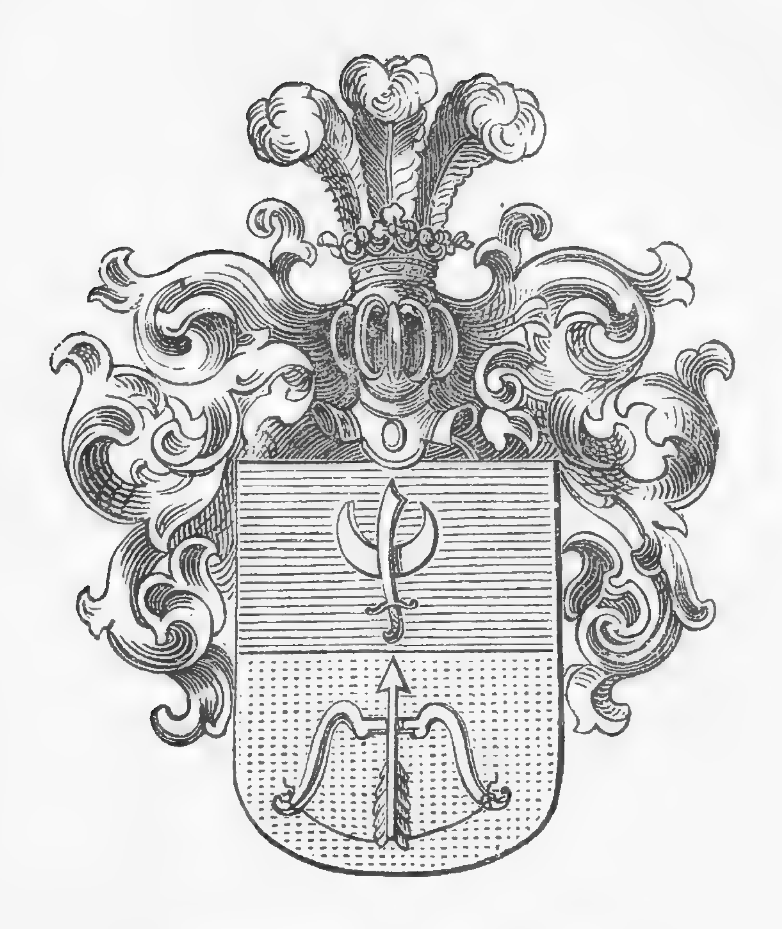
Въ другихъ губерніяхъ, кромѣ Псковской, Тверской и Ярославской, мы неотыскали представителей дворянскаго рода Голенищевыхъ-Кутузовыхъ по дѣламъ архива д-та герольдіи, правит. сената. Гербъ рода Кутузовыхъ (общій всѣмъ развѣтвленіямъ фамиліи) представляетъ: въ щитѣ, имѣющемъ лазуревое полѣ, чорнаго одноглаваго орла съ распростертыми крыльями, имѣющаго надъ головою дворянскую корону и въ правой лапѣ серебряную шпагу. Щитъ увѣнчанъ дворянскимъ шлемомъ съ короною и тремя страусовыми перьями, наметъ голубаго и чорнаго цвѣта, подложенный серебромъ (общ. гербов. часть V № 17).

Мы помѣстили теперь графскій гербъ Голенищевыхъ-Кутузовыхъ, Высочайше утвержденный 18 августа 1835 г.

Въ графское достоинство съ низходящимъ родомъ своимъ возведенъ членъ государственнаго совѣта, генералъ отъ кавалеріи, Павелъ Васильевичъ Голенищевъ-Кутузовъ (указомъ 8 ноября 1832 г.).

Этотъ сановникъ, начавшій службу въ 1782 г. (род. 1770 г.), 23 декабря 1800 г. произведенъ въ генералъ-маіоры, отличился въ бояхъ съ французами (1807—1817) и турками (1809 г.), былъ с.-петербургскимъ оберъ-полиціймейстеромъ, а потомъ военнымъ генералъ-губернаторомъ (съ 15 декабря 1825 г., по 7 февраля 1830 г.).

Гербъ графскій его, при внесеніи въ XI часть гербовника, описанъ такъ: въ лазуревомъ щитѣ натуральнаго цвѣта орелъ, съ червленными глазами и языкомъ, золотымъ клювомъ и когтями, держащій серебряный съ золотою рукоятью мечь и сопровождаемый во главѣ щита золотою дворянскою короною. Щитъ увѣнчанъ графскою короною и тремя графскими шлемами. Нашлемники:—средній возникающій Императорскій орелъ,имѣющій на груди червленный съ золотою каймою щитъ, съ вензеловымъ изображеніемъ имени «Императора Николая I».—Второй и третій (нашлемники) представляютъ по три серебряныхъ страусовыхъ пера. Наметы: средній, чорный съ золотомъ; боковые—лазуревые съ золотомъ. (Гербовникъ ч. XI, отд. I, стр. 7).

Бартеневы (Бортеневы).

Дворянскій родъ.

Фамилія эта существовала уже съ начала XVI вѣка. Въ грамотѣ, данной въ 1503 году, Іоанномъ III своему сыну князю Юрію на владѣніе городами Дмитровымъ и Рузою, говорится о Демидѣ *Бортеневѣ*, владѣвшемъ деревнею Овсянниковою и Рыжкѣ *Бортеневѣ*, которому принадлежали деревни: Ивановщина и Шириново. Въ Колыванскомъ походѣ 1540 г. участвовали двое Бортеневыхъ. Кирило Макаровичъ и Галактіонъ Ѳомичъ. Въ походахъ Іоанна IV: казанскомъ (1554), шведскомъ, (1579) и полоцкомъ (1581 г.) служилъ воеводою Иванъ Васильевичъ Бартеневъ, а въ походѣ противъ крымцевъ (1555 г.) упоминается стрѣлецкій сотникъ Афонасій Б—въ. Подъ поручною записью по баяринѣ князѣ

Ив. Ѳед. Мстиславскомъ (1571 г.) подписались пятеро Бортеневыхъ, Шарапъ Микулинъ, Афонасій и Коверъ Юрьевичи, Назаръ Семеновичъ и Владиміръ Григорьевичъ, а Данило Микуличъ Б. подписался подъ приговоромъ земской думы о войнѣ съ Польшею (2 Іюля 1566 г.). При царѣ Борисѣ, въ городѣ Царевѣ Борисовѣ воеводою (1602 г.) подписался сынъ предъидущаго Елизаръ Даниловичъ. При царѣ Михаилѣ во время смоленской осады (1634 г.) значатся по спискамъ: умершими отъ ранъ двое Бартеневыхъ (Дементій Андреевичъ и Борисъ Ивановичъ), а одинъ убитымъ (Григорій Фатьяновичъ). Въ 1699 году, въ числѣ владѣвшихъ населенными имѣніями, оказывается 21 лицо съ фамиліею Бортеневыхъ принадлежавшихъ къ разнымъ вѣтвямъ.

Въ семнадцатомъ вѣкѣ мы находимъ, покрайней мѣрѣ, четыре различные рода Бартеневыхъ. На сколько близки они были въ степеняхъ взаимнаго родства, да были-ли еще всѣ и въ роднѣ между собою? — въ настоящее время сказать мы еще не можемъ, не доискавшись родословныхъ цѣлыхъ трехъ вѣтвей. Наши еще свѣдѣнія ограничиваются собственно поколѣнною росписью рода, ведущаго начало отъ Семена, у котораго былъ сынъ Агапитъ, имѣвшій двухъ сыновей Ивановъ, различавшихся прозваніями *Большаго*, да *Меньшаго*. Отъ нихъ собственно показываются ведущими начало двѣ линіи—*старшая и младшая*—въ Гербовникѣ. Эти линіи мы и намѣрены здѣсь провести.

Съ своей стороны—въ надеждѣ что откровенное заявленіе наше вызоветъ, можетъ быть, открытіе существующихъ представителей и тѣхъ родовъ, которые намъ извѣстны въ XVII только вѣкѣ, приведемъ также все о нихъ, что теперь намъ извѣстно. Порядка старшинства, или другихъ отличій, мы не можемъ еще опредѣлять, по степени знакомства своего съ ними; хотя и очень бы желали разъяснить вполнѣ, возникающія сами собою сомнѣнія.

Знаемъ мы, напримѣръ, что былъ (какъ видно по боярскимъ книгамъ) дворянинъ московскій (1627—164) Борисъ Дмитріевичъ Бартеневъ, сынъ котораго Петръ

Борисовичъ былъ сперва стряпчій (упомин. съ 1658) потомъ же дворянинъ по московскому списку (упомин. съ 1668—77). У Петра Борисовича былъ сынъ Иванъ Петровичъ, въ 1676 году стряпчій, а далѣе, по 1692 г. упоминяемый въ числѣ стольниковъ. У него же, двухъ сыновей стряпчихъ, Михаила, до Петра Ивановичей (1692—32) мы нашли, но, что съ ними послѣ сдѣлалось: оставили-ли они потомство и какое этой потомство?—никакихъ извѣстій неотыскалось.

Потомство *Чулка* Бортенева, по нашимъ изысканіямъ, до сихъ поръ находится въ томъ же положеніи. У Чулка были три, кажется, сына: Авраамъ (упомин. въ документахъ 1629—36 г.), Михайло, дворянинъ московскій (упом. 163 —8 г.) и *Грязной* Чулковъ, тоже дворянинъ московскій (упом. съ 1627—1640 въ боярскихъ книгахъ). У *Грязнова* было два сына *Иванъ*: (дворянинъ моск. упом. 1640—58 г.), да *Евсевій* (дворянинъ моск. упом. въ б. кн. 1671—77 г.), у котораго въ 1676—77 г. значится сынъ Михаилъ, записанный также въ московскомъ спискѣ. Дальнѣйшихъ же представителей этого рода, мы не знаемъ.

Извѣстенъ также патріаршій стольникъ (упомин. 1627—9 г.) и потомъ дворянинъ Московскіи (1658) Захарій Семеновичъ, у котораго сыновья: Григорій, да Борисъ Захаровичъ, стряпчій 1682, и стольникъ въ 1687 году. Мы позволяемъ себѣ допустить ипотезу: что Захаръ Семеновичъ можетъ быть братомъ Агапиту Семеновичу и, слѣдовательно, сыновья его двоюродные братья обоимъ родоначальникамъ существующихъ линій фамиліи Бартеневыхъ, къ которымъ и переходимъ, начавъ со старшей.

Она ведетъ начало, — какъ сказано было уже — отъ Ивана Агапитовича *Большаго*, оставившаго двухъ сыновей Дениса (старшаго) да Козьму, котораго сына знаемъ только *Кондратья*, да внуковъ: рейтара *Тимофея* — и Никиту Кондратьевича стольника царицы Прасковьи Өедоровны.

Родъ продолжается отъ Дениса Ивановича, у котораго сынъ Мартьянъ (Мартиніанъ) былъ родителемъ стольниковъ Ивана, да Гавріила (упомин. 1687—1692).

Изъ нихъ потомство есть отъ рейтара Ивана, оставившаго четырехъ сыновей: Андрея, Матвѣя, Сергѣя (поручика) и Алексанра (тит. сов.), женатаго на Ольгѣ Петровнѣ Мариной и оставившаго сына Павла (род. 1795) г. У Сергѣя Ивановича, отъ брака съ Анною Григорьевною Перелешиной были сыновья: Евстафій и Степанъ, да дочери Прасковья и Елизавета. Отъ Степана родился Софонія, а у него — Андрей, о включеніи котораго въ родословную книгу возбудилось дѣло по Герольдіи.

Матвѣй Ивановичъ неоставилъ потомства, продолжавшагося только отъ старшаго сына Ивана Мартьяновича, Андрея, имѣвшаго сына Ивана, у котораго родились Арсеній (?) Тимофей и Семенъ, оставившій сына Якова, да дочерей Ѳедосью и Марью.

Иванъ *Меньшой* Агапитовичъ, за службу предковъ владѣя вотчиною 1646—7 г. въ Костромскомъ уѣздѣ, какъ видно по родословію (Арх. Деп. Герольдіи кн. 93 л. 6), оставилъ сыновей: Никиту и Анику Ивановичей. Аника дворянинъ московской 1677 г. имѣлъ сына Максима Аниковича капитана, женатаго на Прасковьѣ Прокофьевнѣ Нелидовой. Изъ дѣтей Максимовыхъ (Петра, Василья и Ивана) одинъ средній сынъ—Василій тит. сов.—женатый на дочери стольника (Ларіона Семеновича) Марфѣ Ларіоновнѣ Ларіоновой оставилъ потомство въ лицѣ Андрея Васильевича. Онъ же, отъ брака съ Марѳою Васильевной Шушериной имѣлъ сыновей Семена (маіора) и Петра Андревичей. У Семена былъ сынъ Николай. Имъ и ограничиваются наши свѣдѣнія о вѣтви Бартеневыхъ отъ Аники Ив.—благодаря возникшей перепискѣ по случаю ходатайства (о гербѣ X ч. герб.) возбужденнаго Андреемъ Ивановичемъ Бартеневымъ.

Потомство старшаго сына Ивана Меньшаго Агапитовича—*Никиты Ивановича* идетъ собственно отъ старшаго сына его Кирилла; потому что второй сынъ—Семенъ, оставилъ одну дочь Наталью, выданную за Сукина. Кириллъ Никитичь, имѣлъ сына Андрея и внука Никиту. Никита же Андреевичь оставилъ трехъ сыновей Андрея, Ивана и Осипа Никитичей. У Андрея были сыновья Ѳедоръ и Иванъ. У Ивана Никитича, умершаго въ чинѣ полковника, 1794 г. 2 дек. были тоже

два сына Козьма и Андрей Ивановичи. Осипъ Никитичь (прапорщикъ родившійся 1739) женатъ былъ на дворянкѣ Анисьѣ Филиповнѣ Чеглиновой, получивъ за нею въ приданое сельцо Михайлово (Чухломской окр.), да село Селиверстово (Галицк. окр.). Самъ жилъ онъ въ селѣ Прозоровѣ (Солигал. окр.) и по опредѣленію Костромскаго дворянскаго депутатскаго собранія (9 марта 1794 г.), съ родомъ своимъ (вѣтвью отъ Андрея Кириловича) внесенъ въ VI часть дворянской родословной книги Костромской губ. (см. Д. по костр. г. 1843 г. № 9). У Осипа Никитича были дѣти: Иванъ (род. 1770 г.), Никифоръ (р. 1776 г.), Иванъ 2-й (р. 1778) г.), Ѳедоръ (р. 1787 г.), Авдотья (р. 1774 г.), Ирина (р. 1781 г.) и Марина (род. 1786 г.).

Иванъ (2-й) Осиповичь женатый на сестрѣ извѣстнаго партизана — Аполинаріи Петровнѣ Бурцевой, — былъ драгунской подполковникъ, съ честью служившій въ отечественную войну до того сопровождалъ въ Китай посольство Головкина. — Онъ оставилъ пятерыхъ дѣдѣтей: 1) Аполлинарію Ивановну, за Платономъ Александровичемъ Барсуковымъ; 2) Михаила Ивановича (р. 1826 г.), женатаго на Екатеринѣ Андреевнѣ Воеводской; 3) Сарру Ивановну, оставшуюся въ дѣвицахъ; 4) Петра Ивановича (род. 1 октября 1829 года) издателя журнала «Русской Архивъ», извѣстнаго библіографа, женатаго на Софьѣ Даниловнѣ Шпигоцкой;— и 5) Екатерину Ивановну замужемъ за Петромъ Борисовичемъ Бланкъ. Отъ обоихъ сыновей и старшей дочери Ивана Осиповича Бартенева есть потомство.

Оно продолжается отъ Никифора (въ лицѣ двухъ сыновей его) и Ѳедора Осиповичей. Послѣдній, имѣетъ дѣтей отъ обѣихъ браковъ своихъ.

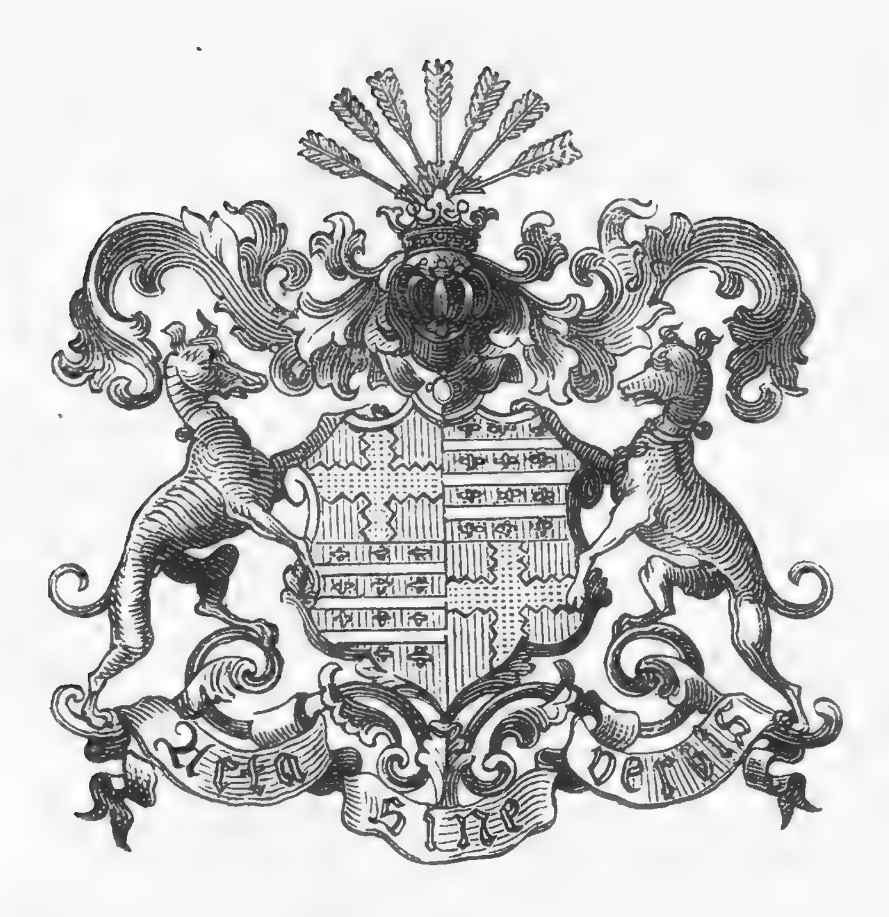
Въ царствованіе Александра I, представитель старшей линіи отъ Агапита Семеновича, Арсеній Ивановичъ Бартеневъ, отъ брака съ Ѳедосьею Ивановною Бутурлиной, имѣлъ нѣсколько дѣтей, обоего пола. Дочери Арс. Ивановича Бартенева, фрейлины: Прасковья Арсенчевна, славившаяся своимъ прекраснымъ голосомъ въ 30-хъ годахъ, ум. 1872 года. Вѣра и Натаяьл Ар-

сеньевны; Марья Арсеньевна (род. 1815 г.) въ супружествѣ за Дмитр. Иванов. Нарышкинымъ.

Представители разныхъ вѣтвей фамиліи Бартеневыхъ употребляютъ два различные герба. Первый, нами помѣщаемый (Общій Гербовн. ч. III. № 62) представляетъ щитъ, горизонтально разсѣченный на двое. Въ верхней половинѣ, въ голубомъ полѣ, золотой мечь, перпендикулярно пронзающій серебряный полумѣсяцъ; а въ нижней — въ золотомъ полѣ, натянутый лукъ съ пущенною вверхъ стрѣлою. Это гербъ старшей линіи отъ Агапита Семеновича Бартенева.

Гербъ того же рода но, *младшей линіи* Бартеневыхъ (Общ. Герб. ч. X, № 80), представляетъ щитъ, разсѣченный на двое перпендикуляромъ. Въ право, — въ серебряномъ полѣ, изображенъ натянутый лукъ съ летящею вверхъ стрѣлою (какъ въ нижней части перваго герба, только въ другомъ полѣ). Въ лѣвой же части щита въ голубомъ полѣ мечь (безъ полумѣсяца), остріемъ вверхъ обращенный.

Оба гербовые щита увѣнчаны дворянскимъ шлемомъ и короною, имѣя въ нашлемникѣ по три страусовыхъ пера. Разница есть въ подложкѣ намета. У перваго герба (нами помѣщаемаго) наметъ голубой съ подложкою золотомъ; во второмъ же, наметъ голубой, подложку имѣетъ: справа золотую, а слѣва—серебряную.

Замятнины.

Русскій дворянскій родъ.

Предкомъ его, по документамъ разряднаго архива, слѣдуетъ считать Гавріила, сынъ котораго Иванъ Гавриловичъ Замятня, по списку 1634 года значится городовымъ дворяниномъ Новгородъ-Сѣверска, съ окладомъ въ 350 четвертей земли и 16 рублей деньгами. Сынъ Ивана Гавриловича, слѣпецъ отъ рожденія, Тимофей Иванов., не служилъ, а сынъ его Алексѣй Тимофѣевичъ былъ въ г. Рузѣ подъячимъ (1701 г.). У него былъ сынъ Василій, который оставилъ трехъ сыновей: Василія же, Дмитрія и Ивана Васильевичей. Средній изъ нихъ опять имѣлъ трехъ сыновей: Афонасія, Сергія и Петра Дмитріевичей. Двое послѣднихъ, отыскавъ права на дворянство, опредѣленіемъ Сената 9 іюля 1757 г. награждены чиномъ коллегіи юнкеровъ

прапорщичьяго ранга, и въ послѣдствіи были: первый надворнымъ совѣтникомъ (1792 г.), а второй коллежскимъ ассесоромъ. У Сергѣя Дмитріевича было четыре сына: Дмитрій, Николай, Василій (тит. сов.) и Александръ (подполковникъ при отставкѣ). Дмитрій Сергѣевичъ былъ въ Тамбовѣ губернскимъ прокуроромъ. Николай Сергѣевичъ, надворный совѣтникъ (род. 1763 г. ум. 1821 г.), женатый на дочери капитана, Варварѣ Ивановнѣ Граве (ум. 19 октября 1809 г.) оставилъ двухъ дочерей: Наталью Николаевну (въ замужествѣ за поручикомъ Теняковымъ) и Любовь Николаевну (род. 1809 г.), да сыновей: Дмитрія, Павла и Сергія Николаевичей. Дмитрій Николаевичъ Замятнинъ, бывшій министръ юстиціи, д. т. с., членъ госуд. сов. род. въ Нижегородской губерніи, въ Ардатовскомъ уѣздѣ, въ наслѣдственномъ селѣ Пашигоровѣ, 31 января 1805 г., воспитывался въ императорскомъ александровскомъ лицеѣ и первые 17 лѣтъ службы провелъ во II отд. соб. Его Имп. Вел. канц. Въ 1840 году назначенъ герольдмейстеромъ, въ 1848 г. — членомъ консультаціи при Мин. Юст., въ 1852 г.—сенаторомъ, 1858 г.—товарищемъ министра юстиціи, съ 1862 года управлялъ министерствомъ и 1 января 1864 года Высочайше утвержденъ въ званіи министра. Министерство его памятно введеніемъ открытаго суда въ Россіи, и это уже одно обстоятельство даетъ имени Дмитрія Николаевича Замятнина право на общую признательность: за доведеніе до исполненія настолько обширной реформы, полезности всѣхъ послѣдствій которой мы теперь еще вполнѣ и опредѣлить не можемъ.

Дмитрій Николаевичъ Замятнинъ, отъ брака (11 іюля 1838 г.) съ фрейлиною двора Ея Имп. Велич. Екатериною Сергѣевною Неклюдовой имѣетъ дѣтей: Сергія Дмитріевича род. 5 апрѣля 1839 г.), Варвару Дмитріевну (род. 1840 г. 18 декабря), Екатерину Дмитріевну (род. 19 сентября 1845 г.), Ольгу Дмитріевну (род. 13 октября 1846 года). Въ бытность герольдмейстеромъ, Дмитрій Николаевичъ Замятнинъ,—записанный въ 6-ю часть родословной книги 12 марта 1801 г. по Нижегородской губерніи, — просилъ о выдачѣ герба.

Просьба его исполнена тогда же, и въ опредѣленіи д-та герольдіи 18 марта 1848 года, помѣщаемый нами теперь, гербъ описанъ въ слѣдующихъ словахъ: «щитъ раздѣленъ на 4 части, изъ коихъ въ первой и четвертой, въ черномъ полѣ изображенъ золотой зубчатый крестъ, а во 2-й и 3-й частяхъ, въ красномъ полѣ, по три, горизонтально положенныхъ, золотыхъ бруска, между коими двѣнадцать золотыхъ пчелъ, летящихъ вверхъ. Щитъ увѣнчанъ дворянскимъ шлемомъ съ короною, поверхъ которой семь стрѣлъ, обращенныхъ остріями внизъ. Наметъ на щитѣ чорнаго и краснаго цвѣта, подложенный золотомъ. Щитъ держатъ двѣ борзыя серебряныя собаки съ красными ошейниками. Подъ щитомъ, на красной лентѣ, серебряными буквами надпись: acta sine verbis (дѣлами безъ словъ). Дѣло арх. д-та герольд. 1842 — 1853 г., № 223.

Въ XI части гербовника (отд. I, стр. 30) высоч. утв. 1857 г., гербъ рода Дмитрія Николаевича Замятнина, помѣщонъ уже нѣсколько измѣненнымъ. А именно: «щитъ дважды разсѣченъ и пересѣченъ. 1-я, 3-я и 5-я части — чорныя, раздѣленныя золотымъ крестомъ. Въ частяхъ 2-й, 4-й и 6, червленныхъ, — три золотыя пояса, сопровождаемые двѣнадцатью таковыми же пчелами. Щитъ увѣнчанъ дворянскимъ шлемомъ и короною. Нашлемникъ—семь серебряныхъ, опрокинутыхъ стрѣлъ, поставленныхъ вѣерообразно. Наметъ: справа чорный съ золотомъ; слѣва червленный съ золотомъ. Щитодержатели: двѣ серебрянныя борзыя собаки съ червленными глазами, языкомъ и ошейниками. Девизъ (тотъ же) написанъ золотыми буквами на чорной лентѣ

У Александра Сергѣевича Замятнина,—младшаго сына Сергѣя Дмитріевича,—извѣстенъ сынъ Петръ Александровичъ, въ 1835 году надворный совѣтникъ, пермскій губернскій прокуроръ. Въ томъ году онъ просилъ, въ свою очередь, о дарованіи герба, и получилъ отдѣльный отъ старшей вѣтви Замятниныхъ (представителемъ которой оказывается Дмитрій Николаевичъ Замятнинъ и его потомство). По просьбѣ Петра Александровича Замятнина, для его рода (младшей вѣтви) дипломъ и гербъ подписаны 15 мая 1836 г. Описаніе герба слѣдующее:

(дѣло арх. д-та герольдіи № 37 (40) 1835 г.). «Щитъ раздѣленъ на три части, изъ коихъ въ 1-й, въ красномъ полѣ, представлены: отъ праваго верхняго къ лѣвому нижнему углу, двѣ шестиугольныя золотыя звѣзды. Во второй (части) въ голубомъ полѣ чорное орлиное крыло. А въ третьей (болѣе) пространной части (щита), въ серебряномъ полѣ, шпага и стрѣла, обращонныя остроконечіями вверхъ и положенныя крестообразно. Щитъ увѣнчанъ дворянскимъ шлемомъ и короною съ 3-мя страусовыми перьями». Наметъ на щитѣ голубой съ серебромъ.

Прутченко.

Дворянскій родъ.

Помѣщаемый нами гербъ рода дворянъ Прутченко, (гербовникъ часть X отд. III № 138) въ первой (правой верхней части) въ красномъ полѣ представляетъдо половины вылетающаго въ правую сторону, чорнаго орла. Во второй (верхней лѣвой) части, въ голубомъ полѣ хлѣбный снопъ. Въ нижней половинѣ щита, въ золотомъ скачетъ на ворономъ конѣ, въ правую сторону, казакъ, держа въ правой рукѣ копье. Щитъ увѣнчанъ обыкновеннымъ дворянскимъ шлемомъ и короною, съ тремя на ней страусовыми перьями. Наметъ на щитѣ красный и голубой, подложка—золото.

По дѣламъ архива деп. герольдіи: о возведеніи въ дворянство рода Прутченко, предкомъ его и родоначальникомъ вѣтвей фамиліи,—о которыхъ имѣемъ мы свѣдѣнія,—

оказывается Алексѣй Прутченко, сынъ котораго Ефимъ Алексѣевичъ, начавшій службу съ копіиста канцеляріи кіевскаго полка (1757 г.), въ теченіи 17-ти лѣтъ дослужился до чина секундъ-маіора, числясь по происхожденію «изъ дворянъ». Его дѣти: Борисъ (кол. сов.), Дмитрій и Данило (тит. сов.), Григорій (поручикъ), Матвѣй и Иванъ (подпоручики), Ѳедоръ (губ. секр.) да Кирила (кол. регистраторъ), въ 18 день января 1829 года Высочайше пожалованы въ дворянское достоинство.

Старшій изъ этихъ братьевъ Борисъ Ефимовичъ Прутченко (род. 1785 г.), началъ службу въ 1801 году. Въ 1824 году былъ опредѣленъ рязанскимъ вице-губернаторомъ. Въ 1830 г. переведенъ въ Кострому, въ 1831 г. въ Нижній Новгородъ,—гдѣ изъ вице-губернаторовъ перемѣщонъ былъ онъ въ предсѣдатели казенной палаты (30 іюля 1837 г.),—и оттуда, въ началѣ 60 годовъ, въ директоры д-та государственнаго казначейства, послѣ Ключарева. Онъ умеръ въ чинѣ тайн. сов. Это самый видный изъ членовъ фамиліи. Отъ брака съ Александрой Максимовной, онъ оставилъ сыновей: Дмитрія (род. 1825 г. 20 октября), служившаго въ лейбъ-гренадерскомъ полку, и Михаила (род. 1833 г.); да дочерей: Елизавету Ефим. (род. 1820 г.), вышедшую за флигель-адъютанта Е. И. В. полковника гвардіи фонъ-Бринъ, Александру Ефимовну (род. 1827 г.), въ супружествѣ за капитаномъ генеральнаго штаба (въ шестидесят. годахъ), барономъ Дельвигомъ, и Екатерину Еф. (род. 19 сентября 1834 г.).

Другой братъ Бориса Ефимовича—Дмитрій Еф. Прутченко (дѣло д. г. № 523 (34) 1830 г.) былъ казенныхъ дѣлъ стряпчій Вятской губерніи, въ то время, когда просилъ о включеніи въ дворянское родословіе своей фамиліи—потомства, состоявшаго изъ сыновей: Ефима, Николая, Петра, Ивана, Александра, Григорія и дочерей Екатерины, Маріи и Александры. Третій сынъ Ефима Алексѣевича Прутченко — Данило Ефимовичъ (род. 1790 г.) въ 1823 году состоялъ совѣтникомъ питейнаго отдѣленія астраханской казенной палаты.

По Черниговской губерніи просилъ о внесеніи рода своего (1842 г. 19 іюня) въ родословную дворянскую книгу мѣстнаго депутатскаго собранія, Ѳедоръ Еф. Прут-

ченко, женатый на дочери подпоручика Кожуховскаго и имѣвшій дѣтей: Василія, Николая, Александру и Марію.

Тоже самое ходатайство, какъ и отъ предъидущаго,—и въ одномъ дѣлѣ съ нимъ—(по Черниг. губерніи 1846 г. № 144 (129) послѣдовало отъ брата его, артиллеріи поручика Григорія Еф. Прутченко, владѣвшаго 10-ю душами муж. пола, въ Остерскомъ уѣздѣ и женатаго на Елизаветѣ Ивановнѣ Веллеръ.

Неплюевы.

(Русскій дворянскій родъ).

Родъ дворянъ, гербъ которыхъ мы теперь помѣщаемъ, ведетъ свое начало отъ московскаго боярина Андрея Ивановича Кобылы, котораго праправнукомъ приходился Ѳедоръ Ивановичъ Дюткинъ, прозваніемъ *Неплюй*. Отъ всѣхъ четырехъ сыновей этаго лица произошло потомство Неплюевыхъ. Изъ нихъ у третьяго брата Андрея, было два сына Иванъ и Андрей же, котораго сынъ Григорій Андреевичъ былъ воеводою при Грозномъ. Сынъ этого воеводы, Назарій Григорьевичъ, былъ тоже воеводою; въ то же царствованіе. Внукъ этого Назарія — Семенъ Протасьевичъ, былъ думнымъ дворяниномъ при Петрѣ I, состоя постельничимъ еще со временъ Алексѣя Михайловича. Изъ потомства вто-

раго сына Неплюя—Никиты) Степанъ, Данило и Ѳома Ивановичи, положили головы при осадѣ Смоленска (1634); сынъ же Романа Ивановича — Леонтій Романовичъ, былъ бояриномъ при Петрѣ I.

Изъ того же колѣна — потомство Василія Никитича Большаго — Неплюева. Въ 12 колѣнѣ отъ Ѳедора Ивановича Кобылы и въ 8 колѣнѣ отъ прародителя фамиліи (Неплюя), приходится Родіонъ Сергѣевичъ, воевода въ Угличѣ при царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ (1678—1680). Въ 1699 году было двѣнадцать помѣщиковъ изъ рода Неплюевыхъ.

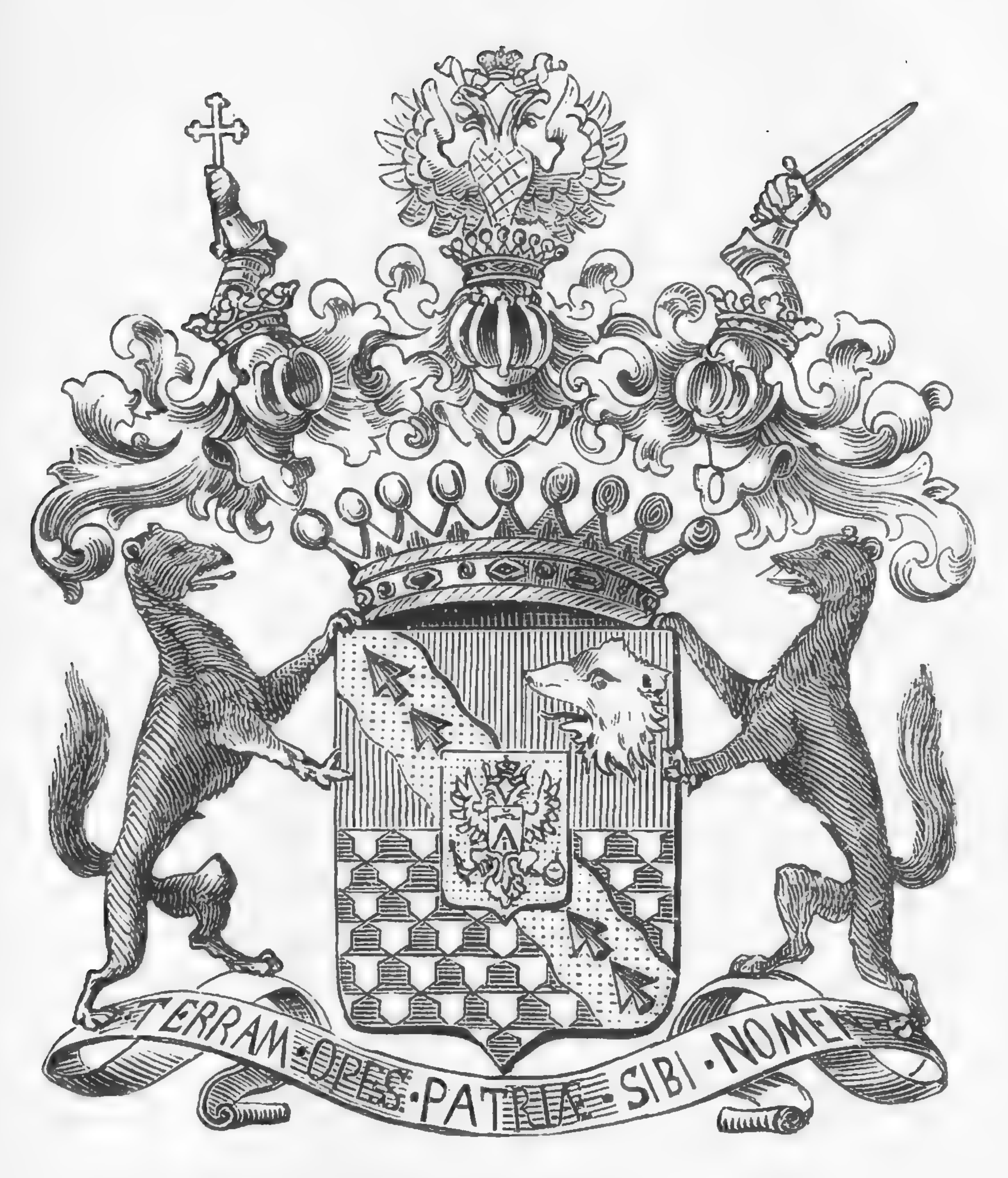
Изъ колѣна старшаго сыня Неплюя—Гаврила Ѳедоровича (въ 6 колѣнѣ отъ него), приходился Никита Самсоновичъ, сынъ котораго Иванъ Никитичъ, умершій на 36 году жизни, 1709 года, женатъ былъ на княжнѣ Марфѣ Петровнѣ Мышецкой (род. 1672 г., ум. 2 мая 1715 года). Сынъ ихъ былъ знаменитый резидентъ Петра I, въ Турціи, Иванъ Ивановичъ Н., дожившій до временъ Екатерины II, поручившей ему управленіе столицею, во время поѣздки для коронованія въ Москву. Онъ род. въ 1693 г. 5 ноября, и умеръ 11 ноября 1773 г. въ чинѣ дѣйств. тайн. сов., имѣя орденъ св. Андрея Первозваннаго. И. И. Н. былъ женатъ дважды. Въ первомъ бракѣ имѣлъ онъ Ѳедосью Ѳедоровну Татищеву (ум. 1740 г.), отъ которой рожденъ старшій сынъ Андріанъ Ивановичъ (19 августа 1712 г.), ум. въ чинѣ статск. сов. 8 ноября 1750 года посланникомъ въ Константинополѣ. Отъ второй жены Анны Ивановны Паниной (род. 1717 года, ум. 12 іюня 1745 года), имѣлъ Иванъ Ивановичъ Неплюевъ сына Николая Ивановича (род. 12 мая 1731 года), бывшаго при Павлѣ I сенаторомъ, да дочерей: Марью (род. 14 іюля 1714 г.), бывшую за вице-адмираломъ Воиномъ Яковлевичемъ Римскимъ-Корсаковымъ, и Анну (род. 19 января 1730 г.), выданную за тайн. сов. Михаила Кипріяновича Лунина.

У Николая Ивановича Неплюева, женатаго на княжнѣ Татьянѣ Ѳедоровнѣ Мещерской и Аграфенѣ Александровнѣ Нарышкиной были сыновья: Дмитрій Николаевичъ (род. 16 декабря 1763 года и ум. 28 окт. 1806 года въ чинѣ тайн. сов.) и Иванъ Николаевичъ, членъ

госуд. совѣта; имѣвшій въ супружествѣ Наталью Васильевну Самарину. У нихъ были въ свою очередь сыновья: Андріанъ, умершій холостымъ и Иванъ, — отъ брака съ Бертою Васильевною, баронессою Дибичъ (племянницею фельдмаршала), оставившій двухъ дочерей (Наталью за графомъ Шуленбургомъ и Александру, за княземъ Урусовымъ) да четырехъ сыновей. Изъ нихъ старшій — Николай Ивановичъ женатъ на баронессѣ Александрѣ Николаевнѣ Шлиппенбахъ (правнучкѣ фельдмаршала Миниха) и имѣетъ сына Николая, да дочерей Марію и Ольгу Николаевну.

Потомство существуетъ теперь также и въ родѣ другого Ивана Ивановича, происходящаго отъ думнаго дворянина Семена Протасьевича. Изъ этой вѣтви извѣстны болѣе другихъ: Александръ Ивановичъ Н. генералъ-маіоръ и сыновья его Семенъ и Сергѣй Александровичи. Послѣдній былъ премьеръ маіоръ, а первый достигъ чина дѣйств. тайн. сов. и имѣлъ орденъ св. Александра Невскаго, при Павлѣ I бывъ сенаторомъ.

Гербъ рода Неплюевыхъ (общ. гербовн. ч. VI, № 9) представляетъ щитъ, раздѣленный перпендикулярно на двое: въ правомъ, красномъ полѣ, два серебряные равноконечные креста, — одинъ надъ другимъ — подъ золотою короною; на лѣво же, въ золотомъ полѣ дубъ. Гербъ украшенъ дворянскимъ шлемомъ и короною (въ нашлемникѣ) возникающій дубъ. Наметъ красный съ подложкою золотомъ. Щитодержатели: левъ (справа) стоящій на заднихъ лапахъ и въ правой лапѣ держащій державу, а во рту лавровую вѣтвь. Слѣва щитъ держитъ орелъ, имѣющій въ клювѣ пальмовую вѣтвь и въ правомъ когтѣ скипетръ. Девизъ чорными буквами на золотой лентѣ — Deus honor et gloria (Богъ честь и слава).

Строгановы.

Графскій и дворянскій родъ.

Родъ Строгоновыхъ или Строгановыхъ, — графскій гербъ которыхъ мы теперь помѣщаемъ,—ведетъ происхожденіе свое отъ Новгородца Луки Спиридоновича, поселившагося на р. Вычегдѣ, въ 1498 году, и имѣвшаго единственнаго сына Ѳедора. Изъ пяти сыновей этаго

лица, старшій Аника Θедоровичъ, завелъ на Вычегдѣ соляныя варницы 1515 года и началъ вести торговые обороты за каменнымъ поясомъ (Уральскимъ хребтомъ), доставлявшіе ему хорошіе барыши. Предпріимчивые сыновья такого отца—Яковъ, Григорій и Семенъ Аникіевичи простерли свои виды еще далѣе, заводя поселки по рр. Чусовой и Сылвѣ. Къ Семену Аникіевичу, какъ извѣстно, пожаловалъ въ гости со своею вольницей, знаменитый атаманъ казаковъ волжскихъ Василій Тимофѣевичъ, прозваніемъ Ермакъ, сдѣлавшійся покорителемъ кучумова царства сибирскаго. Одно это обстоятельство,—что отъ Семена Строганова получили новые завоеватели первыя средства предпринять свою отчаянную экспедицію,—дѣлаетъ имя этого лица безсмертнымъ въ нашей государственной исторіи. Жилъ онъ, по времени, великолѣпно, что прямо доказываетъ его домъ въ Соли-Вычегодской. Средствами располагалъ онъ, тоже обширнѣйшими. Сыну его Петру Семеновичу выпала завидная доля, въ тяжкую эпоху междуцарствія, на свой счетъ снарядить дружины на выручку престольной Москвы, стоя за отечество «крѣпко и безо всякаго забытья», какъ сказано въ грамотѣ царя Михаила Θедоровича, пожаловавшаго Строгановыхъ, за эту услугу Россіи, титуломъ *именитыхъ людей*. Титулъ этотъ давалъ имъ право судиться только царемъ, а не обыкновенными судьями; что̀ было, конечно, изъятіемъ очень важнымъ по тому времени, независимо другихъ правъ и льготъ.

У Семена Аникіевича, женатаго на Евдокіѣ Нестеровой, кромѣ Петра Семеновича, извѣстенъ еще другой сынъ, старшій—Андрей; у него же сынъ Дмитрій и внукъ Григорій. Сыновья этаго именитаго человѣка Григорья Дмитріевича (ум. 1716 г.): Александръ, Николай и Сергій Григорьевичи, возведены Петромъ I въ баронское Россійской Имперіи достоинство, 6 марта 1722 г. Первый и послѣдній изъ братьевъ, умерли въ чинѣ генералъ-поручика, а средній былъ тайнымъ совѣтникомъ. Старшій оставилъ двухъ дочерей; а средній, кромѣ дочерей—еще трехъ сыновей, потомство которыхъ и теперь продолжается. Первый изъ бароновъ Строгановыхъ, получившій

графское достоинство, былъ Александръ Сергѣевичъ, возведенный въ графское достоинство Римской Имперіи, императоромъ Францомъ I, 29 іюня (9 іюля) 1761 г., въ Вѣнѣ, куда, для выполненія дипломатическаго порученія, былъ посланъ онъ тестемъ своимъ — канцлеромъ М. Л. Воронцовымъ. Павелъ I, 21 апрѣля 1798 г. возвелъ Александра Сергѣевича Строганова въ графы Россійской Имперіи. Александръ Сергѣевичъ Строгановъ (род. 3 янв. 1734 г., умеръ 27 сентября 1811 года), былъ оберъ-камергеръ, четвертый, по порядку, президентъ Императорской академіи художествъ, страстный любитель искусствъ и человѣкъ, оставившій по себѣ память общаго благодѣтеля художниковъ. Екатерина II, Павелъ I и Александръ I были къ нему вполнѣ расположены, считая его своимъ другомъ. Постройка, подъ его главнымъ надзираніемъ, Казанскаго собора въ нашей столицѣ — послѣднее порученіе, выполненное гр. Александромъ Сергѣевичемъ Строгановымъ,—не дастъ умереть его имени, если бы и пришла въ забвеніе память о другихъ его прекрасныхъ дѣлахъ и благодѣяніяхъ. Гр. Александръ Сергѣевичъ Строгановъ имѣлъ сына, сверстника Александру I, очень любимаго этимъ монархомъ— графа Павла Александровича (род. 7 іюля 1774 г., ум. 10 іюня 1817 года). Скорбя по сынѣ (графѣ Александрѣ Павловичѣ, род. 1795 г., ум. 1814 года), убитомъ во Франціи, въ бою, любимецъ царскій рано оставилъ свѣтъ, не имѣя другихъ дѣтей мужескаго пола. Чтобы не дать угаснуть настолько знаменитой вѣтви историческаго рода Строгановыхъ, графское достоинство передано, женатому на дочери графа Павла Александровича, сыну Григорья Александровича,—тогда еще барону—Сергѣю Григорьевичу Строганову, теперь маститому представителю своей фамиліи.

Графъ Сергій Григорьевичъ Строгановъ — правнукъ барона Николая Сергѣевича (тайнаго совѣтника), внукъ его младшаго сына, барона Александра Николаевича дѣйств. статск. сов. (ум. 13 марта 1789 г.) и сынъ оберъ-камергера, посланника въ Турціи, графа Григорія Александровича и Анны Сергѣевны, урожденной княжны Трубецкой—генералъ отъ кавалеріи, членъ государственнаго

совѣта, главный воспитатель августѣйшихъ дѣтей Его Императорскаго Величества, Государей Великихъ Князей Николая, Александра, Владиміра и Алексѣя Александровичей;—оставляетъ по себѣ также незабвенную память учрежденіемъ въ Москвѣ училища техническаго рисованія. Результаты, достигнутые теперь этимъ полезнымъ заведеніемъ, носящимъ имя своего славнаго учредителя, на столько уже велики и надежны, что нельзя не обѣщать ему прекрасной будущности и нельзя не порадоваться тому благодѣтельному вліянію, какое проявляетъ училище это въ лицѣ своихъ техниковъ-питомцевъ, въ дѣлѣ водворенія у насъ, на раціональныхъ началахъ, изящнаго рисунка по части ремесленныхъ производствъ, отъ него получающихъ всю свою силу и значеніе.

Потомство существуетъ, какъ отъ графа Сергія Григорьевича, такъ и отъ его младшаго брата графа Александра Григорьевича (графскій титулъ наслѣдовавшаго отъ отца, возведеннаго въ это достоинство 22 Августа 1826 г.). Гербъ перваго графа Строганова (сохраняемый графомъ Сергіемъ Григорьевичемъ и въ его потомствѣ) представляетъ щитъ, раздѣленный горизонтально на двѣ части. Въ верхней: въ красномъ полѣ, серебряная медвѣжья голова, обращенная вправо. Въ нижней же части, бѣлой съ краснымъ, отъ лѣваго нижняго къ верхнему правому углу —діагональная золотая волнистая полоса и на ней два копейныхъ желѣзныхъ наконечника.

Посреди герба золотой малый щитокъ съ русскимъ двуглавымъ орломъ, имѣющимъ на груди вензеловое изображеніе имени Императора Павла I. На гербѣ графская корона и на ней три серебряныхъ шлема. Нашлемники: средній графская корона съ двуглавымъ орломъ на ней; по бокамъ — дворянскія короны, изъ которыхъ: на правой серебряная медвѣжья голова, а на лѣвой голова чорнаго соболя. Наметъ справа красный, подложенный серебромъ. Щитодержатели — чорные соболи (общ. росп. гербов. ч. II. № 16).

Гербъ вторыхъ графовъ Строгановыхъ (общ. герб. ч. X, № 12) представляетъ отмѣну отъ предъидущаго, въ слѣдующемъ. На золотой діагонали, въ нижней части щита, не два, а четыре копейныхъ наконечника. Средній

щитокъ имѣетъ не золотое, а голубое поле и имя Императора Николая I внесено на груди орла въ голубомъ же щиткѣ. Въ нашлемникахъ: среднемъ—возникающій государственный орелъ; въ правомъ, рука въ серебряныхъ латахъ держитъ золотой крестъ; въ лѣвомъ, обращонная въ противную сторону, рука въ латахъ держитъ шпагу. Наметъ: справа серебряный подложенъ голубымъ; слѣва —золотой, подложенъ краснымъ. Щитъ гербовый тоже держатъ соболи. Подъ щитомъ девизъ «Feram opes patriæ, sibi nomen». Въ остальномъ гербы обѣихъ линій сходны.

Христiани.

Дворянскiй родъ.

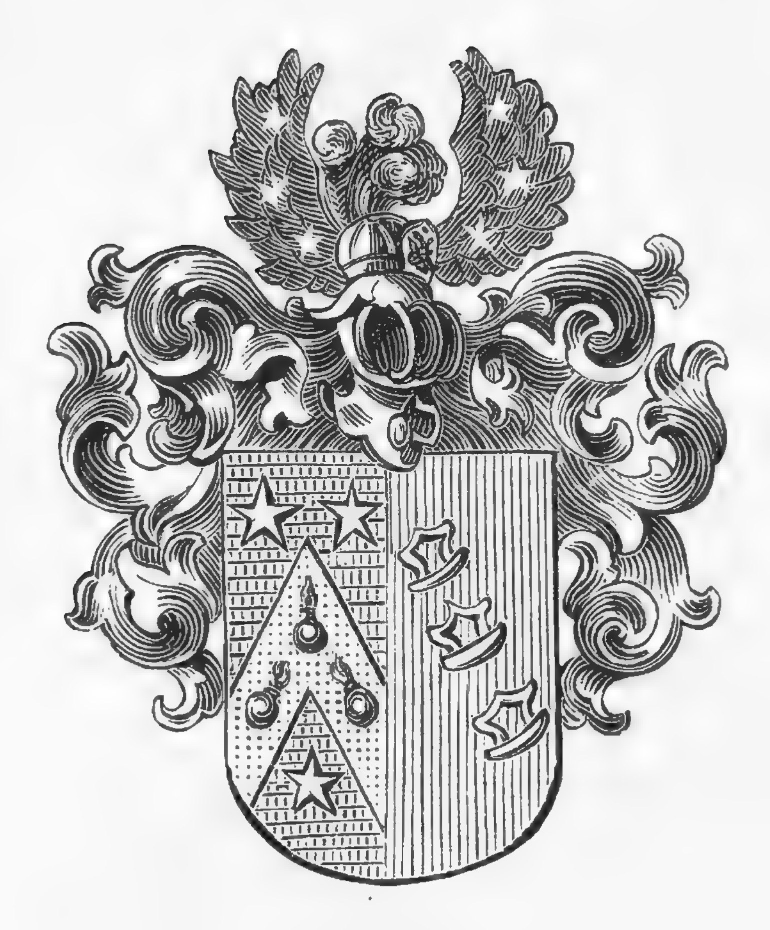
Въ X части общаго рус. двор. гербовника (отд. III № 139) помѣщонъ гербъ рода Христiани, дипломъ же на дворянское достоинство помѣченъ 18 числомъ января 1829 года. Гербъ представляетъ щитъ, раздѣленный горизонтально на двѣ части, изъ коихъ въ верхней, въ среднемъ, золотомъ полѣ изображено чорное орлиное перо, а по сторонамъ, въ двухъ чорныхъ поляхъ, по одной золотой звѣздѣ. Въ нижней части, въ голубомъ и красномъ поляхъ, положены крестообразно двѣ серебряныя полосы, и по срединѣ ихъ пчела. Щитъ увѣнчанъ дворянскимъ шлемомъ и короною съ тремя страусовыми перьями. Наметъ на щитѣ красный и голубой, подложенъ серебромъ.

Родоначальникомъ рода дворянъ Христіани слѣдуетъ считать Христіана, купца изъ Фридрихштадта, въ Голштиніи. Сынъ его, Христіанъ же, пріѣхалъ въ Россію, и въ 1780 году, имѣя отъ рожденія 31 годъ, опредѣленъ на службу въ Императорскій Московскій воспитательный домъ, бухгалтеромъ аукціонной палаты (21 января). Въ слѣдующемъ году назначенъ онъ исправлять должность эконома Имп. восп. дома и въ 1782 году утвержденный въ этой должности, занималъ ее до самой смерти своей. Скоро послѣ опредѣленія въ экономы воспитательнаго д., Христіанъ Христіановичъ Христіани женился на дочери содержателя фарфоровой фабрики Гарднера—Марьѣ Елизаветѣ Францовнѣ Г. и въ бракѣ съ нею имѣлъ семерыхъ дѣтей: Франца, Христіана — Георга, Петра — Карла, Вильгельма—Фридриха; Елизавету — Екатерину, Екатерину—Анну и просто Анну.

Христіанъ Христіани въ 1813 году былъ въ чинѣ коллежскаго совѣтника и черезъ 16 лѣтъ (1829 г.), какъ мы уже говорили, утвержденъ въ дворянствѣ, получивъ гербъ. Дѣти его: Францъ (родившійся 5 августа 1785 г.) въ 1813 году служилъ въ чинѣ коллежскаго регистратора въ московской адресной конторѣ. Христіанъ — Георгъ (род. 15 февраля 1797 г.) служилъ въ то же время, какъ его старшій братъ, по инженерному корпусу, въ чинѣ поручика; состоя адъютантомъ при начальникѣ лифляндскаго инженернаго округа. Петръ — Карлъ Христіани (род. 6 августа 1788 г.) въ 1813 году состоялъ при г. главнокомандующемъ въ г. Москвѣ. Вильгельмъ же Фридрихъ—Василій Крестьяновичъ, какъ величали его на службѣ, — вышелъ самымъ замѣчательнымъ лицомъ изо всей фамиліи, хотя онъ былъ самымъ младшимъ. Ближайшая по лѣтамъ къ нему, сестра Анна Христіановна (род. 20 Іюля 1796 г.) была замужемъ за генералъ-лейтенантомъ Клименко. Объ остальныхъ Елизаветѣ—Екатеринѣ (род. 13 марта 1791 г.) и Екатеринѣ—Аннѣ (род. 20 Декабря 1794 г.) мы ничего не знаемъ.

Василій Христіановичъ Христіани (род. 6 апрѣля 1798 г., ум. 20 января 1857 г.) былъ тайн. сов., генералъ-контролеръ департамента военныхъ отчетовъ. На 17-мъ году отъ рожденія окончивъ курсъ въ московскомъ уни-

верситетѣ, онъ поступилъ въ службу по квартирмейстерской части свиты Е. И. В. (18 Іюня 1815 г.) — прапорщикомъ (30 Августа), а черезъ девять лѣтъ былъ уже инспекторомъ училища колоновожатыхъ. Женясь въ 1827 году на дочери д. т. с. Марьѣ Григорьевнѣ Виламовой, онъ 4 февраля 1828 г. уволенъ къ статскимъ дѣламъ и поступилъ помощникомъ оберъ-контролера въ артиллерійскій департаментъ морскаго министерства, а въ 1834 году году генералъ-контролеромъ въ д-тъ ревизіи морскихъ отчотовъ. Отъ брака съ М. Гр. Виламовой у него были дѣти: Григорій (род. 14 Ноября 1837 года), Варвара (род. 9 Февраля 1831 г.), Николай (род. 3 Декабря 1834 г.) и Василій (род. 7 Мая 1841 г.) — какъ видно, по дѣлу департамента герольдіи о родѣ Христіани (№ 803 (39) 1842 г.).

Булатовы.

Дворянскія наслѣдственныя права своему роду пріобрѣлъ Никита Савельевичъ Булатовъ, лейбъ-компанецъ, съ сотнею прочихъ однополчанъ, произведенный въ дворянское достоинство 31 декабря 1741 г., указомъ императрицы Елизаветы, за содѣйствіе въ пріобрѣтеніи ею родительскаго престола. Спустя же десять лѣтъ—25 ноября 1751 г.—прародителю дворянъ Булатовыхъ выданъ дипломъ на дворянское достоинство, въ которомъ дальнѣйшіе подвиги, совершаемые потомками этого лица, за неимѣніемъ подъ рукою данныхъ, мы заявить на этотъ разъ не можемъ, къ сожалѣнію, какъ обычно дѣлали, описывая гербы другихъ родовъ дворянскихъ.

Намъ извѣстны впрочемъ въ XVIII вѣкѣ, четверо Булатовыхѣ, но этого ли рода, положительно завѣрять не

смѣемъ, таковы напримѣръ: Матвѣй Б. тит. сов. (1795) Иванъ Артемьевичъ Б. секретарь Госуд. Архива, Дмитрій Лукьяновичъ, колл. асс. и Яковъ Семеновичъ Б., поручикъ. Всѣ они имѣли дома въ Москвѣ (1793). Мы желали бы разъяснить принадлежатъ ли они къ этому, или другому, болѣе древнему роду, о которомъ въ будущемъ надѣемся поговорить особо.

Гербъ рода Булатовыхъ (III ч. общ. гербовника № 135) представляетъ щитъ, раздѣленный перпендикуляромъ на двѣ части, изъ которыхъ, въ правой, въ чорномъ полѣ, между тремя серебряными пятіугольными звѣздами, изображено золотое стропило, съ означенными на немъ тремя гранатами натуральнаго цвѣта. По просту сказать, помѣщена лейбъ-компанская шапка, подобно прочимъ гербамъ дворянъ, произведенныхъ изъ лейбъ-компанцевъ по указу 31 декабря 1741 г. Въ лѣвой же части щита, въ красномъ полѣ три серебряныя огнива, положенныя діагонально отъ праваго верхняго къ нижнему лѣвому углу.

Гербовый щитъ увѣнчанъ обыкновеннымъ дворянскимъ шлемомъ, на которомъ положена гренадерская лейбъ-компанская шапка, съ страусовыми перьями краснаго и бѣлаго цвѣта. По сторонамъ же шапки, въ нашлемникѣ, помѣщены два чорныя орлиныя крыла и на каждомъ изъ нихъ по три серебряныхъ звѣзды.

Наметъ на гербѣ краснаго и чорнаго цвѣта, подложенный съ правой стороны серебромъ, а съ лѣвой золотомъ.

Бухвостовы.

ДВОРЯНЕ.

Выборъ нами этой фамилiи для помѣщенiя на страницахъ «Иллюстрацiи» въ настоящемъ году, обусловленъ принадлежностью къ ней «Перваго русскаго солдата» въ гвардiи Петра I-го. *)

*) Въ отдѣлѣ генеалогiи въ теченiе настоящаго *года—юбилея Петра I*, мы рѣшили помѣщать преимущественно фамилiи, представители которыхъ играли извѣстныя роли въ царствованiе Петра I. Такими фамилiями считаемъ мы (кромѣ сообщонныхъ: Лопухиныхъ, Голицыныхъ, Кочубеевъ, Миниха, Бестужевыхъ-Рюминыхъ, Салтыковыхъ, Бутурлиныхъ,

Но, дворянскій родъ Бухвостовыхъ извѣстенъ былъ уже въ XVI вѣкѣ, хотя родословіе вѣтви, къ которой принадлежалъ С. Л. Бухвостовъ, не даетъ намъ возможности указать теперь, въ надлежащей точности и послѣдовательности, другія колѣна. Такъ, напримѣръ, мы не можемъ указать даже, къ одному ли и тому же роду принадлежали извѣстные по разряднымъ книгамъ: Василій Ивановичъ Бухвостовъ, воевода въ казанскомъ походѣ 1544 г., Иванъ Михайловичъ Бухвостовъ, бывшій въ швед. походѣ 1549 г. и Иванъ Константиновичъ Бухвостовъ, убитый при осадѣ Казани. Мы теперь не въ состояніи даже рѣшительно отнести и Евстафія Дмитріевича Бухвостова, убитаго подъ Смоленскомъ (въ 1634 году), къ одному роду съ Григоріемъ Дмитріевичемъ же —родоначальникомъ вѣтви Бухвостовыхъ, намъ извѣстной по родословію и составляющей прямой предметъ настоящей статьи нашей. Мы не теряемъ, впрочемъ, надежды, современемъ, доискаться до точныхъ извѣстій и самаго происхожденія фамиліи. Тогда мы постараемся сообщить и окончательные результаты своихъ изслѣдованій, съ пополненіями, гдѣ потребуется;—прося теперь извиненія за недостаточную полноту. Генеалогія и княжескихъ родовъ у насъ далеко еще не разработана вполнѣ, такъ гдѣ же требовать полноты отъ родословной рода дворянъ, никогда не игравшихъ первыхъ ролей въ московской царской администраціи?

Въ ожиданіи дальнѣйшихъ разъясненій, позволимъ себѣ начать родъ отъ этого Григорія, хотя по отчеству намъ неизвѣстнаго, но открываемаго по сыну—Борису Григорьевичу, московскому дворянину, упоминаемому въ боярскихъ книгахъ подъ годами 1658—1677. Борисъ Григорьевичъ Бухвостовъ имѣлъ четырехъ сыновей: Леонтія, Степана, Кузьму и Василія, Борисовичей.—Изъ нихъ Леонтій, старшій, служилъ въ конюшенномъ царскомъ чину. Вторымъ былъ Степанъ, третьимъ Кузьма, стряпчій, (1671—1677), а млад-

---

Неплюевыхъ, Строгановыхъ и не вошедшихъ въ нашъ сборникъ: Апраксиныхъ, Куракиныхъ, Гагариныхъ, Меньшиковыхъ, Мусиныхъ-Пушкиныхъ, Черкасскихъ, Чернышевыхъ, Шуваловыхъ)—еще гр. *Головкиныхъ*, князей *Долгоруковыхъ*, гр. *Головиныхъ*, кн *Ромодиновскихъ*, гр. *Зотовыхъ* и *Стрешневыхъ*, гр *Остермана*, бар *Шафировыхъ*, дв. *Ягушинскихъ*, *графовъ Скавронскихъ*, *Дивіеръ* и *Брюсъ*.

шій, *Василій*, въ 1668 году стряпчій, въ 1671—1686 гг. стольникъ, бывшій въ 1674 году головою въ третьемъ приказѣ московскихъ стрѣльцовъ. Въ годъ самодержавія Петра онъ сдѣланъ Думнымъ дворяниномъ, а потомъ былъ воеводою въ Псковѣ и окольничимъ. Это самое извѣстное лицо изъ всей фамиліи въ XVII вѣкѣ. У него былъ сынъ Иванъ Васильевичъ, стольникъ, отецъ Льва Ивановича, капитана 2-го московскаго полка, женатаго на Аграфенѣ Петровнѣ; по смерти его вышедшей снова замужъ за поручика Ивана Карамышева. Отъ брака Льва Бухвостова родились три сына и дочь Анна, бывшая за поручикомъ Алексѣевымъ. Сыновья, были: Александръ, въ чинѣ прапорщика, Петръ московскій прокуроръ, и Иванъ (род. 1728 г.), капитанъ 2-го ранга, оставившій двухъ сыновей: Ивана и Петра. О включеніи сына послѣдняго, Димитрія, въ родословную, возникло дѣло (по Сарат. Губ. 1847 г. № 21 по Арх. Д. Герольд.). Это и была тульская вѣтвь фамиліи Бухвостовыхъ.

Потомства отъ Кузьмы Борисовича мы незнаемъ, но имѣемъ представителей пяти поколѣній отъ Степана Борисовича, оставившаго шесть сыновей: Ивана, Моисея, Даніила, Никиту и Михаила. Потомство оставили двое первыхъ. У Ивана были двѣ дочери: Ирина, за Пущинымъ; да Марья, за Валуевымъ; и сыновья—Кондратій, стольникъ (1689—91) и Маркъ; дѣтей которыхъ мы незнаемъ. У Моисея Ивановича было три сына: Гавріилъ, Иванъ и Ѳедотъ, служившій въ артиллеріи и выпущенный въ отставку подполковникомъ. У него было два сына: Афанасій—сержантъ и Никита, оба служившіе въ гвардіи. У Никиты сыновья были Семенъ и Леонтій. У Ивана Моисѣевича были только четыре дочери: Авдотья 1-я (за Каурчинымъ), Авдотья 2-я (за Станкѣевымъ), Матрена (за Шушеринымъ), и Настасья (за Лебедевымъ). У Гавріила же Моисѣевича былъ одинъ сынъ Николай, служившій въ гвардіи рядовымъ и оставившій: дочь Василису (за-мужемъ за Ломаковымъ) и сына Гавріила, кирасирскаго ротмистра.

Переходимъ къ потомству старшаго сына Бориса Григорьевича—Леонтія Борисовича. Онъ былъ отцомъ трехсыновей: Ивана и Сергѣя, не оставившихъ потомства, и Флора,—ротмистра рейтарскаго строя – родъ котораго продолжается.

Сергѣй Леонтьевичъ Бухвостовъ (1659 -1728 г.), начавшій службу въ конюшенномъ штатѣ, замѣнилъ отца, ничего невыслужившаго подъ старость. Сергѣй, видя ненадежность здѣсь выслуги, въ Ноябрѣ 1683 г. *записался первымъ въ потѣшные* къ одинацати-лѣтнему царю Петру I. за это, впослѣдствіи прозвавшему его *«первымъ русскимъ солдатомъ»*. Сергѣй Бухвостовъ былъ въ кожуховскомъ походѣ, въ обѣихъ компаніяхъ Азовскихъ и къ началу Сѣверной войны дослужился до капрала. Нотеборгъ, Архангельскъ, Нарва, Лѣсное, Доброе, Полтава—рядъ подвиговъ гвардіи и отличій перваго русскаго солдата, повышеннаго въ капитаны артиллеріи къ концу славной борьбы царя съ шведскимъ Алкидомъ, завершонной его бѣгствомъ въ Турцію. Померанская компанія,—именно взятіе Штетина,—положила предѣлъ боевому поприщу заслуженнаго воина. Подъ Штетинымъ получилъ онъ до того тяжолую рану, что Петръ I, признательный къ заслугѣ и входя въ положеніе искалеченнаго храбреца, произвелъ его въ маіоры артиллеріи, съ зачисленіемъ въ Петербургскій гарнизонъ, гдѣ и пробылъ первый руській солдатъ до смерти своей, переживъ, Государя благодѣтеля двоего тремя годами. Послѣ Ништадтскаго мира Петра велѣлъ скульптору графу Растрелли сдѣлать бронзовый бюстъ С. Л. Бухвостова, при Аннѣ переданный на храненіе въ Академію Наукъ, гдѣ съ него нарисовалъ и награвировалъ портретъ «перваго русскаго солдата»,—одинъ изъ почитателей памяти его—М. И. Махаевъ. Гравюра Махаева, съ подписью на русскомъ и французскомъ языкахъ, излагающею факты жизни Бухвостова—впрочемъ, съ весьма важными ошибками—составляетъ рѣдкость, такъ какъ доска неизвѣстно гдѣ, а оттиски въ продажу не поступали и число ихъ въ обращеніи очень не велико. «Первый русскій солдатъ» никогда женатъ не былъ и завѣщалъ свой скромный достатокъ брату Флору, оставшемуся единственнымъ продолжателемъ своей фамильной вѣтви.

У Флора Леонтьевича было четыре сына: Михаилъ и Борисъ—ротмистры рейтарскаго строя, Воинъ въ рейтарахъ же дослужившійся до чина поручика, да Василій, за болѣзнію не служившій совсѣмъ, но женатый и оставившій двухъ дочерей: Дарью (замужемъ за Ширяевымъ) и Марью

(за Комаровымъ). Старшій изъ братьевъ, Михаилъ имѣлъ трехъ сыновей: Андреяна, Степана и Артемія, изъ которыхъ потомство осталось отъ второго. Именно было три сына и двѣ дочери (Анна и Прасковья). Изъ сыновей его старшій Петръ, надв. сов., былъ отцомъ двухъ сыновей и двухъ дочерей (Прасковьи, бывшей за Казадаевымъ и Анны—за Ивковымъ). Старшій изъ сыновей, Яковъ, гвардіи поручикъ, женатый на Марьѣ Сергѣевнѣ, ур. Байковой, отъ брака съ нею тоже оставилъ дочерей, вышедширъ въ замужество за Лефнера, Васюкова, Черкесова и Елевтерова; такъ что родъ Петра Степановича Бухвостова прекратился. Тоже не оставилъ потомства и второй его братъ Михаилъ. Родъ продолжался до настоящаго времени только отъ третьяго брата ихъ, Степана Степановича, подпрапорщика Великолуцкаго баталіона, женатаго на Пелагеѣ Ивановнѣ Алексѣевой и имѣвшаго трехъ сыновей, изъ которыхъ средній (второй)—Александръ Степановичъ (1796—1841 г.) герой Наварина, а потомъ чиновникъ гражданской службы (надв. сов.), имѣлъ сына Николая, умершаго штабсъ-капитаномъ (1865 г.) и двухъ дочерей. Дѣтямъ старшей изъ нихъ, да младшей сестрѣ ея (Надеждѣ Александровнѣ), съ матерью, оказана Высочайшая милость въ память заслугъ предка—«перваго русскаго солдата», — по случаю юбилея Петра I.

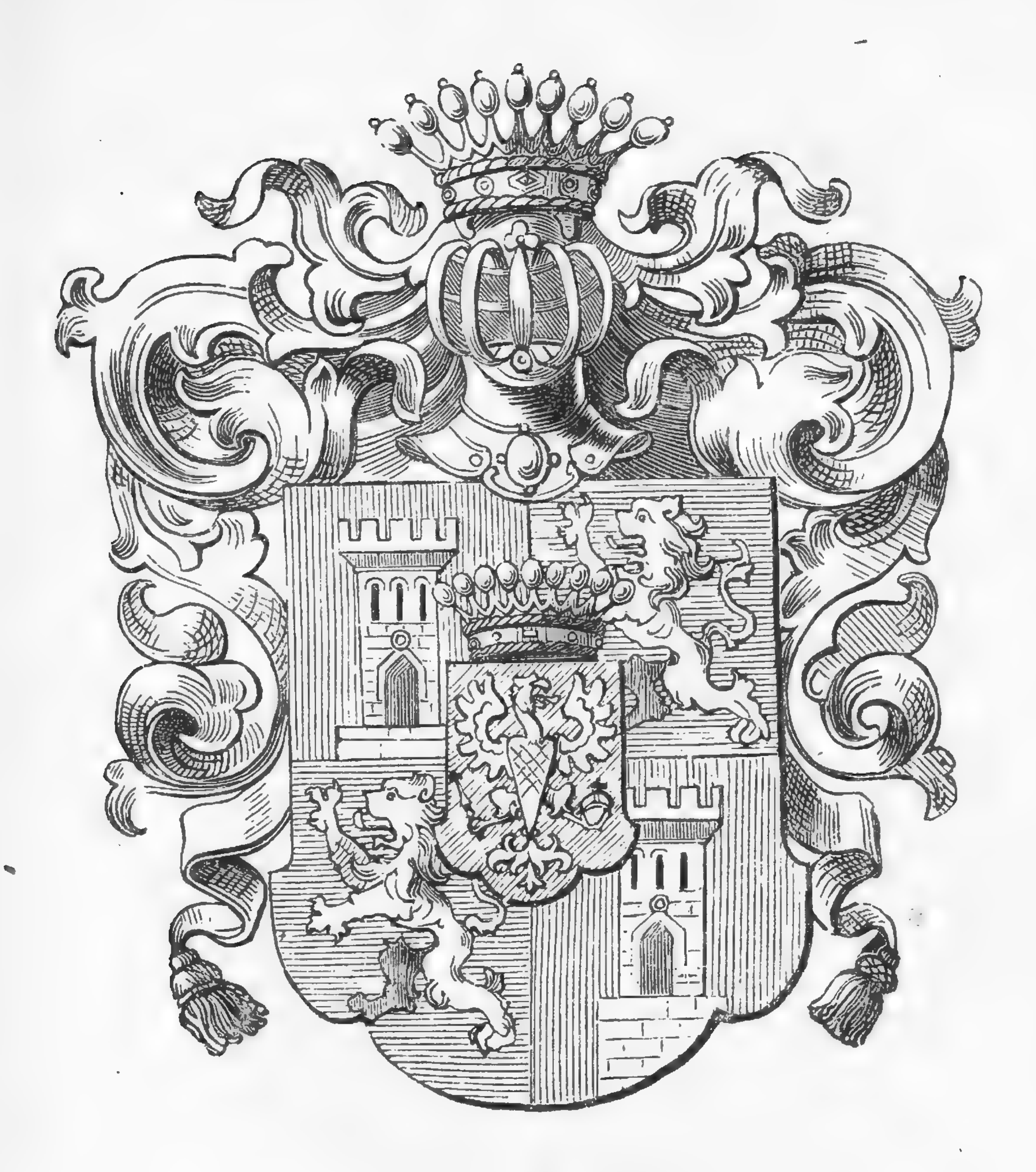
Особы, удостоенныя монаршей милости, судя по родословію, у нихъ находящемуся, по старшинству, дѣйствительно ближайшіе потомки С. Л. Бухвостова, фамилію котораго они носятъ.

Существуетъ, впрочемъ, и потомство отъ второго сына Флора Леонтьевича—Бориса. Онъ былъ отцемъ пяти сыновей: Семена, Ивана, Григорія, Емельяна и Никифора. Отъ старшаго изъ нихъ родъ не могъ продолжаться; такъ какъ онъ оставилъ одну дочь Ѳедосью, вышедшую за Лихачева. Двое младшихъ братьевъ тоже показаны въ родословной табели безъ потомства совсѣмъ. Третій же братъ ихъ, Григорій, поручикъ при отставкѣ, оставилъ двухъ сыновей и дочь. У второго изъ нихъ—Сергѣя, было два сына: Петръ и Иванъ (капитанъ), также какъ и представители вѣтви отъ Михаила Флоровича—помѣщики Псковской губерніи (см. д. по Псков. губ. 1837 г. № 4. въ Арх. Д-та Герольд.)

Второй сынъ Бориса Флоровича—Иванъ Борисовичъ. премьеръ маіоръ артиллеріи, испомѣщенъ былъ вмѣстѣ съ братьями, тоже въ Псковской губерніи. Онъ оставилъ двухъ дочерей (изъ которыхъ старшая Елена была за Коханскимъ), да сына Матвѣя—капитана арміи. У Матвѣя былъ сынъ Яковъ, а у Якова Василій, отъ двухъ браковъ оставившій двухъ дочерей, да четырехъ сыновей: Виктора, Михаила, Николая и Павла Васильевичей Бухвостовыхъ.

Помѣщаемый теперь гербъ фамиліи дворянъ Бухвостовыхъ въ гербовникѣ не находится и данъ, вѣроятно, ранѣе изданія его, судя по характеру орнаментовъ гербоваго щитка. Онъ представляетъ оленя, съ мечомъ въ переднихъ ногахъ, держимымъ остріемъ въ верхъ. Ни цвѣта поля гербоваго щита, ни колеровъ намета обозначить мы также не можемъ, по полученіи рисунка герба только въ чертахъ. Гербовый щитокъ увѣнчанъ дворянскимъ шлемомъ и короною и въ нашлемникѣ представлена возникающая рука, держащая ключь, кольцомъ вверхъ.

Когда именно и по какому поводу данъ фамиліи этотъ гербъ, отыскать мы еще не могли.

Дивіеръ (De Vieira).

Графскій домъ.

Родоначальникомъ этой фамиліи въ Россіи былъ португалецъ Антонъ Эммануэль Де-Віейра или, какъ его называли здѣсь —*Дивіеръ*, принятый царемъ въ службу свою въ 1697 году изъ датской, и бывшій съ нимъ въ Амстердамѣ.

Замѣчательныя способности, рѣдкая всюду находчивость и аккуратность въ выполненіи даваемыхъ приказаній, обратили на Дивіера прежде всего вниманіе Меньшикова, кото-

рый взялъ его къ себѣ, изъ офицеровъ уже преображенскаго полка—въ адъютанты. Любимецъ царя очень хвалилъ своего Дивіера и выставлялъ его съ выгодной стороны, давая ему самыя разнообразныя порученія, до тѣхъ поръ, пока, влюбившись въ сестру своего патрона—Анну Даниловну и узнавъ ея взаимную нѣжность къ себѣ,—Дивіеръ осмѣлился просить руки ея у Меньшикова. Грубый отказъ и гнѣвъ его, за предложеніе, казавшееся уже князю россійской имперіи слишкомъ дерзкимъ и навязчивымъ, не перемѣнилъ однако ничего въ положеніи дѣла искателя руки, съ сестрою временьщика. Она вполнѣ предалась страсти и—слѣдствія незамедлили показать гнѣвному вельможѣ, что партіею Дивіера пренебрегать ему нельзя, Въ первомъ порывѣ гнѣва, Меньшиковъ излилъ на виновнаго адъютанта потокъ оскорбленій; даже избилъ его и принудилъ искать спасенія въ признаніи самому царю вины своей. Но Петръ Великій на подобные грѣхи смотрѣлъ совсѣмъ не сурово. Зная уже способности провинившагося, государь взялъ его къ себѣ въ адъютанты (деньщики) и приказалъ Меньшикову отдать за него сестру свою. Съ этого времени Дивіеръ, скоро повышенный въ маіоры, исполнялъ царскія порученія, постоянно пріобрѣтая высшее довѣріе монарха, въ 1715 году пославшаго его въ Копенгагенъ, а по возвращеніи своемъ изъ продолжительнаго путешествія въ Европу, возложившаго на него (уже генералъ-адъютанта, въ бригадирскомъ чинѣ) исполненіе обязанностей перваго въ Россіи генералъ-полицініймейстера (27 мая 1718). Меньшиковъ казался примирившимся съ зятемъ; хотя оба они въ душѣ остались врагами на всю жизнь. Дивіеръ пользовался даже наружнымъ расположеніемъ шурина, походившимъ на родственное, исполняя его семейныя порученія и сообщая извѣстія: что дѣлалось при дворѣ, во время его отсутствія,—весьма важныя для Меньшикова въ началѣ семьсотъ двадцатыхъ годовъ и въ первый годъ царствованія Екатерины. Тогда надмѣнный герцогъ Ингріи мечталъ сдѣлаться герцогомъ курляндскимъ, въ то время, когда противники его въ Петербургѣ устраивали ему гибель, отвращонную герцогомъ голштинскимъ къ своей собственной невыгодѣ и непріятностямъ. Дивіеръ, возведенный Екатериною въ графы, 24 октября 1726 года, въ это время уже раздѣлялъ планы противни-

ковъ своего шурина (Толстаго съ Долгорукими). Меньшиковъ, однако, пользуясь неограниченнымъ вліяніемъ на Екатерину I въ послѣдній годъ ея жизни, умѣлъ погубить ихъ во время предсмертной болѣзни Ея Величества, придравшись къ ничтожному забвенію этикета, во дворцѣ, Дивіеромъ. Наряжена была коммиссія для изслѣдованія *преступленія величества* и: генералъ-лейтенантъ Дивіеръ, д. т. с. Толстой, Мусинъ-Пушкинъ, да Скорняковъ - Писаревъ, были осуждены на ссылку, по наказаніи кнутомъ. Дивіеръ, посланный въ Сибирь, тамъ при Аннѣ сдѣланъ правителемъ въ Якутскѣ, а потомъ—въ Охотскѣ.

Вообще же проведя въ ссылкѣ пятнадцать лѣтъ, онъ возвращонъ уже Елисаветою, даровавшею страдальцу за претерпѣнныя имъ невинно истязанія—графское достоинство (14 февраля 1743 года) съ пожалованіемъ отнятыхъ деревень, чиновъ и ордена св. Александра Нев.. Грамотою 24 декабря 1743 года монархиня пожаловала бывшему генералъ-полиціймейстеру 1602 души крестьянъ изъ имѣній Меньшикова, да деревню Ревгульскій погостъ (180 двор.) Кексгольмскаго уѣзда. Скоро послѣ этого, 24 іюня 1745 г., гр. Дивіеръ умеръ, на 72 году отъ рожденія. Отъ брака съ Анной Даниловной Меньшиковой (род. 1689 г. и пережившей мужа), Дивіеръ имѣлъ дочь, фрейлину Екатерины I, и трехъ сыновей, графовъ: Петра, Александра и Антона Антоновичей. Первый изъ нихъ, камеръ-пажъ Екатерины I (1722 г.) въ 1737 году поручикъ арміи, въ 1742 г. капитанъ, въ 1744 году камергеръ въ чинѣ бригадира (по табели Петра I), 1752 г. генералъ-маіоръ; 1755 г. генералъ-лейтенантъ; Петромъ III произведенъ въ полные генералы, а Екатериною II уволенъ въ отставку (1762 г.) и умеръ въ 1773 году, 60-ти лѣтъ слишкомъ. Братья его, рано вышедшіе въ отставку, были: Александръ гвардіи капитаномъ, а Антонъ—только поручикомъ.

У графа Петра Антоновича Дивіеръ было четыре сына, графы: Николай Петровичъ (корнетъ при отставкѣ), Михаилъ Петровичъ (подполковникъ), Петръ Петровичъ (капитанъ), и Борисъ Петровичъ *) (секундъ-маіоръ), да че-

*) Графа Бориса Петровича Дивіеръ родословная книга кн. Долгорукаго во все непоказываетъ, обозначая графа Димитрія Борисовича и сестеръ его—дѣтьми гр. Бориса Михайловича. Мы здѣсь въ своихъ ука-

тыре дочери, графини: Екатерина Петровна, въ супружествѣ за бригадиромъ Чичеринымъ, Настасья Петровна за кол. сов. Дунинымъ, Елисавета Петровна (р. 1754 г., ум. 20 ноября 1829 года) за ст. сов. Петромъ Матвѣевичемъ Херасковымъ, и Варвара Петровна—дѣвица.

У графа Александра Антоновича Дивіеръ было два сына (оба при отставкѣ секундъ-маіоры): Николай и Иванъ Александровичь (ум. 1832 г.), да дочь, Александра Александровна, дѣвица. Николай Александровичъ женатъ на Марьѣ Михайловнѣ Сабуровой.

Отъ Антона же Антоновича былъ одинъ сынъ, гвардіи сержантъ, Николай Антоновичъ (ум. 25 сентября 1792 г.), да двѣ дочери, графини: Елена Антоновна, замужемъ за Деболи, и Наталья Антоновна, умершая въ дѣвицахъ. Сыновья графа Петра Антоновича, генералъ-аншефа,—Николай и Петръ Петровичи были безъ потомства. А гр. Михаилъ Петровичъ Дивіеръ, подполковникъ, женатъ былъ два раза и отъ обѣихъ супругъ оставилъ сыновей: Владиміра Михайловича *) (умершаго капитаномъ), Бориса Михийловича, Александра Михайловича (по родословной книгѣ кн. Долгорукова) и Михаила Михайловича, женатаго на Софьѣ Петровнѣ Херасковой (род. 1790 г. и ум. 5 іюля 1830 г.) и дослужившагося только до чина поручика астраханскаго полка. Сверхъ того, графъ Михаилъ Петровичъ Дивіеръ имѣлъ еще отъ брака, признаннаго незаконнымъ, дѣтей Петра и Аполлона (въ 1798 году еще малолѣтныхъ, какъ видно по родословной, поданной самимъ граф. Михаиломъ Петровичемъ). По родословной же, поданной графомъ Борисомъ Петровичемъ Дивіеръ, у него показанъ сынъ гр. Дмитрій Борисовичъ, лейбъ гвардіи сержантъ, (потомъ камергеръ) имѣвщій сыновей Михаила и Дмитрія Дмитріевичей. Кромѣ сына, гр. Борисъ Петровичъ оставилъ четырехъ дочерей, графинь: Прасковью Борисовну, бывшую

заніяхъ держались оффиціальныхъ родословныхъ, поданныхъ графами Борисомъ и Михаиломъ Петровичемъ Дивіеръ, потому свое, изъ нихъ заимствованное, указаніе не можемъ позволить себѣ считать ошибочнымъ. Тѣмъ менѣе можемъ считать миѳомъ графа Бориса Петровича Дивіеръ, самого подававшаго справку.

**) Князем Долгорукимъ, въ родословной книгѣ, показаннаго уже сыномъ Михаила Михаиловича, женатымъ на Варварѣ Осиповнѣ Цызыревой.

въ супружествѣ за надв. сов. Рябининымъ, Екатерину Борисовну, за Сипягинымъ и дѣвицъ Настасью и Надежду Борисовну. Графъ Борисъ Михаиловичъ имѣлъ сына Димитрія, внука Александра Дмитріевича и правнука Сергія Александровича. Отъ брака же графа Николая Александровича Дивіеръ съ Марьей Михайловной Сабуровой, мы знаемъ одну дочь, графиню Александру Николаевну, бывшую въ супружествѣ за Бартоломеемъ

Гербъ русскихъ графовъ Дивіеръ, Высочайше утвержденный 3 ноября 1801 г., внесенъ въ VI часть гербовника (въ числѣ графскихъ родовъ, на основаніи Высоч. повелѣнія іюня 1801 г. по грамотѣ 1743 г.) подъ № 3.

Онъ представляетъ гербовый щитъ, разсѣченный двумя перпендикулярами на четыре части и въ срединѣ заключающій особый малый щитокъ, увѣнчанный графскою короною. Въ щиткѣ этомъ, имѣющемъ зеленое поле, изображонъ одноглавый орелъ, держащій въ правой лапѣ скипетръ, а въ лѣвой державу. Изъ четырехъ частей главнаго дѣленія, въ первой и четвертой, въ красномъ полѣ, помѣщено по одной серебряной башнѣ, а во второй и третьей частяхъ, въ лазуревомъ полѣ, повторяются стоящіе львы.

Гербовый щитъ увѣнчанъ дворянскимъ шлемомъ съ графскою короною. Наметъ справа красный съ серебромъ; слѣва, лазуревый съ золотомъ.

Римскіе-Корсаковы.

Дворянскій родъ.

Изъ этой фамиліи тоже были дѣятели временъ Петра I, которыхъ, не смотря на тяжолую судьбу, не слѣдуетъ пройти молчаніемъ.

Родъ этотъ, очень развѣтвившійся въ Польшѣ и Литвѣ, въ московскомъ государствѣ значится по родословнымъ съ XV вѣка. Предкомъ его считается Сигизмундъ или Жигмундъ Корсакъ, родственникъ князей литовскихъ, по семейнымъ неудовольствіямъ переселившійся въ Москву, на службу къ великому князю Василію Дмитріевичу, въ то время, когда взялъ онъ за себя дочь великаго князя литовскаго Витовта — Софью (1390 г.). По родословнымъ, у этого Жигмунда было три сына, изъ которыхъ Фридрихъ остался въ Литвѣ продолжателемъ рода Корсаковъ, а Венцеславъ, да Милославъ, сдѣлались родоначальниками фамилій Римскихъ-Корсаковыхъ и Милославскихъ. Римскіе-

Корсаковы происходятъ отъ Венцеслава. Грамотами 1500 и 1504 год., правнукъ Венцеслава (внукъ Өедора Венцеславича, сынъ Михаила Өедоровича) Василій Михайловичъ Корсаковъ получилъ въ вотчину обширныя волости въ новгородскихъ пятинахъ: Суду, Бортегу, Кирбагу и Двинницу. Сынъ же собирателя земли русской, ц. Василій Ивановичъ, сыновьямъ Василья Михайловича, Лукѣ и Семену Васильевичамъ Корсаковымъ, грамотами 7035—7 г. (1527—1529 г.) предоставилъ извѣстную долю доходовъ съ Новагорода и Устюжны. А въ 1561 году (7069 г.) Лукѣ Васильевичу дана Иваномъ Грознымъ грамота на владѣніе Выгозеромъ.

Семенъ Васильевичъ Корсаковъ, отецъ шести сыновей (Елизара, Филиппа, Степана, Ивана, Григорья и Матвѣя) поселившись въ новгородскихъ помѣстьяхъ, сдѣлался родоначальникомъ новгородской вѣтви. Старшій сынъ его, Елизаръ Семеновичъ Корсаковъ, въ 1609 году былъ воеводою въ Угличѣ; въ 1615 — 16 г. въ Сургутѣ, 1617 — 18 на Тарѣ, и въ 1622 г. въ Яранскѣ. Сынъ его Степанъ Елизаровичъ (род. 1607 г.) былъ отцомъ пяти сыновей: Василія, Бориса, Матвѣя, Гавріила и Ивана. Старшій изъ нихъ, воевода въ Суздалѣ (1657 г.) и Костромѣ (1669 г.) еще въ 1686 году показанъ въ числѣ стольниковъ. У него было въ свою очередь три сына: два Алексѣя (большой и меньшой) и Савва стольникъ (1686—89 г.). Продолжителемъ же рода оказался одинъ Алексѣй Васильевичъ *меньшой*, стряпчій.

У Филиппа Семеновича, второго сына Семена Васильевича, былъ одинъ сынъ Филиппъ, а у того сынъ—Илья, оставившій двоихъ дѣтей: Венедикта-Ждана, да Никиту, продолжателя потомства до настоящаго вѣка. Между тѣмъ, родъ третьяго сына Семена Васильевича пресекся на правнукѣ, а родъ слѣдующаго четвертаго сына (Ивана)—на внукѣ. Тоже, было и съ слѣдующимъ по немъ (Григорьемъ), сынъ котораго, Климентъ Третьякъ Григорьевичъ, дьякъ, получилъ въ награду прибавку вотчинъ за московское сидѣнье. Его же сынъ Игнатій Третьяковъ убитъ Стенькою Разинымъ, уже въ старости.

Мы не можемъ еще положительно указать, у котораго изъ Семеновъ (сына Михайлова или сына Васильева?) были—ро-

доначальники младшихъ вѣтвей—Степанъ, Анфиногенъ и Матвѣй Семеновичи?—хотя и склоняемся скорѣе на признаніе ихъ дѣтьми послѣдняго, по очень простому расчоту: трудности допустить всего пять поколѣній въ двѣсти лѣтъ. Тогда какъ до сыновей Семена Васильевича, отъ родоначальника, выходитъ семь или восемь поколѣній.

Не пускаясь въ рановременныя ипотезы, мы перейдемъ въ настоящее время къ старшимъ вѣтвямъ рода Корсаковыхъ, существующимъ въ Калужской и Тульской губерніяхъ, въ числѣ поколѣній которыхъ нѣтъ причины сомнѣваться.

У Михаила Ѳедоровича, внука Венцеслава Жигмундовича, кромѣ Василія показаны по родословной сыновья еще: Афанасій, Яковъ и Іосифъ. У послѣдняго изъ нихъ сынъ Иванъ, внукъ Ѳедоръ и правнуки Дмитрій и Елизаръ Ѳедоровичи, калужскіе городовые дворяне, отъ которыхъ и продолжается вѣтвь собственно *калужская*.

Изъ двухъ сыновей перваго (Семена и Леонтія) родъ продолжается отъ младшаго. Отъ перваго — дворянина московскаго (1629 — 1658) Семена Дмитріевича, было хотя четыре сына: Иванъ (дворянинъ московскій уп. 1658—68), Григорій, Ѳедоръ и Воинъ—*стряпчіе*, но они не оставили потомства.

Оно продолжается отъ патріаршаго стольника (1629 г.), а потомъ дворянина московскаго (1636 г.), Леонтія Дмитріевича, отца двухъ сыновей, стольниковъ: Ивана (воеводы въ Смоленскѣ) и Андрея. Изъ нихъ старшій, Андрей Леонтьевичъ, имѣлъ двоихъ дѣтей: Василія и Михаила,—поручика Семеновскаго полка, купившаго калужское имѣніе (1733 г.). У Василія Андреев. были: дѣти Александръ и Андрей, внуки Николай Александровичъ и Петръ Андреевичъ, правнукъ Сергѣй Николаевичъ и праправнукъ Николай Сергѣевичъ. У пріобрѣтателя же калужскаго имѣнія, Михаила Андреевича, былъ сынъ Петръ, капитанъ Семеновскаго полка; сынъ котораго, одноименный съ дѣдомъ, получилъ высочайше утвержденный гербъ, нами здѣсь помѣщаемый. Этотъ второй Михаилъ Петровичъ Римскій-Корсаковъ, былъ предводитель дворянства Калужскаго уѣзда. То же званіе носилъ и сынъ его Владиміръ Михайловичъ (род. 1 іюля 1808 г.), отецъ четырехъ сыновей и столькихъ же дочерей (Арх. Д. Г. д. по Калужской губ. 1844 г. № 41).

Тульская и Орловская вѣтви дворянъ Римскихъ-Корсаковыхъ ведутъ происхожденіе отъ дѣтей Елизара Өедоровича: первая отъ Максима, послѣдняя отъ Никиты и Василія Елизаровичей. Отъ Никиты извѣстны сыновья, внуки и правнуки (Арх. д. Г. д. 1827 г. № 3 по Орловской губ.).

У Василія Елизаровича былъ сынъ Михаилъ (капитанъ), внукъ Василій (коллегіи юнкеръ) и правнуки Петръ и Александръ Васильевичи. Дѣтямъ послѣдняго, прижитымъ до брака, Высочайшимъ указомъ (1822 г.) разрѣшено носить фамилію Римскихъ-Корсаковыхъ.

Тульскіе дворяне Римскіе-Корсаковы насчитываютъ теперь седьмое поколѣніе отъ Максима Елизаровича (умерш. 1698 г.). Сынъ его (Иванъ Максимовичъ) имѣлъ трехъ сыновей: Петра, Юрія (стольника въ 1692 году) и Андрея, сынъ котораго вмѣстѣ съ Неплюевымъ былъ по волѣ Петра I волонтеромъ при тулонскомъ адмиралтействѣ, изучая инженерную часть. Онъ назывался — Михаиломъ и, при Аннѣ выйдя въ отставку съ чиномъ поручика Семеновскаго полка, умеръ въ 1772 году, оставивъ двоихъ дѣтей: Петра и Александра, начавшихъ службу въ гвардіи. Смерть отца заставила старшаго удалиться отъ службы въ свое имѣніе, находившееся далеко не въ блистательномъ положеніи. Оставшійся же въ службѣ младшій братъ—Александръ Михайловичъ,—было самое знаменитое лицо во всей фамиліи. Онъ началъ службу съ 17 лѣтъ и въ теченіи семи десятилѣтій, не думалъ объ отдыхѣ, до самой смерти своей (родился 1753 г., умеръ 1840 г.). Примѣрная распорядительность и отвага выдвинули его изъ ряда генераловъ еще при Екатеринѣ II. Павелъ I поручилъ А. М. Римскому-Корсакову извѣстную экспедицію въ Голландію (1799 г.). Разбитый въ Швейцаріи Массеною, по невозможности бороться съ малыми силами противъ превосходнаго втрое непріятеля, Римскій-Корсаковъ тѣмъ не менѣе понесъ гнѣвъ государя и удаленъ въ деревню, изъ которой вызвалъ его уже воцарившійся Александръ I, питавшій къ несчастливому генералу чувства высокой дружбы. Сдѣланный полнымъ генераломъ, Римскій-Корсаковъ при Александрѣ I управлялъ, со званіемъ генералъ-губернатора, литовскимъ краемъ, а при Николаѣ I былъ членомъ государственнаго совѣта. Единственный сынъ его, Михаилъ Александровичъ, рано оставилъ

службу, поселившись въ наслѣдственнныхъ тульскихъ деревняхъ и нося только почотное званіе попечителя тульской гимназіи.

Родъ дѣятеей временъ Петра I — коменданта Бѣлозерскаго и братаего, перваго с.-петербургскаго воеводы — недетъ свое начло отъ упомянутаго уже выше Василья Михайловича. Внкъ его, Лука Васильевичъ,имѣлъ сына Александра и внучатъ Илью и Гурія Александровичей. Первый изъ нихъ былъ дворян нъ московскій (1636—1658), оставившій бездѣтнаго сына Абрама (дворянина же московскаго 1658 г.). Гурій Александровичъ Римскій-Корсаковъ былъ только дьякъ, также, какъ и сынъ его, какъ то возведенный, впрочемъ, въ стряпчіе. У него, сколько извѣстно, было два сына: Яковъ и Василій. Первый изъ нихъ выступаетъ на сцену, какъ дѣлецъ первой руки, съ начала сѣверной войны, а въ 1709 году полчаетъ похвальную царскую грамоту «за раченье».

Назначенный для выполненія экстренныхъ провіантскихъ заготовленій, изъ новгородскихъ дѣтей боярскихъ, при началѣ сѣверной войны, Яковъ Никитичъ скоро обратилъ на себя вниманіе А. Д. Меньшикова расторопностью, находчивостью и угожденіями. По основаніи Петербурга и взятіи Нарвы, какъ губернаторъ этой завоеванной стороны, Меньшиковъ быстро повысилъ своего любимца; зато требуя отъ него исполненій никому другому не подъ силу. При образованіи Ингерманландской губерніи, Я. Н. Корсаковъ сдѣланъ ландрихтеромъ западной части ея, прилегающей къ Нарвѣ; а затѣмъ и вице-губернаторомъ петербургскимъ (1711 г.). Четыре слѣдующіе затѣмъ года, сдѣлавъ вообще много хорошаго, Я. Н. Корсаковъ, изъ угожденія своему патрону кн. А. Д. Меньшикову, вошолъ въ недозволительныя операціи для выгодъ свѣтлѣйшаго. Эти хищенія казны были открыты и Корсаковъ, наказанный чрезъ палача, посланъ въ ссылку (1715 г.), съ отобраніемъ имѣній своихъ. Когда онъ умеръ — неизвѣстно, но, кажется, раньше Петра I и Меньшикова. Отъ брака съ Прасковьею Аггѣевной (род. 1679 г. 20 окт., ум. 18 янв. 1734 г.), имѣлъ Я. Н. Корсаковъ пятерыхъ сыновей: Воина, Петра, Александра, Максима и Владиміра. Воинъ Яковлевичъ, бывшій въ Тулонѣ пансіонеромъ Петра I—впослѣдствіи любимецъ

Елизаветы Петровны, вице-адмиралъ (род. 4 іюля 1702 г. ум. 20 іюля 1757 г.), женатъ былъ на дочери Ив. Ив. Неплюева, Марьѣ Ивановнѣ (род. 1718 г. и ум. 31 іюля 1769 г.). У нихъ было три сына: Александръ, Яковъ и Петръ. Михаилъ Яковлевичъ былъ безбраченъ и умеръ полковникомъ драгунскаго Астраханскаго полка (род. 1712 г., ум. 31 янв. 1755 г.). Александръ Яковлевичъ дослужился до чина генералъ-поручика и жилъ въ Москвѣ. У него было четыре сына (Сергѣй, Яковъ, Петръ и Павелъ). А у послѣдняго сына Якова Никитича, Владиміра—былъ сынъ Яковъ, внукъ Александръ (камергеръ) и правнукъ Сергѣй Ал., женившійся на родной сестрѣ свѣтлѣйшей княгини Паскевичъ—Софьѣ Александровнѣ Грибоѣдовой. У нихъ сынъ Николай Сергѣевичъ, бывшій въ гусарахъ, теперь церемоніймейстеръ.

Внукомъ Воина Никитича Римскаго-Корсакова оказывался по прямой линіи и Николай Петровичъ Римскій-Корсаковъ, вице-адмиралъ (флигель-адъютантъ императора Николая I), директоръ морского кадетскаго корпуса, послѣ Крузенштерна, управлявшій корпусомъ съ весны 1842 и принявшій его въ команду 14 октября. Въ шесть лѣтъ управленія его (по день смерти, послѣдовавшей 31 октября 1848 г.) сдѣлано многое. Наряжена коммиссія для составленія учебниковъ; пополнены учебныя коллекціи; увеличена типографія; перестроено зданіе корпуса. До службы при корпусѣ, Н. П. Римскій-Корсаковъ,—выпущенный во флотъ мичманомъ 24 декабря 1809 г., 1812 г. въ Диснѣ строилъ мостъ для переправы всей арміи и въ польскую компанію начальствовалъ гребною флотиліею на р. Вислѣ, разъѣзжая по ней до Влоцлавсека, и строилъ пловучій мостъ въ Осѣкѣ. Въ турецкую войну отличился при Кюстенджи. На бригѣ «Орфей» произвелъ рекогносцировку и совершилъ аттаку восточнаго фаса, а потомъ завѣдывалъ выгрузкою здѣсь нашего провіанта. За этотъ подвигъ назначенъ флигель-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству (24 іюня 1828 г.); находился при государѣ на фрегатѣ «Флора» при Варнѣ и завѣдывалъ военными судами при этой крѣпости. За это произведенъ въ капитаны 2 ранга (2 окт. того же 1828 г.); въ 1830 г. повышенъ въ чинъ капитана 1

ранга, а 8 іюля 1836 г. въ контръ-адмиралы, съ состояніемъ въ свитѣ Е. И. В. Онъ былъ женатъ на дочери секундъ-маіора Поликсенѣ Ивановнѣ Сухотиной, но дѣтей не имѣлъ.

Изъ рода же новгородскихъ дворянъ былъ и умершій въ минувшемъ году, второй директоръ морского корпуса изъ фамиліи Римскихъ-Корсаковыхъ,—контръ-адмиралъ Воинъ Андреевичъ, управлявшій корпусомъ съ декабря 1861 г. Онъ былъ тоже корпусный воспитанникъ (род. 1823 г.), выпущенный въ мичмана въ декабрѣ 1838 года. Воинъ Андреевичъ совершилъ нѣсколько дальнихъ морскихъ компаній. Назовемъ изъ нихъ особенно замѣчательную, начатую на паровой шкунѣ «Востокъ» и оконченную на корветѣ «Оливуцца» 1853—57 г. Изъ Портсмута В. А. Римскій-Корсаковъ тогда прошолъ вокругъ мыса Доброй Надежды до Японіи и, посѣтивъ Курильскіе острова, зимовалъ въ Аянѣ и на Амурѣ. Управляя морскимъ корпусомъ, онъ произвелъ также радикальныя реформы въ образованіи будущихъ моряковъ и заслужилъ почтенную извѣстность, какъ администраторъ-воспитатель. Женатъ онъ былъ на Марьѣ Ѳедоровнѣ Бауэръ и оставилъ сыновей Петра (род. 1861 г.) и Ѳедора (род. въ 1863 г.).

Братъ Якова Никитича — Василій Никитичъ Римскій-Корсаковъ, обязанный старшему брату своимъ возвышеніемъ въ коменданты бѣлозерскіе, раздѣлилъ и его несчастную судьбу, вовлечонный въ его злоупотребленія казенною собственностью. У него были сыновья Андрей и Александръ (родъ котораго продолжается), да дочь Евфимія Васильевна, вышедшая замужъ за с.-петербургскаго же вице-губернатора, дѣйст. ст. сов. Петра Наумовича Мельгунова. Она (род. 8 іюля 1705 г., ум. 1762 г. 10 мая) была матерью Алексѣя Петровича Мельгунова, намѣстника вологодскаго и ярославскаго при Екатеринѣ II—составившаго себѣ репутацію самаго милостиваго и справедливаго правителя своего времени.

При Екатеринѣ же II пользовался короткое время такъ называемымъ *фаворомъ* при дворѣ, генералъ-маіоръ Иванъ Николаевичъ Римскій-Корсаковъ; — изъ смоленской вѣтви этой фамиліи. Онъ былъ сынъ Николая Степановича, праправнука Степана Ѳедоровича *Ратая*, изъ той младшей

вѣтви, колѣна которой перепутаны въ родословной и вообще мало знаемы, потому что не играли видныхъ ролей.

Но и изъ младшихъ вѣтвей, собственно смоленскихъ, въ XVII вѣкѣ было нѣсколько лицъ, достойныхъ упоминанія. Такъ, напримѣръ, сынъ Андрея Степановича *Кондака*, Лаврентій Андреевичъ, ротмистръ рейтарскій, при Михаилѣ ставилъ острогъ въ г. Рославлѣ. Сынъ его Андрей Лаврентьевичъ былъ воеводою въ Санчурскѣ (1625 г.), а внукъ (отъ другого сына) Семенъ Богдановичъ Корсакъ (а не Корсаковъ уже) былъ при Алексѣѣ Михайловичѣ генералъ-маіоромъ въ рейтарскихъ полкахъ и дожилъ до временъ Петра I. Изъ другой вѣтви, Матвѣй Матвѣевичъ былъ воеводой въ Солигалицкой и на Чухломѣ, а потомство его испомѣщено было по Московскому уѣзду. Внукъ этого Матвѣя — Дмитрій Степановичъ, дворянинъ московскій, составлялъ переписныя книги по городамъ Данкову и Лебедяни (1678 г.); внукъ же брата его Игнатія Степановича—Василій Михайловичъ Римскій-Корсаковъ, былъ стольникомъ царицы Прасковьи Ѳедоровны.

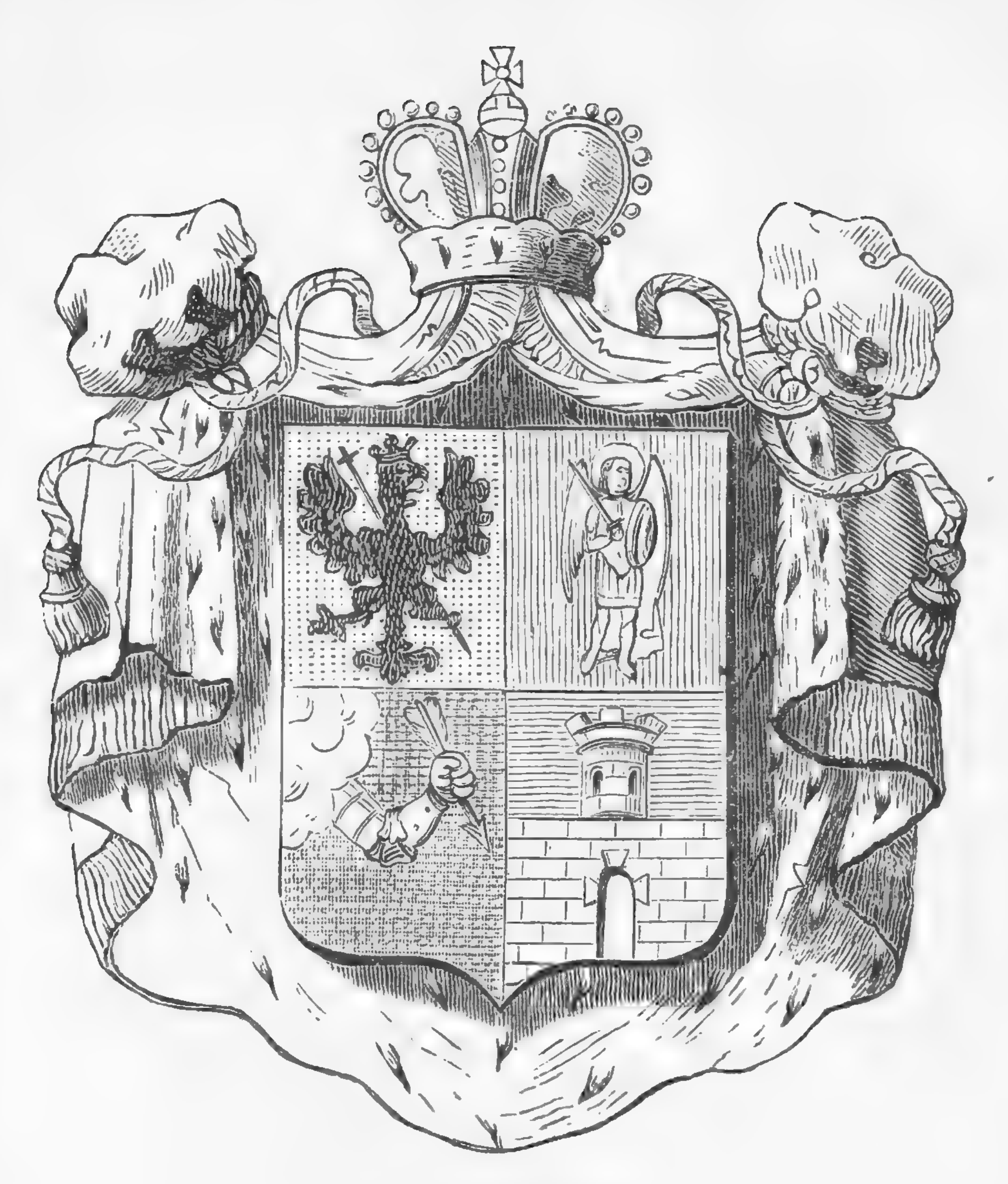
Въ актахъ и документахъ XVII вѣка до 1677 года встрѣчаются обыкновенно однѣ фамиліи Корсаковыхъ, а прибавка къ прозванію—Римскихъ—дѣлается рѣдко; послѣ же того Римскіе-Корсаковы, отъ Корсаковыхъ и Корсаковъ уже отличаются болѣе отчотливо. Объясненіе этого обстоятельства находится въ грамотѣ, данной царемъ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ, съ числомъ 15 мая, по челобитью трехъ братьевъ: Григорія, Ѳедора и Воина Римскихъ-Корсаковыхъ. Въ челобитьѣ своемъ прописывали они, что родъ свой они ведутъ отъ Сигизмунда Корсака, родомъ чеха, подданнаго римскаго императора, пришедшаго въ Литву при Витовтѣ, а оттуда при Васильѣ Дмитріевичѣ—въ Москву, на службу великаго князя, и что, кромѣ ихъ, представителей рода отъ сына Сигизмундова Венцеслава нѣтъ,—а другіе произвольно прозываются Корсаковыми и тѣмъ, какъ бы примѣшиваются въ родство къ нимъ. По этимъ резонамъ, представляя роспись живыхъ потомковъ Венцеслава, челобитчики просили для отличія присвоить ихъ фамиліи прозваніе Корсаковыхъ-Римскихъ; а всѣмъ прочимъ не писаться этимъ прозваніемъ. Это и повелѣно государемъ. «Въ рос-

писи своей Римскіе-Корсаковы показали свою родню» перечнемъ именъ. «Андрей Леонтьевъ стольникъ и Иванъ Леонтьевъ стряпчій — братья; Иванъ Ильинъ; Никита и Петръ Гурьевы—Никита (бездѣтенъ еще); Василій и Максимъ Елизарьевы; Дмитрій и Игнатій Степановы — братья; Михайло Игнатьевъ сынъ стольника; Иванъ Дмитріевъ, стряпчій; Гаврило (бездѣтенъ) и Алексѣй Неупокоевы — братья; въ Смоленску чашникъ Александръ Ивановъ съ сыномъ Иваномъ; новаго выѣзду (изъ Литвы) Рафаилъ Ананьевъ полковникъ и Богданъ Семеновъ». На этомъ и послѣдовала царская резолюція «писаться имъ Римскими-Корсаковыми». Прямое потомство просителей не существуетъ, а изъ рода Максима Елизарьева, Петръ Михайловичъ Римскій-Корсаковъ, спустя четыре поколѣнія, въ концѣ XVIII вѣка просилъ и получилъ гербъ, нами здѣсь помѣщаемый и заключающійся во II части общаго гербовника двор. родовъ подъ № 52 (1 отд.).

Щитъ раздѣленъ на четыре части, въ срединѣ которыхъ на линіи пересеченія двухъ верхнихъ частей, изображено серебряное блюдо, а на немъ діагонально положена золотая булава. Въ срединѣ же гербоваго щита (по краю пересеченія нижнихъ частей гербоваго поля), помѣщонъ малый щитокъ, увѣнчанный дворянскою короною, имѣющій въ серебряномъ полѣ три параллельныя полосы (горизонтальныя) лазореваго цвѣта. Ниже этого щитка—серебряная пятилепестковая роза. Въ гербовыхъ частяхъ главнаго щита изображены: въ первомъ серебряномъ полѣ чорный медвѣдь, идущій влѣво. Вторая и третья одинакія: въ червленномъ полѣ два, вмѣстѣ соединенные, серебряные якоря. Въ послѣдней же, четвертой части щита, въ лазуревомъ полѣ серебряная башня.

Щитъ увѣнчанъ дворянскимъ шлемомъ и короною и въ нашлемникѣ представленъ лазуревый шаръ, на которомъ сидитъ чорный орелъ и держитъ въ клювѣ огненныя громовыя стрѣлы.

Наметъ на щитѣ лазуревый съ краснымъ; подложенъ серебромъ.

Долгоруковы.

(Княжескій родъ).

Князья Долгоруковы ведутъ начало своего древняго рода отъ Святослава Ярославича и вѣтви его—*князей Черниговскихъ*. Олегъ Святославовичъ имѣлъ сына тоже Святослава, внука Всеволода Чермнаго и правнука Михаила Всеволодовича, замученнаго Батыемъ (1246 г.) и причтеннаго къ лику святыхъ нашею церковью. У него было пять сыновей: 1) Ростиславъ Михайловичъ, послѣ княженія у новгородцевъ женившійся на дочери венгерскаго короля Бе-

лы—Аннѣ и поселясь у тестя, сдѣлавшійся баномъ Мачвы и Божны (Machau et Bozna); 2) Романъ Михайловичъ.князь черниговскій и Брянскій (ум. 1275 г.); 3) Симеонъ Михайловичъ, князь глуховскій и новосильскій; 4) князь Мстиславъ Михайловичъ Карачевскій и 5) князь Юрій Михайловичъ Торусскій. Отъ перваго потомство въ Венгріи прекратилось; второй сдѣлался родоначальникомъ князей *Осовицкихъ* и *Бѣлевскихъ*—угасшихъ уже. Отъ третьяго происходятъ угасшіе роды князей *Одоевскихъ* и *Воротынскихъ;* отъ четвертаго князья *Масальскіе*, *Хотетовскіе*, *Карачевскіе*, *Звенигородскіе*, *Горчаковы*, *Перемышльскіе;* да дворяне *Сатины*, *Пузины* и *Огинскіе.* Отъ пятаго же сына св. Михаила Всеволодовича Черниговскаго ведутъ начало князья *Торусскіе*, *Мезецкіе*, *Барятинскіе* и *Оболенскіе.* Первый князь Оболенскій, Константинъ Ивановичъ, убитый при нашествіи Ольгерда (1368 г.) при Холхлѣ, оставилъ сыновей Ивана и Андрея. Второй изъ этихъ сыновей его сдѣлался родоначальникомъ княжескихъ родовъ: *Долгоруковыхъ*, *Щербатовыхъ* и *Тростенскихъ,* въ XV вѣкѣ.

Долгоруковы происходятъ отъ старшаго сына Андрея Константиновича Оболенскаго, князя Ивана Андреевича *Долгорука.* Сынъ его Владиміръ Ивановичъ Долгоруковъ оставилъ *семь* сыновей: Семена, Ѳедора большаго (родоначальника *Завалынскихъ*), Тимофея, Ѳедора меньшаго, Никиту, Александра и Михаила Владиміровича, прозван. *Птица.* Потомство было отъ троихъ первыхъ и послѣдняго. Три сына перваго, оба сына втораго и два (изъ четырехъ) сына третьяго, да оба сына послѣдняго были воеводами Іоанна Грознаго въ походахъ казанскомъ (1544 г.), на шведовъ (1549 г.) и къ Полотску (1551 года). Особенно замѣчательны изъ нихъ: второй сынъ Тимофея Владиміровича—Иванъ Тимофеевичъ, прозв. *Рыжко*, въ 1540 г. бывшій воеводою въ Нижнемъ-Новгородѣ, да младшій сынъ Михаила Владиміровича — кн. Иванъ Михайловичъ Лисицынъ-Долгоруковъ, воевода въ Себежѣ (1568 г.), завѣдывавшій въ 1579 г. разбойнымъ приказомъ (уголовною палатою) въ Москвѣ. Сынъ его, показывающійся на службѣ съ 1576 года, назывался Михайломъ Ив. (у кн. Долгорукова совсѣмъ непоказанъ), былъ въ поѣздѣ, на свадьбѣ От-

репьева съ Мариною, и въ слѣдующемъ (1607) году разбилъ у Козельска мятежниковъ; въ 1613 году воеводствовалъ въ Бѣлевѣ, 1623—5—въ Тюмени и въ 1632 г. значится еще объѣзднымъ въ Москвѣ. Сынъ *Рыжка*, князь Тимофей Ивановичъ, начавшій службу раньше 1550 г., въ 1579 году пожалованъ окольничимъ и оставленъ въ Москвѣ 2-мъ осаднымъ воеводою, за отъѣздомъ царя въ ливонскій походъ. Онъ умеръ въ 1581 г. Замѣчателенъ также внукъ старшаго сына кн. Владиміра Ивановича, Семенъ Владиміровичъ (отъ Андрея Семеновича) — князь Иванъ Андреевичъ *Шибанъ* Долгоруковъ, воевода въ Черниговѣ 1543 и съ 1578 по 1584 г. первый Воронежскій воевода, убитый въ бою съ *Каневскими черкасами* 20 апрѣля 1590 г. Сынъ его, окольничій царя Михаила Ѳедоровича (пожал. 1623 г.) — князь Данило Ивановичъ Долгоруковъ-*Шибановскій*, въ 1615 году былъ на воеводствѣ въ Калугѣ, въ дек. 1616 г. ходилъ въ походъ въ Сѣверскую область; въ 1618 г., во время осады Москвы Владиславомъ, защищалъ Калужскія ворота и умеръ на Валуйкахъ, въ бытность для размѣна съ крымцами плѣнныхъ, 9 августа 1626 года. Должно быть жилъ онъ великолѣпно, потому что, въ наряды для пріема пословъ, брали у жены его, княгини Марьи Алексѣевны, *дворовыхъ* по 7 и по 5 человѣкъ въ уборѣ,—какъ видно изъ дворцовыхъ разрядовъ временъ Михаила Ѳеодоровича.

Подъ существующею грамотою о выборѣ въ цари Бориса Ѳеодоровича Годунова (1 авг. 1598, см. акты Археогр. Экспедиц. Т. II, стр. 43) подписались: окольничій Григорій Ивановичъ и сыновья его Василій и Алексѣй Григорьевичи, да всѣ три сына окольничаго кн. Тимофея Ивановича: Владиміръ, Ѳедоръ и Григорій Тимофѣевичи.

Князь Владиміръ Тимофѣевичъ, бояринъ уже въ 1607 году, воевода въ Пронскѣ, 1588 г. 1590 г. воевода передов. полка въ шведскомъ походѣ 1598 г., защищалъ засѣки отъ крымцовъ; 1600 воевода въ Чебоксарахъ, съ 1615 по 1617 былъ на воеводствѣ въ Казани, а въ 1624 году сидѣлъ судьею въ судномъ патріаршемъ приказѣ и сдѣлался зятемъ царя Михаила Ѳеодоровича, женившагося на дочери

его, княжнѣ Марьѣ Владиміровнѣ (19 сентября 1624 г.). Къ несчастію, молодая царица 7 янв. 1625 года умерла, и отецъ ея послѣдніе годы жизни провелъ въ меньшемъ почетѣ: 19 ноября 1626 г. посланъ кн. Вл. Тим. на воеводство въ Вологду; ум. въ Москвѣ 1633 г.; кромѣ рано скончавшейся дочери-царицы, оставивъ одну дочь — княжну Елену Владиміровну. Отъ которой изъ трехъ женъ его родилась она и Марья Владиміровна,—точно неизвѣстно. Женатъ же онъ былъ: 1) на княгинѣ Марьѣ Васильевнѣ Елецкой, урожд. Ноздреватой, 2) на Нащокиной и 3) на княжнѣ Марьѣ Васильевнѣ Барбашиной. Сыновей у Влад. Тим. не было; продолжателями своей вѣтви были его братья: бояринъ (1605 г.) Ѳедоръ Тимофеевичъ, бывшій воеводою въ Коломнѣ 1597 г. Весною слѣдующаго года онъ защищалъ Заупскую засѣку (въ Тульск. губ.) отъ крымцовъ; 1599—1600 первый воевода въ Сургутѣ; 1605 — въ Курскѣ; въ 1606 году членъ Большаго Совѣта; 1610 г. воевода въ Рязани; ум. 1612 г. Родъ его прекратился въ XVIII вѣкѣ, на праправнукѣ князѣ Алексѣѣ Мих.

Григорій Ивановичь меньшой (*Чортъ*), еще былъ *свѣшникомъ* на свадьбѣ казанскаго царя Симеона (1554 г.), а въ 1563 г. служилъ воеводою въ Михайловѣ, а потомъ: въ Болховѣ, Новосили (1569), намѣстникомъ шатскимъ (1572) воеводою въ Кукеноисѣ (1573), въ Перновѣ (1575), Кеси (1578), Падцѣ (1579), Новгородѣ (1551 — 83).

Не меньше замѣчателенъ и сынъ его: Алексѣй Григорьевичъ, упоминаемый съ 1611 года и бывшій у разбора дворянъ въ Брянскѣ (1622 г.), а потомъ воеводою въ Свіяжскѣ (1624—25 г.). Онъ умеръ 1 іюля 1644 г. и погребенъ въ Богоявленскомъ монастырѣ, въ Москвѣ, вмѣстѣ съ женою (ур. кн. Пелагеей Петровной Буйносовой-Ростовской, ум. въ схимѣ съ именемъ Праскевы 25 февр. 1659 г.). Еще болѣе извѣстны дѣти Бориса Васильевича, 3-го сына Василія Михайловича Птицына-Долгорукова. Изъ нихъ, старшій, кн. Григорій Борисовичъ, начавшій службу при Грозномъ, былъ воеводою въ Воронежѣ (1590—92) и Тюмени (1595 — 96).

По пожалованіи въ окольничіе (1605) Григорій Борисовичъ (Роща) посланъ воеводою въ Курскъ противъ

Растриги, а послѣ принятія его Москвою назначенъ членомъ Меньшаго Совѣта; пировалъ на свадьбахъ Лже-Димитрія и Шуйскаго; въ 1609 г. защищалъ Троицкую лавру, отбилъ приступъ Сапѣги (14 окт.) и самъ произвелъ опустошеніе въ станѣ непріятелей (8 ноября), заставивъ потомъ гетмана отступить отъ Лавры. Онъ посланъ потомъ на Двину воеводою и, въ бытность въ Вологдѣ, убитъ пришедшею туда партіею поляковъ, 22 сентября 1613 года. Братъ этого лица, князь Михайло Борисовичъ, дворянинъ московскій, воевода въ Бѣлевѣ 1615 г., ум. 1629 г.

Переходимъ къ самымъ знаменитымъ представителямъ фамиліи князей Долгоруковыхъ въ XVII вѣкѣ.

О младшемъ внукѣ *Птицы*—Михайлѣ Ив., мы уже говорили и здѣсь позволимъ себѣ еще прибавить, что сыновья его, не оставившіе потомства, были Иванъ Михайловичъ и Матвѣй Михайловичъ (непоименованные у кн. Долгорукова, вообще эту вѣтвь странно исказившаго въ своей родословной*). Первый изъ нихъ *не внукъ* (какъ у Долгорукаго), а *правнукъ* кн. Мих. Владим. Птицы—былъ воеводою въ Каширѣ (1615 — 17 г.), Новгородсѣверскѣ (1617—21) и Торжкѣ 1622—24). На свадьбѣ царя Мих. Ѳед. показанъ въ поѣздѣ, 1635—39 воеводствовалъ въ Ряжскѣ, умеръ въ Москвѣ 3 ноября 1655 г., 73 лѣтъ. Братъ же его, Матвѣй Мих., упоминается въ боярской книгѣ 1636—40 г. въ числѣ стольниковъ.

Родъ же окольничаго Григорья Ивановича Большаго и

---

*) Такъ напримѣръ, у него сыновьями Михаила Владиміровича *Птицы* показаны: Василій Михайловичъ, да Михаилъ, Самсонъ и Семенъ Михайловичи. Три послѣдніе вовсе не существовали, а Иванъ Михайловичъ пропущенъ. Сына его между тѣмъ называли Самсономъ Иванов. и дѣйствовалъ онъ съ 1581: въ 1600 строилъ Смоленскія стѣны, а въ 1602 г. на воеводствѣ былъ въ Самарѣ. Да и Семенъ—не Михайловичъ, а Ивановичъ—былъ сынъ тоже Ивана Михайловича, внукъ Михаила Владиміровича и показывается воеводою на Окѣ въ 1591 г., а въ 1597—9—въ Орѣшкѣ. По самому времени дѣйствій этихъ лицъ ясно видно, что сыновьями Михаила Владиміровича, родившагося въ первыхъ годахъ XVI вѣка (если еще не въ XV) лица эти быть не могли. Прибавимъ также, что князь Петръ Владиміровичъ Долгоруковъ пропустилъ и внука Василья Михайловича, сына Ивана Васильевича—князя Ивана Ивановича Птицу-Долгорукова, бывш. на встрѣчѣ польскихъ пословъ 3 сент. 1639 г. (Дворц. разр. т. II, стр. 551).

теперь продолжается; также, какъ и родъ младшаго брата окольничаго Даніила Ив. — стольника Өедора Ивановича Шибановскаго, самого по себѣ особенно незамѣчательнаго, но прославившагося своими внуками, дѣятелями временъ Петра, въ уваженіе особенныхъ заслугъ которыхъ въ эпоху преобразованій мы помѣщаемъ теперь и извѣстіе о фамиліи въ настоящемъ году, по преимуществу посвященному воспоминаніямъ Петровской эпохи. Впрочемъ, прежде чѣмъ перейти къ нимъ, остановимся и окончимъ обзоръ прекратившагося рода потомковъ Михаила Влад. *Птицы* и представителей рода Рыжка, въ XVII вѣкѣ.

Такимъ, по своей справедливости, оказывается князь Юрій (Софонія) Алексѣевичъ и братья его — дѣти князя Алексѣя Григорьевича *(Чертенка)* и княгини Пелагеи Петровны.

Юрій Алексѣевичъ, старшій изъ нихъ, упоминается въ боярскихъ книгахъ уже въ 1627 году, въ числѣ стольниковъ. Въ 1643—44 г. былъ воеводою въ Бѣлевѣ, потомъ въ Путивлѣ (1647—8 г.), а съ слѣдующаго года, въ продолженіе 3 лѣтъ, находился съ государемъ въ польскихъ походахъ, возведенный за отличіе въ бояре 21 ноября 1649 г. Въ 1653—4 г. сидѣлъ онъ судьею въ Пушкарскомъ приказѣ, отлучаясь съ этого мѣста въ походы по назначенію государя. Такъ, 23 окт. 1654 г., посланъ онъ со сторожевымъ полкомъ въ Брянскъ, гдѣ провелъ двѣ зимы. Потомъ находился при войскахъ въ Новѣгородѣ (1656 г.) и въ Полоцкомъ походѣ (съ 1658 г.); въ 1659 г. разбилъ Гонсѣвскаго, а въ слѣдующемъ году взялъ его въ плѣнъ, за что (передъ тѣмъ назначенный намѣстникомъ Суздальскимъ) получилъ очень важную награду отъ царя, по времени. Кромѣ золотого (медали), даны: шуба парчевая-бархатная и кубокъ, 100 руб. придачи къ окладу, да 1320 четверт. помѣстья съ 375 дворами въ селѣ Писцовѣ, «на посадѣ, съ приселки» изъ дворцов. волостей (въ Костромскомъ уѣздѣ).

Въ 1660—61 г. начальствуя на Тулѣ и подъ Могилевомъ, два раза получилъ онъ въ награду отъ Государя, кромѣ обыкновенныхъ, еще 10000 ефимковъ на покупку вотчины. А за тѣмъ, продолжая биться съ успѣхомъ съ литовцами, 9 окт. 1664 г. назначенъ упр. Казанскимъ приказомъ и

въ слѣдующемъ году посланъ на съѣздъ съ польскими послами. Ноября же 18-го, вызванный въ Москву, еще разъ получилъ щедрыя награды и прибавку 120 руб. къ окладу. Снова въ 1668 посланъ на службу въ Брянскъ, а въ 1670 г.—противъ Стеньки Разина. Побивъ же его подъ Симбирскомъ, за освобожденіе этого города получилъ шубу, по тогдашнимъ цѣнамъ въ 365 рублей, кубокъ сереб., вѣсомъ въ 4 фунта 26 золотн. и прибавки 140 рубл. Сверхъ того, изъ оклада его сына—князя Михаила Юрьевича, 1478 четв. съ 1459 дворовъ *обращено въ вотчину*. Посланный въ походъ противъ турокъ, въ Сѣвскъ, въ 1673 г. кн. Юрій Алексѣев. возвращонъ оттуда уже царемъ Ѳедоромъ Алексѣев. (4 февраля 1676 г.), ввѣрившимъ ему *Стрѣлецкій приказъ*, да *Смоленскую четь;* а 27 апр. еще *Устюжскую четь*. Затѣмъ, въ 1678 году возложено на него управленіе *Пушкарскимъ приказомъ*, 18-го мая—*приказами: Казанскаго дворца и Костромской четьи;* сверхъ того отданъ въ его вѣдѣніе и *Ямской приказъ*, присоединенный къ Стрѣлецкому (7 ноября того же 1678 г.). Окладъ князя Юрія Алексѣевича по времени былъ очень большой: 760 рублей, кромѣ помѣстнаго. Этотъ заслуженный сановникъ убитъ, какъ извѣстно, стрѣльцами, въ первый бунтъ ихъ, возбужденный царевной Софьей по воцареніи Петра 15 мая 1682 г. Князь Юрій Алексѣевичъ женатъ былъ: на Еленѣ Васильевнѣ Морозовой, ум. 25 іюня 1666 г., а потомъ на вдовѣ Шереметевой, внучкѣ знаменитаго Спасителя Отечества, князя Дмитрія Мих. Пожарскаго—Евдокіи Петровнѣ, ум. 16 марта 1671 г. Отъ перваго брака былъ у него единственный сынъ, какъ и онъ, ближній бояринъ и воевода, начальникъ Стрѣлецкаго приказа,—кн. Михаилъ Юрьевичъ, убитый стрѣльцами прежде отца, въ Кремлѣ 15 мая 1682.

Князь Михаилъ Юрьевичъ въ числѣ стольниковъ упоминается съ 1638 г. и съ 1671 г. въ боярахъ. Онъ былъ женатъ на кн. Ѳедосьѣ Васильевнѣ Голицыной, отъ которой рождены 3 сына и дочь. Родъ ихъ продолжается до нынѣ.

У Юрія Алексѣевича было два брата: Дмитрій и Петръ Алексѣевичи.

Дмитрій, взятый въ стольники патріархомъ Филаретомъ,

въ 1630 году, былъ потомъ у царя стольникомъ и окольничимъ (1651. г), а потомъ за службу брата пожалованный въ бояре (1671 г.), умеръ на воеводствѣ въ Архангельскѣ (7 ноября 1673 г.), оставивъ двухъ сыновей: Владиміра и Ивана, за дочь Дарью. Женатъ онъ былъ 4 раза: въ первый разъ на родной сестрѣ первой супруги царя Алексѣя Михайловича, имени которой, впрочемъ, мы незнаемъ. Во второмъ бракѣ за нимъ была княжна Жировая-Засѣкина; въ 3-мъ—Марья Ивановна Колтовская и въ 4-мъ Искайская. Родствомъ съ государемъ объясняется раннее возвышеніе въ бояре (1678 г.) и сына его (отъ Милославской) князя Владиміра Дмитріевича, въ дѣтствѣ еще пожалованнаго въ стольники (1663 г.) и окольничимъ бывшаго (въ 1674 г.), также въ молодости. Онъ женатъ былъ на Евдокіи Ляпуновой, и, имѣвъ шесть сыновей и дочь, умеръ 1701 г. 12 іюля.

Третій братъ (Юрія и Дмитрія Алексѣевичей), Петръ Алексѣевичъ, пожалованный въ стольники 12 іюля 1635, 2 февраля 1659 года произведенъ въ окольничіе и умеръ 8 февраля 1669 г.; отъ 1-й супруги, Аксиньи Прокофьевны, имѣя одну дочь, Анну Петровну, бывшую замужемъ за бояриномъ Алексѣемъ Семеновичемъ Шеинымъ (12 августа 1667 г.). Вторая жена Петра Алексѣевича (пережившая дочь) умерла раньше мужа. Звали ее Домна Яковлевна и умерла она 11 марта 1668 г.

У сына младшаго брата окольничаго Данилы Ивановича— Ѳедора Ивановича—стольника, сынъ былъ окольничій Ѳедоръ Ѳедоровичъ, пожалованный въ этотъ чинъ послѣ 28 лѣтней службы въ стольникахъ, въ 1658 году, и умершій въ 1664 году, оставивъ четырехъ сыновей, изъ которыхъ два особенно составили себѣ славу при Петрѣ I, потерпѣвъ за него и въ правленіе Софьи Алексѣевны.

Старшимъ изъ сыновей князя Ѳедора Ѳедоровича былъ князь Яковъ Ѳедоровичъ, бояринъ, сенаторъ Петра I, пленипотенціяръ кригскоммисаръ его, облечонный неограниченнымъ правомъ отыскивать злоупотребленія казеннымъ интересомъ.Имя этого лица—какъ синонимъ полнаго безпристрастія и строгой справедливости, повторяютъ всѣ, даже мало знающіе русскую исторію, но ни одинъ еще историкъ русскій

не указалъ,—не только что неразъяснилъ странную опалу, постигшую Якова Өедоровича, вмѣстѣ съ его братьями и племянникомъ, 11 февраля 1686 г. Тогда ихъ, князей изъ рода Рюрика, по указу правительницы, именемъ государей (конечно, ничего не знавшихъ) велѣно *записать въ городовые дворяне, съ отнятіемъ помѣстьевъ и вотчинъ.* Странный указъ этотъ, между тѣмъ неимѣвшій никакихъ послѣдствій, мы позволимъ себѣ объяснить просто какъ угрозу Софьи за приверженность къ ея державному брату Петру, въ такое именно время, когда задумала она присвоить себѣ корону и опасалась поддержки правъ мачихи и ея потомства людьми благомыслящими. Опала Долгоруковыхъ была, между тѣмъ, только номинальная, потому что хотя отнятіе помѣстьевъ безъ объявленія вины и записано въ разрядѣ, но исполненія по указу не сдѣлано и князья Долгоруковы остались на своихъ мѣстахъ; даже князь Яковъ Өедоровичъ, вслѣдъ затѣмъ, посланъ въ посольство въ западную Европу.

Первоначальная же служба кн. Якова Өедоровича неизвѣстна до 1671 года, хотя родился онъ 1639 года. По крайней мѣрѣ, изъ стряпчихъ въ стольники пожалованъ онъ въ годъ 2-го брака царя Алексѣя. Спустя еще 10 лѣтъ (1680—1681 г.), назначенъ онъ воеводою въ *казанскій разрядъ* и велѣно ему собирать людей въ Симбирскѣ и *писаться симбирскимъ намѣстникомъ.* Въ слѣдующіе два года состоялъ онъ опять комнатнымъ стольникомъ царя Петра, который, какъ извѣстно, ему, на прощаньѣ, при отъѣздѣ въ посольство во Францію, наказалъ купить астролябію. Привозъ этого инструмента былъ поводомъ начатія ученія молодого геніальнаго государя у Тиммермана — математикѣ.

Нечего повторять, что Петръ считалъ князя Якова самымъ искреннимъ и наиболѣе къ себѣ преданнымъ, изъ всѣхъ слугъ своихъ.

Весною 1689 года былъ онъ съ княземъ Василіемъ Васильевичемъ Голицынымъ въ неудачномъ походѣ въ Крымъ и по возвращеніи оттуда, во время разгара распри Петра съ Софьею, поспѣлъ раньше другихъ въ Троицкую лавру. По низверженіи правительницы, 14-го октября 1689 года назначенъ отъ Петра *судьею московскаго суднаго приказа,* которымъ и управлялъ по 1695 г., когда

посланъ въ Бѣлгородскій разрядъ. Пожалованный въ ближніе бояре 20 іюля 1696 г., князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгоруковъ получилъ 8-го февраля 1700 г. въ управленіе *рейтарскій и иноземскій приказы.* Взятъ въ плѣнъ шведами при Нарвѣ и послѣ 10 лѣтъ тяжкихъ страданій, чуть не чудомъ, спасся отчаянною отвагою: завладѣвъ судномъ шведскимъ (во время переѣзда по морю) и направивъ его къ Ревелю, уже нашему. Преклонныя лѣта по возвращеніи изъ плѣна, не помѣшали Долгорукову трудиться въ званіи сенатора и главнаго начальника провіантской части. Умеръ онъ, въ Петербургѣ, 24 іюля 1720 г. восьмидесяти лѣтъ и удостоенъ царемъ торжественнаго погребенія въ Невскомъ монастырѣ. Князь Яковъ Ѳедоровичъ отъ каждой изъ обѣихъ женъ имѣлъ по дочери. Отъ первой жены, Ульяны Ивановны, ур. Наумовой, была кн. Анна Яковлевна (род. въ іюлѣ 1682 и ум. 5 іюля 1746 г.) за морскимъ офицеромъ Алексѣемъ Петровичемъ Шереметевымъ; отъ второй же жены, Ирины Михайловны Черкасской — княжна Екатерина, умершая въ дѣтствѣ.

Второй братъ князя Якова Ѳедоровича — князь Лука Ѳедоровичъ, пожалованъ въ стольники вмѣстѣ со старшимъ братомъ 1671 г. 28 апрѣля; 1689—92 г. провелъ въ Кіевѣ на службѣ, а оттуда посланъ воеводою въ Астрахань; 6 января 1697 г. посланъ въ Сѣвскъ, а съ 1703 по 1708 годъ былъ судьею казеннаго приказа; вѣроятно, тогда же и скончавшись. Сыновья его: знаменитый верховникъ, дѣйствит. тайный совѣтникъ, Василій Лукичъ, казненъ при Аннѣ (26 октября 1739 г.); Александръ Лукичъ, умеръ полковникомъ.

Кн. Василій Лукичъ былъ не женатъ, но братъ его, женатый на комъ, намъ неизвѣстно, оставилъ сына Якова Александровича и дочерей: Аграфену, въ замужествѣ за подпоруч. А. Ѳ. Шереметевымъ, и Марью А-ну — дѣвицу.

Третій сынъ Ѳедора Ѳедоровича—Борисъ Ѳедоровичъ, стольникъ съ 1675 г., въ 1694 г. назначенъ въ Смоленскъ воеводою и имѣлъ одну дочь Анну Борисовну за генералъ-аншефомъ В. Ѳ. Салтыковымъ. Наконецъ, младшій его братъ — князь Григорій Ѳедоровичъ, знаменитый дипломатъ, посолъ Петра въ Польшѣ во время сѣверной войны, былъ одновременно со старшими братьями въ стольникахъ

царицы Натальи Кириловны; взятъ отъ нея царемъ Өеодоромъ *къ себѣ* въ комнату (9 мая 1676 г.); потомъ былъ у царя Петра и оказалъ ему существенныя услуги, какъ министръ умный и проницательный. Онъ умеръ сенаторомъ, въ чинѣ дѣйст. тайнаго совѣтника, 15 августа 1723 г.; родился же 7 октября 1657 г. Отъ брака съ княжною Марьей Ивановной Голицыной, онъ оставилъ четыре сына и двѣ дочери. Старшій сынъ, князь Алексѣй Григорьевичъ, нанесшій своимъ честолюбіемъ несчастія братьямъ, умеръ въ ссылкѣ прежде другихъ. Два же брата, слѣдующіе за нимъ, вмѣстѣ съ сыномъ его, казнены въ Новгородѣ (26 октября 1739 года).

Князь Алексѣй Григорьевичъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, членъ верховнаго тайн. совѣта, а потомъ ссыльный, отъ супруги, — раздѣлившей съ нимъ несчастье — княжны Прасковьи Юрьевны Хилковой, имѣлъ четырехъ сыновей и трехъ дочерей. Старшій изъ нихъ, любимецъ Петра II, оберъ-камергеръ его, кн. Иванъ Алексѣичъ (род. 1708 г. и казненный въ Новѣгородѣ 26 октября въ 1739 году), отъ брака съ дочерью фельдмаршала, Натальей Борисовной Шереметевой (родив. 17 января 1714 а умершей монахинею въ Кіевѣ, 3 іюля 1771 г.), оставилъ сына Михаила, продолжателя рода (другой, въ Березовѣ рожденный, умеръ въ младенчествѣ).

Внукъ несчастнаго оберъ-камергера Петра II, Ивана Алексѣевича, отъ сына его князя Михаила Ивановича, былъ замѣчательный поэтъ, князь Иванъ Михайловичъ, тайный совѣтникъ (родился 7 апрѣля 1764 г. и умеръ 4 декабря 1823 г.). Отъ брака съ (первою женою) Евгеніей Сергѣевной Смирновой (1770—1804 г.), имѣлъ онъ четырехъ сыновей и трехъ дочерей, изъ которыхъ младшая была за тайнымъ совѣтникомъ П. А Новиковымъ. Три сына умерли безъ потомства, которое, въ лицѣ двухъ дочерей (княженъ Евгеніи и Наталіи Дмитріевны) оставилъ князь Дмитрій Ивановичъ (третій сынъ), сенаторъ, бывшій полномочнымъ министромъ въ Персіи.

Николай Алексѣевичъ, бригадиръ (родился 1713 г. и ум. 790), отъ брака съ кн. Анною Сергѣев., ур. Голицыной (1715—1755), имѣлъ сына и 2 дочерей, а отъ второй жены— Анны Александровны, ур. Бредихиной—1 сына и 4 дочерей.

Сыновья: генер. лейт. кн. Алексѣй Николаевичъ (род. 1750 года, ум. 1816), отъ брака съ Александр. Александровной Иваненко, и камергеръ кн. Александръ Николаевичъ (род. 1757 г., ум. 1844), женатый на Е. А. Делицыной,—не оставили потомства. Дочери же были замужемъ за кн. Щербатовымъ, Ржевскимъ, Нарышкинымъ и Спечинскимъ (а двѣ умерли въ дѣвицахъ). Третій сынъ кн. Алексѣя Григор.—Алексѣй Алексѣевичъ (род. 1716, ум. 1792), отъ двухъ женъ имѣлъ пять сыновей; изъ нихъ потомство только отъ второго, третьяго и пятаго. Отъ второго (кн. Ивана Алексѣевича, женатаго на Н. П. Сомовой), два сына и дочь (кн. Елена Ивановна, † 1850), бывшая за сенаторомъ Павломъ Ив. Голенищевымъ - Кутузовымъ. Отъ третьяго (Павла Алексѣев., женатаго на Е. С. Трегубовой),—два сына: князья Александръ и Владиміръ Павловичи. Четвертый сынъ Алексѣя Алексѣевича, одноименный отцу, Ал. Ал., дѣйст. тайн. сов., министръ юстиціи (род. 14 мая 1767 г. и умеръ 11 августа 1834 г.), отъ двухъ женъ, оставилъ семь сыновей. Отъ первой супруги его — Марьи Ив. Апайщиковой, родились князья: Ростиславъ, Юрій, Сергій и Григорій Алексѣевичи; отъ 2-ой же, кавалерственной дамы, кн. Варвары Николаевны, ур. Текутьевой, — князья: Алексѣй, Николай и Дмитрій Алексѣевичи.

Князь Ростиславъ Алексѣевичъ (род. 1805 г. 31 января и ум. въ іюлѣ 1849 г.) отъ брака съ единственной дочерью извѣстнаго археолога А. Ѳ. Малиновскаго — Елизаветою Алексѣевной, оставилъ двухъ сыновей (Владиміра и Михаила Ростиславичей), да дочь кн. Ольгу Ростиславну, вышедшую за Д. А. Олсуфьева.

Князь Юрій Алексѣевичъ (род. 12 февраля 1808), тайн. сов., сенаторъ (бывшій губернаторомъ олонецкимъ и воронежскимъ), отъ брака съ Елизавет. Петр., ур. Давыдовой, имѣетъ сына кн. Алексѣя Юрьевича и дочь кн-ну Наталью Юрьевну, вышедшую за В. С. Арсеньева.

Князь Сергій Алексѣевичъ (род. 2 сентября 1809 г.) тайн. сов., статсъ-секретарь у принятія прошеній, членъ Госуд. Сов., отъ брака съ Марьей Александровной Апраксиной имѣетъ 4 сыновей и 5 дочерей. Князь Григорій Алексѣевичъ (род. 24 мая 1814) отъ брака съ графинею Надеждою Григ. Чернышовой (ум. 1853) имѣетъ сына и дочь.

Князь же Алексѣй Алексѣевичъ (III этого имени въ своей вѣтви), род. 11 апрѣля 1818 г., отъ брака съ Елизаветой Петровной Макѣевой (ум. 1853), имѣлъ четырехъ дочерей.

Слѣдующій за нимъ братъ,—Николай Алексѣевичъ (род. 16 августа 1819 г.), гофмейстеръ двора Е. И. В., старшій чиновникъ I отд. Соб. Е. И. В. канцеляріи. Младшій же сынъ министра, кн. Дмитрій Алексѣевичъ, род. 1826 года.

Обратимся еще разъ къ потомству верховниковъ.

Младшій изъ сыновей князя Алексѣя Григорьевича, кн. Александръ Алексѣевичъ (род. 1718, ум. 1782), отъ брака съ Прасковьею Кириловной Матюшкиной (1722 — 1760) имѣлъ трехъ сыновей и двухъ дочерей, замужемъ за Лопухинымъ и Николевымъ. Сыновья его: дѣйст. тайн. сов. Александръ Александровичъ (1746—1805) и полковникъ Ѳедоръ Александровичъ (1747—1801) умерли безъ потомства; князь же Михаилъ Александровичь (ум. 1817 г.) отъ брака съ Елизав. Петровной Бакуниной (1763—1798), оставилъ двухъ сыновей и двухъ дочерей. Старшій изъ сыновей, маіоръ кн. Петръ Мих. (ум. 1833 г.), отъ брака съ Настасьей Петровной Татищевой оставилъ сына, Дмитрія Петр., и 4 дочерей; а второй, гвард. капитанъ Михайло Мих. (1790—1841), отъ брака съ Софьей Осиповной Рибасъ (ум. 1827 г. августа) оставилъ одного сына, кн. Михаила Мих. (род. 1815 г.), женатаго на Вѣрѣ Гавриловнѣ Вишневской. У нихъ 2 сына.

Перечисливъ мужеское потомство кн. Алексѣя Григорьевича Долгорукова, считаемъ долгомъ замѣтить, что изъ трехъ дочерей его, вторая--княжна Екатерина Алексѣевна, была невѣста императора Петра II и за кратковременное блистанье при дворѣ заплатила дюжиной годовъ тяжолаго заключенія. Возвращонная наконецъ Елизаветою изъ ссылки, она выдана за генералъ-поручика гр. Александра Романовича Брюса и въ томъ же году умерла (1745) 33-хъ лѣтъ отъ роду. Старшая сестра ея — Анна Алексѣевна—умерла въ дѣвицахъ, а младшая—Елена Алексѣевна (1715 — 1799) была супругою генер.-маіора кн. Юрія Юрьевича Долгорукова, но не оставила потомства.

Второй сынъ петровскаго дипломата Григорія Ѳедоровича — вниманіе къ которому Анны произвело вто-

ричное преслѣдованіе несчастной фамиліи — былъ тоже дипломатъ, тайн. сов. князь Сергѣй Ѳедор. (казненый-же 26 окт. 1739). Отъ брака съ баронессою Марѳой Петровной Шафировой (род. 22 іюля 1697 г., а ум. 10 апрѣл. 1762) кн. С. Ѳ. имѣлъ 4 сыновей и дочь, Анну Сергѣевну, за княземъ А. С. Голицынымъ. Только старшій изъ сыновей, кн. Николай Сергѣевичъ, оставилъ сына, Петра Н.; князь же Петръ, женатый на Е. В. Шпейеръ, оставилъ дочь — Настасью Петровну, за дѣйст. тайн. сов. Кир. Гр. Михаловскимъ,—и сына Петра Петровича, не оставившаго потомства.

Третій сынъ кн. Григорья Ѳедор. и братъ предъидущихъ — кн. Иванъ Григорьевичъ, казненъ вмѣстѣ съ ними, не оставивъ потомства, также какъ и послѣдній — Александръ Григ., женатый на Салтыковой.

Слѣдуя своей системѣ проведенія цѣлой вѣтви, до послѣдняго изъ ея представителей, теперь обратимся къ потомству кн. Юрія Алексѣевича Долгорукова и братьевъ его.

О кн. Михаилѣ Юрьевичѣ, сынѣ знаменитаго поразителя Разина, мы уже говорили, остановившись на чадахъ его— внучатахъ знаменитаго боярина воеводы. Изъ числа этихъ внучатъ его,—дѣтей боярина же М. Ю.,—впрочемъ, нѣтъ ни одного, прославившагося особенною доблестью или бы высоко поднявшагося по ступенямъ іерархіи чиновной. Уже дѣти ихъ стали возвышаться. Такъ, напримѣръ, у второго изъ сыновей его — Петра Михайловича (гвард. капитана), два сына (изъ пяти) были люди замѣчательные по выслугѣ. Старшій, князь Сергѣй Петров., тайн. сов. (1697—1761) и послѣдній, Владиміръ Петров., генералъ-поручикъ (ум. 1761). У перваго осталось четыре сына и четыре дочери, у послѣдняго же два сына и четыре дочери, прибавившіе новый блескъ свему роду, хотя вѣтвь ихъ и прекратилась, какъ увидимъ.

У Сергѣя Петровича, женатаго на княгинѣ Иринѣ Петровнѣ Голицыной (род. 1700 г., умер. 1751 г.), дѣти: 1) Владиміръ Сергѣевичъ, дѣйств. стат. сов. (1717—1803 г.) умеръ безбрачнымъ; 2) подполковникъ Николай Сергѣевичъ оставилъ только дочерей; 3) Александръ Сергѣевичъ, умеръ молодымъ, и 4) генералъ-маіоръ Петръ Сергѣевичъ (1721—1773 г.), женатый на Софьѣ Петровнѣ

Апостолъ, имѣлъ 2 сыновей: Якова Петровича (1741—1797 г.), камергера, женатаго на Е. Ѳ. Дубянской (1779 г.) и имѣвшаго двухъ сыновей (отъ второго изъ которыхъ идутъ дворяне Долгоруковы)—и Петра Петровича, генерала отъ инфантеріи (род. 18 мая 1744 года и умерш. 25 февраля 1815 г.), женатаго на Настасьѣ Семеновнѣ Лаптевой (1755—1827); да трехъ дочерей, замужемъ за Леонтьевымъ, графомъ Бестужевымъ-Рюминымъ и Яковлевымъ.

У князя Петра Петровича было три сына и двѣ дочери. Старшій изъ нихъ, Владиміръ Петровичъ (родился 19 апрѣля 1773 г., умеръ 24 ноября 1817 г.) былъ генералъ-маіоромъ при Павлѣ I (1799 г.) шефъ кавалергардскаго полка, женатъ на Варварѣ Ивановнѣ Пашковой (1793—1816 г.). Единственный сынъ его, князь Петръ Владиміровичъ (родился 27 декабря 1816 г. и умеръ 1871 г.), былъ женатъ на Ольгѣ Дмитріевнѣ Давыдовой и оставилъ *«родословную книгу русскихъ дворянъ»*, *«сказанія о родѣ князей Долгоруковыхъ»* и нѣсколько статей генеалогическихъ, до сихъ поръ единственныхъ руководствъ для изученія родословія современныхъ извѣстныхъ родовъ, не смотря на неполноту и погрѣшности. Дяди предъидущаго, генералъ-адъютанты: Петръ Петровичъ (1777—1806 г.) и Михаилъ Петровичъ, другъ Александра I, убитый шведами и имъ оплаканный (1780 — 1808 г.) — не оставили потомства. Родныя сестры ихъ были за С. В. Толстымъ и Н. П. Римскимъ-Корсаковымъ.

Дѣти Владиміра Петровича (младшаго правнука боярина Михаила Юрьевича) были князья: Василій Владиміровичъ, генералъ-поручикъ (1738—1782 г.), Юрій Владиміровичъ, генералъ отъ инфантеріи, кавалеръ всѣхъ россійскихъ орденовъ (1740—1840 г.); Екатерина Владиміровна, за адмираломъ Баршемъ; Прасковья Владиміровна, за тайнымъ совѣтникомъ Иваномъ Ивановичемъ Мелиссино; Александра Владиміровна за бригаднымъ командиромъ Яковомъ Алексѣевичемъ Козловскимъ и Наталья Владиміровна (1737—1812 г.), супруга фельдмаршала князя Николая Ивановича Салтыкова. Князь Василій Владиміровичъ не оставилъ потомства, а у князя Юрія Владиміровича (кромѣ дочери, умершей въ младенчествѣ) былъ сынъ, генералъ-адъютантъ князь Василій Юрьевичъ (1776—1810 г.) и дочь Варвара

Юрьевна (1778—1828 г.), супруга военнаго министра, генерала отъ инфантеріи князя А. И. Горчакова.

Отъ второго брата Юрія Алексѣевича, князя Дмитрія Алексѣевича, кромѣ боярина Владиміра Дмитріевича, была дочь княжна Дарья Дмитріевна, выданная за гетмана казаковъ Ивана Мартыновича Брюховецкаго; да еще сынъ — стольникъ Иванъ Дмитріевичъ. У перваго изъ братьевъ было шесть сыновей и дочь; у второго же одинъ сынъ оставившій только сына же, умершаго безъ потомства, да дочерей, за Нарышкинымъ и Мещерскимъ.

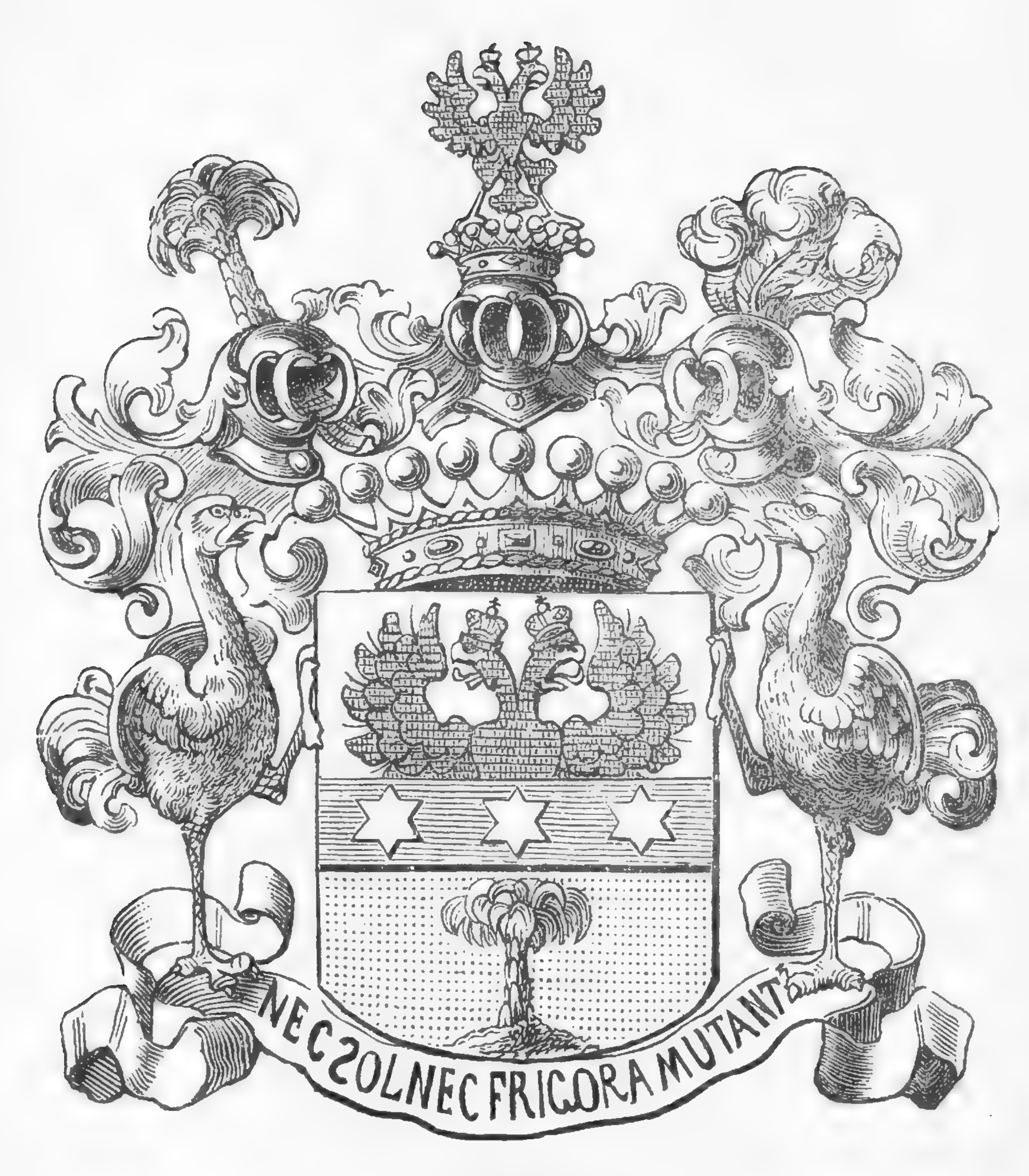
Старшій изъ сыновей Владиміра Дмитріевича—Юрій Владиміровичъ, убитъ во время бунта Булавина, въ чинѣ маіора Преображенскаго полка, 42 лѣтъ отъ роду, оставивъ двухъ сыновей, неимѣвшихъ потомства. Второй братъ его, князь Василій Владиміровичъ, генералъ-фельдмаршалъ и членъ верховнаго тайнаго совѣта (родился 1667 г., умеръ 11 февраля 1746 г.), одинъ безвредно вышелъ изъ несчастныхъ обстоятельствъ своей фамиліи; отъ двухъ женъ неоставивъ потомства. Продолжателемъ его былъ третій братъ, безвинно посланный въ ссылку при гоненіи на Долгоруковыхъ—дѣйствительный тайный совѣтникъ, членъ верховнаго тайнаго совѣта—князь Михаилъ Владиміровичъ (одногодокъ съ фельдмаршаломъ, но умерш. въ 1750 г.). Отъ брака съ княжной Евдокіей Юрьевной Одоевской (1675—1729 г.) имѣлъ онъ двухъ сыновей и 4 дочерей (двухъ дѣвицъ и 2-хъ замужнихъ за Л. А. Милославскимъ и графомъ А. Р. Брюсомъ). Второй изъ сыновей его былъ знаменитый фельдмаршалъ Екатерины II, потомъ главноначальствовавшій въ Москвѣ,—князь Василій Михайловичъ Долгоруковъ Крымскій, которому воздвигнутъ памятникъ въ Симферополѣ. Онъ (родился 1 іюля 1722 г., умеръ 30 января 1782 г.) женатъ былъ на Настасьѣ Васильевнѣ Волынской (умершей 1805 г.) и имѣлъ отъ нея сына Василья Васильевича, да трехъ дочерей, изъ которыхъ старшая, Евдокія Васильевна, была за дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ Василіемъ Владиміровичемъ Грушецкимъ, а младшая—Прасковья Васильевна (родилась 6 апрѣля 1754 г. и умерла 26 іюля 1826 г.) супруга фельдмаршала графа Валентина Платоновича Мусина-

Пушкина. Генералъ поручикъ, потомъ дѣйствительный тайный совѣтникъ, князь Василій Васильевичъ (родился 1752 г., умеръ 1812 г.), отъ брака съ княжной Екатериной Өедоровной Барятинской (1769—1849 г.) оставилъ дочь Екатерину Васильевну за дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ княземъ Сергѣемъ Николаевичемъ Салтыковымъ, и 2-хъ сыновей: 1) Василія же Васильевича, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника (родился 1787 г.), женатаго на княжнѣ Варварѣ Сергѣевнѣ Гагариной (1793—1833 г.), и отца двухъ сыновей, уже умершихъ; да 2 дочерей (замужемъ 1-я за Л. К. Нарышкинымъ и 2-я за княземъ Владиміромъ Андреевичемъ Долгоруковымъ, московскимъ генералъ-губернаторомъ)—и 2) князя Николая Васильевича, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, оберъшенка (родился 1789 г.), женатаго на княжнѣ Екатеринѣ Дмитріевнѣ Голицыной. У нихъ было два сына (старшій умеръ въ молодыхъ лѣтахъ) и три дочери.

Гербъ князей Долгоруковыхъ (гербовникъ ч. I № 7) представляетъ щитъ, разсѣченный на 4 части. Въ первой изъ нихъ, гербъ княжества Черниговскаго; во второй—гербъ великаго князя Кіевскаго—чтобы показать происхожденіе рода отъ славныхъ предковъ, владѣвшихъ этими территоріями въ древней Руси. Въ третьей части гербоваго щита, въ чорномъ полѣ выходящая изъ облаковъ рука, въ латахъ, держащая стрѣлу; въ 4-й же части, въ лазуревомъ полѣ серебряная крѣпость. Щитъ помѣщонъ на развернутой княжеской мантіи и увѣнчанъ княжескою русскою шапкою.

Гербъ единственныхъ дворянъ Долгоруковыхъ—потомства воспитанника князя Петра Яковлевича Долгорукова, Высочайше утвержденъ въ 1845 году, (Архивъ Д. Герольд. дѣло диплом. № 9, 1839—40 г.). Онъ представляетъ щитъ, разсѣченный на двое, горизонтально: въ верхней части, въ чорномъ полѣ, тоже самое изображеніе, которое въ княжескомъ гербѣ (въ 3-й части щита, а именно: въ чорномъ полѣ изъ облаковъ рука въ латахъ, со стрѣлою). Въ нижней же части, въ лазуревомъ полѣ, граната съ пламенемъ;—въ знакъ достиженія права на дворянство службою по артиллеріи родоначальника дворянской фамиліи. Это

былъ капитанъ Александръ Петровичъ Долгоруковъ (родился 1799 г.), женатый на дочери генерала князя Мещерскаго, Елизаветѣ Ивановнѣ. У нихъ въ родословіе внесены 5 сыновей и дочь.

Остерманъ.

Угасшій графскій родъ.

Родоначальникомъ фамиліи Остерманъ слѣдуетъ считат-Іогана Конрада Остерманъ (Ostermann), пастора въ г. Бокумѣ (графства Маркъ, въ Вестфаліи.) У Іог. Конрада было два сына: Іоганъ Христофоръ Дитрихъ и Генрихъ Іоганъ Фридрихъ (род. 30 мая 1686 г., ум. 1747 г. 20 мая). Первый

изъ нихъ, прибывъ въ Россію въ началѣ XVIII вѣка, поступилъ въ наставники нѣмецкаго языка къ дочерямъ царя Ивана Алексѣевича и по выходѣ за мужъ, за герцога Карла Леопольда Мекленбургскаго, старшей изъ царевенъ ученицъ своихъ, послѣдовалъ за нею въ Мекленбургъ и тамъ получилъ чинъ тайнаго совѣтника. Потомъ состоялъ онъ посланникомъ мекленбургскаго двора въ С.-Петербургѣ, получилъ баронское достоинство, (1721 г.) и удалившись изъ Россіи съ воцареніемъ императрицы Елизаветы Петровны, умеръ въ Германіи, неоставивъ потомства.

Младшій братъ его, тоже попавъ въ русскую службу, прославился на поприщѣ дипломатическомъ и подъ именемъ Андрея Ивановича (какъ перевела имя его—Генрихъ Іоганъ, царица Прасковья Ѳедоровна) сдѣлался первымъ министромъ и графомъ Россійской Имперіи, женившись въ Петербургѣ на Марфѣ Ивановнѣ Стрешневой (р. 1698 г., ум. 24 февр. 1781 г.). Началъ онъ службу у насъ съ секретаря при вице-адміралѣ Крюйсѣ; а потомъ взятъ Петромъ I—узнавшимъ его способности, въ совѣтники посольской канцеляріи и въ члены вновь учрежденной иностранной коллегіи. Его тонкому уму и усердію (впрочемъ, на столько же и умѣнью Я. В. Брюса вести дѣла дипломатическія) обязана Россія выгодами ништадтскаго мира, которымъ, ради громадности уступки со стороны шведовъ, не вдругъ повѣрилъ самъ Петръ Великій, получивъ первоначальное извѣстіе. Великій монархъ, конечно, щедро наградилъ обоихъ своихъ уполномоченныхъ и Остерманъ, сдѣланный тайнымъ совѣтникомъ, съ послѣднихъ годовъ Петрова царствованія занялъ видное мѣсто на дипломатическомъ поприщѣ, особенно по ссылкѣ подканцлера Шафирова. Екатерина I, возвративъ Шафирову чины и помѣстья, въ должность вице-канцлера возвысила Остермана, ввѣривъ ему и воспитаніе царственнаго внука своего Петра II Алексѣевича, сдѣлавшагося ея преемникомъ на престолѣ. Воцареніе его, безъ сомнѣнія, могло еще болѣе упрочить благосостояніе наставника, удержавшагося на той же высотѣ и при Аннѣ. Съ паденіемъ Долгоруковыхъ, одинъ изъ бывшихъ верховниковъ—Остерманъ удержался на высотѣ почестей, и съ упраздненіемъ верховнаго тайнаго со-

вѣта сдѣлался первымъ изъ трехъ кабинетъ-министровъ Анны. По смерти канцлера Головкина, внѣшнія сношенія лежали рѣшительно на Остерманѣ и, хотя въ правленіе Анны Леопольдовны враги, присовѣтовавъ дать Остерману чинъ адмирала, удалили его отъ дѣлъ, тѣмъ не менѣе со вступленіемъ на престолъ, какъ довѣренный падшаго правительства и сторонникъ Анны, ко вреду Елизаветы—заслуженный дипломатъ былъ объявленъ государственнымъ преступникомъ, судимъ и осужденъ на смерть, но по лишеніи чиновъ посланъ въ пустынный Березовъ, на берега Оби, и тамъ на пятый годъ заключенія скончался. Онъ оставилъ двухъ сыновей (Ѳедора и Ивана Андреевичей), да дочь гр. Анну Андр. (р. 1724 и ум. 1789 г.), замужемъ за генералъ-аншефомъ Матв. Андр. Толстымъ, къ роду котораго, хотя не надолго, и присвоена была фамилія Остерманъ, при бездѣтствѣ сыновей графа Андрея Ивановича.

Изъ нихъ старшій, Ѳедоръ Андреевичъ (род. 21 марта 1727 г. и ум. 10 ноября 1804 г.) при Екатеринѣ II былъ генералъ-поручикъ и потомъ дѣйств. тайн. сов. и сенаторъ. Женатъ онъ былъ на Аннѣ Васильевнѣ Толстой. Младшій братъ его, Иванъ Андреевичъ (род. 25 апрѣля 1725 г. и ум. 19 апр. 1811 г.), женатый на Александрѣ Ивановнѣ Талызиной (1745—1793), былъ вице-канцлеромъ при Екатеринѣ I, а при Павлѣ I канцлеромъ и президентомъ коллегіи иностр. дѣлъ.

Со смертью бездѣтнаго графа Ивана Андреевича Остерманъ, этотъ родъ долженъ былъ прекратиться, но, какъ мы уже замѣтили, по просьбѣ послѣднихъ представителей фамиліи, Екатерина II, указомъ 27 октября 1796 г., повелѣла передать фамилію Остермана внуку гр. Анны Андреевны Остерманъ (сыну ея сына Ивана Матвѣевича Толстаго) — Александру Ивановичу, получившему при этомъ графское достоинство. Графъ Александръ Ивановичъ Остерманъ-Толстой (род. 1779 г.) прославился знаменитымъ боемъ при Кульмѣ съ французами, скончался въ чинѣ полнаго генерала и генералъ-адъютанта Е. И. В. Женатъ онъ былъ на княжнѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ Голицыной (р. 1779 г. и ум. 14 апр. 1831 г.) и со смертью этой четы еще разъ, окончательно уже прекратился родъ графовъ Остерманъ.

Гербъ рода графовъ Остерманъ (Гербовникъ Ч. II. отд. I № 13), представляетъ щитъ, раздѣленный горизонтально на двѣ части лазуревою полосою, на которой помѣщены 3 золотыя звѣзды о шести лучахъ. Въ верхней части гербоваго щита, въ серебряномъ полѣ, видѣнъ возникающій до половины Россійскій коронованный двуглавый орелъ, съ распростертыми крыльями; въ нижней части, въ золотомъ полѣ—пальмовое дерево. Гербовый щитъ увѣнчанъ графскою короною, надъ которой три шлема. Средній, съ графскою короною, надъ которою возникающій чорный двуглавый орелъ. Боковые нашлемники: справа, пальмовое дерево, а съ лѣва три страусовые пера.

Щитодержцы — два страуса. Девизъ—латинское изрѣченіе «Nec sol nec frigora mutant», ни жаръ, ни холодъ неизмѣняютъ.

Наметъ лазуревый съ подложкою серебромъ.

Головкины.

Графскій и дворянскій домъ.

Фамилія Головкиныхъ ведетъ происхожденіе отъ Яна Головки, польскаго выходца, будто бы явившагося въ Москву при Василіи Темномъ. Сынъ этого лица, Иванъ Ивановичъ Головкинъ, былъ—у младшаго сына Іоанна III, князя Юрія Ивановича—въ боярахъ. Онъ имѣлъ сына

Димитрія, у котораго въ свою очередь были сыновья Дій, Евфимій, въ монашествѣ Евстафій — выборный отъ Троицко-Сергіевской лавры, подписавшій по довѣренности братіи грамоту на избраніе въ цари Бориса Годунова,— да Родіо́нъ. Родіонъ Дмитріевичъ жилъ еще въ началѣ XVII вѣка, въ помѣстьяхъ своихъ въ Алексинскомъ уѣздѣ. У него было два сына: Лука Родіоновичъ, прозваніемъ *Крюкъ* (ум. 1661 г.), младшій, и—старшій, Семенъ Родіоновичъ, женатый на Акулинѣ Ивановнѣ Раевской, родная сестра которой, Прасковья Ивановна, была за Леонтьевымъ и сдѣлалась матерью Анны Леонтьевны Леонтьевой, вышедшей замужъ за дворянина Кирила Полуектовича Нарышкина. Старшая дочь отъ этого брака была, какъ извѣстно, Наталья Кириловна, вторая супруга царя Алексѣя Михайловича, мать Петра I. По бабушкѣ, Головкины приходились ей, слѣдовательно, въ родствѣ. Потому то находимъ мы сына Семена Головкина и Прасковьи Ивановны, ур. Раевской,—Ивана Семеновича, въ годъ 2-го брака царя Алексѣя вписаннымъ въ дворяне по московскому списку и, затѣмъ, стольникомъ молодой царицы; а въ 1682 году, при воцареніи сына ея Петра—постельничимъ этого государя; въ годъ же низверженія имъ правительницы—окольничимъ, а въ 1692 году—бояриномъ. Кромѣ сына, отъ брака Прасковьи Ивановны съ Семеномъ Родіоновичемъ Головкинымъ были еще двѣ дочери, изъ которыхъ старшая, Мавра Семеновна, была за Софрономъ Матвѣевичемъ Карповымъ, стольникомъ, а младшая, Анна Семеновна, за стольникомъ же, Афанасіемъ Андреевичемъ Соймоновымъ. Бояринъ Иванъ Семеновичъ Головкинъ отъ брака съ Мареой Васильевной Лихаревой имѣлъ одного только сына Гавріила Ивановича (род. 1660 г., ум. 20 янв. 1734 г.) — самаго знаменитаго представителя фамиліи, перваго государственнаго канцлера въ Россіи, возведеннаго Петромъ I въ графское достоинство послѣ Полтавской побѣды (графство римской имперіи даровано было канцлеру Петра I императоромъ Іосифомъ I еще въ 1707 г. Съ заведеніемъ и коллегій, сдѣланъ былъ Г. И. Головкинъ президентомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, управляя дипломатическими сношеніями Россіи съ державами Европы

26 лѣтъ и при Аннѣ считался первымъ изъ министровъ учрежденнаго ею кабинета.

Младшая линія фамиліи Головкиныхъ—дворянская, кажется, прекратилась на внучатахъ Луки Родіоновича, Иванѣ и Афанасьѣ Никитичахъ. По крайней мѣрѣ, намъ не приходилось до сихъ поръ видѣть въ спискахъ чиновъ дворянъ Головкиныхъ, непредъявлявшихъ даже и требованій о дарованіи имъ дворянскаго герба. Отъ того въ гербовникѣ и встрѣчается только гербъ графскаго рода Головкиныхъ, тоже теперь угасшаго.

Графъ Гавріилъ Ивановичъ Головкинъ отъ брака съ Домной Андреевной, урожд. Дивовой, оставилъ трехъ сыновей и трехъ дочерей, изъ которыхъ графиня Наталья Гавриловна (1689—1726) была за княземъ Иваномъ Ѳедоровичемъ Барятинскимъ; Анна Гавриловна—въ первомъ бракѣ за графомъ П. И. Ягужинскимъ, во второмъ за графомъ Мих. Петр. Бестужевымъ-Рюминымъ; а графиня Анастасія Гавриловна была первою женою князя Никиты Юрьевича Трубецкаго, впослѣдствіи фельдмаршала. Бракъ ея съ нимъ былъ несчастливъ. Впрочемъ, по ея винѣ (вслѣдствіе связи ея съ графомъ Левенвольдомъ, какъ упоминаетъ въ письмахъ своихъ лэди Рондо, жена англійскаго резидента здѣсь при Аннѣ и умершаго). Анна Гавриловна, разведенная со вторымъ мужемъ, кончила дни свои въ Сибири, вовлечонная въ раздутый процессъ Лопухиныхъ, при Елизаветѣ Петровнѣ.

Братья ихъ вынесли также много непріятностей. Старшій изъ нихъ, дѣйст. тайн. совѣт. графъ Иванъ Гавриловичъ (ум. 1734 г.), женатый на княжнѣ Дарьѣ Матвѣевнѣ Гагариной, понесъ незаслуженную потерю имѣній, при конфискаціи вотчинъ своего тестя, сибирскаго губернатора, казненаго въ 1721 г. Второй сынъ канцлера тоже дѣйст. тайн. совѣт.—графъ Александръ Гавриловичъ, посланникъ русскій въ Голландіи въ продолженіе слишкомъ 40 лѣтъ, началъ блистательно карьеру, устройствомъ брака царевича Алексѣя Петровича съ принцессой Брауншвейгской и потомъ съ соизволенія государя Петра I женился на иностранкѣ, графинѣ Екатеринѣ Генріэтѣ Донà (Dohnà), ум. 1768 г. Умеръ онъ, не возвращаясь

въ Россію, въ 1760 г., испытавъ непріятности при ссылкѣ третьяго брата, вице-канцлера. Это былъ — графъ Михаилъ Гавриловичъ, тоже дѣйст. тайн. совѣт., вице-канцлеръ при правительницѣ Аннѣ Леопольдовнѣ, съ воцареніемъ Елизаветы преданный суду какъ государственный преступникъ и, по лишеніи чиновъ, сосланный въ Сибирь, гдѣ, проведя тринадцать лѣтъ, онъ и скончался (1755 г.). Отъ брака съ дочерью второго князя-кесаря—Ивана Өедоровича Ромодановскаго—Екатериной Ивановной (род. 1701 г. и ум. 1791 г.), раздѣлившей съ мужемъ несчастную его судьбу—дѣтей не было.

Потомство графовъ Головкиныхъ продолжалось только отъ двухъ первыхъ братьевъ. У Ивана Гавриловича были сынъ и дочь. Сынъ, графъ Гавріилъ Ивановичъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, умер. 1787 г., женатъ былъ на графинѣ Екатеринѣ Александровнѣ Шуваловой (1733—1821) и оставилъ четырехъ сыновей, умершихъ безъ потомства—да дочь, Елизавету Гавриловну. Братья ея, были: Алексѣй Гавриловичъ, камергеръ, († 1823 г.), Өедоръ Гавриловичъ, камергеръ († 1818 г.) женатый на Натальѣ Петровнѣ Измайловой (1769—1849 г.), Петръ Гавриловичъ, оберъ-егермейстеръ († 1821 г.), женатый на Софьѣ Александровнѣ Демидовой († 1831 г.) и Гаврілъ Гавриловичъ, убитый подъ Ламбахомъ въ чинѣ полковника (1805 г.).

Съ прекращеніемъ старшей линіи Головкиныхъ, оставался еще въ живыхъ въ Россіи сынъ графа Александра Гавриловича—Юрій Александровичъ (родился 1749 г. и ум. 1846 г.), оберъ-камергеръ, членъ государственнаго совѣта, посолъ въ Китай при Александрѣ I. Онъ былъ женатъ на Екатеринѣ Львовнѣ Нарышкиной (умерш. 1820 г.), отъ которой имѣлъ одну дочь, графиню Наталью Юрьевну, выданную за тайнаго совѣтника князя Александра Николаевича Салтыкова. Къ ней и перешло, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 19 іюля 1845 года, заповѣдное наслѣдственное имѣніе въ 8000 душъ, съ удержаніемъ фамиліи *Головкина*. Сынъ княгини Натальи Юрьевны—князь Алексѣй Александровичъ Салтыковъ - Головкинъ, камергеръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, предводитель

дворянства Курской губерніи, есть теперь представитель угасшаго рода перваго русскаго государственнаго канцлера.

Другіе братья графа Юрія Александровича — *послѣдняго* Головкина, воспитанные внѣ Россіи, боялись возвратиться въ свое подлинное отечество, съ которымъ связывать ихъ должны были узы родства и трехвѣковая служба предковъ. Они—остались въ иностранномъ подданствѣ.

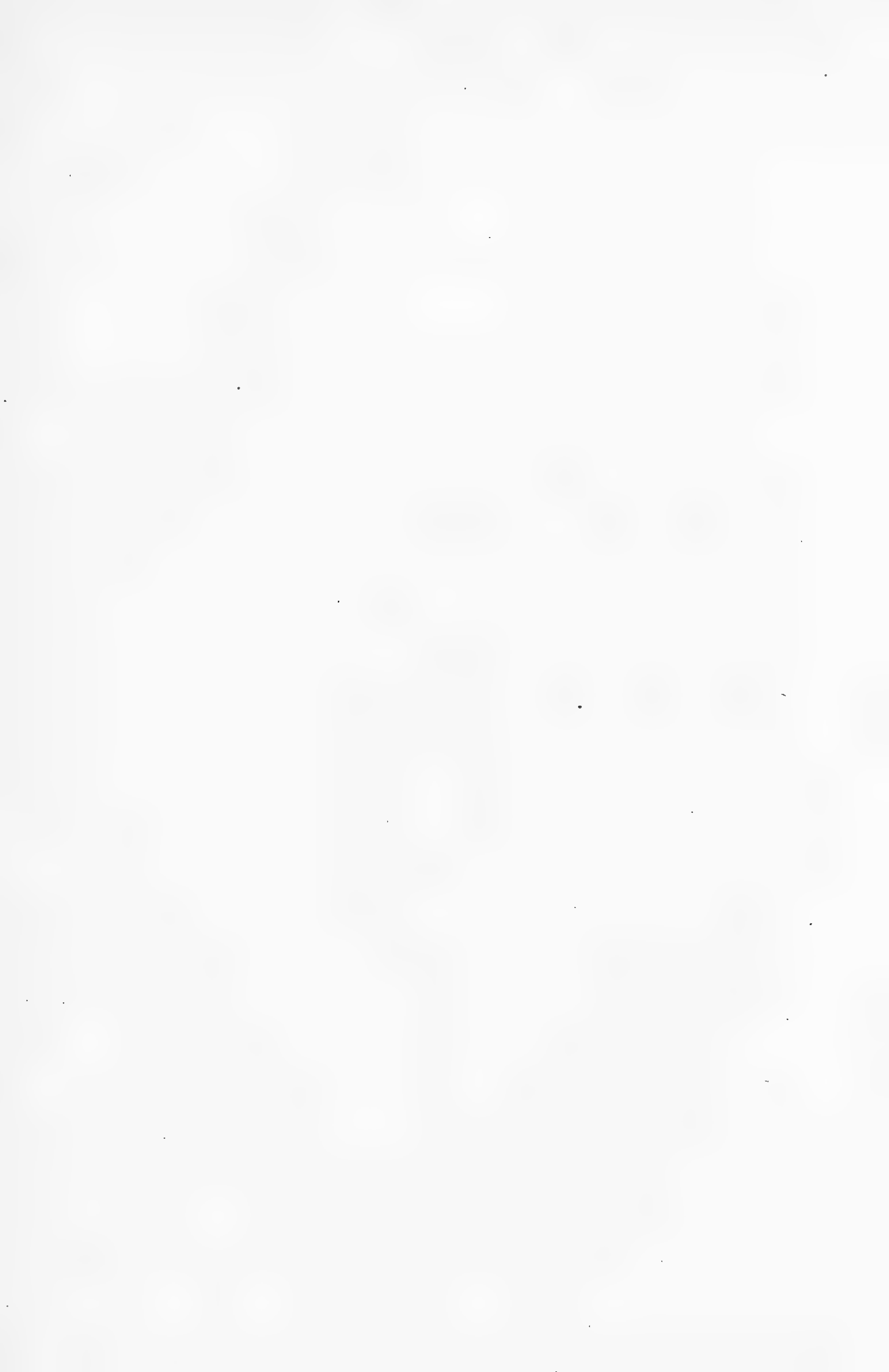
Это были графы: *Иванъ Александеръ*, *Петеръ Фридрихъ Христофъ* (у князя Долгорукова Петръ Александровичъ), *Габріель Александеръ* и *Александеръ*. Первый изъ нихъ, статскій совѣтникъ русской службы и посланникъ, умеръ въ 1794 году, въ Данцигѣ, безъ потомства. Второй, женатый на падчерицѣ родной сестры своей Маріи, вышедшей за графа Павла Камеке—графинѣ Фридерикѣ ф. Камеке,—получилъ отъ Фридриха II (1766 г.) позволеніе купить въ прусской Силезіи имѣніе Харнекопфъ (въ Верхне-Барнимскомъ округѣ) и умеръ тамъ, въ 1788 году. Третій братъ—Габріель Александръ, сперва голландской службы генералъ-лейтенантъ и комендантъ г. Амстердама, потомъ былъ во французской службѣ — получивъ тамъ титулъ маркиза де Ферасьеръ (Ferassieres).—Наконецъ, послѣдній изъ оставшихся за границею Головкиныхъ, графъ Александръ, королевско-прусскій камергеръ, директоръ театровъ въ Берлинѣ, умеръ холостымъ въ 1781 году. Другая сестра ихъ, Наталія, была за графомъ Бернгардомъ фонъ-Шметтау, и умерла вдовою въ 1778 году. У графа Головкина (Маркиза Ферасьеръ) была одна дочь—Александрина Корнелія Катерина, родившаяся въ Гагѣ въ 1772 году, и выданная за графа Генриха Альфонса де Брюжъ. Она жила вдовою уже, въ Берлинѣ, въ 1829 году.

Вотъ все, что намъ извѣстно до сихъ поръ о родѣ графовъ Головкиныхъ. Всякія поправки и дополненія примемъ мы съ глубочайшею признательностью, ища только выясненія истины, безъ постороннихъ цѣлей.

Гербъ графскаго рода Головкиныхъ, въ русскомъ гербовникѣ (часть I отд. I № 6) представляетъ щитъ, разсѣченный на четыре части. Въ 1 и 4-ой изображена въ лазуревомъ полѣ рука въ латахъ съ поднятою саблею,—выхо-

дящая изъ облаковъ; во 2 и 3 частяхъ щита, въ золотомъ полѣ, виденъ до половины выходящій русскій государственный орелъ. На пересѣченіи этихъ отдѣловъ, въ срединѣ щита, въ маломъ щиткѣ, увѣнчанномъ графскою короною, въ красномъ полѣ, изображонъ стоящій левъ, обращонный въ правую сторону. Гербовый щитъ увѣнчанъ графскою короною. Въ нашлемникѣ повторена эмблема девиза средняго щита: левъ, снабжонный мечомъ въ правой лапѣ. Наметъ золотой, подложенъ справа краснымъ, слѣва—чорнымъ. Девизъ на лентѣ «dedit haec insignia virtus» (знаки эти даетъ добродѣтель). У Головкиныхъ (иностранныхъ подданныхъ) въ гербѣ былъ только левъ въ красномъ полѣ—согласно съ эмблемою дарованнаго имъ имперскаго графства.

ИСТОРІЯ и ТОПОГРАФІЯ.

I.

Кострома.

(Исторія и замѣчательности города).

Костромская сторона въ XI—XIII вѣкахъ составляла крайній предѣлъ, на востокъ, по Волгѣ, русскаго господства — границу съ финско-турецкими племенами. Губернскій городъ Кострома, расположенный при впаденіи въ Волгу р. Костромы, на лѣвомъ берегу Волги, основанъ, если вѣрить Татищеву, уже 720 лѣтъ (въ 1152 году), но въ первый разъ упоминается при раздѣленіи удѣла в. князя Всеволода Юрьевича, между сыновьями его въ 1208 году.

Тогда Владиміръ и пять городовъ (въ томъ числѣ Кострома) достались въ наслѣдіе второму сыну Всеволода—Георгію, признанному великимъ княземъ. Во время распри съ нимъ старшаго брата—Константина Всеволодовича, желавшаго по праву первородства получить великое княженіе,—г. Кострома былъ сожжонъ (1214 г.), а жители городскіе отведены въ

плѣнъ. Въ нашествіе Батыя (1238 г.) Кострому разорили опять татары. Затѣмъ этотъ несчастный городъ достался въ удѣлъ брату Александра Невскаго—князю Василію Ярославичу, получившему поэтому прозваніе *Костромскаго* и неоставившему своего удѣла въ то даже время, когда по смерти брата (Ярослава Ярославича) въ 1272 году ему достался престолъ великокняжескій. Занимая его, онъ продолжалъ жить въ Костромѣ, гдѣ женился и умеръ. Послѣ него Кострома досталась великому князю Андрею Александровичу—сыну Невскаго,—бывшему князю Городецкому, за котораго дѣлами удѣла правилъ вельможа Семенъ Андреевичъ Тонгилѣевичъ, убитый въ 1283 году боярами, подосланными переяславскимъ княземъ Дмитріемъ Александровичемъ. При мировой, великимъ княземъ Кострома отдана его сыну, князю Ивану Дмитріевичу, впрочемъ, не надолго. Потомъ перешла она къ сыну великаго князя, Борису Андреевичу, здѣсь въ удѣлѣ своемъ и умершем у(въ февралѣ 1302 г.), еще раньше отца. Когда же смерть великаго князя въ Костромѣ сдѣлалась извѣстною, то мѣстные жители собрались на вече и убили бояръ Андреевыхъ (1304 г.). Они держали сторону князя московскаго Георгія Даниловича, который послалъ передъ тѣмъ сюда, хотя неудачно, брата своего Бориса, заявляя права свои на удѣлъ, отказанный его отцу, при кончинѣ Ивана Дмитріевича. Кострома, впрочемъ,

была еще во власти Георгія Даниловича въ 1317 году, во время неудачнаго похода этого князя на Тверь. Разбитый тамъ Георгій остался жить въ Костромѣ, признавшей власть тверского князя, Дмитрія Михайловича, только по смерти страдальца—Михаила. Наконецъ, ханъ монголовъ, передавая престолъ великокняжескій Ивану Даниловичу (Калитѣ), отдалъ ему Кострому и Нижній-Новгородъ, и съ того времени Кострома уже неотдѣлялась отъ великокняжескаго московскаго престола, хотя тверской князь Михаилъ Александровичъ и ходилъ добывать ее оружіемъ, но безуспѣшно.

Хранительная защита великаго князя не мѣшала, однако, разорять Кострому, только въ XIV вѣкѣ, пять разъ пострадавшую, отъ оружія и два раза (1364 и 1385 г.) отъ мора. Въ 1318 году татаринъ Конча-Мурза избилъ въ Костромѣ 120 человѣкъ; въ 1322 г. раззорилъ ее татарскій посолъ, вводя во владѣніе Калиту; въ 1371 и 1375 г. г. новгородцы на Костромѣ вымѣщали злобу свою на великаго князя. Между тѣмъ, Кострома считалась надежнымъ мѣстомъ спасенія. Сюда укрылся, въ 1382 г., Димитрій Донской съ семействомъ, отъ нашествія лютаго Тохтамыша, а сынъ его, Василій, (1409 г.), отъ Едигеева вторженія. Въ 1360 году сюда съѣхались русскіе князья, по вызову ханскихъ пословъ, чтобы посовѣтоваться о пресеченіи новгородскихъ разбоевъ на Волгѣ. Въ 1429 г. на Кострому

сдѣлали набѣгъ казанскіе татары, и во все время войны Василія Васильевича (Темнаго) съ Юріемъ и дѣтьми его, великій князь не оставлялъ Костромы. При Іоаннѣ III, воевода его, князь Оболенскій-Стрига, изъ Костромы весною 1468 г. ходилъ на казанскихъ татаръ, еще чуть не цѣлый вѣкъ заявлявшихъ существованіе своего царства набѣгами въ эту сторону. Особенно страшно свирѣпствовали казанцы въ окрестностяхъ Костромы, въ послѣднее время передъ паденіемъ ихъ столицы—въ 1540, 1547 и 1549 гг. Въ послѣдній набѣгъ ихъ, костромской воевода Захарій Петровичъ Яковлевъ настигъ ихъ «на Гусевѣ полѣ», на р. Язовкѣ (между Костромою и Галичемъ) и—разбилъ на голову. Кромѣ бѣдствій отъ набѣговъ, Кострома терпѣла и другія невзгоды. Въ вербную субботу 1493 года весь городъ испепелилъ пожаръ, въ 1571 г. свирѣпство мора, а въ 1603 г. голодъ отъ неурожая, чувствительно убавили мѣстное населеніе. Послѣдняя, заключительная гроза на Кострому былъ набѣгъ извѣстнаго Лисовскаго, по взятіи города (1608 г.) поставившаго здѣсь сильный гарнизонъ. Ополченіе сѣверныхъ городовъ, явившись наконецъ здѣсь, хотя и выбило хищниковъ, убѣжавшихъ въ Ипатьевскій монастырь, но не могло спасти домовъ отъ пламени, брошеннаго удалявшимися врагами, для прикрытія своего отступленія, въ общей суматохѣ. Военная исторія Костромы на этомъ

кончилась, но событія мирныя, не всегда счастливыя, продолжали совершаться въ стѣнахъ этого, отдыхавшаго отъ прошлыхъ напастей, города. Спустя 7 лѣтъ по оставленіи Костромы—для слѣдованія въ столицу на престолъ,—царь Михаилъ Ѳедоровичъ посѣтилъ городъ (1619 г. въ сентябрѣ), проѣздомъ на богомолье въ Макарьевъ-Унженскій монастырь. Благодаря за прошлое гостепріимство, государь щедро одарилъ костромскія обители и особенно соборный храмъ, гдѣ издавна хранится Ѳедоровская икона Богоматери.

Въ царствованіе Михаила, какъ видно по писцовымъ книгамъ 1628 — 30 г. (тогда въ Костромѣ въ первый разъ заведеннымъ и сохранившимся), городъ раздѣленъ былъ по управленію на пять *присудовъ:* намѣстническій, спаса-запруднова, богоявленскаго, анастасьинскаго и крестовоздвиженскаго монастырей. Во всѣхъ присудахъ значилось 1633 двора, 489 лавокъ и амбаровъ, 36 церквей (2 собора) и 4 монастыря. Со временъ Грознаго существовала при городѣ, «на бѣлой землѣ», т. е. *свободной отъ податей*, слобода кирпичниковъ, населенная техниками каменно-строительнаго дѣла, въ царской службѣ. По переписнымъ книгамъ 1678 г. значилось въ Кирпичной слободѣ 10 дворовъ и 26 душъ муж. пола. По плану 1781 г. (6 марта), она упразднена, и назначена Кирпичная улица, отъ Богоявленской до Московской, черезъ центръ города (Сусанинскую площадь) къ за-

ставѣ у ц. Космы и Даміана, при выѣздѣ къ р. Костромѣ. Въ 1579 г. костромской пушкарь Григорій Полянскій подарилъ Троицко-Сергіевскому монастырю землю, подъ монастырскимъ вѣденіемъ, насслившуюся бобылями, составившими «Полянскую слободу» въ 36 дворовъ, поступившую при Екатеринѣ II въ вѣденіе коллегіи экономіи и теперь находящуюся въ городѣ, при церкви Покрова. На мѣстѣ Богоявленской и Троицкой улицъ, подлѣ Богоявленскаго монастыря, существовала Пищальная слобода, по сосѣдству съ Полянскою, имѣя одинъ съ нею колодезь. За костромскимъ посадомъ, по вологодской дорогѣ существовала въ 1627 г. слобода Гашѣевка, въ 27 бобыльскихъ дворовъ, со скотнымъ дворомъ, Анастасьинскаго монастыря, въ 1689 году приписанная къ посаду, въ замѣнъ ежегодной дачи монастырю по 15 рублей. Въ Большомъ Успенскомъ переулкѣ, и по набережной, близъ церкви Успенія существовала «Рыбная слобода», въ которой, по книгамъ 1628 года, было 8 дворовъ (а въ 1678—10 дв.), жители которыхъ «ловили про государя въ Волгѣ красную рыбу», пользуясь мѣстомъ для улова на Волгѣ вверхъ на 10, и внизъ на 20 верстъ. При открытіи намѣстничества, костромская рыбная ловля, поступивъ въ вѣденіе города, отдавалась думою въ аренду. По книгѣ 1678-го же года значилась «за осташевской поляной» въ городѣ, Ямская слободка (теперь Всесвятская улица,

гдѣ гимназія), съ 29 дворами и 65 душами муж. пола. Кузнецкая слобода (XVII—XVIII в.) близъ церквей Косьмы и Даміана и Николая «въ Кузнецахъ», присоединена къ городу въ 1731 г. и «Арапова слобода» (1614—1626 г.), гдѣ въ половинѣ XVIII в. заведено кладбище.

Сентября 1-го 1654 г. явилась въ Костромѣ моровая язва, похитившая изъ итога 5356 жижелей, 3461 жертву. Кромѣ слободъ и посада, существовалъ въ Костромѣ, на возвышенномъ берегу Волги, Кремль, окружонный рвомъ и валомъ. Здѣсь находились соборы Успенскій и Троицкій, да монастырь Крестовоздвиженскій, съ воеводскимъ дворомъ, гдѣ еще останавливалась Екатерина II, проѣзжая черезъ Кострому въ Казань, 14 мая 1767 г. Воеводскій дворъ сгорѣлъ въ страшный пожаръ 1773 г., истребившій всю юго-западную половину города. При воеводскомъ домѣ находились: *съѣзжая изба* (воеводская канцелярія), *губная изба* (уголовная палата), *караульная изба*, тюрьма, 4 житницы государевы, кузницы и осадный дворъ матери царя Михаила Ѳедоровича—инокини Марѳы Ивановны, гдѣ жилъ съ нею будущій самодержецъ Россіи, въ бытность въ городѣ. Кромѣ двора ея было въ Кремлѣ 190 домовъ, на трехъ улицахъ, изъ которыхъ въ Большой,—шедшей къ волжскимъ воротамъ—было 107 домовъ. Дворъ матери государя былъ близъ этой улицы и воротъ, въ переулкѣ, въ длину 6³/₄

сажень, въ ширину $6^1/_2$ саж., да спорной земли, которую нехотѣлъ уступить Воздвиженскій монастырь—$8^1/_2$ сажень въ длину и $4^1/_2$ въ ширину; такъ что все мѣсто было въ $167^3/_4$ кв. сажень, т. е. одно изъ такихъ, которыя встрѣчаются гдѣ нибудь въ гавани. Ограниченность размѣровъ земляныхъ участковъ въ старину не должна насъ удивлять; тѣмъ болѣе, когда рѣчь идетъ объ осадномъ дворѣ, въ Кремлѣ, внутри укрѣпленій, на случай предвидимаго спасенія на короткое время. Кострома, какъ мы замѣтили выше, считалась надежнымъ убѣжищемъ, и отъ того костромской Кремль заключалъ десятки дворовъ высшей московской, родовитой аристократіи, гдѣ въ обыкновенное время жили одни *дворники*, да и самые дворы заключали не болѣе одной, много двухъ комнатъ, съ амбарами и кладовыми. При скученности построекъ, пожары были губительны и повсемѣстны. Кремль костромской выгорѣлъ чуть не до тла въ 1654, 1679 и 1773 годахъ. Въ 1654 году отъ съѣзжей избы сгорѣли Троицкій и Успенскій соборы. Во второй пожаръ—Воздвиженскій монастырь, послѣ этого обращонный въ женскій, потому что монахамъ жить было негдѣ, а 40 безпріютныхъ монахинь жили въ какихъ-то кельяхъ, близъ Успенскаго собора, и, лишившись ихъ, обратились къ патріарху Іоакиму о дозволеніи жить хоть въ развалинахъ, что и было дозволено. Только уже послѣ пожара 1773 г., когда самыя

зданія каменныхъ соборовъ истреблены огнемъ, запрещено вновь строить въ Кремлѣ частные дома, по плану 6 марта 1781 г.

Въ 1792 г. было въ Кремлѣ всего 4 дома, которые велѣно также снесть потомъ, такъ что все пространство бывшаго стараго города, занимавшаго 12 десятинъ и 86 сажень (подъ церквами и оградою 1 дес. 129 саж.), къ началу XIX вѣка не было въ оградѣ деревянныхъ построекъ. Теперь существуютъ соборы: теплый и холодный; церковь Богоявленія съ колокольнею, 3 каменныхъ дома, да соляные и винные магазины. Въ 1619 году, «на случай осаднаго положенія», примкнулъ къ старому городу, построенный посадскими, новый городъ съ деревянными стѣнами и 23 башнями, рвы и валы котораго теперь уже не существуютъ, также, какъ и фасадовъ стѣнъ башень и воротъ.

Съ половины XVIII вѣка Кострома получаетъ значеніе промышленнаго города, купечество котораго ведетъ обширные обороты, торгуя: хлѣбомъ, льномъ, лѣсомъ, кожами, рыбою, бумажными издѣліями и колоніальными товарами. Доходы города простираются до 40.000 р. въ годъ, а фабрики костромскія производятъ обороты на 2,000,000 слишкомъ. Вѣжнѣйшіе изъ заводовъ: механическій (на 700,000 р. въ годъ), кожевенные (200,000 р.) и льно-прядильныя фабрики (съ милліоннымъ оборотомъ).

Городъ Кострома раздѣленъ на 2 полицей-

скія части—Александровскую и Константиновскую, а каждая изъ нихъ на 3 квартала. Во всѣхъ 6 кварталахъ 10 большихъ мощоныхъ улицъ и 2 площади: Павловская торговая и Сусанинская (въ длину 74 сажени, и въ ширину 36 с.), на которой сооруженъ памятникъ царю Михаилу Ѳедоровичу и крестьянину Сусанину, для спасенія его пожертвовавшему жизнію, въ февралѣ 1613 г. Для образованія народнаго, въ Костромѣ существуютъ: гимназія, съ благороднымъ пансіономъ, губернское училище для дѣвицъ, уѣздное и 2 приходскихъ училища; да духовная семинарія съ уѣзднымъ училищемъ (всего до 1200 чел. учащихся обоего пола и 56 учащихъ). Изъ благотворительныхъ заведеній: городская больница на 120 кроватей, домъ умалишонныхъ (на 40 челов. въ годъ), богадѣльня (съ 60 челов.) и инвалидный домъ (на 12 чел.). Существуютъ также рабочій и смирительный дома. Жителей въ Костромѣ до 25,000 душъ.

Замѣчательности Костромы: Успенскій соборъ, церкви: Воскресенія Христова, Богоявленія (бывшая монастырская), монастыри Анастасьинъ и Ипатіевскій и памятникъ Сусанину. Мы ограничимъ нашъ обзоръ двумя послѣдними.

Памятникъ Сусанину обязанъ своимъ сооруженіемъ посѣщенію Костромы императоромъ Николаемъ I, въ 1834 году. Государь изволилъ изъявить удовольствіе на заявленіе

мѣстнаго дворянства о сооруженіи памятника царю Михаилу и крестьянину Сусанину, но съ тѣмъ, чтобы памятникъ этотъ поставленъ былъ не въ Ипатьевскомъ монастырѣ, какъ думало дворянство, а въ центрѣ города, на Екатерининской площади, при Высочайшемъ утвержденіи проэкта памятника (1838 г.) переименованной Сусанинскою. Открытъ въ И. А. Х. конкурсъ и проэктъ ректора скульптуры В. И. Демута-Малиновскаго,— предположившаго представить Сусанина въ молитвенномъ положеніи, на колѣняхъ, у подножія обелиска, увѣнчаннаго бюстомъ царя Михаила — найденъ лучшимъ. 2 августа 1843 г. памятникъ заложенъ, въ 1845 г. поставлена колонна, въ 1847 г. доставлены изъ Петербурга отдѣльныя бронзовыя части памятника и, наконецъ, въ праздникъ образу Ѳедоровской Богоматери (14 марта 1851 г.) памятникъ торжественно открытъ. Въ этотъ день, въ 1613 году, какъ извѣстно, послы земскаго собора умолили Михаила принять царство.

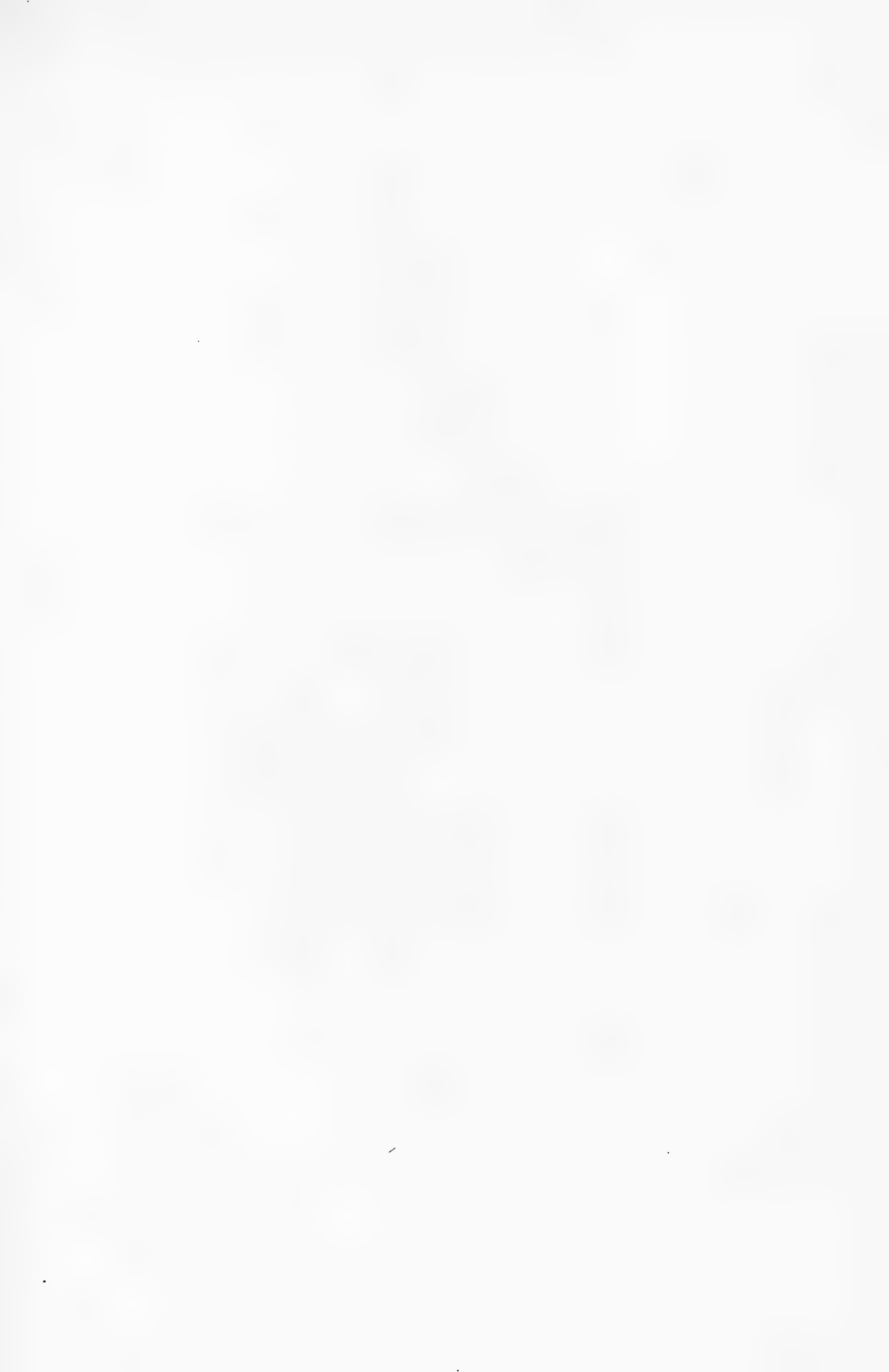
Въ память этого событія и выѣзда царя изъ Костромы въ Москву,—19 марта, сооружена въ Ипатьевскомъ монастырѣ церковь Св. Хрисанфа и Даріи, освящонная въ 1859 году.

Ипатьевскій монастырь, основанный Мурзою Четомъ, въ 1330 году, въ послѣдствіи былъ надѣляемъ вкладами Годуновыхъ, устроившихъ въ 1586 году каменную ограду, за которою въ 1609 г. укрылись поляки, из-

гнанные изъ г. Костромы. По очищеніи отъ враговъ монастыря, опасаясь подосланныхъ поляками убійцъ, въ стѣнахъ Ипатьевской обители скрылся Михаилъ Романовъ, и живя здѣсь умоленъ принять престолъ. Наружность келлій, гдѣ помѣщался царственный отрокъ, передана въ помѣщаемомъ рисункѣ съ фотографическаго снимка. Вступивъ на престолъ, Михаилъ прислалъ въ монастырь рѣзное изъ липы царское мѣсто, поставленное теперь въ троицкомъ соборѣ, на правомъ клиросѣ;—на немъ стояла Екатерина II, слушая здѣсь литургію 15 мая 1767 г.

Въ монастырѣ, въ настоящее время три храма: соборъ Троицы, построенный 1650—52, теплая церковь—Рождества Богородицы, съ колокольнею, построенною Дмитр. Ив. Годуновымъ 1605 г., недавно перестроенная, и церковь Св. Хрисанфа и Даріи.

Трехъ церквей уже нѣтъ. Усыпальница Годуновыхъ находится у алтаря Богородицкаго храма.

ПЕТРЪ ПЕРВЫЙ ИМПЕРАТОРЪ.
ПРИСНО ПРИБАВИТЕЛЬ. ЦАРЬ
И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ

Повелѣнием Его Црского величества. Грыдоровалъ Адриан Шхонебекъ

Петръ I и его время.

I.

Семнадцатый вѣкъ въ русскомъ бытѣ можно характеризовать, всего ближе, словомъ *броженіе*. Въ патріархальной московской жизни приготовлялся переворотъ, нечуять котораго могли развѣ люди очень уже ограниченные и близорукіе, тогда какъ человѣку, мало-мальски способному соображать, не могло не казаться, что навозимая чужеземщина врывалась при каждомъ случаѣ въ недоступную даже, среду семейную. Одно царствованіе Бориса, не смотря на свою кратковременность, въ дѣлѣ развитія прогресса въ московскомъ государствѣ, сдѣлало болѣе, чѣмъ десятки лѣтъ передъ нимъ и за нимъ. Время правленія Михаила является, до послѣднихъ годовъ, какимъ-то межеумкомъ. Тогда предстояло поправить прежде общія язвы,

нанесенныя эпохою смутъ и самозванства, а потомъ уже думать объ улучшеніяхъ и совершенствованіяхъ. Но и въ эту переходную пору мірскія идеи, извнѣ занесенныя прежде, принимались и пускали корни въ умахъ православнаго населенія, обращая его виды и стремленія на чисто матеріальную сторону жизненныхъ отправленій. Вносили они уже иные порядки и складъ, составлявшій средину между иноземнымъ, презираемымъ въ принципѣ, и своимъ исконнымъ, казавшимся отсталымъ.

Въ такую-то именно эпоху воцарился сынъ перваго царя изъ рода Романовыхъ, Алексѣй Михайловичъ. При вступленіи на престолъ (13-го іюля 1645 г.) было ему 16 лѣтъ (род. 10-го марта 1629 г.). Съ пяти лѣтъ стали его учить грамотѣ и меньше, чѣмъ въ годъ, онъ прошолъ *Часовникъ*, *Псалтирь* и *Дѣянія Апостольскія*;—что причтено современниками чуть не къ чудесамъ. Легко ли сказать, на осьмомъ году отъ роду, царевичъ выучилъ всѣ восемь гласовъ церковнаго пѣнія и принялся писать подъ руководствомъ подъячаго Григорья Вас. Львова, скоро возведеннаго въ думные дьяки. Далеко бы пошолъ и учившій царевича чтенію, дьякъ Василій Прокофьевъ, если бы неумолимая смерть не подкосила его внезапно, на порогѣ къ почестямъ,— 19-го августа 1646 года,—когда могъ онъ ожидать всего лучшаго отъ царственнаго ученика своего на престолѣ. Пожалъ сторичные плоды заботливости о дѣтствѣ Алексѣя Ми-

хайловича, одинъ воспитатель его, изъ стольниковъ рано пожалованный въ бояре царемъ Михаиломъ — Борисъ Ивановичъ Морозовъ. Уже по одному тому, что этотъ вельможа оказывался ревностнымъ перенимателемъ иноземныхъ диковинокъ—хотя, конечно, только въ примѣненіи къ потребностямъ домашняго обихода и затѣямъ роскоши, — мы можемъ заключить безошибочно, что вѣнценосный воспитанникъ его, по времени и обстоятельствамъ, самою средою, окружавшею его дѣтство, былъ приготовляемъ къ нововведеніямъ. Нужды нѣтъ, что въ первые годы по вступленіи на престолъ онъ оказывается консервативнымъ и какъ бы неодобрятелемъ родительскихъ потѣхъ, проявлявшихъ заимствованія у иностранцевъ. Виною этому, скорѣе всего, страхъ, послѣ грозы событія, заставившаго юнаго самодержца даже удалить отъ себя, на время, любимаго такъ горячо Морозова, клевреты котораго, виновные на столько же, какъ и онъ, сдѣлались жертвою народной ярости. Мы разумѣемъ большой московскій бунтъ 25-го мая 1648 года. Еще подъ живымъ впечатлѣніемъ народнаго ропота, открывшаго глаза благодушнаго государя на недостатокъ правосудія и запутанность въ существовавшихъ законахъ, царь Алексѣй, въ іюлѣ того же года, созываетъ соборъ духовныхъ и свѣтскихъ чиновъ. Имъ поручаетъ онъ собрать во едино дѣйствующіе указы, дополнивъ недостающія статьи новыми положе-

ніями; чтобы дать народу равный судъ и расправу. Такимъ путемъ приготовлено къ слушанію,—всего въ три мѣсяца времени—Уложеніе.

Гроза бунта и страшнаго пожара въ столицѣ, которую мы позволяемъ себѣ считать, во всякомъ случаѣ, ближайшимъ поводомъ къ сочиненію Уложенія, разразилась надъ юнымъ монархомъ чуть не въ расплохъ, среди первыхъ мѣсяцевъ брака, отпразднованнаго только 16-го января 1648 года. Сочетался государь съ дочерью угождателя во всемъ Морозову—стольника Ильи Даниловича Милославскаго, Марьею Ильинишною. И ей, при другихъ отношеніяхъ отца къ временщику воспитателю, можетъ быть, также не удалось бы сдѣлаться царицею, какъ и Евфимьѣ Ѳедоровнѣ Всеволожской. Судьбы этой чудной красавицы, отвергнутой благодаря прямой и чорной интригѣ царедворцевъ, долго не забылъ самъ государь, узнавшій наконецъ правду, хотя и поздно. Зная же, какъ и что̀ въ состояніи сдѣлать ближайшіе слуги его, величающіеся передъ нимъ особеннымъ усердіемъ и своею къ нему привязанностью,—царь Алексѣй Михайловичъ, съ третьяго года своего царствованія, является болѣе самостоятельнымъ и, по самому свойству своего обширнаго ума, по истинѣ государственнаго, постепенно расширяетъ кругозоръ своихъ наблюденій. При такомъ уже положеніи дѣлъ, онъ ведетъ войны, оканчивающіяся счастіемъ и удачею, а

тамъ, гдѣ недостаточны подвиги оружія, великій политикъ въ свою очередь, царь Алексѣй достигаетъ желаемаго результата, путемъ переговоровъ, союзовъ, обѣщаній и посулъ. Соединеніе въ одной особѣ государя всѣхъ подобныхъ капитальныхъ качествъ, заставляетъ смотрѣть на его царствованіе какъ на самыя интересныя страницы нашей исторіи въ XVII вѣкѣ. Оно, лучше сказать, и есть блистательный прологъ къ чудной эпопеѣ Петровской эпохи—переворота, изъ ветхой машины московской администраціи вызвавшаго къ новой жизни могучую Имперію всероссійскую.

Мы не намѣрены здѣсь, впрочемъ, излагать, достойную благодарнаго воспоминанія, всю жизнь царя Алексѣя Михайловича, или доканчивать абрисъ перечня царственныхъ дѣяній его. Здѣсь: присоединеніе Малороссіи, во время остановленное развитіе патріаршей власти, введеніе научнаго обученія войска, надежныя мѣры къ задержанію набѣговъ орды южныхъ хищниковъ и разумное отношеніе къ пріобрѣтенію иностранными компаніями монополій по торговлѣ и промысламъ,—такія страницы, которыя не нуждаются въ комментаріяхъ для оцѣнки ихъ своевременности и пользы.

За намѣченіемъ, такъ сказать, однѣхъ граничныхъ линій широкаго поля царственныхъ подвиговъ родителя Великаго Петра, наша роль должна кончиться со введеніемъ чи-

тателя въ пониманіе еще одной стороны отношеній, которыми нерѣдко связываемъ былъ геніальный преобразователь—мы разумѣемъ отношенія его къ роднѣ. По этому поводу, заговоривъ о царѣ Алексѣѣ и первомъ его бракѣ, считаемъ своею обязанностью изложить здѣсь все, что намъ извѣстно о семьѣ и семейномъ бытѣ царя, *присоединителя Малоросіи.*

Алексѣй Михайловичъ былъ счастливъ въ супружеской жизни. Въ лицѣ царицы Марьи Ильинишны, почти ровной съ нимъ годами, нашолъ онъ подругу жизни, съ которою идя объ руку 21 годъ, оба испытывали одни радости и угожденія. Кроткая, любящая супруга подарила мужу цѣлую дюжину дѣтей. Первенецъ счастливаго брака, былъ царевичъ Дмитрій Алексѣевичъ, родившійся 22-го декабря 1648 г., но на столько болѣзненный, что на весну (8 мая 1649 г.) онъ уже оставилъ грустныхъ родителей. Февраля 18-го 1650 года родилась царевна Евдокія Алексѣевна, скончавшаяся почти въ 18 лѣтъ (28 февраля 1669 г.). Смерть ея на столько поразила,—за день до того разрѣшившуюся дочерью,—мать, что царица не перенесла потери и 3-го марта сама скончалась, осиротивъ семейство и овдовивъ супруга—государя. За Евдокіею слѣдовала Марфа Алексѣевна, родившаяся 26-го августа 1652 г. и скончавшаяся въ монашествѣ, подъ именемъ Маргариты (19 іюля 1707 г.) въ Александровской

слободѣ, гдѣ заключилъ ее царь Петръ, за участіе въ преступныхъ умыслахъ царевны Софіи.

Черезъ полтора года по рожденіи царевны Мареы, увидѣлъ свѣтъ царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ (5-го февраля 1654 г.) И онъ, объявленный уже соцарственникомъ родителя, неожиданно скончался къ году по смерти матери (16-го января 1670 г.), разрушивъ всѣ надежды царя Алексѣя, старавшагося дать этому сыну образованіе, наилучшее по мѣсту и времени. Послѣ Алексѣя Алексѣевича родилась (23-го янв. 1655 г.) царевна Анна Алексѣевна, умершая еще въ младенчествѣ (8-го мая 1659 г.) За нею слѣдовала дочь же, родившаяся 17-го сентября 1657 г. и названная именемъ одной изъ святыхъ, празднуемыхъ церковью въ этотъ день—Софьею. Эта, впослѣдствіи правительница Россіи,—трагическая судьба которой выставляетъ въ блистательномъ свѣтѣ ранній умъ и находчивость ея геніальнаго брата Петра,—чуть было не принесла его въ жертву своего властолюбія. Самъ Петръ засвидѣтельствовалъ убѣжденіе свое въ высокомъ умѣ сестры, могшей принести пользу государству, «еслибы не была такъ зла» она, по типичному выраженію царя-преобразователя.

Царевна Екатерина Алексѣевна, державшаяся нѣсколько въ сторонѣ отъ опасныхъ затѣй сестры, родилась позднѣе ея годомъ (27-го ноября 1658 г. и ум. 1-го мая 1718 г.). Годомъ же моложе предъидущей, была—жерт-

ва̀ любви къ племяннику-царевичу Алексѣю, вовлечонная въ процессъ его и затѣмъ заключонная въШлиссельбургѣ—царевна Марья Алексѣевна, родившаяся 18-го января 1660 года и умершая 9-го марта 1723 г. За нею слѣдовалъ наслѣдникъ отца на престолъ, крестный отецъ Петра I, царевичъ и потомъ царь, Ѳедоръ Алексѣевичъ, родившійся 30-го мая 1661 г. и умершій 27-го апрѣля 1682 г, Апрѣля 3-го 1665 г. род. царевичъ Симеонъ Алексѣевичъ переживиій мать, царицу Марію, только тремя съ половиною мѣсяцами (19-го іюня 1669 г.). Послѣ него родился царевичъ Иванъ Алексѣевичъ,—27-го аргуста 1666 г.,—съ 26-го мая 1682 г. бывшій соцарственникомъ Петру, по самую смерть свою, послѣдовавшую неожиданно 29-го января 1696 г. За этимъ же, постоянно болѣзненнымъ, «скорбнымъ главою» государемъ, была еще дочь у царя Алексѣя—*Евдокія 2-я,* (род. 26-го февраля 1669 г. и ум. 12-го мая 1712 г.)— при самомъ рожденіи осиротѣвшая. Можно легко представить себѣ, какъ тяжела была для царя Алексѣя потеря любимой супруги, при такомь большомъ семействѣ и дѣтяхъ, еще невозрастныхѣ. Государю при потерѣ супруги минуло всего сорокъ лѣтъ и приближонные присовѣтовали ему вступить во второй бракъ. Сь 28-го ноября 1669 же года, начались смотры невѣстъ. Но, января 16-го слѣдующаго 1670 года скончался наслѣдникъ престоля—Царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ, и

трауръ по немъ перервалъ на двѣ недѣли «прiѣздъ и выборъ» невѣстъ государемъ. Февраля же 1-го, при начатiи смотринъ, представлены четыре дѣвицы, изъ которыхъ третьею стоитъ по списку «Кирилова дочь, Нарышкина Наталья». На ней, 18-го слѣдующаго Апрѣля, по вторичномъ обозрѣнiи всѣхъ вмѣстѣ 67-ти дѣвицъ, представленныхъ въ качествѣ невѣстъ государю,—и остановилъ свой выборъ царственный женихъ. Января же 22-го 1971 г. отпраздновалъ Царь съ нею второй бракъ свой.

Интриги сторонниковъ оружничаго Хитрово, или, лучше сказать, онъ самъ, скрывшiйся за толпою своихъ сторонниковъ, съ подставнымъ лицомъ, принявшимъ на себя отвѣтственность за подброшенное безъимянное письмо,—не утаились отъ зоркихъ глазъ Государя, до свадьбы своей показывавшаго только видъ, что ему ничего неизвѣстно. Но, когда рожденъ первый сынъ Натальею Кириловною Нарышкиной—Петръ Алексѣевичъ 30-го мая 1672 г.)—радостный отецъ, между прочими распоряженiями, заказалъ (3-го iюня) представить на сценѣ иносказательно продѣлки интриговавшихъ противъ своего второго брака, подъ видомъ библейской исторiи Амана и Эсфири.

Сходство судьбы библейской царицы, супруги Артаксеркса, со второю женою царя Алексѣя, по скромной долѣ происхожденiя, неожиданному возвышенiю и интригамъ про-

тивъ ея воспитателя, сильными временщиками,—дѣйствительно можетъ броситься въ глаза, знающему обстоятельства дѣла.

Родилась царица Наталья въ деревнѣ Старое Киркино, въ Рязанской области, въ семьѣ дворянской, правда, но далеко недостаточной. Далекое родство или свойство, да дружба отца съ Артамономъ Сергѣевичемъ Матвѣевымъ, дьячьимъ синомъ, совоспитанникомъ царя Алексѣя, а потомъ и другомъ его—открыло и Кирилу Нарышкину путь къ возвыше нію. Да и то впослѣдствіи, по сдѣланіи царемъ уже выбора дочери его въ супруги свои. Когда же родилась она—22-го августа 1651 г.—отецъ еще былъ простымъ жильцомъ;—низшимъ чиномъ на ступеняхъ московской служебной іерархіи. Мать, урожденная Леонтьева, была также не изъ знатныхъ. Казалось, какъ бы могло случиться, что простая такая дворянка сдѣлается царскою невѣстой, супругой и матерью величайшаго изъ государей? Дѣло же сложилось такъ просто. Зная вражду къ своему любимцу Матвѣеву, царь Алексѣй старался видѣться си нимъ ни кому не въ примѣту. Тьма зимняго вечера скрывала такія невинныя хитрости царственнаго друга. Потерявъ жену, царь Алексѣй чаще сталъ дѣлать тайныя посѣщенія дома Матвѣева, у него отводя душу искреннею бесѣдой. Въ долгій вечеръ государь являлся не рано, и заставъ разъ накрытый столъ къ ужину, онъ благосклонно соизволилъ принять участіе

въ семейной трепезѣ своего друга. За этимъ ужиномъ, дѣвица Нарышкина, гостившая постоянно у Матвѣевыхъ, показалась вдовому государю въ первый разъ и такъ понравилась ему, что въ слѣдующее посѣщеніе онъ сказалъ любимцу, что *беретъ ее за себя.* Явка ко двору съ другими была только маскированьемъ, для отвода подозрѣній. Но и тутъ дѣло всетаки не обошлось безъ преступленія, со стороны ярыхъ завистниковъ. Козни ихъ кончились однако вредомъ и непріятностью имъ самимъ. Немогли они повредить въ глазахъ царя ни Матвѣеву, постоянно имъ любимому и высоко цѣнимому, ни дѣвушкѣ, въ которой на зло всѣмъ завистникамъ, царь души не слышалъ и сдѣлалъ ее подругою жизни.

По складу придворной жизни въ Москвѣ, при подобныхъ обстоятельствахъ интригъ и не могло не быть противъ Нарышкиной, неродовитой и съ роднею, до того мелкопомѣстной и вообще незнатной,—когда Милославскіе и ихъ кліенты, въ двадцать лѣтъ усилившись при дворѣ, не хотѣли давать мѣсто близко отъ царя новымъ людямъ, давно уже остря зубы на самаго Матвѣева, единственнаго покровителя новой царицы. Не смотря на всю любовъ къ своему Артемону, человѣку вообще умному, при томъ бывшему при Алексѣѣ Михайловичѣ съ двѣнадцати лѣтняго возраста, Матвѣевъ поднимался по ступенямъ іерархіи чиновной довольно туго. Стоитъ припомнить только, что въ чинѣ

стряпчаго сидѣлъ онъ чуть не тридцать лѣтъ, въ думные дворяне повышенный уже во время второго бракосочетанія своего вѣнценоснаго друга. Не повышая чиномъ, Царь до 1669 года не давалъ ему и особенно видныхъ должностей, хотя употреблялъ для важныхъ порученій и оставался доволенъ исполненіемъ ихъ. Не отражается-ли на этомъ вліяніе царицы Марьи Ильиничны, дѣйствовавшей въ видахъ родныхъ своихъ? Женитьбою царя на Натальѣ Кириловнѣ Нарышкиной, партія Милославскихъ была обезсилена совершенно; ослабѣвъ уже и по смерти главы своей, Ильи Даниловича; да Морозова, его зятя. Потому, послѣдніе четыре года жизни Алексѣя Михайловича, Матвѣевъ ворочаетъ всѣмъ и друзья его вездѣ на видныхъ мѣстахъ.

Рожденіе перваго сына царицею Натальею было особенно болѣзненно и трудно, но, къ счастію, все кончилось благополучно и радостный царь отецъ дѣлаетъ пиры за пирами, тѣшитъ свою царицу Наталью, чѣмъ только можно было въ тогдашней Москвѣ. Зрѣлища, поѣздки, молебныя хожденія по обителямъ, наряды, гулянья въ садахъ подстоличныхъ усадьбъ, затѣйливо разукрашенныхъ — все идетъ въ ходъ и все устроивается для развлеченія молодой жены государя. Двѣ дочери, рожденныя послѣ царевича Петра Алексѣевича,—Наталья да Ѳедосья Алексѣевны,—только скрѣпили узы дружбы и любви между

царственными супругами. Пять лѣтъ прошло въ утѣхахъ и радостяхъ, незамѣтно.

Смерть царя Алексѣя Михайловича (26-го января 1676 г.) была, по этому, страшнымъ ударомъ для второй его супруги, оставшейся вдовою двадцати шести лѣтъ. И въ какую пору оставилъ этотъ свѣтъ кроткій и мудрый самодержецъ?—Когда враги, замолкшіе было, не только не уничтожены, но, отъ замедленія своей ярости, ищутъ всякаго случая къ мщенію. Съ кончиною царя Алексѣя, должны были наступить, конечно, и злые дни для Матвѣева, остававшагося единственною поддержкой молодой царицы-вдовы, съ тремя малолѣтними ея дѣтьми, изъ которыхъ старшему три года съ половиною! Отъ перваго брака царя Алексѣя, между тѣмъ, старшей дочери—Марфѣ Алексѣевнѣ, шолъ 24-й годъ, младшему же сыну Ивану 10-й годъ. Старше его былъ сынъ, объявленный наслѣдникомъ престола еще за 1½ года до смерти родителя (1 сентября 1674 года),—Ѳедоръ Алексѣевичъ.—по 15-му году. Онъ и наслѣдовалъ престолъ родителя.

Дѣти перваго брака, если они уже взрослые, обыкновенно относятся далеко не нѣжно и не родственно ко второй женѣ отца своего; особенно дѣвицы, невыданныя замужъ. Между тѣмъ, дочери русскихъ Государей—особенно при московскихъ порядкахъ въ XVII вѣкѣ,—осуждены были на одиночество и вполнѣ затворническую жизнь въ своемъ теремѣ.

Искать выхода въ свѣтъ, на волю, изъ такого положенія, очень естественно. Между тѣмъ, оставаясь въ страдательномъ состояніи при управленіи въ качествѣ старшей въ родѣ — мачихи, лично каждою изъ старшихъ царевенъ не любимой,—онѣ могли ожидать отягченія, а ни сколько не облегченія своей участи. Вотъ причина, по нашему мнѣнію, возбужденія потомста царя Алексѣя Михайловича, еще въ правленіе Ѳедора Алексѣевича. Онъ же, не выйдя изъ отрочества, очень естественно находился еще и подъ непосредственнымъ вліяніемъ людей, окружавшихъ его съ ранняго дѣтства. А люди эти, съ его воцареніемъ сдѣлавшись временщиками, замечтали о себѣ больше, чѣмъ слѣдовало, и нежелали терпѣть чье-бы то ни было вліяніе на юнаго государя, помимо ихъ.

Стало быть и имъ всѣмъ стала поперегъ дороги вдова-мачиха молодого царя, по правамъ своимъ все же могшая быть главою въ царскомъ семействѣ. Унизить царицу-вдову настолько, чтобы она при дворѣ пасынка ни во что не входила—сдѣлалось самымъ главнымъ предметомъ заботъ придворныхъ царя Ѳедора Алексѣевича. Они успѣли этого достигнуть—клеветою и ссылкою воспитателѣ царицы, Матвѣева, да уменьшеніемъ ея штата служителей и опалою родныхъ. Но, одни сановники дворскіе, да боярыни, не могли бы на столько успѣть, сами собою, въ дѣлѣ уменьшенія значенія вдовствовавшей

царицы Натальи при ея пасынкѣ, если бы не помогали партіи противниковъ ея, еще царевны;—конечно, не видно, не высказываясь, но тѣмъ не менѣе ощутительно. Только женскому мщенію могло придти въ голову, исподоволь обобрать у царицы-вдовы, понемногу, всѣхъ стольниковъ, и, унижая ее мелочными придирками, наконецъ отважиться, подъ предлогомъ тѣсноты потѣшнаго дворца, перевести въ другой домъ, не въ Кремлѣ уже!

Царицѣ пришлось бы, можетъ быть и покориться такому заявленію, сдѣланному надмѣннымъ Языковымъ, любимцемъ Ѳедора Алексѣевича—если бы, умный не по возрасту, пятилѣтній царевичь Петръ, услышавъ плачь унижонной своей матери и ея отреченіе выѣхать изъ дворца, не бросился къ царю брату: просить защиты и покровительитва. Это было въ началѣ 1677 года; спустя полгода по низверженіи, оклеветаннаго передъ сыномъ его друга, боярина Матвѣева.

Въ мартѣ, въ томъ же году, находимъ мы указаніе, что, при содѣйствіи Соковника, другого любимца своего, царь Ѳедоръ предложилъ мачихѣ: учить грамотѣ геніальнаго ребенка-брата, назначивъ и, выбраннаго приближонными къ царской особѣ,—наставника. И въ этомъ обстоятельствѣ тоже нельзя видѣть простой случай, а скорѣе всего—умыселъ: удалить отъ матери сына.

Враги хотѣли сдѣлать это, прикинувшись заботливыми объ образованіи царевича Петра,

Но это несостоялось, потому что учитель оказался въ душѣ добрый человѣкъ, не способный для той роли, которую возложили на него, а онъ былъ не въ силахъ исполнять;—хоть и слылъ дѣльцомъ, между собратьями, дьяками. Дѣйствительно, выбранный Соковнинымъ, — членомъ враждебнаго царицѣ Натальѣ дома — дьякъ челобитнаго приказа Никита Моисѣевъ Зотовъ былъ не интриганъ, не наушникъ не придворный и не отъявленный честолюбецъ.

Научилъ онъ царевича читать да писать— чему самъ только зналъ,—скоро и, по времени, больше чѣмъ хорошо; а врагамъ царицы Натальи сдѣлался даже противникомъ. Не много за то онъ выигралъ при царѣ Ѳедорѣ и даже удаленъ былъ—подъ предлогомъ отправленія посольства въ Крымъ;—но, выгнавъ его, и оторвавъ отъ царевича-ученика,—враги опять увидѣли, что прошиблись. Потому и оставили дѣло, испорченное ими же самими, какъ оно было. Судъбы не перемѣнишь!

Раннее ознакомленіе Петра съ книгою, дало возможность ему удовлетворять врожденной жаждѣ къ знаніямъ, и, конечно, радовало мать-царицу. Не меньше утѣшало ее и умственное превосходство ребенка Петра надъ дѣтьми его лѣтъ, выбранными для потѣхи царя-отрока и раздѣленія съ нимъ игръ и упражненій.

Наконецъ; только плача на единѣ, молодая царица-мать-вдова пережила и дни царствованія, ласковаго на словахъ, пасынка. Пришолъ

и на ея улицу праздникъ, когда,тщедушный и слабый здоровьемъ, царь Ѳедоръ съ престола московскаго перешолъ въ сырую землю, всего 21 года отъ рожденія, 27 апрѣля 1682. Дума и народъ единогласно нарекли царемъ, въ тотъ же день, геніальнаго ребенка Петра, обойдя его старшаго брата Ивана, «скорбнаго главою». Новыя тяжскія испытанія, потеря всѣхъ, кто былъ дорогъ и милъ царицѣ Натальѣ—привело на первыхъ же порахъ царство сына, начатое мирно и полюбовно. Отъ дѣлъ правленія еще разъ оттолкнула мать-царицу — падчерица царевна Софія и семь лѣтъ хитрила и мудрила, да озарничала, наровя всякими неправдами — надѣть на свою умную, недѣвичью голову, корону Московскаго государства.

Съ лѣтами страсть къ военному дѣлу явилась преобладающею въ геніальномъ отрокѣ Петрѣ, и сверстниковъ, набранныхъ въ числѣ 10-ти,—для затѣй строеваго обученія, показалось ему мало. Правительница, между тѣмъ, недовольная жаждою чтенія, замѣченною въ Петрѣ, была даже очень рада отвлеченію его отъ ней и, какъ думала она,—отъ дѣла вообще, *игрою въ ратные строи*. И тутъ-то подалъ правительницѣ добрый, казалось, совѣтъ, дальновидный министръ ея, князь Василій Валильевичъ Голицынъ: избаловать младшаго царя, чтобъ сталъ онъ никуда не гожъ, все бы только была игра у него на разумѣ, а не дѣло какое. По мнѣнію враждебника, всего

лучше завести для царя-ребенка — скопище, шалуновъ потѣшниковъ, да, на первыхъ порахъ, оставить его на своей волѣ. Пусть дитя втянется въ игру и забудетъ весь міръ для ней. Софья сама съ усердіемъ ухватилась за эту мысль. И конечно, уже, съ ея соизволенія, великимъ постомъ, въ 1687 году сдѣланъ былъ кличь, съ приложеніемъ желающихъ всупать въ потѣшные къ царю Петру. Мать его одна горевала, сперва, при этой новой затѣѣ, боясь ежеминутно несчастія отъ неосторожнаго обращенія съ вредными веществами . и возможности поранить или изувѣчиться въ игрѣ съ оружіемъ, Но, къ удовольствію государыни-родительницы, съ собраніемъ большаго числа потѣшныхъ, Петръ сдѣлался болѣе вдумчивымъ, вводя порядокъ и обученіе строю въ согласныя толпы новобранцевъ, размѣщенныхъ въ селахъ Преображенскомъ и Семеновскомъ. До осѣни шестнадцати-лѣтній царь Петръ провозился съ новымъ обученіемъ своего ополченія, а на слѣдующее лѣто, на Яузѣ, построилъ и земляную крѣпостцу. Онъ вытребовалъ для ней артиллерію и первыми выстрѣлами съ игрушечной твердыни,—имъ самимъ состроенной и придуманной,—всполошилъ сестру-правительницу. Въ ней теперь запало предчувствіе, что игра въ потѣшные не только не отвлекла затѣйника, младшаго брата, отъ дѣла,—какъ она прежде расчитывала,—но, что можетъ сдѣлаться еще въ ру-

кахъ его, при обычной ему настойчивости и предпріимчивости, новою силою, которая способна была сократить, не увѣренное въ себѣ, ея женское правленіе?

Тогда злоба закипѣла еще ярче въ сердцѣ властолюбивой царевны, еще въ 1687 году мечтавшей о закрѣпленіи за собою власти *актомъ:* на основаніи челобитья стрѣльцовъ, за подписями большинства ихъ. Но подписыванье шло вяло и не обѣщало успѣха, потому пришлось, хотя и съ досадою, отложить такъ ловко подстроенную интригу. Своего болѣзненнаго покорнаго брата, царя Ивана, Софья Алексѣевна женила въ 1684 году: въ видахъ имѣть отъ него мужское потомство, съ правомъ на престолъ, чтобы, въ случаѣ очень вѣроятной ранней смерти его, имѣть возможность оттереть совсѣмъ Петра. Но, годы проходили, а отъ брака царя Ивана съ красавицей Прасковьей Ѳедоровной, урожденной Салтыковой, родились только дочери. Это одно должно было озадачивать правительницу, не желавшую оставить власть, и, тѣмъ болѣе—еще брату отъ мачихи. Постройка Презбурга и обученіе хорошо вооруженныхъ уже потѣшныхъ, могли только усилить ея дурное расположеніе, скоро перешедшее въ ненависть, и намѣреніе поднять вновь стрѣльцовъ, да въ свалкѣ *покончить съ братомъ,* или, извести его иначе какъ нибудь; только скорѣе, и съ меньшимъ возбужденіемъ толковъ.

Наталья Кириловна, съ своей стороны,

тоже не дремала. Думая, что ненагляднаго ея сына опасность можетъ постигнуть во время частыхъ отлучекъ со своими потѣшными далеко отъ столицы и, что, сидя у себя въ Преображенскомъ, онъ болѣе охраняемъ ея матернею, чуткою бдительностью,— она рѣшилась его женить. Отыскать невѣсту красавицу въ кругу немногихъ дворянскихъ семействъ, остававшихся ей преданными, было вовсе не трудно. У Иларіона Абрамовича Лопухина (потомъ названнаго Ѳедоромъ) была дочь красавица Евдокія.

Она была, положимъ, двумя годами по старше царя Петра (род. 30-го іюня 1670 г.), но молодой Царь въ семнадцать лѣтъ казался двадцатилѣтнимъ красавцемъ: ростомъ и силой богатырь. Разность лѣтъ невѣсты никто бы и подозрѣвать не могъ. Жениху приглянулась она и онъ не противился материну выбору. На зло Софьѣ съ ея Иваномъ, и царица Наталья съиграла свадьбу своего сына Петра—27-го января 1689 г.и, черезъ годъ съ небольшимъ, у государя, 19-го февраля 1690 г., родился сынъ первенецъ Алексѣй, обрадовавшій мать и отца,—а болѣе всѣхъ, бабушку. Теперь начинала она отдыхать и приходить въ себя отъ ужасовъ, сопровождавшихъ послѣдніе дни владычества царевны Софіи. Извѣстно, что убить царицу Наталью Кириловну сбиралась она давно уже и князь Голицынъ даже говорилъ въ родѣ укора: зачѣмъ ее не *покончили* въ первый стрѣлецкій

бунтъ (15-го мая 1682 г.), вмѣстѣ съ братьями? Видѣть страшную гибель всѣхъ милыхъ сердцу родныхъ, трепетать за жизнь отца и дѣтей своихъ, потомъ влачить семь лѣтъ горе и униженіе, страшась ежеминутно за жизнь любимаго, много-обѣщавшаго сына—вотъ тяжолая доля царственной вдовы Царя Алексѣя Михайловича. Неудивительно, что здоровье ея съ наступленіемъ мирной поры правленія сына дѣлалось хрупкимъ и разстроеннымъ. Самыя удовольствія оказываются ей въ тягость, хотя пятый десятокъ лѣтъ вовсе не старость и тяжкихъ трудовъ Царица никогда не несла, по своему положенію. Она полна была—но дородство, обычное у русскихъ женщинъ былого времени, не служитъ порукою здоровью. Правда, жалобъ на болѣзненность никто не слыхалъ отъ кроткой царицы, но она, если можно выразиться, непримѣтно таяла. Управившись съ сестрой, Петръ зажилъ во всемъ по своей волѣ и вкусу. Затѣялъ фейерверки, сюрпризы, пригласилъ мать съ дворомъ въ свой любимый Переяславль. Царица Наталья чувствовала на душѣ легко, но прогулка по озеру заставляла ее отдыхать нѣсколько дней. Осенью и зимой болѣзнь любимаго сына-царя перепугала всѣхъ и не могла не поразить родительницы. Оправившись, на лѣто неугомонный геній отправляется на далекій сѣверъ. До матери доходятъ слухи, что онъ пустился даже въ море, не смотря на данное обѣща-

ніе ей и запретъ ея — этого именно. Долго не приходятъ письма изъ такой дали. И сына нѣтъ, какъ нѣтъ! Не могло ли это обстоятельство не повліять на окончательную растрату жизненныхъ силъ матери страдалицы, привыкшей слышать больше горькаго, чѣмъ сладкаго? Пріѣздъ ненагляднаго обрадовалъ и успокоилъ наконецъ мать, но на долго-ли!— Только показавшись въ своей семьѣ, Петръ вновь сбирается на весну въ морской походъ, дѣлая обширныя приготовленія. Уже назначенъ и день отъѣзда. Мать-царица Наталья, между тѣмъ, прихварываетъ, а 20-го января 1694 г. она слегла совсѣмъ въ постель. Когда же, 25-го—не зная еще опасности положенія больной, царственный сынъ пріѣхалъ проститься съ нею — она близка къ кончинѣ. Отъ одра умирающей, въ слезахъ пріѣхалъ къ себѣ Петръ, поражонный до глубины души, и сообщилъ генералу Гордону свое горе, при неимѣніи никакой надежды. Вечеромъ царицы матери уже не было.

Смерть ея положила конецъ краснымъ днямъ первой жены Петра. Свою Евдокію никогда горячо не любилъ державный супругъ. При жизни царицы Натальи онъ терпѣлъ ее, поддаваясь внушеніямъ матери и не желая ея оскорблять противорѣчіемъ. Но когда матери не стало, а осталась жена, непонимавшая своего положенія, вредя ему еще непрошенною нѣжностью, да упреками: на недостатокъ взаимности, что не отвѣчаетъ ей

на ея письма — Петръ совсѣмъ отшатнулся. Несчастный же заговоръ Соковнина, въ которомъ какъ-то вовлечены и родственники царицы Евдокіи, довелъ ея дѣла съ супругомъ до полнаго разлада.

Кто бы могъ подумать о горестной судьбѣ царевича Алексѣя и его матери-царицы, на радостяхъ родинъ, да на пирахъ, которыми сопровождалось первое приращеніе Петрова царственнаго дома?

А горе, между тѣмъ, не въ далекомъ будущемъ, разразилось и надъ царицей Евдокіей—изъ дворца, спустя 8 лѣтъ, перешедшей въ монастырь—и надъ сыномъ ея Алешинькой, спустя двадцать восемь лѣтъ. Какъ знать, не былъ ли виною позднѣйшихъ бѣдъ самый материнъ выборъ подруги царственному сыну? Невѣста, по видамъ царицы Натальи, была совсѣмъ подходящая, да послушный, любящій сынъ, когда совсѣмъ выяснился для него характеръ жены—хотѣлъ видѣть и находить не такія качества душевныя у подруги своей жизни. Неимѣнье ихъ въ ней, а существованье другихъ, излишнихъ, по его мнѣнію, добродѣтелей — напримѣръ любви, способной перейти въ ревность и упреки — поселило между супругами холодность и взаимную терпимость, но,—не болѣе. Умерла мать, державшая узелъ перваго супружества Петра—и порвалась связь.

Такое же положеніе дѣлъ у матери съ отцомъ, не могло не повліять вредно на сына—

царевича Алексѣя. При отвозѣ матери въ Суздаль, взятъ онъ на попеченіе тетки—царевны Натальи Алексѣевны, уже восьмилѣтнимъ. Онъ болѣе всѣхъ привязанъ былъ къ кормилицѣ своей Марфѣ Афанасьевнѣ, женѣ стольника царицы Прасковьи Ѳедоровны, Василья Ивановича Колычева, родной сестрѣ ключаря благовѣщенскаго собора въ Москвѣ—Ивана Афонасьевича Игнатьева. На шестомъ году отъ рожденія началъ учить царевича грамотѣ дьякъ Никифоръ Вяземскій. А въ 1699 г. приставленъ былъ въ качествѣ гофмейстера нѣмецъ Нейгебауэръ; главнымъ же воспитателемъ считался Александръ Даниловичь Меншиковъ. При комнатахъ царевича, въ 1700 году уже состояли въ числѣ *верховыхъ дѣвицъ* и сестры Арсеньевы, изъ которыхъ младшая сдѣлалась потомъ супругою свѣтлѣйшаго. Съ 1702 года, по отставкѣ кормилицы, царевичь Алексѣй Петровичь начинаетъ разъѣзжать въ главную квартиру арміи. Учоный Гюйсенъ, въ бытность царевича, въ заложенномъ только что Петербургѣ получилъ и утвержденіе инструкціи для образованія наслѣдника русскаго престола. Но недолго могъ онъ руководить его воспитаніемъ. Уже въ 1705 году Гюйсенъ посланъ съ дипломатическимъ порученіемъ за границу;—да тамъ и остался исполнять порученныя дѣла.

Безъ искуснаго руководителя, оставленный въ столицѣ на своей волѣ, царевичь жилъ то въ Москвѣ, то въ Преображенскомъ, рѣдко

видя государя-родителя и главнаго воспитателя своего. Въ концѣ 1706 г. царевичь съѣздилъ въ Суздаль видѣться съ матерью, безъ позволенія отца. За это сдѣлавъ выговоръ, вызвавъ въ главную квартиру въ Жолкву, отецъ поручилъ ему занятіе по заготовкѣ провіанта и наборъ рекрутъ. До сентября 1707 года царевичь Алексѣй былъ въ Смоленскѣ, а за тѣмъ, до начала 1709 года прожилъ въ Москвѣ учась языкамъ и фортификаціи, но далеко не въ усердныхъ занятіяхъ, какъ даетъ понять грозное письмо отца,—«Оставивъ дѣло, ходишь за бездѣльемъ». Приведя къ отцу вновь собранные полки въ Сумы, царевичь тамъ заболѣлъ горячкою и, оправившись только къ Пасхѣ, провелъ весну и лѣто въ древней столицѣ.

Вызвавъ, послѣ полтавской побѣды, сына къ себѣ, въ Кіевъ, Петръ отправилъ его чезъ Варшаву за границу, именно въ Дрезденъ, давъ ему наказъ: «хорошенько» выучиться языкамъ и военнымъ «наукамъ, а также отчасти и политическихъ дѣлъ». При этомъ царь хотѣлъ, чтобы сынъ его женился на иностранной принцессѣ. Въ первую же зиму ему приглянулась, больше другихъ, принцесса Шарлота-Христина-Софія Брауншвейгъ-Бланкенбургская, родная сестра жены австрійскаго эрц-герцога Карла, наслѣдовавшаго императорскій престолъ послѣ брата, съ именемъ Карла VI.

Принцесса Шарлота оказывалась моложе

жениха своего тремя годами и показалась ему сперва «человѣкъ добръ». Онъ измѣнилъ взглядъ на жену только впослѣдствіи, и на то могли быть особенныя причины.

1710-й годъ весь проведенъ царевичемъ въ продолженіи курса наукъ. Сватанье же свое, и самъ сдѣлавъ выборъ, царевичь не хотѣлъ начинать, думая выгадать время и уклониться: если отецъ не станетъ настаивать. Такъ сильны были передъ нимъ внушенія духовника, оставленнаго въ Москвѣ, Якова Афонасьевича Игнатьева, запрещавшаго царевичу вступать въ бракъ съ иновѣркою. Но царь-отецъ настаиваетъ и, въ концѣ концовъ, откладывать болѣе нельзя. Потому, ноября 9-го 1710 года, Алексѣй объяснился съ польскою королевой, принимавшею горячее участіе въ устройствѣ судьбы его и принцесы-невѣсты. Еще прошло два мѣсяца и уже въ началѣ 1711 г. сынъ увѣдомилъ Петра о *своемъ желаніи сочетаться бракомъ съ принцессою Шарлотой*... Отправляясь въ прутской походъ, въ апрѣлѣ, Петръ утвердилъ условія брачущихся, и, воротясь изъ Турціи, въ Торгау, въ томъ же году отпраздновалъ свадьбу сына, 14-го октября, въ домѣ польской королевы.

Бракъ оказался несчастнымъ. Прекрасная супруга, до замужества своего ему понравившаяся, въ семейной жизни проявляла особенную привязанность къ наблюденію приличій и чинности, бывшихъ не въ характерѣ

супруга. Потомъ обнаружилась и совершенная холодность между ними. Воротясь же въ Петербургъ, царевичь попалъ въ свой кружокъ, гдѣ попойки оказывались дѣломъ зaобычнымъ. Жена царевича между тѣмъ удаляется отъ русскихъ; другъ кронъ-принцессы, взятая ею въ Россію, принцесса Юліана остфрис-ландская, стала между нею и народомъ, который долженъ былъ сдѣлаться ея подданными.

«Не родись ни богатъ, ни пригожъ, ни уменъ, а родись счастливъ», говоритъ пословица, относя къ счастью благополучіе людей, вопреки всякимъ расчотамъ и соображеніямъ удобовѣроятности. Эту пословицу буквально можно бы примѣнить къ судьбѣ второй супруги Петра Великаго—Екатеринѣ Алексѣевнѣ Скавронской. Отступленіе отъ буквальнаго слова пословицы будетъ только въ красотѣ и умѣ этой государыни, вышедшей изъ такой среды, откуда только въ сказкахъ выводятъ на престолы царскіе.

Въ годъ страшнаго неурожая, повлекшаго за собою вымираніе цѣлыхъ тысячъ крестьянскаго населенія въ Остзейскомъ краѣ и сосѣднихъ съ ними околодкахъ, 5-го апрѣля 1684 года, у недостаточнаго сельскаго жителя въ Курляндіи — Мартына Скавронскаго, жена его Доротея родила дочь Катерину. Гдѣ именно жило семейство Скавронскихъ и имѣло ли оно еще постоянное жительство и для всѣхъ въ семьѣ достаточный кусокъ хлѣ-

ба, въ первые годы выростанья ребенка Катерины — сказать нельзя ничего положительнаго. Это «покрыто мракомъ неизвѣстности», какъ въ былое время писали завзятые историки, при подобныхъ казусахъ. Можно одно только сказать, что родители Катерины умерли рано и что приняла ее на свои руки и попеченіе еще во младенчествѣ, тетка — Маріана Веселевская. Отъ ней, по двѣнадцатому году, взялъ дѣвочку къ себѣ пробстъ Эрнстъ Глюкъ, въ домѣ котораго и пробыла сиротка до замужества. Выдали же ее, 18-ти лѣтъ, за капрала шведской службы; въ томъже Маріенбургѣ, гдѣ жилъ и мейн-херъ Глюкъ. Свадьба Катерины устроена въ самую неудачную пору — во время войны, театръ которой перешолъ какъ разъ къ Маріенбургу. И городокъ этотъ подвергся общей участи населенныхъ мѣстъ на пути непріятельской арміи: его взялъ фельдмаршалъ Шереметевъ 19-го августа 1702 года. Катерина съ семействомъ Глюка сдѣлалась плѣнницей русскихъ. Жила она въ домѣ Шереметева, а потомъ — у Меньшикова. Здѣсь увидѣлъ пригожую иновѣрку государь и почувствовалъ къ ней сердечное влеченіе. Курляндка сдѣлалась русскою въ угодность державному супругу и приняла православіе, удержавъ прежнее свое имя Екатерины, только прибавивъ еще отчество — *Алексѣевна*, по имени воспріемника — царевича Алексѣя Петровича. Екатерина Алексѣевна совсѣмъ пришлась по нраву Вели-

кому Петру, сдѣлалась его «Катеринушкой, другомъ сердешненькимъ» — какъ называлъ онъ ее часто, въ заголовкѣ дружескихъ писемъ своихъ, полныхъ юмора и нѣжной заботливости. Екатерина подарила Петра десяткомъ дѣтей, воспитаніе которымъ далъ государь европейское, проча дочерей за королей и принцевъ западныхъ. Дожившая до двадцати лѣтъ жизни, старшая цесаревна Анна Петровна (род. 27-го янв. 1708 г., ум. 4-го мая 1728 г.) выдана за герцога Карла Фридриха Голштинскаго, ближайшаго наслѣдника шведской короны, по матери своей (Гедвигѣ Софіи—род. 1681 г., ум. 1708 г., дочери шведскаго короля Карла XI). Слѣдующая же за Анною дочь Петра I и Екатерины I была цесаревна Елизавета Петровна (род. 18-го дек. 1709 г., ум. 25-го декабря 1761 г.). Она двадцать лѣтъ держала, со славой, скипетръ имперіи Всероссійской, а при жизни родителя назначалась было во французскія королевы (въ супруги Людовику XV).

II.

Екатерина Алексѣевна, супруга и преемница Петра I, — мать его дочери, родоначальницы царствующаго дома, — выступаетъ на сцену исторіи, во всякомъ случаѣ, уже въ началѣ 1707 года. Находясь въ Жолквѣ, на Волыни — въ

главной квартирѣ дѣйствующей арміи, Петръ уже писалъ—«Госпожи тетка и матка» (*).

Письмо ваше,въ которомъ пишите о нововыѣзжей Катеринѣ, я принелъ; слава Богу, что здорово въ рождени матери было, а что пишите къ миру (по старой пословице) а ежели такъ станется, то можно больше раду быть дочери, нежели двумъ сынамъ..... приѣжжайте на киефъ не мешкаѳъ.»...

Въ слѣдующемъ году, во время тяжкой болѣзни своей, Царь написалъ на клочкѣ бумаги съ помѣтою 5 января 1708 г.: «*Ежели что мнѣ случиться, волею Божіею*, тогда три тысячи рублевъ, которыя нынѣ на дворѣ господина князя Меньшикова, отдать Катеринѣ Василеѳской; съ дѣвочкой. Piter».

Къ счастію, тяжолый недугъ миновалъ безслѣдно и на весну, съ новорожденною дочерью (Анною Петровной), Екатерина пріѣхала въ Петербургъ въ числѣ другихъ гостей и царственной семьи государя. Вызвалъ сюда ихъ самъ Петръ письмомъ отъ 20 марта: «изъ Санктъ-Питербурха, при самомъ пріѣзде сюды». Въ письмѣ своемъ писалъ государь—«уже съ три недѣли какъ отъ васъ вѣдомости не имѣю: а межъ тѣмъ слышу, что не очень у васъ здорово. Для Бога приѣжжайте скоряй; и ежели зачемъ не возможно скоро

(*) Такъ называлъ государь Екатерину (матка) и спутницу ея въ разъѣздахъ дѣвицу Анисью Кириловну Толстую (тетка) въ дружескихъ письмахъ своихъ. Толстая обыкновенно писала отвѣты и увѣдомленія Петру.

быть, отпишите, понеже небес печали мнѣ въ томъ, что ни слышу ни вижу васъ. А съ симъ письмомъ посланъ къ вамъ встрѣчь башмашникъ вашъ, понеже, чаю что вы уже въ дороге. Дай Боже, чтобъ васъ видеть въ радости скоряй. Piter». Съ отсылкою письма царя, посѣтила въ невскомъ парадизѣ, его старая болѣзнь и продержала въ своихъ холодныхъ объятіяхъ весь праздникъ. Только вскрытіе Невы подняло съ одра неутомимаго царя-моряка и помогло ему справиться съ недугомъ. За то веселѣе была встрѣча съ родными и новорожденною. Проживя съ гостями весь май и большую часть іюня, на берегахъ Невы, Петръ свои имянины отпраздновалъ въ Нарвѣ и тамъ уже разстался съ милыми сердцу. Какъ, однакожъ, ни важны были дѣла и ни сильны хлопоты съ шведскимъ королемъ, вступившимъ въ Малороссію, но, въ февралѣ 1709 года, Петръ не оставилъ пригласить *тетку и матку*, пріѣхать немедленно въ Бѣлгородъ. Въ самый день Полтавской побѣды новое письмо — «Матка, здравствуй! Объявляю вамъ, что всемилостивый Господь неописанную побѣду надъ непріятелемъ намъ сегодня даровати изволилъ, единымъ словомъ сказать, что вся непріятельская сила на голову побита, о чемъ сами отъ насъ услышите; для поздровленія сами сюды. Piter».

Полтавская побѣда сдѣлалась предвѣстницею полнаго счастія подруги Петра—она съ

нимъ разлучается рѣже прежняго. Тяжкія тревоги и, неразлучныя съ ними, печали, отлетѣли отъ героя-тріумфатора далеко и надолго. До отъѣзда въ Люблинъ, счастливый Петръ дѣлилъ весь досугъ свой съ подругой; съ этого времени величая ее уже по голландски *мудеръ* (moeder — мать). Отправляясь съ пировъ Августа II въ Пруссію, изъ посада Сольцы (отъ 20 сентября), державный далъ приказъ Екатеринѣ—«чаемъ на двухъ или трехъ недѣляхъ васъ видѣть, что дай Боже. А по полученіи сего письма, поѣзжайте съ остраханскимъ полкомъ до нашего полку, при которомъ будте неотлучно». Дипломатическія дѣла, однакожъ, задержали царя до октября, и, проведя съ Екатериною нѣсколько дней за границею, онъ довезъ ее до Риги, а оттуда, черезъ Петербургъ,—ей пришлось одной ѣхать въ Москву, гдѣ, въ самый день вступленія въ столицу полтавскихъ побѣдителей, Богъ даровалъ дочь—Елизавету Петровну. Весною Петръ и Екатерина явились снова въ Петербургъ и царь отъѣзжалъ только въ Выборгъ, да на крейсерство въ финскомъ заливѣ. Осенью свадьба царевны Анны Ивановны собрала въ Петербургъ всѣхъ царицъ и царевенъ и Петръ зажилъ семьяниномъ.—И такой порядокъ вещей устанавливался уже самъ собой, но неожиданный разрывъ съ турками и необходимость дать имъ отпоръ, заставили царя въ январѣ еще ѣхать въ Москву: открыть сенатъ и затѣмъ выступить съ ар-

міею къ турецкимъ границамъ. Беря съ собою въ этотъ походъ Екатерину, передъ самымъ отъѣздомъ, Петръ объявилъ ее оффиціально своей подругой и *истинной государыней*. Заслуга же ея при Прутѣ окончательно поставила «великую помощницу и неизмѣнную спутницу въ походахъ»—на степень царицы.

По возвращеніи своемъ изъ Пруссіи,—гдѣ жила Екатерина въ Торнѣ, во все время бытности царя за границею и въ свадьбу царевича Алексѣя—Петръ отпраздновалъ бракъ свой съ нею, Февраля 19-го 1712 года. Вѣнчаніе происходило въ Исаакіевскомъ соборѣ, въ девять часовъ утра. Когда же новобрачные прибыли въ свой зимній домъ—между нынѣшнимъ эрмитажнымъ театромъ и казармой баталіона Его Величества л-гв. Преображенскаго полка, — послѣдовалъ залпъ, изо всѣхъ орудій, съ крѣпостей адмиралтейской и петропавловской.

Въ полдень сѣли за обѣдъ приглашонные гости: представители всѣхъ членовъ русскаго общества, съ женами ихъ, — начиная съ сенаторовъ и министровъ, и оканчивая пѣвчими. Тутъ были на царскомъ угощеніи семейства морскихъ и пѣхотныхъ офицеровъ, жители Петербурга и ландраты рижскіе и ревельскіе—нарочно приглашонные; купцы и духовенство. Свадебный пиръ продолжался до пяти часовъ пополудни, а затѣмъ начался

балъ, по окончаніи котораго, во 2 часу ночи, зажжонъ большой фейерверкъ.

Не правда-ли, превращеніе поразительное: крестьянка-плѣнница—царица! Но, въ жизни Петра I есть и безъ того много неожиданныхъ случаевъ, выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ. Сколько противоположностей и даже рѣзкихъ контрастовъ напоминаютъ намъ одни виды коломенскаго дворца, села Измайлова и Новодѣвичьяго монастыря.

Безмятежная жизнь царицы Натальи съ ея вѣнценоснымъ супругомъ въ стѣнахъ коломенскаго дворца, протекала какъ очаровательный сонъ; существенность съ горькимъ униженьемъ отъ прислуги пасынка, въ стѣнахъ этого же дворца, не разъ обливала кровью сердце вдовѣ царя Алексѣя. Село Измайлово не меньше тѣшило и его, и вторую подругу его затѣйливостью нѣмецкихъ садовниковъ, вырощавшихъ въ окрестностяхъ Москвы рѣдкіе цвѣты, да растенья тропическія. Начало садовъ этихъ положено еще послѣднимъ владѣльцемъ Измайлова, изъ рода бояръ Романовыхъ,—Никитою Ивановичемъ, любившимъ пожить пышно и роскошно. Затѣя его—ботъ, перевозившій боярина по свѣтлымъ прудамъ измайловскимъ, пробудила геніальную мысль во внукѣ,—величайшемъ изъ царей московскихъ—создать флотъ, до него въ Россіи, какъ должно и не понимаемый. Наконецъ, монастырь Новодѣвичій, напомнивъ судьбу честолюбивой царевны

Софьи, оживляетъ передъ глазами нашими дни кровавой смуты и страшную кару, разразившуюся надъ стрѣлецкимъ войскомъ въ послѣдніе дни его существованія, памятнаго ужасами.

Судьба каждаго изъ дворцовъ подмосковныхъ тоже не безъ интереса. Исторія-же Коломенскаго и Измайлова селъ—помѣстьевъ царскихъ—едва ли не замѣчательнѣе будетъ всѣхъ другихъ сказаній о житьѣ-бытьѣ московскихъ государей. О Новодѣвичьемъ монастырѣ, имѣющемъ пятивѣковую исторію, сказать можно также не мало.

Село Коломенское, окружонное поемными лугами, да лѣсами, и снабжонное въ изобиліи чистою водою, было любимымъ лѣтнимъ жилищемъ московскихъ владѣтелей съ Калиты.— И при немъ существовали уже здѣсь терема и хоромы, да *перевѣсища* для птицъ, съ загонами для звѣриной ловли. Іоаннъ IV построилъ здѣсь тесовый теремъ. Сынъ его — послѣдній царь Рюрикова рода— поставилъ дубовыя ворота съ рѣзьбою, возобновляя коломенскія постройки, разоренныя крымцами. Михаилъ также построилъ здѣсь (1640 г.) новыя хоромы, но царь Алексѣй с. Коломенское предпочиталъ другимъ своимъ резиденціямъ и проводилъ здѣсь обыкновенно все лучшее время года. Плодовые сады коломенскіе славились издавна и построенный царемъ Алексѣемъ дворецъ деревянный слылъ чудомъ вкуса—*осьмымъ дивомъ*.

Судя по планамъ, росписямъ и модели, неправильную форму площади, занятой дворцовыми коломенскими постройками, всего ближе можно назвать ромбомъ,—съ выходящими за линію: съ сѣвера, отдѣльнымъ зданіемъ церкви (по срединѣ) и выступомъ столовой у палатъ государевыхъ (съ сѣверо-востока). Сѣверный и восточный фасады были—лицевыми. Отъ востока къ западу шли отдѣльныя помѣщенія августѣйшихъ особъ: государя, за нимъ царевича-наслѣдника, потомъ государыни и, наконецъ,—царевенъ. Царевичъ помѣщонъ былъ въ особомъ корпусѣ (между палатами, отца и матери), видимомъ только съ восточной стороны, да отъ сада (съ южной). Переходъ отъ церкви отдѣлялъ помѣщенія царевенъ отъ *царицыной половины*, однакожъ соединенной съ ними верхними переходами. Царевны имѣли, впрочемъ, свое собственное крыльцо,—къ сѣверо-восточному углу дворцоваго четыресторонника; да имъ же принадлежали и на заднемъ (южномъ) фасадѣ сѣни, съ выходомъ въ садъ.

По замѣчанію польскихъ пословъ, бывшихъ въ Коломенскомъ селѣ, съ приставами своими, все имъ объяснявшими, 27-го февраля 1671 года,—«четвертую (восточную) сторону заключаютъ хоромы все деревянные, плотническою работою довольно доброю построены въ началѣ житія Его Царскаго Величества», т. е., вѣроятно при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ (1640), когда Алексѣю Михайловичу (къ

которому эти обозрѣватели присланы послами отъ короля Михаила Вишневецкаго) былъ 11-й годъ. Къ тому времени, по смыслу донесенія, относится и «башня о шести теремахъ, такъ крѣпко въ дерево и въ замки угольные связана, на 4 сажени четыреугольно, что обалится нѣтъ опаства; а во всякомъ теремѣ *пригожіе бесѣды* (*). Передніе сѣни съ теремомъ. Потомъ двои хоромы Царскаго Величества съ лавками и печьми довольно пригожими; около оконъ сницерскою (рѣзною) работою (Schnitzerey) рѣзи изрядные; окончины слюдяныя довольно хороши». На сѣверной сторонѣ было—«крыльцо передъ хоромами царицы государыни, на 30 локоть, долги, по обѣ стороны (вѣроятно разумѣть слѣдуетъ съ сѣверной и южной сторонъ) все окна (одни выходившіе на крыльцо, другіе изъ проходныхъ сѣней) — передъ хоромами государыни... и оныхъ хоромъ несчетное число. Щиты надъ хоромами Его Царскаго Величества — круглые (бочки), на которыхъ Европа, Африка, Азія написаны (въ родѣ фронтоновъ).

«Надъ хоромами судъ Соломоновъ написанъ. Передъ сенми выстава изъ оконъ дутая писана съ гербами государей и государствъ».

Выписки эти изъ замѣтокъ очевидцевъ поясняютъ самую суть дѣла и даютъ полное

(*) Подъ этимъ словомъ слѣдуетъ разумѣть тоже, что въ описяхъ названо *гульбищами*—наружные балконы въ верхнихъ этажахъ, образованные сокращеніемъ размѣровъ стѣнъ, при подъемѣ ввысь.

понятіе о зданіи, изображеніе котораго здѣсь мы представляемъ. Оно, — какъ памятникъ,—до того было замѣчательно, что придворный піита Симеонъ Полоцкій, воспѣвшій рожденіе Петра Великаго, для характеристики любимой резиденціи его родителя, не нашолъ другого сравненія, къ ней подходящаго, какъ «домъ, иже міру есть удивленіе....

.....зѣло красный прехитро-созданный
Чесности Царстѣй лѣпо сготованный.
Красоту его мощно есть равняти
Соломоновой прекрасной палатѣ.
Седмь дивныхъ вещей древній міръ считаше
Осьмый дивъ сей домъ, время имать наше.

Въ Коломенскомъ селѣ читывалъ подъ развѣсистымъ дубомъ, по цѣлымъ днямъ, царь Петръ въ отрочествѣ и по удаленіи сестры живалъ самъ съ первою женою, въ лѣтнее время. Сюда пріѣхалъ онъ по Москвѣ рѣкѣ и съ первою флотиліею парусныхъ судовъ московской стройки.

Охота-же плавать по рѣкамъ подъ парусами родилась въ немъ, найдя дѣдовскій ботъ въ селѣ Измайловѣ, не меньше коломенскаго заслуживающемъ нашего вниманія.

Если дивили цари наши иноземцевъ даже затѣйливою игрушечною раскраскою, да позолотою своей коломенской дачи, за то въ Измайловѣ, которое всего вѣрнѣе и приличнѣе называть *царскою мызою,*—государи мо-

сковскіе могли похвалиться сельскимъ хозяйствомъ, высоко поставленнымъ, и, смѣло можно назвать, образцовымъ

Царь Алексѣй Михайловичь началъ разводить здѣсь хозяйство на большую ногу съ 1663 года, переселяя на земли измайловскія и сосѣднихъ пустошей—крестьянъ изъ другихъ дворцовыхъ вотчинъ. При множествѣ крестьянъ-поселенцевъ, пашня заведена обширнѣйшаго размѣра; также, какъ садоводство, пчеловодство, разведеніе льна и, даже, шелководство. Лѣсъ разчищенъ подъ поля и построены на нихъ *смотрильни* (башни), для наблюденія за работами. Всѣ рѣчки и потоки запружены плотинами, большею частью каменными, выкопаны 27 прудовъ, построены мельницы, кирпичные риги и токи, дворы для разныхъ частныхъ производствъ и амбары для храненія всякаго рода сельскихъ продуктовъ. Изъ Пскова вызваны *льнянники*—люди заобычные для ухода за льномъ лучшаго качества, какимъ издавна отличался псковской ленъ. Изъ Сумъ вызваны малороссы, умѣвшіе *водить всякую животину*; изъ Бѣлгорода-же и Кіева привезены садовники и *пасичники*, для разведенія пчелъ и выращенія арбузовъ. Для *садоваго винограднаго строенія* выписаны искусные старцы изъ Лубенскаго Мгарскаго монастыря. Для винограда и разведенія шелковичныхъ деревьевъ были, впрочемъ, еще привезены мастера изъ Астрахани. Такъ что, соединеніе въ одно

всѣхъ этихъ разнообразныхъ сельско-хозяйственныхъ порядковъ, по самой трудности всего этого въ то время, дѣлало царскую измайловскую усадьбу чудомъ совершенства, въ глазахъ не однихъ русскихъ людей, но и иностранцевъ. Имъ показывали хуторъ,—какъ свидѣтельство могущества и богатства государства московскаго, въ предѣлахъ котораго выростали на столько разнообразныя естественныя богатства. Одно плодоразведеніе не ограничивало, однако, спеціальность измайловскихъ садовъ; въ нихъ нѣмцы: Индрихъ Кашпиръ, Григорій Хутъ и Давидъ Фалентинъ занимались ботаническою и аптекарскою частью, такъ что Измайлово представляло въ XVII вѣкѣ первую попытку ботаническаго сада въ варварской Московіи. И попытку, надо правду сказать, далеко не шуточную, по одному тому уже, что находился при цвѣточномъ и аптекарскомъ огородѣ еще рисовальщикъ, живописецъ Энглесъ. При мельницахъ же и плотинахъ состоялъ также особый спеціалистъ Якобъ Яновъ; а инженеръ Густавъ Фанъ Кемпенъ, *на льняномъ дворѣ* «устроивалъ какую-то колесную механику», говоритъ Забѣлинъ, изъ книги котораго мы заимствуемъ всѣ эти подробности.

Вводъ машинъ сельско-хозяйственныхъ въ Измайловѣ въ XVII вѣкѣ фактъ, открытый въ наше время трудолюбивымъ учонымъ — тоже высоко знаменателенъ; онъ заставляетъ

насъ видѣть совсѣмъ другое въ жизни предковъ, которыхъ считали мы совершенными профанами и людьми крѣпко близорукими, на счотъ иноземныхъ изобрѣтеній. Между тѣмъ, не остается сомнѣнія, что въ 1665 году было что то похожее на машины, потому что записано, какъ главный мастеръ Андрей Крикъ поднесъ Государю «образецъ, какъ хлѣбъ водою молотить», и русскій часовникъ Моисей Терентьевъ дѣлалъ «*молотильный* образецъ»,—конечно часового механизма, ему знакомаго. Слѣдовательно, сама собою являлась практическая идея уменьшать трудъ человѣка примѣненіемъ механическаго привода въ обширнѣйшемъ хозяйствѣ, о размѣрахъ котораго мы можемъ судить по простому факту. Однихъ *наемныхъ жнецовъ* выходило на поля Измайловскія до 700 человѣкъ въ день. Да хозяйство здѣшнее отпускало въ Ригу на продажу до 200 берковцевъ льна.

И царь самъ, въ качествѣ помѣщика, бывалъ на полевыхъ работахъ, особенно при началѣ посѣва; при чомъ дѣлалось торжественное освященіе вспаханныхъ полосъ, съ молебствіемъ. Такъ засѣвалось яровое въ началѣ лѣта и озимь (рожь) съ 1-го августа. Изъ монастырей Саввина и Троицкаго привозили освященныя: елей и воду святую; раскидывался шатеръ на полѣ, гдѣ по мѣстамъ ставились кади съ водою; пѣли всенощную и молились. И, освятивъ воду, разносили ее по полосамъ въ кадяхъ, для орошенія пашни.

Впрочемъ, образцовое царское хозяйство народу небольно нравилось, за своею хлопотливостью. И еще при жизни царя Алексѣя Михайловича, изъ присланныхъ имъ сюда 664 семей, бѣжало изъ Измайлова 481. Къ этой цифрѣ коментарій прибавлять не нужно. Само дѣло говоритъ за себя.

Царскія палаты въ Измайловѣ построены были (послѣ 1653 года) на островкѣ, образуемомъ прудами, на рѣчкѣ Робкѣ «Измайловка тожъ». Зданіе царскаго жилища, впрочемъ, не отличалось особенною затѣйливостью, особенно въ виду превосходно сооружонныхъ хозяйственныхъ устройствъ. Въ 1681 году старый дворецъ изъ Измайлова перенесенъ на Пресню; такъ что строенія, извѣстія о которыхъ дошли до насъ въ позднѣйшихъ описяхъ,—собственно царя Ѳедора, а не Алексѣя. при старшемъ братѣ Петра Великаго построены дворцовыя церкви, переднія и заднія ворота съ башнями, каменная ограда и служебныя палаты *сытнаго*, *кормоваго* и *хлѣбеннаго дворцовъ.* Шатровыя кровли на башняхъ у воротъ опаяны были бѣлымъ желѣзомъ и украшены орлами. Надъ крыльцами были также, на шатрахъ, кровли «*съ яблоками, на тулеяхъ*». По смерти царя Ѳедора, Измайлово досталось брату — царю Ивану, а послѣ него вдовѣ его — царицѣ Прасковьѣ; для дочерей своихъ пристроившей новый корпусъ въ 1701 году, названный царевнинымъ.

Въ селѣ Измайловѣ были тоже, впрочемъ, и помѣщенія царицы Натальи Кириловны,—о трехъ житьяхъ (этажахъ по нашему), съ десятью *красными* окнами въ каждомъ, заключающемъ по 4 комнаты, на 15-ти саженяхъ съ аршиномъ. Существовали и палаты царя Петра Алексѣевича, на 6$^1/_2$ саженяхъ, о трехъ комнатахъ. «Въ нихъ, по три окна красныхъ, двойныхъ; окна и двери столярныя, печи ценинныя круглыя; полы вымощены кирпичомъ дубовымъ; кругомъ всѣхъ хоромъ сѣни, длина 34 сажени съ полусаженью; въ нихъ 37 окошекъ красныхъ; оконницы *слюдяныя*».

По описи 1723 г., въ Измайловѣ значился на острову дворецъ, кругомъ каменная ограда длиною 120, поперегъ 86 сажень. Двои ворота створчатыя; одни близъ церкви, въ садъ, другія въ городскую рощу.

Въ концѣ описи перечислены плотины у прудовъ, гдѣ показана приблизительная величина ихъ. *Просянскій прудъ* оказывается самымъ большимъ и плотина на немъ длиною 300 сажень. Для насъ знать это не безынтересно, потому что на этотъ именно прудъ перетащилъ Петръ, найденный въ Измайловѣ же, старый, еще дѣдовскій, ботъ, въ іюнѣ 1688 года.

Самое Измайлово—какъ мѣсто нахожденія этого *дѣдушки русскаго флота*, для насъ имѣло бы важность ради одного этого открытія, возбудившаго въ Петрѣ неутоли-

мую жажду плаванья и бывшаго поводомъ стройки судовъ да, въ концѣ концовъ,—созданія русскаго флота.

У историковъ Петра обыкновенно открытіе бота ставится какъ-то особнякомъ и, незная особенностей, отличавшихъ село Измайлово отъ другихъ подмосковныхъ селъ, при молчаніи о немъ повѣствователей, оно ничѣмъ не отмѣчается въ нашемъ воображеніи. Тогда какъ, обращая вниманіе на отличительныя характерныя особенности его, вопросъ о находкѣ бота разрѣшается очень просто и естественно. Петръ любознателенъ;—до всего добивается. Измайлово не простой хуторъ царскій, а такой, гдѣ, можетъ быть, съ царствованія Ѳеодора Алексѣевича, началось ослабленіе былой дѣятельности, а до того жизнь выказывалась съ заявленіями такихъ затѣй, которыя нигдѣ, въ другомъ мѣстѣ, на святой Руси, никому и въ голову неприходили.

О такомъ прошломъ, еще недавнемъ, Петру могли говорить всѣ его окружавшіе, или, покрайней мѣрѣ, тѣ люди, которые старались тѣшить царевича, зная его чрезвычайную любознательность. Петръ могъ, слѣдовательно, слышать не разъ о попыткахъ введенія несложныхъ машинъ, сущность и строй которыхъ объяснялись, конечно, съ характеромъ, ближайшимъ къ чудесному. Эти разсказы должны были и не у такого огневого мальчика настроить сильно воображеніе. Вотъ онъ и пріѣхалъ пожить въ своихъ Измайлов-

скихъ хоромахъ. Да и пошолъ: бродить, искать, да спрашивать. Отворенъ одинъ анбаръ, другой. Все, что видитъ жадный взоръ его—все ново и любопытно. Юность незнаетъ устали. Дошло дѣло и до навѣса на *льняномъ дворѣ.* Царь-отрокъ подошолъ и первый предметъ, остановившiй на себѣ его вниманiе,—уже подстрекнутое всѣми прежними—было судно. Не скажи еще Тиммерманъ, что это ботъ и на немъ ходятъ *противъ вѣтра*,—можетъ Петръ и не ухватился бы такъ горячо за старое пробитое суденышко. Но слышитъ чуть не чудо: *ходитъ противъ вѣтра*! Какъ же могъ онъ не приказать починить и спустить! Посмотримъ... такъ ли это?

А тамъ является плотникъ Брандтъ. Привычною рукою принимается съ усердiемъ за снаряженье бота, спускаетъ его на Яузу и —пошолъ ходить. Радости царя нѣтъ границъ. Онъ считаетъ себя повелителемъ силъ природы. Воображенiе паритъ вверхъ, въ ширь поднебесную. Мысль неуспѣваетъ принять полную форму, какъ является другая, болѣе чудная и болѣе смѣлая.

Не тоже ли самое было у Петра и съ потѣхами сухопутными? Учится онъ съ мальчиками однихъ лѣтъ,—вмѣстѣ. Играютъ они *въ войну*. Годы летятъ. Царю Петру четырнадцать лѣтъ. Ему даютъ потѣшныхъ сотни цѣлыя. Думаетъ сестра-ненавистница: дай закружу совсѣмъ голову затѣйнику брату этою игрою? Онъ забудетъ для нея царство! И я

тогда во всей своей волѣ: что захочу, то и сдѣлаю. А поглупѣетъ малый отъ бездѣлья, истеряетъ свой дѣтскій разумъ на пустяки,— стану говорить, что нельзя ему довѣрить мудренаго дѣла правленія царствомъ, когда у него однѣ игры на умѣ?

А вышло совсѣмъ не то. Изъ игры развилось дѣло; изъ потѣшниковъ—солдаты заправскіе. Судьба съиграла съ царевною Софьею Алексѣевною шутку плохую. Сломила ея предпріимчивость та самая хитрость, при помощи которой хотѣла она торжествовать побѣду надъ рѣзвымъ ребенкомъ, по ея мнѣнію, очень опаснымъ въ будущемъ. Вотъ выросъ онъ—и сталъ приказывать. Гордость ослѣпила очи надменной царевны и, за гнѣвомъ не во время, помѣшала ей видѣть подлинное положеніе дѣла. Кто знаетъ: не перемѣнила ли бы она свою тактику и не отложила ли бы въ сторону интриги, если бы, взвѣсивъ хорошенько свои средства и силы, она поняла: что за Петра станетъ въ Москвѣ все, что составляетъ силу и охрану правительства — всѣ люди благомыслящіе. А ея покорными слугами до времени оказываются одни стрѣльцы, ненавидимые народомъ за буйство и притѣсненія. Тамъ же, гдѣ подобные защитники,—какъ эти притѣснители слабыхъ, выше всего ставившіе свой прибытокъ, хотя бы съ общимъ разореніемъ,— людямъ, во что нибудь цѣнившимъ свою

репутацію, дѣлать ничего не приходилось и даже мѣста не было.

Если же таково было положеніе царевны Софіи въ то время, когда начала она открытую борьбу съ братомъ,—пуская въ ходъ обманъ, интригу и преступленіе,—можно было заранѣе предвидѣть: чья сторона можетъ праздновать побѣду? Борьба не могла даже долго и длиться!—Послалъ царь Петръ грамоты и, на призывъ этотъ, вокругъ него собрались тысячи преданныхъ. Самые стрѣлецкіе полки, на которые, начиная открытую распрю, расчитывала больше всего Софья, отъ нее отшатнулись при чтеніи царской грамоты. Сознаніе права и долга и ихъ не заставило медлить, либо упорствовать. Со стыдомъ и отчаяніемъ въ душѣ, начавъ неровную борьбу, правительница, легко достигшая власти, возбудивъ смуту въ народѣ, при повтореніи того же мотива — должна была сойти со сцены и поселиться тамъ, гдѣ назначилъ ей жить торжествующій братъ, съ которымъ вздумала она соперничать.

Новодѣвичій монастырь, построенный передовымъ пунктомъ для охраны столицы отъ набѣга степныхъ хищниковъ и имущества москвичей, сдѣлался царственною темницею честолюбивой *не въ мѣру* дочери царя Алексѣя. Погребали дѣвство свое, съ мятежными вожделеніями, въ стѣнахъ этой мирной обители, дочери князей родовитыхъ, постригаемыя не всегда по своей волѣ, родными, не-

заслуженно. Эту же участь, конечно, вполнѣ заслуженно, испытала и царевна русская, за вольныя и завѣдомо опасныя для покоя родины, властолюбивыя затѣи.

III.

Русскіе цари московскаго періода были не только образцовыми помѣщиками, но и собирателями вокругъ себя лучшихъ и искуснѣйшихъ представителей строительнаго, иконописнаго, ценинннаго дѣла, и прочихъ художественно-техническихъ производствъ. Такъ что, дворъ государя былъ сборищемъ тружениковъ, всю жизнь свою посвящавшихъ извѣстной профессіи и, отъ того, дѣлавшихся лучшими спеціалистами, часто любившими свое дѣло страстью художника. Уже одно подобное совмѣщеніе искусниковъ, должно было возвышать понятіе о царскомъ дворѣ и царскихъ чертогахъ, надъ украшеніемъ которыхъ трудились на столько совершенные мастера своего дѣла, воспитывавшіе себѣ неменѣе талантливыхъ преемниковъ.

Отъ того дворцовый обиходъ могъ выигрывать во всѣхъ отношеніяхъ и мастера-техники *верховые*, т. е. находящіеся на государевой службѣ,—сами не замѣчая, содѣйствовали водворенію лучшаго вкуса въ развитомъ, меньше ихъ, городскомъ обществѣ.

Привольная жизнь владыкъ московскихъ современъ Іоанна III уже требовала въ жили-

щахъ и храмахъ *художной* стѣнописи. При религіозномъ настроеніи самого общества, изображенія настѣнныя были большею частію священнаго содержанія, такъ что *стѣнопись и бытейское письмо* можно считать однозначащими словами въ древней Москвѣ. Еще при Грозномъ кремлевскія палаты были украшены имъ съ большимъ тщаніемъ, подъ наблюденіемъ іерея Сильвестра, которому приписываютъ въ Іоаннѣ-юношѣ чудную, почти внезапную, перемѣну буйнаго характера. И тогда-то, подъ именемъ *притчей*, съ западныхъ гравюръ стали копировать аллегорическіе сюжеты, а изъ нихъ, по вкусу выбирателей и составителей, стали слагаться обширныя картины, *эмблематическія принимавшіяся* впослѣдствіи *за священныя* и породившія много вредныхъ толковъ въ темномъ, безкнижномъ народѣ. Мы смѣло относимъ къ аллегоріямъ, дурно понятымъ и сперва не то выражавшимъ,—безчисленныя примѣненія къ церковнымъ пѣснямъ изображеній темныхъ по идеѣ, которыя такъ любили однако въ XVII вѣкѣ московскіе книжники. Условныя изображенія солнца, луны, странъ свѣта (въ аллегоріяхъ) сдѣлались даже принадлежностью украшеній плафоновъ залъ и храмовъ. Въ 1679 г. мастеръ Карпъ Ивановъ Золотаревъ написалъ «съ подволоки въ государевой столовой палатѣ—двѣнадцать мѣсяцовъ и бѣги небесные; и тотъ листъ принялъ въ хоромы къ царевичу Петру Алек-

сѣевичу бояринъ Родіонъ Матвѣевичъ Стрешневъ», его воспитатель.

При такомъ употребленіи въ обществѣ подобныхъ изображеній, живописцы въ Москвѣ находятъ себѣ не мало работы. Въ XVI вѣкѣ, напримѣръ, вышивались знамена, а въ XVII въ Москвѣ знамена дѣлались живописцами царскими, изображавшими на нихъ, иногда разомъ, множество святыхъ ликовъ, съ замѣчательнымъ совершенствомъ исполненія. Царствованіе Алексѣя Михайловича отличается особымъ обиліемъ иконографическихъ памятниковъ, всюду, гдѣ только можно было ихъ помѣстить. Знаменодѣліе въ это время сдѣлалось, какъ бы особою, обширною спеціальностью. По образцамъ воинскихъ стяговъ и знаменъ, хранящихся въ одной Московской оружейной палатѣ, можно составить очень подробный трактатъ о положеніи и иконописи даже, въ это время въ Москвѣ. Сколько однихъ полковыхъ знаменъ и какого потребовать длиннаго описанія могутъ они, при разнообразіи содержанія?—начиная съ иконъ святыхъ и оканчивая гербами, съ подписями и украшеніями.

Однихъ стрѣлецкихъ полковъ было 19 въ Москвѣ и каждому полку, не одинъ разъ перемѣняли знамена въ одно царствованіе. Въ одинъ 1684-й годъ, вѣроятно, получили себѣ новыя знамена многіе стрѣлецкіе полки. Одно изъ нихъ покойный И. М. Снигиревъ отнесъ именно къ Сухареву стрѣлец-

кому полку, остававшемуся, въ послѣднее время правленія царевны Софіи, особенно приверженнымъ царю Петру. Мы не раздѣляемъ его мнѣнія, но и также не беремся открыть, какому имянно полку могло принадлежать это знамя? Оно представляетъ, какъ можно видѣть и на приложенномъ изображеніи,—по верхней каймѣ, образъ Спасителя и передъ нимъ, въ моленіи, святыхъ Апостола Петра Іоанна предтечи Николая и Сергія. На другой же сторонѣ, по верхней каймѣ, противъ Спасова образа — знаменіе Богородицы, въ облакахъ; передъ Богоматерью же московскіе святители, въ моленіи.

По тому, что у Срѣтенскихъ воротъ, ведшихъ въ Сухареву стрѣлецкую слободу, была часовня съ образомъ *Николая Чудотворца*, трудно заключить, что это знамя, на которомъ въ числѣ святыхъ было Николай чуд.— по одному этому и есть Сухарева полка?— тогда какъ названіе полка всегда обозначалось. Что въ 1683 году дано было Сухареву Стрѣлецкому полку образцовое знамя, мы тоже знаемъ; но, какое оно было? открыть намъ неудалось. Мы только знаемъ, что знамя Сухарева полка было шито золотомъ и серебромъ и сдѣлано было изъ камки; работалъ его Иванъ Безьминъ, а выдавалъ въ полкъ стольникъ Василій Алексѣевичъ Соковнинъ. Что золота нужно было 4000 листовъ, и серебра 500 листовъ, а стоило 1000 листовъ золота 6 рублей съ полтиною, серебро же 10 алтынъ,

30 копѣекъ за сто листовъ. Слѣдовательно, на одно золоченье и серебренье, по тогдашнимъ цѣнамъ, пошло матеріала на 27 руб. съ полтиною—кромѣ камки, атласа и работы.

Но, если мы можемъ ссмнѣваться въ принадлежности относимаго знамени Сухареву полку,— Сухарева башня исключаетъ всякое сомнѣніе: какъ и почему она построена?

Сухарева башня самымъ видомъ своимъ напоминаетъ намъ многое изъ прошлаго Москвы и ея старыхъ порядковъ. Эта, по народной шутливой поговоркѣ, *невѣста Ивана Великаго, сестра Меньшиковой башни* — сооружена на мѣстѣ Срѣтенскихъ воротъ Земляного города, на той изъ высотъ сѣверо-восточнаго угда его, гдѣ начиналась улица Срѣтенка, направляясь къ Китаю городу. Богомольное хожденіе и встрѣча образа Владимірской Богоматери, еще въ 1395 году, дали названіе Стрѣтенки. Ворота же Срѣтенскія— деревянныя (какъ и всѣ 34 воротъ Земляного города, построеннаго при Михаилѣ) были входомъ въ Стрѣлецкую слободу и у нихъ стояли караульные 2-го стрѣлецкаго полка или приказа, которымъ, при двуцарствіи, начальствовалъ полк. П. П. Сухаревъ. Недалеко отъ караульни находилась того полка съѣзжая приказная, да мытная изба —гдѣ собирали пошлины съ ѣхавшихъ въ столицу съ товарами. Подлѣ же избъ этихъ существовала часовня съ древнимъ образомъ Николая чудотворца. Вѣроятно, такая обстановка

была и въ каждой стрѣлецкой слободѣ, занимаемой отдѣльнымъ приказомъ московскихъ стрѣльцовъ, въ столицѣ жившихъ больше чѣмъ привольно. Стрѣльцы составляли, какъ извѣстно, въ Москвѣ, единственное постоянное войско, издавна уже пользовавшееся царскими привилегіями. Исполненіе служебныхъ обязанностей было для стрѣльцовъ не особенно отяготительно и давало имъ много досуда бражничать. А живя въ столицѣ и пользуясь льготою отъ платежа всякихъ сборовъ, стрѣльцы, даже внѣ слободъ своихъ, занимались торговлею да арендованіемъ шинковъ, и дошли, черезъ это, до забвенія службы, пристрастившись къ выгоднымъ промысламъ. Въ этомъ пристрастіи къ легкимъ барышамъ и наживѣ (къ чему особенно падки неразвитые люди)—подъ конецъ XVII вѣка у стрѣльцовъ московскихъ перешедшемъ всякую мѣру, въ явный ущербъ дисциплинѣ и подчиненности, и слѣдуетъ искать главной разгадки стрѣлецкихъ безпорядковъ, ознаменовавшихъ конецъ царствованія Ѳеодора Алексѣевича и воцареніе его братьевъ. Царевна Софія Алексѣевна знала отлично побудительныя причины легкой возбуждаемости стрѣльцовъ и съ первыхъ же дней своего господства, достигнутаго при пособіи стрѣлецкой силы, не могла не видѣть въ ней орудіе обоюдуострое, способное обратиться и противъ нея самой. Коварная расправа съ Хованскимъ и передача хитрецу Шакловитому управленія стрѣ-

лецкимъ приказомъ, были, точнѣе выразиться, пальятивныя мѣры къ остановленію стрѣлецкихъ волненій. Преторіанцам Москвы, или русскими янычарами, можно было называть стрѣлецкое войско, по сходству съ обѣими этими силами, въ которыхъ также, передъ уничтоженіемъ ихъ проявлялось большое пристрастіе къ прибыткамъ, торговлѣ, взяткамъ, хищеніямъ и другимъ, не вдругъ приходящимъ на память, видамъ корысти. Эти вѣрные признаки разложенія нѣкогда страшной силы, недавали уже никакой надежды поправить дѣло къ лучшему, какими бы то ни было административными мѣрами. Вотъ почему, и Петръ I, и Махмудъ II, употребляли крайнія мѣры — уничтоженіе стрѣлецкаго и янычарскаго войска; на самомъ дѣлѣ уже не существовавшаго въ качествѣ полезнаго дѣятеля для общества, съ ослабленіемъ дисциплины.

Смотря такъ на дѣло, понятенъ для насъ будетъ—какъ сознанная необходимость,—приговоръ уничтоженія Петромъ стараго войска стрѣлецкаго, въ самомъ устройствѣ котораго допускались элементы, въ концѣ концовъ приприведшіе эту силу до полнаго разложенія. Воинъ-торговецъ и отъ того бѣлоручка-бражникъ,—въ глазахъ Петра былъ человѣкъ, негодившійся для дѣла, какъ понималъ его суровый царь, потому то и разрѣшившій, распуская стрѣльцовъ, записать ихъ въ посады, гдѣ могла найти пищу торговая предпріим-

чивость и гдѣ требовалась осѣдлость. Солдатъ же Петровскій долженъ былъ ежеминутно быть готовымъ въ посылки и экспедиціи, слѣпо исполняя предписанія, какого-бы свойства они нибыли. Выработавъ въ солдатахъ русскихъ эти драгоцѣнныя качества, при которыхъ безропотное перенесеніе трудностей самая меньшая заслуга, всегдашняя бодрость и бодрствованіе явленія обычныя, а слово командира велѣніе судьбы, — Петръ этою желѣзною дисциплиною и проложилъ путь къ побѣдѣ надъ лучшимъ тогда войскомъ въ Европѣ — шведскимъ, предводимымъ своимъ королемъ-героемъ.

Заслуга Петра въ созданіи русской арміи и заключается въ этой отгадкѣ возможности русскаго человѣка подчиняться всякимъ порядкамъ. Подчиненіе это воспитывается, однако, только въ людяхъ новыхъ, еще не развращонныхъ примѣрами безнаказаннаго неповиновенія власти. Въ самыхъ стрѣльцахъ явилось оно не вдругъ, а при благопріятствовавшихъ обстоятельствахъ, каковы: безправіе низшихъ классовъ и дикій произволъ мѣстныхъ правителей.

Эти бичи въ XVII вѣкѣ производили въ Москвѣ кровавые бунты и возстанія и съ каждымъ изъ нихъ, падала ниже стрѣлецкая дисциплина. Когда же, царевна Софія сама возбудила разнузданныя страсти буйной силы для своихъ видовъ,—счастливаго выхода ожидать здѣсь было нельзя.

Вздвиженское село (Дмитровскаго уѣзда I стана, на Московско-Ярославскомъ шоссе) при р. Пажѣ и прудахъ, въ 13 верстахъ отъ Троицкаго посада—мѣсто, гдѣ, въ недобрую минуту, правительница вздумала дешово отдѣлаться отъ опаснаго соперника, не меньше ея самой любившаго власть, не умѣя ею надлежащимъ образомъ пользоваться.

Памятное несчастною битвою князя Ивана Шуйскаго съ Сапѣгою (1608 г.), село Вздвиженское, бывшее въ XVII вѣкѣ *дворцовымъ*, служило послѣднимъ царскимъ перепутьемъ на пути къ Троицѣ. Сюда являлись къ государямъ троицкія власти съ дарами и *приглашеніемъ посѣтить обитель*. Оставивъ столицу подъ видомъ богомолья, царевна Софія, въ 1682 году, вслѣдъ за казнью изувѣра Никиты Пустосвята, проѣхала черезъ Вздвиженское къ Тройцѣ въ Лавру, изъ Саввина монастыря, со всѣмъ царскимъ семействомъ. Туда вызвала правительница для совѣщаній, опаснаго ей, князя Хованскаго и въ Воздвиженскомъ селѣ приказала его схватить и казнить, безъ суда; въ самый день имянинъ своихъ. Здѣсь же, спустя семь лѣтъ, и она сама остановлена слугами царя Петра, воспретившаго ей слѣдовать далѣе въ лавру, къ себѣ; нежелая видѣть преступной сестры и слушать ея придуманныхъ, не ловкихъ оправданій.

Давшій имя селу—храмъ Воздвиженія, въ которомъ не разъ цари наши слушали мо-

лебны, теперь несуществуетъ; за ветхостью уже разобрали почтенный памятникъ древности, сохранившiйся только въ изображенiи, теперь нами помѣщаемомъ и вырѣзанномъ съ фотографiи, снятой съ натуры Грузиновымъ, передъ самымъ его разрушенiемъ.

И въ троицкомъ походѣ царевны Софiи (1682) также, какъ и въ охранѣ отъ ея козней у Троицы въ лаврѣ Петра (1689)—Сухаревъ Стрѣлецкiй полкъ игралъ одну изъ видныхъ ролей. Заслуги его почтилъ Петръ сооруженiемъ Срѣтенскихъ воротъ, которыя по верху ихъ, украшенному орломъ, называютъ люди Сухаревой башней.

Время постройки обозначено на вырѣзанныхъ каменныхъ таблицахъ, съ южной стороны надъ проѣздомъ. Въ первой надписи, царскiй титулъ и слова «по Стрѣлецкому Приказу, при сидѣньи въ томъ приказѣ Ивана Борисовича Троекурова.» На второй же таблицѣ докончанiе лѣтописи сооруженiя.— «Построены во второмъ Стрѣлецкомъ полку по Земляному городу Стретенскiе вороты, а надъ тѣми вороты палаты и шатеръ съ часами, а подлѣ воротъ, по обѣ стороны, малыя палаты да казенный амбаръ, а позадь воротъ къ Новой Мѣщанской слободѣ часовня съ кельями къ Николаевскому монастырю, что на Перервѣ. А начато то строенiе строить въ лѣто 7200(1692), а совершено 7203 (1695). А въ то время будущаго у того полку столь-

ника и полковника Лаврентья Панкратьева сына Сухарева».

О личности этого преданнаго Петру полковника, покуда мы незнаемъ почти ничего. Только извѣстно, что былъ онъ уже стольникомъ въ 1676 году и въ 1677 пожалованъ *въ дворяне по московскому списку*. Былъ онъ и подъ Азовомъ. Неродовитость вѣрнаго Петру полковника также нельзя оставить безъ вниманія. Аристократы держались старой дворской партіи, а царица Наталья, мать Петра, находила поддержку больше въ новыхъ людяхъ, какъ и она сама;— унижаемая болѣе ранними выскачками, роднею своей падчерицы.

У Петра являются большею частію новые люди и съ ними онъ только и могъ сломить старые порядки, крѣпко содержимые разбогатѣвшими сановниками. Въ ихъ высшей средѣ было полное нежеланіе нарушить вѣковой покой, устоявшагося строя московской жизни. Тѣмъ горче и казались, поэтому, родовитымъ баричамъ, затѣи Петра, съ его безъисходнымъ упорнымъ трудомъ для пріобрѣтенія отдаленной,--для большинства даже непонятной,—цѣли.

Какъ темному, да упорному еще, иному сановнику, при недовольствѣ настоящимъ,—неповѣрить коварнымъ внушеніямъ старцевъ раскольниковъ: что всѣ *новшества* выдумываетъ врагъ рода человѣческаго? И какія же онъ выдѣлываетъ штуки съ предавшимися ему—

бѣдными, по мнѣнію порицателей — людьми иноземными: и посмѣхъ передъ міромъ, ради кургузыхъ *кабатовъ*, и вѣчную суету, изъ зачего прахъ ихъ разберетъ!? Нѣкогда и брюху рости! Нѣтъ отдыха и соснуть часокъ другой, около полуденъ, когда тварь вся предается покою, Богомъ указанному. И бѣдны, и блѣдны, и худы, и невеличавы, не самоувѣрены; робки и расчотливы — отваги не спрашивай! А тамъ, говорятъ, наука свѣтъ?—Какъ же оно такъ, когда не видятъ люди, вступая въ эту науку, что ничему конца-края нѣтъ и вселенной такожде? Ужъ предѣлы Божью созданью хотятъ положити? Морской ходъ, да звѣздный бѣгъ чаютъ исчислити? Не пущее ли это умопомраченіе? Какъ съ Богомъ препираться? —Пути его проникать?

И утѣшался косный умъ измышленіями лукавыхъ книжниковъ, выдававшихъ себя за знатоковъ и мудрецовъ. Отшатывалась старая московская Русь отъ нововведеній, да кляла безбородыхъ иноземцевъ.

А вдругъ, воротился царь съ запада, не покончилъ еще розыска стрѣлецкаго и брѣетъ ужъ бороды православнымъ, да велитъ носить кургузое платье нѣмецкое!

Съ него, съ этого, казалось, неподвижнаго, покроя русскаго платья—началась ломка. Навезъ съ собою грѣховодникъ царь видимо-невидимо нѣмцевъ, да понадавалъ имъ въ ученики русскихъ людей.

Чтобы ученики бросили старую дурь и неругались, а почитали новыхъ наставниковъ, перемѣна костюма оказывалась мѣрою нетерпяющею отлагательства. Для усиленія государственныхъ доходовъ—пущены въ ходъ затѣи *прибыльщиковъ*—чтобы доставало на все, а особенно на жалованье нанятымъ иностраннымъ техникамъ. Возвышеніе доходовъ оказывалось первою потребностью наличнаго государственнаго хозяйства. Созданіе обширнаго флота, въ какіе нибудь три года, въ Воронежѣ; уничтоженіе стрѣлецкихъ полковъ въ Москвѣ и замѣна ихъ *даточными* съ выучкою европейскою—явились также въ послѣдній годъ XVII вѣка отъ Христа, по западному счету. Сколько разомъ кануло въ вѣчность старыхъ привычекъ у людей московскаго государства въ одномъ этомъ году 7207 —7208 лѣтъ отъ сотворенія міра?! Велѣно въ престольной Москвѣ: и французскіе кафтаны впредь носить, и бороду брить, крѣпость писать на заорленой бумагѣ, и покупка лотовъ (лотерея), предлагалась съ надеждою выигрыша большихъ денегъ за малую уплату. У людей московскихъ пошла голова кругомъ и раскольники въ сторонкѣ завели старую пѣсню, что конецъ міра близокъ и антихристъ народился!

И вдругъ, среди всей этой кутерьмы разнорѣчивыхъ слуховъ, читаютъ царскій указъ *въ 19 день декабря*, «что извѣстно великому государю стало, не только что во многихъ

европейскихъ христіанскихъ странахъ, но и въ народахъ славянскихъ, которые съ восточною православною нашею церковью во всемъ согласны, какъ то Валахи, Молдованы, Сербы, Далматы—согласно лѣта свои счисляютъ отъ Рождества Христова, въ восьмый день спустя, то есть генваря съ 1 числа.... И нынѣ отъ Рождесгва Христова доходитъ 1699 годъ, а будущаго генваря съ 1 числа настанетъ новый 1700 годъ, купно и новый столѣтній вѣкъ.»—Потому велѣлъ царь впредъ «вовсякихъ дѣлахъ и крѣпостяхъ писать съ нынѣшнаго генваря съ 1 числа отъ Р. Хр. *1700 года*».

Въ *знакъ* же наступленія новаго вѣка, указано въ Москвѣ, послѣ молебствія обычнаго у домовъ, всѣмъ обывателямъ по большимъ и проѣзжимъ знатнымъ улицамъ—передъ вороты учинить нѣкоторыя украшенія отъ древъ и вѣтвей сосновыхъ, еловыхъ и мозжевелевыхъ». Образцы этихъ украшеній велѣно брать отъ гостиннаго двора, съ помѣщенія нижней аптеки; а бѣднякамъ—ставить надъ воротами хоть по одному деревцу или вѣтви. Чтобы все поспѣло къ 1-му января и простояло до 7-го числа.

Предписано также въ первыйдень новаго январскаго года,—указомъ 20дек.—*поздравлять другъ друга*. При этомъ, въ указѣ говорится, что на Красной площади устроены *огнянныя потѣхи* и какъ скоро зажгутъ ихъ, тогда—разрѣшалось всѣмъ произвести, кто желаетъ, у

себя, у домовъ, стрѣльбу изъ ружей и пушекъ, *потрижды*; равно и пускать ракеты. По ночамъ же предложено зажигать огни, изъ костровъ смоляныхъ и бочекъ.

По словамъ австрійскаго резидента, въ Москвѣ, пальба изъ 200 орудій, поставленныхъ на Красной площади, и изъ ружей, по домамъ, не умолкала во всю недѣлю. — Заключилъ торжества—крестный ходъ, на іордань. На немъ Петръ стоялъ не окружонный царедворцами, а съ преображенскимъ полкомъ своимъ,—выстроивъ его по Москвѣ-рѣкѣ,—въ мундирѣ простого офицера (въ темнозеленомъ кафтанѣ). Иллюминація поражала особеннымъ величіемъ со стороны Спасскихъ воротъ, надъ которыми, на темномъ небѣ ночи, ярко вырѣзывался колоссальный двуглавый орелъ московскій, со скипетромъ и державою въ когтяхъ и—съ тремя коронами.

Величественный видъ вѣкового Кремля возвышалъ красоту новаго для русскихъ зрѣлища. Безчисленныя главы храмовъ ярко горѣли отъ уличнаго освѣщенія, а оживленіе праздничной толпы, въ лучшей одеждѣ—при повсемѣстномъ блескѣ въ столицѣ Калиты—было новымъ эффектомъ; даже и для иностранцевъ. Не воображали они, конечно, куда поведетъ Петръ Россію послѣ такого пышнаго пролога, въ XVIII вѣкѣ?

Человѣкъ геніальный всюду проявляетъ свое отличіе отъ людей обыкновенныхъ, но духъ времени покоряется, однако, невдругъ и,

генiй платитъ ему извѣстную повинность, иногда, волею-неволею, исполняя хоть причуды своего общества. На Петрѣ и его потѣхахъ наглядно представляется, однако, гдѣ: грань оригинальности генiя и съ чего начинается у него современный обиходъ? Какъ человѣкъ любившiй простоту обстановки, Петръ Великiй умѣлъ употреблять затѣйливыя смѣшныя празднества, съ образовательною цѣлью для своихъ подданныхъ. Не оставлялъ никогда онъ, впрочемъ, устраивая публичное зрѣлище,—доброй, далеко и глубоко мѣтившей, шутки. Юмористическая сторона въ характерѣ Петра, вездѣ, проглядываетъ настолько примѣтно, что отвергать или оспаривать подобное настроенiе государя, нѣтъ возможности, да и незачѣмъ.

Коллегiя кардиналовъ, свадьба шута *въ шатрахъ—зимой*; вѣнчанiе князя-папы, съ шутовскими церемонiями—настолько же занимали могучую идею Петра, какъ и чинность свадебъ и похоронъ вообще, да устройство, любимыхъ имъ, пышныхъ маскарадовъ и процессiй, при всякомъ удобномъ случаѣ. Похороны съ церемонiяломъ и сопровожденiемъ товарищами,—по службѣ, ремеслу или исключительной профессiи,—да свадьбы—съ поѣзжанами того же десятка, какъ новобрачные—были введены Петромъ въ моду и долго удерживались въ обществѣ. Имяннымъ указомъ, Петромъ созваны были *всѣ гудочники*, съ цѣлой Россiи — на свадьбу слуги Поспѣ-

лова, деньщика государя;—не за долго до кончины его. А въ 1710 году, вслѣдъ за свадьбою царевны Анны Ивановны, выданной, за герцога Курляндскаго—царь устроилъ курьозную свадьбу карликовъ, современное изображеніе которой, въ гравюрѣ, исполненной тоже по царскому повелѣнію, объясняетъ лучше словъ, это *веселье*. *). Къ иностраннымъ дворамъ послана была тогда же эта гравюра, съ приличнымъ печатнымъ объясненіемъ.

Счастливый тріумфальный женихъ, для *веселья* котораго свезены были обоихъ половъ 72 уродца—на столько же мелкихъ, какъ самъ онъ и его суженая — назывался Екимъ Волковъ. Онъ состоялъ при дворѣ задолго до шутовского бракосочетанія. Наканунѣ свадьбы два карлика-маршала разосланы въ маленькой одноколкѣ о трехъ колесахъ, въ пышномъ нарядѣ и съ вершниками, на маленькой лошадкѣ: зазывать гостей на пиръ. Утромъ, въ Петропавловской церкви, въ крѣпости, совершено вѣнчаніе. Свадебный поѣздъ открывалъ карликъ-маршалъ съ жезломъ, увѣнчаннымъ кистью изъ пука разноцвѣтныхъ лентъ. За нимъ шли невѣста съ женихомъ, царь самъ со свитою и, наконецъ, попарно 72 карлика. На обычный вопросъ священника, женихъ отвѣчалъ—«на ней, а ни

---

*) Подъ оригинальною гравюрою Алексѣя Зубова подписано „бракъ и веселіе Е. И. В. карлы, бывшее въ С.-Петербургѣ; на которое собрано было множество карлъ въ домѣ Его Свѣтлости, князя Александра Даниловича Меньшикова, ноября въ 14 день 1710 года.

накакой другой!—А невѣста, спрошенная: не обѣщала ли кому руки? отвѣтила — «вотъ была-бы штука!» Вѣнецъ надъ невѣстой держалъ самъ Петръ. Угощеніе—было въ домѣ Меньшикова. Карлики разсажены были по срединѣ, между столами гостей.

IV.

Петровы странствованія, и по своимъ и по чужимъ владѣніямъ въ теченіе тридцати лѣтъ, занимаютъ столько мѣста въ жизни великаго нашего Преобразователя, что одну необходимость видѣть въ поѣздкахъ его никакъ не возможно. Скорѣе въ разъѣздахъ Петра по сушѣ и по морю выказывается потребность подвижного характера: переноситься изъ мѣста въ мѣсто, куда влечотъ его любознательность или, такъ сказать, геніальное чутье новости и пользы. Куда ни направлялся Петръ Великій, вездѣ открывалъ онъ новое, незамѣчавшееся до него, другими.

Въ Архангельскъ Петра увлекло, въ первый разъ, желаніе видѣть море, когда ни Плещеево, ни Кубенское озеро неудовлетворяли уже его своими ограниченными размѣрами, и пробудилось врожденное стремленіе къ могучей стихіи, непроявлявшей всѣхъ *своихъ силъ* на маломъ пространствѣ. Новый міръ открылся глазамъ геніальнаго человѣка, какъ только взглянулъ онъ на ширь и даль этого

моря, издали и давно уже манившаго его на свои сѣдые буруны. Поѣздка до Архангельска представила также новую, не знакомую природу, съ ея красотами и грознымъ, дѣвственнымъ величіемъ. За удовлетвореніемъ жажды любопытства, геніальный умъ началъ работать снова. Корабельщики голландскіе и англійскіе такими обольстительными красками описывали свои родные берега, гдѣ кипѣла дѣятельность, умудрялся упорный трудъ на побѣжденіе трудностей, а въ результатѣ выходили произведенія, изумлявшія чистотою, тонкостью, добротою и красивостью выдѣлки. Тотъ же, нашъ псковской ленъ, подъ руками пряхъ и ткачей брабантскихъ, достигалъ въ матеріи изумительной тонкости, когда у насъ выходилъ только грубый холстъ. Сличая свое съ чужимъ, вездѣ, гдѣ можно проводить параллель, Петръ находилъ, что русскіе во всемъ уступали западнымъ народамъ. Но, разгадать въ чомъ кроется источникъ чужого превосходства,—живя въ своей Москвѣ, и даже доѣзжая до Архангельска, Петръ видѣлъ самъ, что открыть онъ не можетъ. Вотъ и родилась первая мысль ѣхать—на западъ: *присмотрѣться* къ тамошнимъ порядкамъ и всему обиходу, на мѣстѣ. Путешествіе же за русскую границу не могло состояться скоро. Ему предшествовали, какъ извѣстно, два похода къ Азову;—куда Петръ направился искать выхода русской торговлѣ на югъ, убѣжденный, что на сѣверѣ она всегда будетъ

встрѣчать непреоборимыя естественныя препятствія; независимо дальности объѣзда вокругъ Норд-Капа.

Послѣ Троицкой лавры да Переяславля, изъ за-волжскихъ городовъ, первымъ долженъ былъ остановить на себѣ вниманіе любознательнаго Петра—городъ Коломна, во стѣ верстахъ отъ Москвы. Этотъ пунктъ, издавна обращавшій на себя вниманіе нашихъ царей, озаботившихся сооруженіемъ здѣсь и большой крѣпости (въ обычной формѣ многоугольника, въ окружности 924 сажени), если не могъ остановить любознательнаго взора царя особеннымъ искуствомъ сооруженія, за то не могъ не напомнить недалекаго хотя прошлаго, когда даже отъ вторженія враговъ приходилось ставить преграды такъ близко къ самому сердцу Россіи. Высота стѣнъ (свыше 8 сажень) и толстота (почти 2 сажени) ясно говорили о прошлой роли Коломны, служившей оплотомъ для столицы царей московскихъ у самой Оки и ширина которой не останавливала набѣга степныхъ ордъ съ юго-востока. Въ петровское время еще цѣлы были всѣ 14 башень коломенскаго кремля, съ обращонными къ Москвѣ-рѣкѣ крѣпкими воротами Спасскими и Пятницкими, построенными царемъ Василіемъ V, въ продолженіи пяти лѣтъ, (1525—1530). Теперь изъ башень и воротъ, оконченныхъ въ годъ рожденія Іоанна Грознаго, усердіе горожанъ возстановило одни Пятницкія ворота. Въ соборѣ же го-

рода Коломны начатомъ сооруженіемъ во имя Успенія Богоматери, — въ годъ рожденія Петра и достроенномъ въ лѣто воцаренія его,—Онъ не разъ бывалъ самъ на молебнахъ, проѣзжая городъ: и одинъ и съ компаніей своихъ ближайшихъ сотрудниковъ, въ походы къ Азову и въ Воронежъ. Въ Коломнѣ провелъ Петръ и съ Екатериною два дня (13—15 мая 1722 г.), отправляясь въ послѣдній свой, далекій, Персидскій походъ и садясь здѣсь на стругъ, чтобы спуститься въ Волгу и плыть по ней къ Астрахани.

Древности Коломны, въ бытность здѣсь въ теченіе двухъ дней, не могъ не осмотрѣть всѣ дочиста, дѣятельный и любознательный Петръ, котораго страсть къ археологіи лучше всего доказывается его же собственноручнымъ назначеніемъ оплаты тройной цѣны металла за старинныя монеты и,—безконечно высокаго для своего времени—вознагражденія за другія ископаемыя находки древностей.

Во время первыхъ поѣздокъ на сѣверъ и на югъ, посѣщая города своей земли, Петръ I вездѣ встрѣчаемъ былъ какъ государь и, хотя, неся потѣшную службу наравнѣ со своими сверстниками, онъ запрещалъ оказывать себѣ особый почотъ, тѣмъ не менѣе, прислуга его знала также свои обязанности и вездѣ несла ихъ съ усердіемъ.

Нѣмецкая слобода—мѣсто кутежей и можетъ быть первыхъ проявленій нѣжнаго чув-

ства молодого Петра, представляется на современномъ рисункѣ со своею колоритною обстановкою, заставлявшею забывать здѣсь близость къ Москвѣ. Мутная Яуза, обсаженная липками, даетъ праздничный видъ домамъ нѣмецкихъ ремесленниковъ, рѣдко пользовавшихся настолько достаткомъ, чтобы сводить концы съ концами самаго умѣреннаго хозяйства. Но, въ праздникъ, эти же самые труженики идутъ подъ ручку со своими супругами, разодѣтыми въ шелки лѣтомъ, а зимою въ мѣха, и неуступаютъ московскимъ сановникамъ, по наружности. Въ домахъ за стѣнами, тоже, *кажущееся довольство*. Царь часто является переговорить запросто то съ тѣмъ, то съ другимъ. Вотъ его одноколка выѣхала изъ воротъ покровителя иностранныхъ искусниковъ — Ѳедора Алексѣевича Головина. Это его палаты высятся и ширятся между домиками врачей, да купцовъ. Въѣздъ турецкаго посла въ столицу собралъ на улицы Нѣмецкой слободы эту толпу зѣвакъ; безъ такого чрезвычайнаго случая большого стеченія здѣсь народа быть не можетъ.

Въ Нѣмецкой слободѣ и подъ Москвою,— русскіе обычаи уступали мѣсто иностранному обиходу, къ которому привыкали, съ дней юности переселенцы въ Россію а слѣдовательно и не могли усвоить себѣ наши привычки, хотя и старались къ нимъ примѣняться.

Первая особенность, рѣзко бросавшаяся въ глаза намъ, въ ихъ бытѣ, а имъ

въ нашемъ хозяйствѣ—было неимѣніе нѣмцами прислуги; когда русскіе у себя держали цѣлые десятки тунеядцевъ, не зная иногда, на какую послугу употребить ихъ. При царяхъ, предкахъ Петра Великаго, число прислуги придворной, съ приращеніемъ государевой семьи, постепенно увеличивалось. При Петрѣ же мы видимъ рѣзкій оборотъ въ противную сторону—сокращеніе придворнаго штата. Старшія сестры Петра поставлены бывали не разъ въ затрудненіе обиліемъ своей прислуги, требовавшей содержанія и одежды приличной. Обстоятельства, наносившія непріятности царицѣ матери въ дѣтствѣ осиротѣвшаго Петра, научили его рано обходиться безъ излишествъ во всемъ. Воцарившись, онъ сталъ примѣнять правила святой умѣренности, прежде всего, къ дворскому обиходу, а за тѣмъ и къ цѣлому механизму государственной администраціи. Въ путешествіи же своемъ по Европѣ,—особенно въ первомъ, когда Петръ не взялъ съ собою никого для личной прислуги—Онъ окончательно отвыкъ отъ чужой заботливости о своемъ костюмѣ и отъ мелкой прислужливости чьей-бы то ни было. Сперва требовала этаго смиренная роль простого дворянина *десятника*, при которой содержаніе особой прислуги могло со стороны показаться подозрительнымъ и открыть разомъ то, что хотѣлъ «Петръ Михайловъ», замаскировать:—его санъ царскій. Въ Пруссіи это удалось настолько, что зѣваки неуспѣли раз-

вѣдать тайны и царь-ученикъ фортификаціи продолжалъ и окончилъ со своимъ маіоромъ Штернфельдомъ весь курсъ пиротехніи и баллистики, ходя по улицамъ Кенигсберга цѣлые три мѣсяца, необезпокоенный ничьимъ назойливымъ любопытствомъ.

Теперь, думалъ, улыбаясь, монархъ-наблюдатель,—могу проѣхать всю Европу подъ своимъ инкогнито, безопасно. Все высмотрю, какъ обыкновенный смертный, и избѣгну всякихъ встрѣчь, церемоніальныхъ пререканій и скучныхъ пріемовъ людей, до которыхъ нѣтъ мнѣ дѣла. Но, судьба готовила ему ударъ въ мѣщанской ремесленной Голландіи. Тамъ именно, гдѣ, по разсказамъ, люди меньше всего заняты были постороннимъ.

Въ Москву приходило большинство голландскихъ техниковъ изъ Заандама (Занской плотины) — деревеньки, пріютившейся противъ Амстердама на заливѣ Эй—гдѣ были въ дѣйствіи пятьдесятъ разныхъ судостроительныхъ верфей, для морскихъ сооруженій всякаго рода. Между тысячами плотниковъ, наполнявшихъ въ будни Заандамскія прирѣчныя мастерскія, Петръ думалъ всего удобнѣе затеряться и, въ тиши, въ полной безвѣстности, перепробовать всѣ роды и виды кораблестроительнаго дѣла, какъ простой работникъ. Про Заандамъ же наслышался молодой царь, больше даже, чѣмъ про Амстердамъ, отъ словоохотныхъ голландскихъ пришельцевъ въ Москву. Такъ что создалъ себѣ иде-

альное Эльдорадо топора и струга, изъ скромнаго голландскаго мѣстечка, нелишоннаго, конечно, прежде всего, обычнаго качества мелкихъ уголковъ человѣческаго муравейника—любопытства и сплетень. Кто-бы могъ подумать, что затхлая среда неповоротливыхъ сыновъ Батавіи, съ ихъ мѣрнымъ, какъ часы, вседневнымъ обиходомъ, настолько насолитъ гиганту по терпѣливости и уживчивости,—какимъ былъ Петръ,—что онъ, какъ левъ отъ комара, убѣжитъ неоглядкой отъ пытливости обывателей Заандама, въ бурю, не взирая на опасность переѣзда въ буерѣ черезъ кипѣвшій бѣлою пѣною заливъ Эй.

А какъ мошки Заандамскіе раздражили московскаго царя-великана, повѣствовать слѣдуетъ по ряду и, «неборзяся.»

Полный самыхъ горячихъ плановъ о быстротѣ воспріятія кораблестроительной хитрости голландскихъ плотниковъ, на простой *фарткѣ* доѣхалъ спѣшно Петръ до Амстердама, упредивъ великое посольство свое осьмью днями. Высадивъ кой-кого въ столицѣ Голландіи, Петръ въѣхалъ въ Заандамъ въ шесть часовъ утра 8-го августа 1697 г. На рѣчкѣ Занѣ, между переднею плотиною и *Церковною*, увидѣлъ царь знакомаго кузнеца, работавшаго въ Москвѣ, Геррита Киста, важно ловившаго угрей съ своей лодки. Вотъ Онъ кличетъ: Кистъ?—Тотъ поднимаетъ голову и остается съ разинутымъ ртомъ, отъ изумленія. Голосъ и лицо самаго царя московскаго,

а одѣтъ онъ голландскимъ плотникомъ: въ красномъ *боевомъ* бострогѣ, въ бѣлыхъ широкихъ шароварахъ изъ равентуха и въ лакированной чорной плоской шляпѣ. Хочетъ спросить: какъ, это вы, Ваше Величество? — но пріѣзжій, отгадывая вопросъ, запрещаетъ говорить кому-бы то нибыло, кто онъ. У тебя есть домишко здѣсь? внезапно задаетъ вопросъ странный пріѣзжій. — Да! — Пустишь меня въ жильцы?

Только руками развелъ при этой новой неожиданности, бѣднякъ; забылъ совсѣмъ и про угрей своихъ.

У меня занятъ домъ—наконецъ прошепталъ онъ. Самъ живу, да жилица—вдова.

— Нельзя-ли ее вонъ?! повелительно приказываетъ вопрошатель Кисту и — бѣднякъ идетъ машинально къ жилицѣ, самъ неуяснивъ себѣ хорошенько: зачѣмъ его бѣдный домишко нуженъ такому высокому царственному гостю? Да зачѣмъ и онъ самъ пожаловалъ къ намъ, со своего московскаго трона, въ среду ремесленниковъ.... съ государями никогда необращавшихся и, до сегодня, никого изъ нихъ не видавшихъ? Даже и самого короля-штатгальтера Вильгельма III Оранскаго, что завладѣлъ англійскимъ трономъ, отнявъ его у тестя.

Вдову не скоро удалось уговорить покладному хозяину домика и только семь флориновъ успѣли произвесть на нее магическое дѣйствіе; вырвавъ согласіе на переѣздъ въ

другое мѣсто. Когда Кистъ вышелъ съ отвѣтомъ, онъ не нашолъ уже чудеснаго арендатора и, догадавшись, что можетъ быть зашолъ въ гербергъ—тамъ докончилъ съ нимъ словесный договоръ, запросивъ высокую плату. А въ домишко, сколоченный изъ топорныхъ досокъ, хотя и на надежномъ фундаментѣ, въ такой трущобѣ, какъ Форстенбургъ,—на Кримпѣ, человѣкъ порядочный едва-ли бы пошолъ жить; а не только еще дать хорошую плату? Да и за что? — Двѣ комнатки съ кухнею всего; если и назвать комнатою чуланъ съ нарами — служившій спальною Великому Петру, гдѣ онъ не могъ, пожалуй, и растянуться, какъ слѣдуетъ, при своемъ богатырскомъ ростѣ. А тотъ покой, порядочныхъ размѣровъ, который снабжонъ каминомъ и долженъ бы былъ служить кабинетомъ и мастерскою вмѣстѣ, — обезображенъ приставкою лѣстницы на чердакъ. Массивный столъ, да три простыя точоныя кресла—вотъ и вся мебель этого салона *перваго* Всероссійскаго Императора, въ его временной Заандамской резиденціи.

Въ этотъ меблированный чертогъ, съ гончарною кровлею, Петръ переѣхалъ тутъ же; а четверо, привезенныхъ царемъ, спутниковъ (Меньшиковъ, князь Имеретинскій Александръ Арчилловичъ, князь Черкасскій, да, служившій переводчикомъ, сынъ московскаго придворнаго врача, Николай Захаровичь Фанъ-деръ-Гульстъ), помѣстились въ домѣ Якоба

Фан-деръ Линде, на *Зильфернадѣ*. Это было въ воскресенье. А на утро, купивъ—въ лавкѣ вдовы Якоба Ома, на *верхней плотинѣ*,—плотничные инструменты, царственный искатель техническаго знанія записался подъ именемъ Петра Михайлова въ плотники, на верфь Линста Теевисона Рогге, на Бейтензанѣ. Цѣлые дни проводилъ онъ на тяжолой работѣ, а по вечерамъ посѣщалъ семейства голландцевъ, жившихъ въ Россіи. Во вторникъ (10 августа), Петръ купилъ у судоваго маляра Вилема Гармсона ботъ за 40 флориновъ и кружку пива; распивъ съ продавцомъ ее, въ гербергѣ на Овертомѣ.

Зашелъ Петръ I и ко вдовѣ, умершаго на службѣ его въ Архангельскѣ, корабельнаго плотника Класа Вильмсона Мюсха,—которой отъ имени царя доставлено было 500 флориновъ въ видѣ пособія. Бѣдная женщина не знала, что это самъ государь, и, оплакивая мужа, посылала благословенія щедрости московскаго царя, прося Петра по возвращеніи въ Москву, засвидѣтельствовать, признательность за присылку, составлявшую единственный источникъ ея существованія. Заандамъ, кромѣ верфей, заключалъ тогда нѣсколько мельницъ маслодѣльныхъ и бумажныхъ, да пильныхъ заводовъ, дѣйствовавшихъ водою; фабрики веревочныя, парусныхъ полотенъ, мастерскія желѣзныхъ издѣлій и приготовленія компасовъ. Всѣ ихъ, въ первые же четыре дня пребыванія своего въ Заандамѣ, успѣлъ

осмотрѣть неутомимый Петръ; особенно внимательно всматриваясь въ приводы мельничнаго механизма, какъ самаго простого и удобнаго, для введенія въ Россіи. Разсказываютъ, даже, что будто бы великій монархъ, на бумажной фабрикѣ, подъ вывѣскою *Пѣтуха,* самъ отлилъ прекрасно одинъ листъ веленевой бумаги, всмотрѣвшись въ манипуляцію занятого этимъ работника, и мгновенно догадавшись, въ чомъ заключается вся хихрость снаровки.

Фабрика эта, и въ послѣдствіи не разъ посѣщаемая Петромъ, принадлежала, какъ извѣстно, знакомцу его еще по Архангельску, мениониту (и пастору даже въ своей сектѣ) Корнелису Михельсону Кальфу, по размѣрамъ годовыхъ оборотовъ первому негоціянту въ Заандамѣ.

Увидѣвъ царя-плотника у Кальфа, бургомистръ Іооръ и совѣтникъ магистрата Класъ Арендсонъ-Блумъ просили высокаго гостя пожаловать къ нимъ: откушать трески, приготовленной по Заандамски, но Петръ отвѣтилъ, что начальникъ еще не пріѣхалъ. А когда пріѣдетъ онъ, то доложитъ ему о лестномъ предложеніи и сдѣланной чести;—отклонивъ отъ себя отважное предложеніе надменныхъ горожанъ, этимъ путемъ желавшихъ удовлетворить свое любопытство. Уже носились по городу слухи о прибытіи *высокой особы.* Слухи эти перешли въ вѣроятность и сдѣлались предметомъ повсемѣстныхъ собраній въ круж-

кахъ и разговоровъ на улицахъ, когда бургомистръ Іоoръ, по случаю оскорбленія Петра уличными мальчиками, вывѣсилъ публикацію съ запрещеніемъ *оскорблять знатныхъ иностранцевъ, желающихъ сохранять инкогнито*. Тогда же поставлена и городская стража на мосту, ведущая на Кримпъ. Публикаціи читали, а стражи не слушались и расхаживали толпами. Въ субботу (14 авг.) звали Петра посмотрѣть, какъ перетаскивать будутъ изъ *средняго* въ *большой каналъ* на каткахъ, совсѣмъ построенный, корабль. Для царя приготовлено было особое мѣсто и, въ урочный часъ, депутація отправилась въ домикъ Киста: звать высокаго гостя. Онъ одѣлся и хотѣлъ выйти, но, увидѣвъ толпы народа передъ своимъ домикомъ, отказался отъ предложенія. Выйдя, потомъ, и задами пробравшись на каналъ, гдѣ стояла купленная имъ за 450 флориновъ *буеръ-яхта*,—сѣлъ на нее и пустился вдоль залива Эй. Но тутъ стали собираться цѣлыя компаніи на буерахъ, преслѣдуя его и заступая ему дорогу, желая разсмотрѣть дивнаго пловца. Пробившись долго съ навязчивыми любопытными, Петръ направился къ гостинницамъ на шлюзахъ между Заандамомъ и столицею и причалилъ къ крайней изъ нихъ. Но, выскочивъ на помостъ, царь остановленъ былъ новою толпою Заандамцевъ, между которыми былъ Класъ-Блумъ—первый распространитель слуха, что плотникъ высокій—царь московскій. Одинъ

изъ знакомцевъ этого болтуна, Корнелисъ Блокъ, прозванный Марценъ, подошолъ къ самому лицу царя, въ упоръ смотря на него, съ разинутымъ ртомъ. Звонкая пощочина Петра, раздраженнаго такою назойливостью, —была наградою за этотъ подвигъ, при крикахъ: Ура Марценъ! Ты—рыцарь, теперь!...

Царь скрылся въ тавернѣ и просидѣлъ тамъ до поздней ночи.

На утро, въ Воскресенье, рано еще было, а праздный народъ, пользуясь отдыхомъ отъ работы, уже залилъ густою волною весь Кримпъ. Петръ долго крѣпился, сидя за запертыми дверями, но около полудня вышелъ гнѣвный, прошолъ стремительно между зѣваками, сѣлъ въ свой буеръ-яхту и черезъ три часа уже былъ въ Амстердамѣ, раскаявшись въ принятомъ было намѣреніи жить и работать въ Заандамѣ.

На слѣдующій день послѣдовалъ церемоніальный въѣздъ великаго посольства московскаго въ городъ Амстердамъ. На издержки для этого пріема открытъ чрезвычайный кредитъ торжественной комиссіи, на которую возложено было угощеніе высокихъ гостей изъ той страны, гдѣ давняя коммерція сулила малоподатливымъ голландцамъ хорошіе барыши. Особенно, если, думали они, угостимъ мы этихъ господъ пышнѣе—они помогутъ намъ заключить еще болѣе выгодный трактатъ!

Хлопотъ церемоніальной комиссіи было не мало, а результаты далеко не соотвѣт-

ствовали щедрости городского совѣта, что называется развернувшагося нараспашку, изъ желанія будущихъ благъ. Гостинница принца Морица,—гдѣ обыкновенно отводили помѣщенія посламъ—занята была теперь уполномоченными высокихъ державъ, собравшимися для трактованія Рисвикскаго мира. Поэтому, для московскаго «Великаго Посольства» снята была *Старая Гостинница* (Oude-Doelen) на большомъ каналѣ. Маршалъ штатовъ Фредерикъ Гессельтъ фанъ-Динтеръ привезъ «великихъ пословъ» на 4-хъ яхтахъ по каналамъ, изъ Гуды, къ Утрехтскимъ воротамъ (на юговостокѣ столицы). Тамъ встрѣтили ихъ бургомистры и два пенсіонарія. Толпа конныхъ волонтеровъ—цвѣтъ амстердамской городской аристократіи, открывала церемоніальное шествіе. За волонтерами, въ экипажѣ, запряженномъ четверкою, ѣхалъ маршалъ—въ предшествіи четырехъ государственныхъ трубачей,—везя пословъ. Свита ихъ начиналась четырьмя татарами съ лукомъ и колчаномъ за плечами. За ними выступали 6 трубачей и 14 русскихъ дворянъ съ 6-ю пажами, передъ 2-мя каретами пословъ, окружонными 24-мя рындами, съ серебряными сѣкирами на правомъ плечѣ и на боку съ саблями, въ богатѣйшей оправѣ. Длинный рядъ придворныхъ служителей въ красныхъ кафтанахъ съ серебряными галунами, шолъ за экипажами пословъ. Далѣе ѣхали бургомистры со своею челядью, каж-

дый, въ предшествіи герольда. Пятьдесятъ каретъ съ особами мѣстной аристократіи голландской столицы, тянулись за бургомистрами. Шествіе тянулось вокругъ центра города, по лучшимъ улицамъ и по набережной большого канала, къ гостинницѣ, передъ которою выстроена была въ качествѣ почетнаго караула—городская гвардія.

Талантливый живописецъ Фредерикъ Мушеронъ, очевидецъ этого торжественнаго въѣзда, выполнилъ самъ иглой изображеніе его. Оно представляетъ движеніе процессіи, черезъ Маансъ Брукъ. Въ глубинѣ картины видно пяти-угольное зданіе замка на площади *новаго рынка.* На каналѣ Dokle sluis, на плоту, видна иллюминація и, подъ нею, къ водѣ спущенъ коверъ съ гербомъ Амстердама. Въ сквозномъ павильонѣ видѣнъ двухглавый русскій орелъ съ вензелемъ царя Петра.

Насколько пышна была эта встрѣча людьми цивилизованной страны, настолько, если небольше, поражаетъ насъ контрастъ послѣдняго далекаго похода Петра I—въ персидскія владѣнія, на Кавказъ. Въ торговый *Амстердамъ* ѣхалъ Петръ учиться, а голландцы думали—и теперь, и во второе путешествіе государя, спустя 20 лѣтъ,—усыпить его проницательность, или, лучше сказать, своею любезностью заставить забыть прямыя выгоды страны, для возвеличенія которой онъ не щадилъ своей жизни. Ему расточаютъ любезности, тогда уже крѣпко смирившіеся

бѣгачи, а Петръ молчитъ и удерживается отъ дарованія имъ того особенно, чего они такъ добивались. Изъ путешествій въ Голландію Петръ вынесъ, какъ извѣстно, полное разочарованіе въ томъ народѣ, который до выѣзда изъ Москвы казался ему лучшимъ въ мірѣ. Разочарованіе это, по возвращеніи изъ первой поѣздки въ Европу, только назрѣвало еще на душѣ у Петра. Нужно было ему испытать на дѣлѣ эту медоточивую сладость рѣчей любезныхъ знакомцевъ при нуждѣ, когда надобенъ былъ кредитъ и искалъ у нихъ Петръ посредничества въ заключеніи мира, да займа;—обѣщаясь воротить съ лихвою. И на томъ и на другомъ, тонкіе политики дали Петру горькій урокъ: провели, протянули и—ничего не сдѣлали! Полтавскій побѣдитель справился самъ одинъ со всѣми затрудненіями; за то и заплатилъ старымъ милымъ друзьямъ-любезникамъ полною холодностью. Устраиваютъ голландцы блистательныя празднества; расточаютъ любезности женѣ; тѣшатъ, ее какъ могутъ, пока Петръ во Франціи; разнообразятъ потѣхи и для него, по возвращеніи—онъ остается все тотъ же: холодный и неподатливый.

Да какъ и податься на сладкія рѣчи?.. Въ концѣ концовъ, выгоды Голландіи: уничтоженіе самостоятельной торговли нашей; которую Петръ началъ и для которой выдержалъ 20-лѣтнюю борьбу, безъ внѣшнихъ займовъ и безъ чужой помощи. Добился онъ

славнаго мира и,—обратилъ орлиный взглядъ на востокъ, рынки котораго надежнѣе для сбыта нашихъ производствъ. Въ этихъ видахъ ѣдетъ онъ по Волгѣ, до Астрахани, и,—выходитъ въ Каспій. Переносится въ Аграханскій заливъ и, берегомъ, отъ Сулака доходитъ до Дербента. Тарки и Дербентъ ему открываютъ ворота; хищники — грабители русскихъ купцовъ наказаны. Природа ополчилась противъ генія и остановила его путь въ самомъ началѣ. Но одинъ страхъ его имени, одно впечатлѣніе отъ появленія могучаго воителя, заставляетъ слабую Персію уступить даромъ то́, что хотѣлъ у ней Петръ взять оружіемъ; да не успѣлъ.

Дербентъ, — гдѣ провелъ двѣ недѣли Петръ I, зайдя далеко за предѣлы своихъ владѣній и куда никогда не захаживала нога ни одного государя европейскаго—сохраняетъ нѣсколько воспоминаній, ярко характеризующихъ минутное пребываніе здѣсь великаго человѣка.

Жилъ въ Дербентѣ государь—въ землянкѣ, среди стана, съ южной стороны города; въ 70 саженяхъ отъ моря. Станъ этотъ былъ укрѣпленъ землянымъ валомъ, съ бастіонами. У восточнаго края, внутри его, стоитъ эта землянка, заключающая всего двѣ комнаты, гдѣ простота обстановки быта, хотя и боевого, далѣе простираться неможетъ для государя. Только Петръ, послѣ хижины Киста, могъ удовлетворяться такимъ кровомъ.

Въ рощѣ, въ 7 верстахъ отъ Дербента, близъ деревни Джалганъ, близъ природнаго грота со сталактитами, также любилъ бесѣдовать могучій царь съ табасаранскими беками. Такъ называемый «памятникъ» — глыба камня съ надписью, — указываетъ мѣсто этой воздушной царской пріемной, устроенной самою природою.

Еще одну черту характера Петра можно подмѣтить въ самой цитадели Дербентской. Царь жилъ въ комендантскомъ домѣ и, говорятъ, нетерпѣливо ожидая прихода Синявина съ провіантомъ войску изъ Астрахани, — приказалъ прорубить въ одной комнатѣ окно, къ сѣверу, на море. Успѣлъ ли монархъ смотрѣть изъ этого окна когда окончили работы? — это другое дѣло. Про это молчатъ разсказчики.

Скупой на подробности, путевой журналъ Петра также не много оставляетъ намъ деталей о пребываніи въ Дербентѣ государя. Что онъ обозрѣвалъ, и не разъ, базары городскіе, — при страсти все видѣть и во все всматриваться, — не можетъ быть сомнѣнія. Вѣдь обратилъ же Петръ вниманіе на здѣшнее садоводство и нашолъ же необходимымъ распространить его? Ужъ изъ Россіи и прислалъ онъ, незадолго до смерти своей, породы итальянскихъ лозъ, да нанялъ и винодѣла — венгерскаго маіора Туркула: заниматься здѣсь разведеніемъ винограда. Съ легкой руки великаго Петра, виноградные сады

разрослись на 18 квадратныхъ верстъ по морскому берегу, на сѣверъ и на югъ отъ города.

Только и теперь, туземцы относятся къ дѣлу винограднаго винодѣлія со своею обычною апатіею. Одно появленіе Петра не въ состояніи было разшевелить ихъ неподвижность. Это—не русскіе люди! Да, чего добраго, пожалуй и самъ Петръ, вторично явившись даже съ чудотворной дубинкой своей, неразбудилъ бы ихъ отъ тысячелѣтняго сна, навѣяннаго чувственною религіею лжепророка.

V.

Петръ въ Архангельскѣ былъ три раза: два раза для заведенія бѣломорскаго судостроенія, а въ послѣдній разъ—намѣреваясь дать отпоръ шведамъ, повѣривъ ложному слуху, пущенному врагами: будто-бы они придутъ на сѣверъ изъ Лапландіи и раззорятъ, тогда еще нашъ единственный, морской портъ.

Въ каждое изъ посѣщеній своихъ на сѣверъ, Петръ дѣлалъ новое дѣло: узналъ море, воспользовался имъ для выгоды русскаго народа и укрѣпилъ берегъ, обезопасивъ этимъ торговлю.

Явившись въ первый разъ въ толпу иностранныхъ негоціантовъ, Петръ цѣлые дни

проводилъ на набережной Сѣверной Двины, служившей въ продолженіе лѣтнихъ мѣсяцовъ открытою биржею для всѣхъ торговыхъ сдѣлокъ и предпріятій: по мѣнѣ русскихъ товаровъ на иностранные, закупкѣ чужеземныхъ издѣлій, заподряженью для будущей навигаціи и запасу продуктовъ первой необходимости для цѣлаго края. Узнавая подробности сбыта и запроса на наши товары, Петръ нашолъ въ Архангельскѣ одного только прямодушнаго и честнаго изъ иностранныхъ негоціантовъ, Яна Ферколье, который откровенно разсказалъ любопытному государю всю суть поживы англичанъ, голландцевъ и нѣмцевъ, насчотъ недальновидности русскихъ. «Мы беремъ хорошій процентъ за свои хлопоты и русскіе всегда находиться будутъ у насъ въ рукахъ, потому что мы на своихъ корабляхъ пріѣзжаемъ къ вамъ и увозимъ вашъ товаръ. Что́ положимъ за него,—по взаимному уговору, между нами иностранцами—по той цѣнѣ и покупаемъ. Будь у русскихъ корабли, да ѣзди они сами со своимъ товаромъ къ намъ,—этотъ барышъ попалъ бы къ нимъ въ карманъ, а теперь, и знаютъ, и видятъ, что не выгодно имъ, да уступаютъ! потому что, дороже никто не даетъ здѣсь. А везти обратно съ собой, не продавъ товаръ—нельзя?»

Петръ за это открытіе далъ Ферколье милостивую грамоту и скоро изумилъ иностранцевъ, такъ безцеремонно поступавшихъ

съ нами. Онъ приказалъ немедленно купить для себя купеческій корабль и при глазахъ своихъ успѣлъ нагрузить его товарами, на которые былъ наибольшій запросъ въ Амстердамѣ: икрою, клеемъ, поташомъ и смолою. Въ первый разъ, для этого первенца торговаго русскаго флота сочинилъ Петръ и флагъ, расположивъ три цвѣтныя полосы голландскаго флага, въ другомъ порядкѣ. Покачали головою, посѣдѣвшіе на торговыхъ спекуляціяхъ, торгаши-голландцы и англичане, увидѣвъ отправку этой,—какъ говорили они,—*царской прихоти*. А прихоть эта, черезъ нѣсколько лѣтъ, сбила спѣсь съ ихъ высокомочій. Во второй разъ (съ мая, по августъ 1694 года), Петръ въ Архангельскѣ уже занятъ былъ спускомъ судовъ, съ основанной имъ верфи на островѣ Соломбалѣ, отдѣляемомъ отъ города Архангельска рукавомъ Двины, называемымъ Кузнечихою (въ 230 саженъ). Самъ государь жилъ въ деревянныхъ хоромахъ, построенныхъ для его принятія на Мосѣевомъ островѣ—по срединѣ широкой Двины. Соломбалу выбралъ Петръ для судостроенія именно потому, что здѣсь глубина воды въ Двинѣ давала возможность подлѣ самаго берега стоять морскимъ судамъ. Въ оба пріѣзда въ Архангельскъ, Петръ пускался по Бѣлому морю, на триста верстъ и дальше, къ Терскому бе егу. Въ третій пріѣздъ—1702 года—Петръ пріѣхалъ въ Архангельскъ 18 мая и пробылъ

по 5 августа, все дожидая прихода шведовъ: строя батареи, да—корабли. На Вавчугѣ—на частной верфи братьевъ Бажениныхъ, поощренныхъ вниманіемъ и заказомъ государя, радовавшагося первой попыткѣ русскихъ людей строить мореходныя суда — спущены теперь были два фрегата: одинъ «Св. Духа», а другой «Курьеръ», и ввѣрены опытнымъ командирамъ Памбургу и Вальрандту. Съ 1700 года строилась на мірскія сборныя деньги каменная крѣпость на новой Двинкѣ, освящонная Петромъ теперь въ день тезоименитства—съ праздникомъ для народа. Сдѣлано было у береговъ же—4 батареи, связанныя редутами и шанцами въ одну сплошную линію укрѣпленій. Устья Пудожемское и Мурманское загружены и закрыты для прохода съ моря. Пять баталіоновъ гвардіи представляли достаточныя средства для отпора на сушѣ. И всѣ эти приготовленія оказались напрасными. Враги провели Петра — крѣпко боясь за свой Нотеборгъ, часъ котораго, назначенный судьбою, пробилъ и уловка, отнявшая лѣто у насъ для дѣйствій, не отсрочила паденія!

Явившись въ сентябрѣ, уже новымъ путемъ,—черезъ проливъ Нюхчу и Онежское озеро, гдѣ, проводя дорогу, пришлось побороть самую природу,—царь двинулъ войска къ Нотеборгу, отъ Назьи. Съ этого начинается исполненіе Петромъ обѣщаній, данныхъ Августу II-му на Бирженскомъ свида

ніи и напомненныхъ имъ въ письмѣ отъ 1 мая.—«Ударьте на Шведовъ», писалъ жалобно король—и царь, съ Невы, началъ эти удары, въ то время, когда недоброжелатели наши въ Европѣ поторопились разгласить, что у царя нѣтъ ни силъ, ни куража продолжать опрометчиво начатую борьбу.

Нотеборгъ шведскій—бывшій русскій Орѣшекъ,—по словамъ новгородскихъ дворянъ, осматривавшихъ мѣстность въ началѣ 1701 года, былъ «городъ каменной на острову, величиною съ Ладогу; стѣны высокія, немного ниже новгородскихъ; стоитъ отъ озера съ версту. Невской протокъ подлѣ Орѣшка, отъ русской стороны, шириною сажень со 100, глубокъ и быстръ; суда ходятъ подлѣ самой стѣны, а съ лѣвой—къ берегу не ходятъ. Солдатъ въ немъ бываетъ по 100 и по 200, а болѣе 300 не бываетъ и быть нельзя, потому что городъ малый и строенія никакого нѣтъ: только воеводскія хоромы, да солдатскія двѣ избы большія.»

Хорошо, что Петръ недалъ полной вѣры этимъ успокоительнымъ вѣстямъ, да не пришолъ съ малыми силами. Гарнизонъ оказался въ 500 человѣкъ, да, на стѣнахъ, было 142 орудія. Высота стѣнъ была также не только не ниже, но сажени на двѣ выше новгородскихъ. И разница въ четыре слишкомъ аршина,—которыхъ не хватало отъ верха лѣстницъ до края—стѣны, заставила храбрецовъ Семеновскихъ, во время штурма, про-

биться цѣлый день въ безплодныхъ попыткахъ поправить дѣло. Только пожаръ, усилившійся отъ взрыва, во время штурма, заставилъ, сдаться вечеромъ коменданта, отъ своихъ угрожаемаго смертью. Безъ того, взялъ ли бы крѣпость въ этотъ день, безстрашный подполковникъ Семеновскаго полка, князь Михаилъ Михаиловичъ Голицынъ?—Еще вопросъ!

Шведамъ нужно отдать справедливость; крѣпости сдавали они при самой уже крайности, и держались стойко вообще. Русскихъ пришло къ Нотеборгу 14 полковъ,—не меньше 12000 человѣкъ. Земляныя работы ведены были тоже правильно. Самъ царь дѣйствовалъ мортирами на лѣвомъ флангѣ, самъ перевозилъ охотниковъ подъ огнемъ непріятельской артиллеріи и, подъ конецъ, заставилъ ее почти не отвѣчать на градъ бомбъ и гранатъ, которымъ осыпали мы твердыню шведскую, бросивъ ихъ до 7500 штукъ; кромѣ 8000 ядеръ. Какъ такою массою разрывныхъ снарядовъ не произвести проломовъ въ башнѣ и куртинѣ (съ юго-западной стороны)?

Усердіе, однако, все превозмогло. Такъ или иначе, а Нотеборгъ намъ сдался и съ нимъ, твердою ногою стали мы на Невѣ.

Проходитъ шесть лѣтъ. Карлъ XII уже разгромилъ давно Августа II. Заставилъ его отказаться отъ польской короны, собралъ даже рекрутъ для пополненія своей арм

въ земляхъ своего невольнаго союзника и, въ третій разъ подходя къ русскимъ предѣламъ, вступилъ, наконецъ, въ ненавистную для него Московію. При мѣстечкѣ Головчинѣ онъ сошолся въ первый разъ съ русскими и всею своею арміею не успѣлъ разбить недавнихъ «неучей и трусовъ»,—какъ величалъ, до того *непобѣдимый король*, по нарвской памяти, нашихъ соотечественниковъ. Петръ узналъ изъ письма Меньшикова на столько сносную развязку грозной первой встрѣчи, о которой издали онъ вспоминалъ не безъ содраганія; боясь услышать что нибудь гибельное. Что подумалъ государь по полученіи этого извѣстія, отвѣчаетъ онъ самъ отъ 7 іюля 1708 г.—«Зѣло благодарю Бога, что наши прежде генеральной баталіи видѣлися съ непріятелямъ хорошенько, и что *отъ всей его арміи, одна наша треть такъ выдержала и отошла*». Передъ Карломъ XII были теперь вѣрно не тѣ уже люди, которые такъ дешево дали ему поразить себя 19 ноября 1700 г., Отвѣдавъ ихъ стойкость, Карлъ XII презираемымъ имъ до того русскимъ далъ разбить еще (1 августа) своего партизана Канифера, съ плѣненіемъ котораго увидѣлъ надменный нарвскій побѣдитель необходимость вызвать изъ Лифляндіи съ провіантомъ, своего храбраго полководца, графа Левенгаупта. Вызвавъ и поджидая его, король, уже разсчитывавшій на измѣнника Мазепу, до половины августа недвигался

съ мѣста)отъ Могилева); а за тѣмъ пошолъ къ Мстиславлю, при Сожѣ. Дѣлалъ это Карлъ для того, чтобы удобнѣе прорваться въ Украйну и 10 сентября дѣйствительно вошолъ въ нее, переправясь черезъ р. Сожу.

Левенгауптъ былъ, между тѣмъ, недалеко, и не будь Петръ одаренъ геніальною предусмотрительностію, шведскому генералу удалось бы соединиться съ королемъ его. Да Петръ былъ не таковъ, чтобы не замѣтить ошибки противника и не съумѣть ею воспользоваться, въ самую пору.

Какъ только движеніе Карла XII опредѣлилось вполнѣ, Петръ пошолъ самъ на встрѣчу Левенгаупту. Ложные слухи его обманули, однако, въ размѣрѣ силъ этого генерала, и, думая справиться съ нимъ съ 10,000 человѣкъ, уже найдя непріятеля, царь увидѣлъ свою ошибку и предписалъ генералу Боуру привести скорѣе къ себѣ 8 драгунскихъ полковъ, потому что шведовъ оказалось (при обозѣ въ 3000 телегъ), 16,000 человѣкъ. Но, вотъ проходитъ день—Боура нѣтъ! а Левенгауптъ готовитъ мосты къ переправѣ. Наступаетъ и утро 28 сентября 1708 г. Шведы скрываются въ лѣсу,на горѣ, и внезапно напавъ на наши два полка (ингерманландскій и невскій), недали имъ идти далѣе, стараясь обхватить съ флановъ и уничтожить. Драгуны отбиваются; къ нимъ подходитъ семеновскій полкъ,—и его шведы начинаютъ тѣснить. Вступаютъ въ дѣло преображенцы и—непріятель самъ ре-

тируется. Мы выгоняемъ его изъ лѣса на поле и, соединенными силами пѣхоты и конницы, храбро поддерживаемъ бой до полнаго изнеможенія своихъ и враговъ; изъ обоза построившихъ родъ укрѣпленія. Отдыхъ еще продолжается, когда, въ пятомъ часу пополудни, подошолъ Боуръ и свѣжими силами ударилъ на шведовъ. Они храбро бились, но отчаяніе не помогло. Сила рѣшила дѣло. Враги пустились въ бѣгъ, оставивъ обозъ—средства существованія для своего короля съ арміею, среди земли непріятельской. «Сія у насъ побѣда можетъ первою назваться, понеже надъ регулярнымъ войскомъ никогда такой не бывало—тутъ первая проба солдатская была», говоритъ петровскій журналъ «*и мать Полтавской баталіи* назваться можетъ»,—прибавилъ Петръ.

Безъ хлѣба шведы испытали всѣ ужасы голода зимою, и весна не была для нихъ лучше.

Въ 1709 году, Петръ пріѣхалъ къ арміи изъ Воронежа, уже въ іюнѣ, когда Карлъ XII началъ, въ недобрый часъ, осаду Полтавскаго замка, и въ нелегкую минуту рѣшилъ предупредить Петра боемъ, который царь расчитывалъ начать въ свои имянины.

Еще царствовала мгла южной ночи и чуть брезжилъ день 27-го іюня, когда, горя въ лихорадкѣ отъ пораженія ноги ружейнымъ выстрѣломъ, Карлъ XII двинулъ полки свои на нашу кавалерію, стоявшую у неокончен-

ныхъ двухъ редутовъ. Укрѣпленія эти сдѣлались легкою добычею превосходной силы, но 6 баталіоновъ пѣхоты и нѣсколько десятковъ эскадроновъ кавалеріи шведскаго праваго крыла, русскіе успѣли оторвать и загнать въ лѣсъ, пока главныя силы пробивались черезъ наши редуты, обратно. Конница наша, правда, подалась, но, для того только, чтобы изъ укрѣпленнаго лагеря выпустить свою пѣхоту. Шведы пошли за нашею конницею, желая оттѣснить ее отъ линіи укрѣпленій. Задумавъ это, Левенгаултъ подошолъ подъ самый ретраншаментъ нашъ, но артиллеріею отбитъ былъ съ урономъ и искалъ спасенія въ лѣсу. Меньшиковъ и Ренцель посланы тогда обойти лѣсъ и аттаковать въ немъ шведовъ, дѣйствительно тутъ и взятыхъ.

Тогда только русскія силы выстроились передъ сбитымъ уже непріятелемъ!.. Это было въ 9-мъ часу поутру. И тутъ-то закипѣлъ ожесточенный бой лѣваго нашего съ правымъ непріятельскимъ крыломъ, причомъ «зѣло жестоко въ огнѣ оба войска бились; однакожъ то все долѣе двухъ часовъ не продолжалось, ибо непобѣдимые господа шведы скоро хребетъ показали», — какъ написалъ главный дѣятель въ бою, самъ Петръ.

Полтавская побѣда, повлекшая за собою сдачу при Переволочнѣ Меньшикову (30 іюня), припертой къ Днѣпру, всей шведской арміи,— поставила Петра въ апогеѣ славы. Всѣ желали имѣть его союзникомъ. Войско его

считали теперь первымъ въ Европѣ. А давно ли, всего за 15 лѣтъ, десятки тысячь русскихъ не могли взять у турокъ далеко не грознаго Азова?

Если Кожуховскій походъ далъ Петру надежду потягаться съ турками, *не шутя*; за то Азовскій урокъ выработалъ изъ побѣдителей нестройныхъ турецкихъ массъ грозную стѣну штыковъ, разобщить которую неудалось и драбантамъ Карла XII.

Конечно, пятнадцать лѣтъ въ жизни народа время немалое, но ни одинъ государь во всемірной исторіи не дѣлалъ еще такихъ колоссальныхъ измѣненій въ средѣ своего общества, какія произвелъ Петръ именно въ годы между Азовскою неудачей и полтавской побѣдою.

Побѣдитель при Азовѣ самъ чуть не юноша, при Полтавѣ—уже мужъ силы, мужества, отваги и крѣпкой мысли. Изъ прежнихъ соратниковъ, окружавшихъ его при Азовѣ, многіе уже уснули вѣчнымъ сномъ. Нѣтъ ни Гордона, ни Головина, ни Лефорта, ни Шеина, ни Тиммермана, занимающихъ первый планъ современной сцены, воспроизведенной смѣлымъ рѣзцомъ Шхонебска, рисовавшаго портреты съ натуры. Вейде одинъ живъ, правда,но въ шведскомъ плѣну. При Полтавѣ у Петра все люди новые. Меньшиковъ—герой дня, тогда еще комнатный прислужникъ, или солдатъ преображенскій. Бояринъ Шереметевъ—фельдмаршалъ; князья Голицынъ и Рѣ-

пнинъ, будущіе фельдмаршалы, уже генералы заслужонные. Всѣ они при Полтавѣ честно исполнили свою должность и о нихъ, какъ о себѣ, могъ сказать Петръ, что велъ себя здѣсь каждый «какъ доброму приводцу надлежитъ!»

Опасны были *дороги*, по которымъ наклоняясь отъ злыхъ мухъ—турецкихъ пуль,—ходилъ безвредно, подъ Азовомъ, Петръ. Подъ Полтавою онъ, въ полномъ смыслѣ слова, не щадилъ себя. Прострѣлена шляпа на немъ «и въ сѣдельномъ орчакѣ фузейная пуля найдена!» Былъ, стало быть, въ самомъ огнѣ и выдержалъ хорошій экзаменъ передъ лицомъ своихъ шведскихъ учителей. Всѣхъ собралъ онъ шведскихъ генераловъ, въ полдень, къ обѣду, въ ставку свою и выпилъ съ уваженіемъ бокалъ за ихъ здоровье, возвративъ шпагу старцу Рейншильду.

И Пушкина и Коцебу—живописца и художника современнаго, одинаково остановилъ въ начертаніи Полтавскаго боя — одинъ и тотъ же моментъ: *явленіе Петра къ войску*, когда уже оно рѣшительно стало противъ главныхъ силъ шведскаго короля. Не можетъ быть это случайностью? Это—самое поэтическое мгновеніе изъ эпоса Полтавскаго боя. Поэтъ недаромъ назвалъ *вдохновеннымъ* — звучный гласъ Петра:

«За дѣло, съ Богомъ!» Изъ шатра
Толпой любимцевъ окруженный,

Выходитъ Петръ. Его глаза
Сіяютъ. Ликъ его ужасенъ
Движенья быстры. Онъ прекрасенъ
Онъ весь какъ Божія гроза.

Въ этомъ представленіи грозы и заключалась тайна—побѣды!

VI.

На Петра Великаго слѣдуетъ смотрѣть, прежде всего, конечно, какъ на геніальнаго правителя, указавшаго новый путь народному стремленію. За государемъ-же скрывается въ Петрѣ *морякъ* по призванію. И полководецъ уступалъ въ немъ наклонности флотоводца! Такъ что, воевалъ Петръ, по необходимости, готовый всякую минуту помириться, если выгода его державы достигалась сколько нибудь при этомъ. Но, корабли строилъ онъ, удовлетворяя частію личной любви своей къ морю и иногда, въ своемъ плаваньѣ по морямъ, беззавѣтно и безтрепетно, вдавался въ опасность, чувствуя всю поэзію борьбы стихій и въ ревѣ бури слыша отголосокъ своей собственной страстной натуры.

Самая быстрота послѣдовательнаго развитія въ Петрѣ моряка-кораблестроителя, тоже можетъ объясниться одною господствую-

щею страстью, а отнюдь не сознаніемъ долга и настоятельной его потребности.

Понимая что̀ слѣдуетъ дѣлать люди очень умные ищутъ подходящихъ исполнителей и полагаются на ихъ знанія и преданность. У Петра мы видимъ совсѣмъ не то. *Все начинать самому*—и въ законодательной регламентаціи, и въ водвореніи науки, и въ заведеніи газетъ, и въ обученіи войска, также какъ въ устройствѣ фейерверковъ, постройкѣ крѣпостей, разведеніи садовъ даже, не только въ стройкѣ водоходныхъ судовъ — для Петра было однимъ изъ условій его дѣятельной натуры. Слѣдовательно, въ одномъ началѣ судостроенія трудно бы было безъ натяжки открыть врожденную наклонность къ морскому дѣлу въ Петрѣ. Но, въ дальнѣйшемъ веденіи его: въ заводеньи верфей, личномъ выполненіи обязанностей корабельнаго плотника, любви къ самому упражненію въ этомъ мастерствѣ и, изъ-за любви къ дѣлу, — въ расположеніи къ техникамъ кораблестроителямъ до полнаго товарищества съ ними — трудно не видѣть уже въ преобразователѣ нашемъ преобладанія страсти исключительной, подчинявшей себѣ всѣ другія побужденія. Оспаривать этого нѣтъ даже возможности.

При Азовѣ, Нотеборгѣ, Дерптѣ, Выборгѣ, — Петръ уже выказалъ, скажутъ намъ, такое же точно пристрастіе къ дѣйствію артиллеріею. Правда! Но это не заставляло

его никогда заняться, лично, литьемъ пушекъ; какъ строилъ онъ корабли? Здѣсь была надобность за, высказанная раньше уже нами, *страсть къ почину и самодѣятельности.* Пожалуй, и необходимость частію. Людей у Петра, на столько же годныхъ на все, какъ онъ самъ — хотя и въ безконечно меньшей степени—былъ всего одинъ Меньшиковъ. Всѣ другіе, и очень полезные дѣятели, были, отдѣльные специалисты, болѣе или менѣе, но; на все употреблять ихъ было нельзя: опасно, чтобы не напортили дѣла внѣ своей спеціальности. Неодарены они были тою проницательностью, которая дается немногимъ и позволяетъ своимъ избранникамъ скоро усваивать себѣ что бы ни было. Меньшиковъ былъ именно одна изъ такихъ натуръ; потому Петръ и любилъ его, и возвышалъ его, и терпѣлъ его, довольно вѣскія, прегрѣшенія, да захваты. Но, у такого Государя, какъ Петръ I — неумолимый къ себѣ и своимъ роднымъ—немогла бы одна личная привязанность, и самая прочная, устоять противъ казнокрадства: самаго тяжкаго преступленія въ глазахъ такого великаго государственнаго эконома, какимъ вездѣ выказывается нашъ первый Императоръ. И, если, *пощадить жизнь* первостепеннаго казнокрада, уличоннаго, и, можно сказать, далеко не раскаяннаго, — сталъ умолять Петръ Сенатъ свой, стало быть нуженъ былъ ему человѣкъ на столько, что въ глазахъ судьи, добро, еще отъ него

ожидаемое, превышало зло, имъ совершонное. Возвратить и взыскать похищенное Петръ распорядился немедленно, а самого преступника не только пощадилъ, но оставилъ и на мѣстѣ, имъ занимаемомъ;— ясно, что замѣнить его было не кѣмъ и не чѣмъ. Не забудемъ исторіи съ княземъ Репнинымъ. За Головчинское дѣло военный судъ приговорилъ его изъ генераловъ въ солдаты и Петръ утвердилъ приговоръ. Два мѣсяца и пробылъ Репнинъ въ солдатахъ, а помилованъ только по просьбѣ побѣдителя подъ Добрымъ — князя М. М. Голицына, которому государь позволилъ просить что онъ хочетъ; обѣщая исполнить его желаніе. Съ Меньшиковымъ было не такъ. Никто не только не просилъ за него, но всѣ единодушно обвиняли его и изрѣкли смертный приговоръ, безъ ослабляющихъ обстоятельствъ. Петръ же припомнилъ спасеніе своей собственной жизни преступнымъ княземъ Ижерскимъ и живо представилъ себѣ всѣ тяжолые годы войны съ Карломъ XII, когда Данилычь былъ вездѣ правой рукой своего великодушнаго монарха-друга. И—прощонъ виноватый!

Да и какъ было не простить соратника, за одинъ подвигъ съ государемъ заслужившаго орденъ Св. Андрея Первозваннаго (10 мая 1703 г.)—за взятіе лодками двухъ шведскихъ судовъ въ устьяхъ Невы.

Съ царемъ вмѣстѣ Меньшиковъ работалъ и въ Амстердамѣ, на Остъ-Индской верфи. Съ

нимъ строилъ и корабли на Олонцѣ, да въ Петербургѣ. Меньшиковъ былъ камрадъ-кораблестроитель и также «происходилъ чинами» по флоту до вице-адмирала. Меньшиковъ былъ — оселокъ, на которомъ испытывалъ Петръ свои собственныя наклонности: моряка, полководца, правителя.

Послѣ Азова,—для взятія котораго Петръ въ первый разъ далъ приказъ изготовить большое число водоходныхъ судовъ—страсть увлекла царя въ Голландію. Удаляясь же за предѣлъ отечества, онъ велѣлъ начать обширное дѣло кораблестроенія въ Воронежѣ—*всѣми средствами государства*. Флотъ Воронежскій проведенъ къ Азову и далѣе въ море, до Керчи. Турки изумлены, напуганы и склонены къ миру съ нами на тридцать лѣтъ. Цѣль обладанія однимъ изъ южныхъ морей, казалось, достигнута. Но, столько хлопотъ на сооруженіе по времени громаднаго флота, оказались не доводящими до цѣли. Даже и свободное хожденіе по Чорному, а не только по одному Азовскому морю, не улучшило дѣло нашей торговли. Выхода отсюда въ Средиземное море не было. Турки еще были сильны и никакъ бы этого не дозволили. Теряя въ 1711 году Азовъ, Петръ скоро утѣшился, имѣя уже Петербургъ и выходъ изъ него въ Балтику, а ею въ Европу. Меньшиковъ, утѣшая Петра, потерпѣвшаго Прутскую неудачу, намекнулъ на это. Прозорливый государь самъ видѣлъ на сѣверо-западѣ

выгоду, конечно, ранѣе и отъ того не особенно стоялъ за Азовъ, отрекаясь выдать Кантемира. Послѣдствія показали, чѣмъ мѣтилъ Петръ наверстать южную уступку. Союзники его, каждый въ свою очередь, старались оттянуть по кусочку отъ Швеціи, воинственный король которой оставался, на перекоръ всѣмъ соображеніямъ здравой политики — цѣлыхъ пять лѣтъ въ Турціи, съ единственною цѣлью вооружить ее противъ Петра; такъ что надоѣлъ страшно самимъ туркамъ. Лучше бы онъ сдѣлалъ, когда бы сократилъ свое пребываніе въ земляхъ падишаха, да поспѣшилъ бы во время на защищеніе своихъ заморскихъ земель, въ Германіи. Трудно представить себѣ, какой бы видъ приняла тогда война союзниковъ Петра съ Швеціею? Во всякомъ случаѣ, Петру и плану его перенесенія театра нашихъ военныхъ дѣйствій въ Финляндію — это никакъ бы не помѣшало. Въ то время, когда шведскій фельдмаршалъ Штенбокъ, да если бы пріѣхалъ во время на выручку его и самъ король, — бились на южномъ балтійскомъ приморьѣ, русскіе во всякое время могли входить въ Финляндію.

Замѣтимъ здѣсь, также, кстати, что всегда Петръ I — по особой-ли благосклонности судьбы, или по своей уже, чуть не сверхъестественной, подвижности—*успѣвалъ во время* и въ пору прибывать туда, гдѣ его присутствіе было всего нужнѣе. Къ Выборгу,

пробиваясь между льдовъ, везетъ онъ провіантъ,—зная, что осадный корпусъ останется голоднымъ, если подвозъ замедлится. Оттуда уѣзжаетъ въ Петербургъ, опять въ самую пору: нѣсколько часовъ запоздалъ-бы—и пришедшій шведскій флотъ могъ захватить его въ плѣнъ, съ малочисленной его флотиліей. Второй пріѣздъ къ Выборгу же, сухимъ путемъ, привелъ государя какъ разъ къ сдачѣ этой крѣпости.

Прошло пять лѣтъ. Балтійскій флотъ нашъ уже разгуливаетъ по всему Финскому заливу и шведы, недавніе повелители зыбей его, сами прячутся въ прибрежныхъ шхерахъ. Генералъ-адміралъ Апраксинъ отыскиваетъ самъ: гдѣ скрылись наши непріятели, морскою силою все еще насъ превосходившіе. Царь живетъ въ Ревелѣ, осматриваетъ пунктъ, гдѣ не замерзаетъ море зимою и при Рогервинѣ назначаетъ построить для зимовки флота обширную военную гавань. Въ это время увѣдомляетъ его Апраксинъ, что между Або и Гельсингфорсомъ притаился шведскій флотъ, а онъ со своимъ сталъ вблизи; наблюдая. Наблюденія даютъ возможность подмѣтить, что шведы отправляютъ суда на поискъ, должно быть, за нами. Царь послалъ скампавеи стать между отдѣлившеюся флотиліею и шведскимъ флотомъ а на другой день, 27 іюля 1714 г., самъ аттаковалъ отрѣзанныя 6 галеръ, 2 шкуны и фрегатъ, у мыса Гангеудъ. Контръ-адміралъ Эрншильдъ не хотѣлъ сдать-

ся и взятъ былъ съ боя. Петръ I, самъ контръ-адмиралъ еще, высоко ставилъ эту свою удачу —взятіе шведскаго Шаутбенахта—и 9 сентября торжественно ввелъ плѣнныя суда въ свой Петербургъ, установивъ ежегодно совершать парадъ и молебствіе въ этотъ день.

Въ чинѣ вице-адмирала, данномъ княземъ кесаремъ за Гангутъ, Петру, какъ моряку, оказана величайшая честь командирами трехъ союзныхъ флотовъ, на Копенгагенскомъ рейдѣ, куда собрались они было для совокупныхъ дѣйствій противъ Швеціи, въ навигацію 1716 года. Въ воскресенье, 5 августа, Петръ I поднялъ свой штандартъ на гротъ-стеньгѣ на кораблѣ «Ингерманландъ», спущенномъ съ верфи С.-Петербургскаго Адмиралтейства 1-го мая 1715 года и вооружонномъ 70 пушками. Петръ I гулялъ уже на немъ и во всю первую компанію его (въ навигацію 1715 г.) Къ Копенгагену же флотъ нашъ пришолъ 19-го іюля 1716 г., въ числѣ 16 кораблей, 3 фрегатовъ и 3-хъ шнявъ, на которыхъ было всего 100 пушекъ и 6386 человѣкъ экипажа. По поднятіи штандарта, союзные адмиралы произвели салютацію царю, *яко главному командиру своему*: англійскій адмиралъ Норрисъ 21 выстрѣломъ, голландскій генералъ-адмиралъ Гулденъ-Леве 27 выстрѣлами, а датскіе флагманы спустили даже флаги на нѣсколько минутъ и потомъ опять подняли. А за тѣмъ, какъ писалъ Шафировъ къ Меньшикову отъ 7 августа: «когда Е. В. далъ

лозунгъ къ поднятію якоря, то пошолъ англійскій адмиралъ и голландскій командиръ со своими 25 линейными кораблями на море, а за ними 600 торговыхъ англійскихъ и голландскихъ кораблей, которыхъ множеству парусовъ можно было удивиться». Этимъ удивленіемъ численности, да честью командованія, Петру и пришлось, однако, ограничиться, вмѣсто ожидаемыхъ счастливыхъ результатовъ обширнаго предпріятія. Экспедиція на шведскій берегъ, за промедленіемъ датчанъ, не состоялась. Петръ вынесъ изъ Даніи,—гдѣ его и супругу много чествовали,—горечь неудачи и неувѣренность въ стойкости союзниковъ. А самъ помогая себѣ и громя берега Швеціи опустошительными дессантами, царь наконецъ добился Ништадтскаго мира и съ нимъ закрѣпленія завоеванныхъ нашимъ оружіемъ прибалтійскихъ провинцій, которыя, начиная войну, думалъ было подобрать себѣ польскій король Августъ II.

Отпраздновавъ Ништадтскій миръ въ Москвѣ, Петръ, какъ мы уже говорили, совершилъ въ 1722 году походъ въ Персидскія владѣнія на Кавказѣ, изъ Астрахани. Въ этомъ городѣ память Нетра сохраняется благодаря верейкѣ и яхтѣ царскимъ, сбережоннымъ въ помѣщеніи бывшаго порта. Но яхта эта—едва ли та самая, въ которой государь съ супругою плавалъ по бурному Каспію? По мѣстнымъ сказаніямъ, яхта и верейка, тутъ же на-

ходящаяся, были въ употребленіи Петра; но гдѣ?

Отрадно слышать, что память о великомъ человѣкѣ чествуется въ такой дали, гдѣ провелъ онъ не больше мѣсяца, на закатѣ уже дней своихъ.

Медаль съ портретомъ Петра и Екатерины, приводитъ намъ еще разъ на память супругу спутницу царя и самое торжественное заявленіе его любви къ ней — коронованіемъ ея. Увѣковѣченіе тягости потери Россіею великаго преобразователя ея совершено также Екатериною, уже самодержицею всей Россіи.

VII.

Говорить о Петрѣ I и не сказать ни слова о Петербургѣ, было бы непростительнымъ промахомъ. Это значило бы закрыть глаза и умышленно стараться не видѣть и не замѣчать самыхъ энергическихъ усилій; не понимать особенныхъ заботъ; отрицать и отвергать существованіе блистательныхъ плановъ для будущности Россіи, при посредствѣ торговли ея съ Европою. Словомъ, это было бы, ни больше, ни меньше, какъ потерять изъ виду цѣль жизни Петра за послѣдніе, самые важные, двадцать два года его царствованія.

Такой пробѣлъ въ разсказѣ о Петрѣ, еще разъ повторимъ, былъ бы явно умышлен-

нымъ и—на всѣхъ, кто можетъ про то узнать,—производилъ бы тяжолое впечатлѣніе завѣдомо неблагонамѣреннаго умничанья. Нельзя не подмѣтить тутъ даже желанія исказить сущность исторической правды, такъ какъ исключеніе изъ обзора, этой именно стороны дѣла, лишаетъ событія Петровскаго времени подлиннаго ихъ освѣщенія горячимъ починомъ во всемъ самого царя. Починъ же этотъ и необыкновенныя, не примѣнимыя ни къ какой другой мѣстности, мѣры, изъ созданія Петербурга Петромъ сдѣлали вопросъ, нераздѣльный съ личными, любимыми стремленіями монарха-преобразователя. Петербургъ, говоря словами Петра, былъ его *рай*, гдѣ живя, онъ отдыхалъ и поправлялся отъ тяжкихъ ударовъ, наносимыхъ ему судьбою, врагами и обстоятельствами. Каждый разъ, и проболѣвъ очень серіозно, иногда (вслѣдствіе предшествовавшихъ неблагопріятныхъ случайностей) въ своемъ *парадизѣ*, царь Петръ уѣзжалъ изъ него на новую борьбу, съ обновленными силами и возбужденною сильнѣе еще энергіею; запасшись и новыми свѣтлыми идеями—порукою грядущихъ успѣховъ.

Такая роль Петербурга въ жизни Петра, невольно заставляетъ обозрѣвающаго дѣла преобразователя, войти въ подробности о Невскомъ городѣ, не просто основанномъ, но, въ короткое время, поднятомъ до значенія перваго порта въ имперіи русской и сто-

лицы, гдѣ началосьдѣло общественности и цивилизаціи нашей.

Напрасно вопіютъ партизаны столицы въ Москвѣ, не зная сущности дѣла, что Петръ *сдѣлалъ* будто бы *колоссальную ошибку постройкою Петербурга.* Они, вѣроятно, ни во что не ставятъ судьбы городовъ, предшествующихъ Петербургу, на Невѣ, а если знаютъ ихъ исторію, то не хотятъ отнестись разумно къ вопросу возникновенія ихъ и быстраго достиженія ими процвѣтанія. Одна исторія Ніэншанца, сама по себѣ, безъ всякихъ постороннихъ вліяній, должна бы любого непризнавателя никакого значенія въ мѣстности Петербурга, покрайней мѣрѣ, навести на мысль объ исключительной выгодности положенія его для торговли.

Въ XVII столѣтіи торговля Новагорода, на Волховѣ,—падаетъ. А причины паденія ея скрываются гораздо ранѣе опустошенія столицы нѣкогда славнаго вѣчевого города. Хотя и самою важною изъ нихъ, конечно, слѣдуетъ считать прекращеніе новгородской вольности Іоанномъ III.

Явленіе англичанъ въ Бѣломъ морѣ, при Грозномъ, уничтожило выгоды, которыя могъ извлечь Новгородъ изъ разложенія Ливонскаго гросмейстерства, слѣдовательно, хотя отрицательно, но все же вредомъ отразилось на Волховскую торговлю. Литовская-же разруха добила сѣверо-западную коммерцію нашу окончательно: прибрали ее къ рукамъ

уже господа шведы. До Шуйскаго безпрекословно сносились они съ Новгородскими намѣстниками, а, затѣмъ, возмечтавъ о себѣ много, начали уже перекоряться съ московскими государями на счотъ личныхъ сношеній съ ними и титулованья. Это наглядно указываетъ уменьшеніе значенія Россіи въ глазахъ исконныхъ соперниковъ нашихъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, возникаютъ перекоры у приморскихъ городовъ, о правахъ и исключительной монополіи русской торговли, ими перенятой. Ревель, Нарва, Выборгъ и, только что возникшій въ 1615 году,—Ніэншанцъ, являются упорными соискателями этого права у шведскаго правительства. Оно же ревностнѣе хлопочетъ о доставленіи этой привиллегіи одному своему Выборгу. А на самомъ дѣлѣ выходитъ, что ни желаніе и виды правительства, ни интриги Нарвы и Выборга, ни уступки, съ неохотою допущенныя шведами въ договорѣ съ нами—въ пользу отвоза товаровъ русскимъ купцами самими въ штапельный городъ (какимъ предполагался Выборгъ) — *были не въ состояніи остановить ростъ Ніэншанца*, ни развитія его торговыхъ оборотовъ, на зло соперникамъ. Не лучшее ли доказательство это: выгодъ мѣстности, созданной самою природою для міровой коммерціи? Геніальный взглядъ Петра, при проѣздѣ еще въ первое путешествіе заграницу, разгадалъ, по положенію Волжской водоходной системы и Мстинскаго пути, чего мо-

жетъ достигнуть здѣсь торговля, если въ рукахъ нашихъ будетъ Невскій выходъ въ Балтику. Соглашеніе съ Августомъ II, намѣревавшимся отнять у шведовъ, для Польши, Ливонію—было для Петра дѣломъ подходящимъ, при возникновеніи уже заранѣе первой мысли о значеніи для будущаго развитія Россіи Невскаго пути. Начать войну съ Карломъ XII царь и не задумался потому. Травендальскій миръ не остановилъ также движенія войскъ нашихъ къ Нарвѣ и осаду этой крѣпости. А неудача не сломила желѣзной рѣшимости Петра продолжать борьбу, чего бы она ни стоила. И послѣ первой побѣды, первое побужденіе Петра: идти къ Невѣ! За Нотеборгомъ падаетъ Ніэншанцъ и царь, меньше чѣмъ черезъ два мѣсяца, начинаетъ строить на Невѣ свою крѣпость. Ее закладываетъ онъ на такомъ мѣстѣ, гдѣ пушки укрѣпленія непремѣнно должны помѣшать выходу враговъ въ Неву;—какимъ бы протокомъ ни проходили они со взморья. Заячій островокъ (Jeny-Saary) бьетъ и на Большую Неву, и на Невку, и на Малую Неву. Расчотъ вѣренъ и прорваться, или уклониться нѣтъ возможности! Подъ защитою земляной, шестибастіонной твердыни, наиболѣе сухая мѣстность — уголъ Березоваго (теперь Петербургскаго) острова, при отдѣленіи Невки изъ Невы, застраивается скорѣе всего. Осенній походъ Петра 1704 г. изъ Свири, съ первою эскадрою для Балти-

ки, открываетъ глаза проницательнаго монарха на необходимость заведенія здѣсь же, на Невѣ, верфи корабельной. Основаніе адмиралтейскаго дома, на островѣ, омываемомъ водами Невы и Мьи и принадлежавшемъ шведскому маіору Конау, попавшему въ плѣнъ къ намъ подъ Нарвою,—рѣшаетъ застройку и этой мѣстности; — другого центра жизни Петербургской перваго времени. По сосѣдству съ адмиралтействомъ, начиная отъ Царицына луга — луга поемнаго, на который всякое наводненіе и самое малое нагоняло воду съ Невы, обращая его въ болото,—по берегамъ Мьи (Мойки) и Большой Невы разселились съ 1705 года чины галернаго флота, да кораблестроители, въ домахъ, построенныхъ частію и на казенный счотъ. Въ галерномъ флотѣ, еще съ азовскихъ походовъ, служили у Петра большею частію адріатическіе славяне, да греки, гребную службу отправлявшіе въ венеціанскомъ флотѣ. По крайней мѣрѣ всѣ капитаны и самъ шаутбенахтъ галерной, Боцисъ, были далматы, бокезцы, да греки съ іоническихъ острововъ. По имени ихъ народности, составлявшей большинство въ рядахъ капитановъ, слобода по Мойкѣ, гдѣ жили они, въ 1706 году уже называлась *греческою*. Близъ нея была первая католическая церковь, также какъ и лютеранская вторая. Въ гарнизонныхъ войскахъ большинство сержантовъ и низшихъ офицеровъ было изъ шведскихъ плѣнныхъ, при-

нимавшихъ русскую службу. Многочисленность составляли лютеране. Они выбирали себѣ и пасторовъ изъ плѣнниковъ финляндскихъ.

Отъ большой дороги *Прешпективой* (нынѣшняго невскаго проспекта), къ западу, противъ Адмиралтейства, шли три длинныя слободы морскихъ нижнихъ служителей. По нынѣшней *англійской набережной* въ 1708 году уже существовала *слобода* нижнихъ чиновъ *Шневенцова* гарнизоннаго полка. Между нею и морскими слободами расположенъ былъ галерный морской дворъ съ его мастерскими, кузницами и канатнымъ заводомъ. Нынѣшняя Петровская площадь занята была церковью Исакія Далматскаго, память котораго совершается церковью 30 Мая (въ день рожденія Петра I). Церковь стояла между нынѣшнею водокачальнею и адмиралтейскимъ бульваромъ, подлѣ канала, окружавшаго адмиралтейскій дворъ, на Неву снабжонный двумя редутами, отъ которыхъ по тремъ сторонамъ четырестороннника верфи поднимались надъ каналомъ валы. На каналъ Адмиралтейскій выходили дома священниковъ Исакіевскихъ, а на теперешней адмиралтейской площади стояла часовня, и потомъ маленькая церковь Николая Чудотворца при морскомъ полковомъ дворѣ. Исакіевская церковь была уже соборная въ 1710 году, и, слѣдовательно, *можетъ считаться второю церковью въ Петербургѣ*, по времени основанія

На Неву отъ адмиралтейства до Лѣтняго сада выходили дома корабельныхъ мастеровъ и высшихъ чиновъ флота, между которыми,—въ качествѣ корабельнаго мастера,—въ 1712 году построилъ и себѣ домъ Петръ I, (первый зимній дворецъ). На изображеніи этой «набережной линіи», нами при немъ гравированномъ, обозначенъ этотъ дворецъ Петра Перваго, цифр. 7. Онъ былъ на мѣстѣ существующихъ Эрмитажнаго театра и Преображенской казармы баталіона Е. И. В., на берегу Невы и Зимняго (дворцоваго) канала (изъ Мойки въ Неву). Подъ цифрою 8,—на этомъ же видѣ Петровскаго Петербурга — изображонъ домъ Дворцовой канцеляріи. Черезъ зимній каналъ устроенъ былъ подъемный мостъ, отъ котораго до адмиралтейства шли дома извѣстныхъ лицъ: корабельнаго мастера Брауна, гофъ-маршала Олсуфьева (цифра 6), *Адмирала Корнелія Ивановича Крюйса* (цифра 5), на дворѣ котораго до 1728 года была лютеранская кирка Св. Петра. Подлѣ дома Крюйса былъ домъ П. И. Ягужинскаго, оберъ-Прокурора Сената (цифра 4), а рядомъ съ нимъ домъ члена адмиралтействъ-коллегіи, генералъ-интенданта флота, генералъ-маіора Г. П. Чернышева (циф. 3), супруга котораго, извѣстная Авдотья Ивановна, урожденная Ржевская (*) — пользовалась благорасположеніемъ государя. Графъ Савва Владиславичъ Рагузинскій, какъ глав-

*) Петръ называлъ ее „Авдотья бой-баба“.

здѣлный коммисаръ флота, построилъ себѣ великолѣпный домъ съ фронтисписомъ, украшеннымъ фантастическимъ гербомъ (цифра 2), изобрѣтеннымъ тщеславіемъ разжившагося торгаша, на берегахъ Невы державшаго въ родѣ гаремной одалиски, красавицу италіанку. Она при Аннѣ, наконецъ, начала выѣзжать въ общество, заводить интрижки и сорить деньгами стараго мужа, въ пользу молодыхъ фатовъ. Самый-же крайній къ адмиралтейству домъ, фронтонъ котораго украшенъ арматурою и гербомъ Апраксина (цифра 1), съ тремя балконами на выступающихъ флигеляхъ и съ двумя терассами,—связывающими эти выступы съ углубленными поперечными частями зданія,—построенъ былъ, частію на казенныя деньги, по приказанію Петра I и отданъ генералъ-адмиралу его, графу Федору Матвѣевичу Апраксину. Домъ этотъ былъ нанятъ для цесаревны Анны Петровны, передъ свадьбою ея съ герцогомъ Голштинскимъ. Здѣсь чета высокихъ супруговъ и прожила все время бытности въ Петербургѣ. Умирая, графъ Федоръ Матвѣевичъ Апраксинъ завѣщалъ свой домъ императору Петру II-му, а императрица Анна сдѣлала его своею резиденціею, которая, послѣ двухъ перестроекъ графа Растрелли, изъ дома Апраксина преобразовалась въ зимній дворецъ —красу Петербурга.

Другой видъ той же набережной «вверхъ отъ дома Дворцовой Канцеляріи—при Ека-

теринѣ I занятого княземъ Меньшиковымъ— до Царицына луга», напоминаетъ намъ владѣльцевъ тоже лицъ извѣстныхъ въ свое время, но не настолько важныхъ по значенію и высотѣ мѣстъ на іерархической лѣстницѣ отличій. Первый домъ рядомъ съ дворцовою канцеляріею (направляясь къ Царицыну лугу) былъ командора Шельтинга, въ которомъ, до заключенія въ крѣпости, провелъ послѣдніе дни свои въ Петербургѣ, царевичъ Алексѣй Петровичъ.

Рядомъ съ нимъ былъ домъ корабельнаго мастера Пальчикова, любимца государя, крестившаго дѣтей у него; далѣе, любимца же Петра, вице-адмирала Вильстера, и корабельнаго мастера Ная (англичанина.) Отъ Мошкова переулка, получившаго прозваніе по крайнему дому гофъ-интенданта П. И. Мошкова,— шли по порядку дома (за Мошковымъ): князей Долгорукихъ, Скляева, Меньшикова, Фельтена, (гдѣ трактиръ и ресторація), князя Голицына и, крайній къ красному каналу,— Молдавскаго Господаря, князя Кантемира.

Вторая линія, такъ называемая «Луговая», а потомъ *Милліонная*, заключала дома трехъ резидентовъ иностранныхъ дворовъ (голандскаго, датскаго и гановерскаго), жилище царскаго архіатера Арескина, любимца царя Поспѣлова и кабинетъ секретаря Макарова. Улица эта оканчивалась у Почтоваго двора помѣщеніемъ «вышней Аптеки», отъ которой улица зигзагомъ вела на мостъ къ конюшнямъ

царицы по Мойкѣ, построеннымъ въ 1719 году.

Берега Невы не стѣснялъ еще вѣковой гранитъ и только деревянная, косого профиля, набережная, со спусками къ водѣ и поручнемъ на надолбахъ, была рамкою свѣтлаго зеркала широкой рѣки, красотою своею возвышавшей простоту строительныхъ затѣй великаго царя при началѣ столицы, послѣ него разросшейся такъ широко. Тогдашніе обыватели Петербурга гордились покуда своимъ лѣтнимъ садомъ, гдѣ Петръ въ 1705 г. выростилъ уже 600 видовъ луковичныхъ растеній. Знаменитый Леблонъ разбилъ Лѣтній садъ особенно нарядно и затѣйливо. Къ возвращенію Петра изъ второго путешествія въ Еврпу (1717 г.), все было готово здѣсь для начатія пышныхъ праздниковъ, дививших взоры Петербургскихъ обывателей во всю первую половину XVIII столѣтія; пока не выросли очаровательные пріюты Императорскихъ загородныхъ резиденцій: Петергофа, Царскаго села, Ораніенбаума. Послѣдній изъ этихъ дворцовъ былъ дачею Меньшикова, и носилъ нѣмецкое названіе эмблемы въ гербѣ его (померанцевое дерево). Екатерингофъ, былъ пріютъ царственной подруги Петра I, его же собственный—Петергофъ. А въ столицѣ лѣтній дворецъ, да домъ Меньшикова, — были въ Петрово царствованіе мѣстами *народныхъ гульбищъ съ образовательною цѣлью.* Къ концу жизни Сетра присоединилась еще новая обитель,

гдѣ опочилъ святой воитель Невскій, ранній боецъ со шведами за здѣшнюю территорію. Въ праздникъ перенесенія мощей святого Александра, монастырскія стѣны застонали отъ салютовъ поставленной на нихъ артиллеріи, и ботикъ «Дѣдушка» вышелъ на встрѣчу останкамъ почившаго героя. Петръ до того водилъ его показывать свой Котлинъ, да Кроншлотъ, отъ которыхъ отступали уже въ безпорядкѣ отбитые шведы. Казалъ «ботику-дѣдушкѣ» царь-кораблёстроитель и все его потомство крылатыхъ кораблей, на котлинскомъ рейдѣ привѣтствовавшихъ заслуженнаго «виновника дней» громовымъ своимъ салютомъ.

Празднуя великій день исполненія двухъ вѣковъ отъ рожденія Петра: тронули еще разъ покой утлаго Брандтова бота; съ почетомъ прокатили его по Невѣ и, еще разъ привезя въ Москву, показали ему древнія стѣны Кремля, гдѣ началъ Петръ первыя свои реформы, пересоздавшія Московское Царство во Всероссійскую Имперію.

Въ то время, когда въ стѣнахъ старушки Москвы явился съ почотомъ заслуженный ботикъ «дѣдушка русскаго флота»,—давать на сценѣ «саардамскаго корабельнаго мастера» было совсѣмъ кстати. Желательно было только, чтобы мастеръ этотъ, подъ перомъ какого либо талантливаго драматурга, вышелъ больше на себя похожъ, чѣмъ подъ перомъ писателя тридцатыхъ годовъ, хотя и историка

Петра, но такой поры, когда объ исторически вѣрномъ колоритѣ никто и не помышлялъ еще.

VIII.

Поэтическая страница кисти талантливаго Штейбена, «Петръ I на Ладожскомъ озерѣ»—въ былое время дивившая русскій и не русскій люодъ, а въ наши дни заставляющая порою подивиться не притязательности прежнихъ Аристарховъ на счотъ исторической правды — невольно приводитъ, однако, на мысль одну изъ характерныхъ сторонъ личности, Петра: *его беззавѣтную отвагу* или, еще точнѣе сказать, презрѣніе жизни, *тамъ, куда призывалъ* государя долгъ! А долгъ этотъ понималъ Петръ въ личномъ выполненіи, имъ самимъ, обязанностей не только полководца и государственнаго хозяина — все повѣрявшаго своимъ пытливымъ и вмѣстѣ безпристрастнымъ взглядомъ,—но, при случаѣ, и, въ возбужденіи въ другихъ, примѣромъ своимъ, рвенія къ дѣлу. Иногда—требовалъ онъ усилій къ собственному спасенію, а чаще всего, безкорыстной помощи гибнущему человѣчеству. Петра, между тѣмъ, болѣе всего представляютъ въ наше время какимъ-то людоѣдомъ, разливающимъ кровь человѣческую какъ воду, благодаря близорукимъ тенденціямъ такъ называемой *новой школы* истори-

ческой, незамѣчавшей въ своихъ рѣшеніяхъ одного только упущенія. Она, школа эта, хвалясь мнимою правдою, составляла заключеніе о прошломъ по своему настоящему времени, не зная и не желая знать той несомнѣнной истины, что̀ единственный возможный прогрессъ человѣчества заключается въ смягченіи нравовъ. А степень этого смягченія нравовъ въ девятнадцатомъ вѣкѣ, ни въ какомъ случаѣ невозможна еще была въ XVIII столѣтіи. Каждый вѣкъ въ жизнь европейцевъ вносилъ больше гуманности. И то, что считалось только строгостью и справедливымъ возмездіемъ за зло, нанесенное другимъ въ XVI вѣкѣ, въ XVII возбуждало противъ себя уже ропотъ, а въ XVIII столѣтіи это названо тиранствомъ. Въ нашемъ же вѣкѣ считаютъ тиранствомъ лёгальныя мѣры философскаго XVIII-го, вѣка подъ конецъ котораго еще о правахъ народа такъ краснорѣчиво и логично разсуждали ораторы французской революціи, хладнокровно губя тысячами своихъ соотечественниковъ и соотечественницъ, по одному подозрѣнію въ измѣнѣ конституціи; или, еще меньше, подъ гибкимъ предлогомъ «ожидаемаго отъ нихъ вреда, для общаго благосостоянія». Невольно поддаешься искушенію: спросить любого корифея новой школы, въ чомъ находитъ онъ болѣе человѣчности?—въ артикулахъ-ли Петра, вызванныхъ необходимостью и слѣдующихъ непосредственно за уложе-

ніемъ, на послабленія котораго находились въ свое время даже жалобщики; — или въ судопроизводствѣ Европы вообще и Франціи въ особенности, въ XVIII вѣкѣ?

Возведенный до апоѳеоза «героическій король», Карлъ XII, посланника русскаго царя при саксонскомъ дворѣ, Паткуля, — за то только, что онъ по происхожденію лифляндецъ (хотя право у лифляндскихъ дворянъ принимать службу иностранную тогда не было отнято) — осуждаетъ на жесточайшую муку колесованія, въ противность всякаго права, добывъ его изъ Саксоніи. — И это не возбуждаетъ ни въ комъ особенной антипатіи къ «шведскому Александру». Тогда какъ казни злодѣевъ стрѣльцовъ, руки которыхъ обагрены кровью тысячъ невинныхъ жертвъ ихъ преступленій, въ теченіи четверти столѣтія три раза производившихъ возстанія и всевозможныя неистовства въ столицѣ и окрестностяхъ, возбуждаютъ съ голоса нашихъ недоброжелателей, цѣлые вороги упрековъ и обвиненія въ тиранствѣ Петра. Хотя каралъ преступленія ихъ законъ его отца, а самъ, потерпѣвшій отъ злодѣйства этихъ стрѣльцовъ, геніальный царь, сколько могъ еще смягчалъ тяжесть кары и даровалъ пощаду просившимъ у него прощенія винъ своихъ. И, странное дѣло, русскіе же учоные, подъ наитіемъ мнимаго, щепетильнаго безпристрастія, самымъ безсовѣстнымъ и нелѣпымъ обвиненіямъ враговъ-иностранныхъ на Пет-

ра;—вѣрятъ и ихъ принимаютъ на вѣру, безо-всякихъ доказательствъ,—а его собственнаго объясненія фактовъ принимать не хотятъ и ему не довѣряютъ?! Мы видимъ въ этомъ, да простятъ намъ читатели наши отступленіе, повтореніе на Петрѣ исторіи Іоанна Грознаго. *Иностранцы*, ливонскіе писатели,—представлявшіе Іоанна IV тираномъ за вредъ, нанесенный имъ ордену меченосцевъ и самостоятельному его существованію; также какъ и князь *Курбскій*, измѣнникъ, издали собиравшій на своего бывшаго государя всякія возможныя и невозможныя клеветы,—*удостоены полнаго сочувствія и вѣроятности.* А самъ Іоаннъ IV, опровергающій клеветы, но признававшій искренно свои заблужденія и жестокости, у самаго Карамзина остается съ поноснымъ эпитетомъ «чудовища!» Тогда какъ, если бы исторіографъ государства россійскаго меньше увлекался чужимъ и больше критически относился къ фактамъ, дѣло представилось бы ему въ другомъ свѣтѣ и характеръ Іоанна вышелъ бы лучше разгаданнымъ и вѣрнѣе представленнымъ. Тогда бы, изъ за отталкивающаго страшилища, выступилъ у него политикъ и правитель, совсѣмъ не безумный и не трусливый, какимъ силится выставить Іоанна историкъ, впадая въ противорѣчіе своему собственному представленію одного и того же лица, великаго и,—вдругъ, по щучьему велѣнью,—обращавшагося въ презрительнаго и ограниченнаго злодѣя·

То, что говоримъ мы объ Іоаннѣ Грозномъ, воззвавшемъ къ жизни и самодѣятельности городскія сословія и опредѣлившемъ государеву собственность,—отдѣливъ ее отъ государственной,—буквально, какъ мы также замѣтили, примѣняется и къ Петру I. А онъ оцѣнки своей оставилъ такое богатство источниковъ всякаго рода, что безпристрастный изслѣдователь найдетъ въ нихъ разгадку всякаго, самаго ничтожнаго даже, явленія въ личной и государственной дѣятельности монарха—преобразователя. *Тираны* такъ не поступаютъ! Они, *напротивъ*, уничтожаютъ всякіе слѣды своихъ дѣйствій, боясь во всемъ, для себя, встрѣтить осужденія. *За жизнь свою стоятъ* подобные трусы *больше всего*, а никакъ уже *не ищутъ случая подвергнуть свою особу малѣйшей опасности*. Разсмотрите всю жизнь Петра, не явное-ли противорѣчіе составляетъ она съ подобнымъ образомъ мыслей и дѣйствій? Тираны, наконецъ, скрываются въ средѣ самыхъ преданнѣйшихъ слугъ своихъ, связанныхъ съ ними единствомъ интереса: общею ненавистью. Петръ опять является съ противоположною обстановкою — общедоступнымъ, простымъ, безпритязательнымъ?

Мы видѣли Петра при Полтавѣ полководцемъ, вдававшимся въ опасности среди боя, нисколько отъ нихъ не уклоняясь. Но эта черта, которая можетъ быть объясняема, пожалуй, расчотомъ: показать себя примѣромъ

войску, которое должно недорожить собою въ борьбѣ съ врагомъ;—побѣдить или умереть! Подозрительность или желаніе дать другой характеръ факту, по какому-бы то нибыло побужденію, можетъ здѣсь, пожалуй, видѣть неискренность или же случайность, которой не слѣдуетъ придавать никакого значенія. Возьмемъ другой случай. При разбитіи корпуса Кроніорта, извѣстный Паткуль, очевидецъ дѣйствій Петра въ бою на Сестрѣ (7 іюля 1703 г.), удивлялся безстрашію государя и тому, какъ легко вдавался онъ въ опасностьи; даже удержался, чтобы не сказать ему, что «его дѣло повелѣвать, а свою персону беречь». Потому что ружейная пуля совершенно случайно можетъ повергнуть цѣлое государство въ несомнѣнную опасность. Со словъ Паткуля, австрійскій резидентъ Плейеръ прибавилъ при этомъ,что Петръ поблагодарилъ за заботливость о себѣ, но совѣту о береженьи себя никогда и впослѣдствіи не слѣдовалъ. Нельзя уже здѣсь не видѣть отсутствія всякихъ махинацій и заподозрѣвать безстрашіе Петра, относя его къ расчоту? При Азовѣ еще меньше было искусственности, когда Петръ ходилъ по траншеямъ, сгибаясь и наклоняясь, а вокругъ него турецкія пули поражали нашихъ людей; лишь только покажется чья либи голова изъ за окопа. Наводя самъ орудія о бросая бомбы въ крѣпости Азова, Нотеборга, Дерпта и Нарвы, тоже Петръ забывалъ,

что онъ государь и долженъ беречь себя. Да отправясь съ транспортною эскадрою къ Выборгу и пускаясь на поискъ затертыхъ льдомъ галеръ, меньше-ли царь щадилъ себя и свое здоровье?—пусть судятъ и рѣшатъ желающіе. Мы же остаемся въ томъ убѣжденіи, что Петръ нигдѣ не надѣвалъ маски притворства и шолъ въ опасность, пренебрегая ею и *въ дѣлѣ забывая самохраненія* Скажемъ болѣе, онъ смѣло глядѣлъ въ глаза опасности, даже любилъ вдаваться въ нее,—такова была его натура. Въ большинствѣ розсказней своихъ баснословъ, — Крекшинъ разсказываетъ, что Петръ въ дѣтствѣ будто боялся воды, и отъ водобоязни вылечилъ его дядька князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ, завезя однажды въ рѣку его, и съ конемъ.

Купанье на иноходцѣ пошло, какъ видно, въ прокъ нашему преобразователю, потому что, вслѣдъ за открытіемъ ботика въ Измайловѣ, онъ завелъ кораблестроеніе въ Переяславлѣ и тамъ три зимы да два лѣта провелъ въ стройкѣ судовъ, да въ плаваніи по озеру Плещееву. Вѣчный плескъ волнъ, давшій прозваніе этому озеру, впервые поразилъ слухъ Петра и затѣмъ сдѣлался для него на столько же любимымъ ощущеніемъ, какъ свистъ пуль для Карла XII, его соперника по оружію, услышанный впервые при высадкѣ его на датскій берегъ. Плескъ волнъ да свистъ пуль—такъ и рѣшили прозваніе

обоихъ избранниковъ, равно одаренныхъ отвагою, пренебреженіемъ здоровья, и, къ несчастію, рано осиротившихъ свои государства. Отвага, общая черта характеровъ Петра I и Карла XII, впрочемъ, только и есть единственная возможная точка соприкосновенія обоихъ высокихъ характеровъ; во всемъ прочемъ діаметрально противоположныхъ. Карлъ XII легко увлекался; Петръ самому мгновенному увлеченію придавалъ разумный исходъ, тамъ, гдѣ дѣло касалось не одного его лично. Да и тамъ, гдѣ поднимали бурю личныя чувства, Петръ умѣлъ переломить себя, невыказываясь никогда неумолимымъ въ мщеніи и преслѣдованіи оскорбителей. Тогда какъ, Карлъ свои антипатіи не скрывалъ, никогда не сознаваясь въ своихъ промахахъ, вольныхъ и невольныхъ! Вообще онъ былъ немного рѣчивъ и скрытенъ. Петръ I, напротивъ, свою ошибку первый высказывалъ, не боясь признаваться въ ней и неоправдывая себя извиненіями. Примѣромъ можетъ служить несчастіе Карла при Полтавѣ и бѣдствіе Петра на Прутѣ. Карлъ, убѣгая въ Турцію, о пораженіи своемъ, своимъ даже, въ Швецію, не послалъ извѣстія. Такъ что, узнавъ о несчастіи короля, долго незнали, въ живыхъ ли онъ? Между тѣмъ, уже весною 1709 г.,—когда положеніе дѣлъ шведскихъ въ Украйнѣ было самое безотрадное,—кичливый «сѣверный геркулесъ, Скандинавіи императоръ», какъ, величалъ себя Карлъ XII въ офиціальныхъ актахъ, еще обманывалъ

своего друга Станислава Лещинскаго: собственноручнымъ письмомъ сообщая ему, что онъ *занялъ квартиры около Полтавы для лучшаго движенія на Москву*, въ союзѣ съ крымскимъ ханомъ и запорожцами. И что все у него идетъ *какъ нельзя лучше!* Станиславъ вѣрилъ вполнѣ и ожидалъ услышать о блестящихъ побѣдахъ своего патрона и окончательномъ уничтоженіи царя Московскаго, когда вѣсть о Полтавской баталіи и сдачѣ при Переволочнѣ внезапно сбросили повязку съ глазъ его.

Петра Великаго въ Прутскомъ походѣ мы видимъ совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ. Войну съ турками не онъ началъ, а сами оттоманы, возбужденные шведскимъ Алкидомъ, на свободѣ строившимъ ковы, измышляя клеветы самыя недостойныя противъ открытыхъ силъ. Пускаясь въ далекое странствованіе внѣ отечества, Петръ заводитъ Сенатъ и на этотъ верховный органъ исполнительной власти возлагаетъ правленіе государствомъ. Попавшись въ западню, царь рѣшился уже пробиться, но, недовѣряясь одному мужеству и отчаянію, благоразумно предложилъ туркамъ миръ, думая, что отчаянной храбрости будетъ мѣсто и тогда, когда всѣ прочіе пути къ спасенію уже закроются. Видя рѣшимость нашихъ биться на смерть, потому то визирь и согласился на миръ, что самъ боялся потерять всѣ ожидаемыя выгоды, въ случаѣ отхода царя. Возможность же про-

биться ему, туркамъ представлялась вѣроятною. И она то сдѣлала ихъ на столько сговорчивыми, что Петръ могъ отстоять Кантемира и сдержать рыцарски данное слово господарю. Заключивъ миръ, Петръ также не скрывается, и нисколько не умаляя невыгодности нашей, пишетъ, какъ было дѣло. Шведскій король, молчавшій о причинѣ появленія своего въ Турціи, при вѣсти о несчастіи соперника, спѣшитъ въ турецкій лагерь и очень гнѣвается, что визирь, не дождавшись его, успѣлъ уже кончить дѣло съ русскими, которыхъ хотѣлъ онъ уничтожить и требовалъ войска. Отказъ въ этомъ неумѣстномъ требованіи, да замѣчаніе, что и съ однимъ плѣннымъ государемъ турки не знаютъ, какъ сладить, стоили отставки визирю. Клеветникомъ его оказывался опять неугомонный шведскій король, конечно, этимъ неувеличившій славы своей блажной памяти.

Нечего скрывать особенно намъ, и теперь, что отвага въ Петрѣ поовлялась иногда на бѣду, ставя государя въ критическое положеніе. Стоитъ припомнитъ, какой опасности подвергался онъ въ домѣ заговорщика, явившись самъ въ скопище крамольниковъ, злоумышлявшись на жизнь его? Или представимъ мы себѣ Петра на фабрикѣ фанъ-Молема, въ Утрехтѣ, когда, вздумавъ сдѣлать опытъ силы сопротивленія воды, царь схватился за колесо мельницы, приводимой въ движеніе водою и въ одно мгновеніе былъ

приподнятъ отъ пола? Не схвати государя тогда, и не отдерни отъ шестерни силачь работникъ, сохранившій присутствіе духа — погибъ бы Великій Петръ несомнѣнно! Опасность, которой подвергался онъ въ эту минуту сознана имъ самимъ и засвидѣтельствована въ благодарности своему спасителю. Припомнимъ также и поѣздку на буерѣ съ гостями изъ Петербурга къ Котлину, въ страшную бурю, въ послѣдніе годы жизни Петра I. Опасность была для всѣхъ очевидна, при неправильности набѣгавшихъ шкваловъ; а Петръ только отшучивался! Можно представить себѣ, какимъ ужасомъ должны быть одержимы не моряки и люди не очень отважные? Одинъ изъ бывшихъ въ буерѣ съ царемъ, незнавшимъ страха, саксонскій посланникъ, забывъ всякія условія этикета при кажущейся гибели, спалъ требовать, чтобы государь направилъ буеръ къ берегу, присовокупивъ со страха, даже, угрозу, что дворъ, отъ котораго онъ аккредиванъ, *потребуетъ удовлетворенія, въ случаѣ, если представитель его погибнетъ въ волнахъ*. — «Успокойтесь, спокойно отвѣчалъ ему Петръ, если Вы погибнете, то и мы съ Вами, такъ что двору вашему взыскивать будетъ не съ кого!»—Вотъ утѣшилъ-то трусливаго министра?

Если-бы талантливый Штейбенъ представилъ этотъ случай, намъ кажется, картина его производила бы потрясающее впечатлѣ-

ніе; безспорно, безконечно высшее, чѣмъ представленіе фантастическое, никогда не бывшаго. Петръ *по Ладожскому озеру въ лодкѣ* не катался, а для буера, судно, представленное художникомъ, слишкомъ мало и не походитъ по формѣ. Петръ также не похожъ на себя, особенно въ томъ бекешѣ, скорѣе всего напоминающемъ Наполеона І-го при переходѣ черезъ Альпы;—или въ Россіи, на возвратномъ слѣдованіи отъ Москвы. Черты лица тоже не поражаютъ сходствомъ, да и вся фигура вообще коротка и мескинна для *Великаго кормчаго русскаго корабля*. Такъ что, мелодраматическая страница съ фантастическимъ колоритомъ, невозможною задачею, хотя и съ мастерскимъ исполненіемъ, дѣйствуетъ на развитаго человѣка очень невыгодно. Для насъ-же, какъ мы и выше замѣтили, трудъ покойнаго Штейбена, желавшаго представить Царя героемъ, по вкусу своего времени и своей страны,—напоминаетъ одно только характерное отличіе Петра отъ прочихъ самодержцевъ Европы въ его время (кромѣ одного Карла XII)—безстрашіе и отвагу Великаго, проявлявшаго ихъ всюду до конца его трудовой жизни. Очень можетъ быть, что рано и пресѣклась она; благодаря порыву отваги и горячему нетерпѣнію въ дѣлѣ человѣколюбія. Покрайней мѣрѣ, знавшіе Петра хорошо и врачи, замѣтѣли, что̂, послѣ погруженія въ холодной води Финскаго залива, 1-го ноября 1724 года —

спасая погибавшихъ на Лахтинской мели,— *Петръ не былъ здоровъ уже.*

Прямо видѣть въ подвигѣ на Лахтѣ единственную причину страшнаго развитія болѣзни, сразившей Великаго Петра, мы тоже, однако, неможемъ. Онъ страдалъ уже, видимо, во весь 1724 годъ; особенно съ возвращенія изъ Москвы, послѣ коронаціи супруги. Въ августѣ 1724 года, напримѣръ, было немного дней, въ которые Петръ выходилъ даже изъ комнаты; а погода стояла еще теплая. Въ Сентябрѣ, на оборотъ, наступили бури при свѣжихъ вѣтрахъ и у царя проявилась болѣзненная чувствительность къ холоду; такъ что даже на спускѣ корабля не долго оставался Петръ, противъ своего обыкновенія. А въ октябрѣ водою не поѣхалъ даже на завѣтный праздникъ взятія Нотеборга. Изъ него, впрочемъ, предпринялъ на этотъ разъ, государь, послѣднее въ своей жизни, далекое путешествіе до Старой Руссы, начатое осмотромъ работъ Ладожскаго канала, дурно веденныхъ Скорняковымъ-Писаревымъ, при этомъ замѣненнымъ великимъ спеціалистомъ по инженернымъ знаніямъ, генераломъ, впослѣдствіи фельдмаршаломъ и графомъ—Минихомъ. Не смотря на непріятность открытія неблаговидныхъ продѣлокъ Писарева, по милости которыхъ казенныя деньги частію истрачены непроизводительно и потеряно четыре года времени,— что не могло не подѣйствовать на Петра

вредно при разстроенномъ положенiи его здоровья,—государь изъ этой поѣздки воротился лучше себя чувствуя, чѣмъ было при отправленiи. Проведя, за тѣмъ, одинъ только день въ Петербургѣ, Петръ поѣхалъ въ Петергофъ, а изъ него черезъ Лисiй носъ переправился въ Дубки — загородный дворецъ въ дубовой рощѣ (между Лисьимъ носомъ и Лахтою);—и тамъ ночевалъ. Возвращаясь же оттуда берегомъ въ страшную бурю, Петръ увидѣлъ, недалеко отъ земли, набѣжавшiй на Лахтинскую мель, ботъ съ нѣсколькими матросами, напрасно употреблявшими всѣ усилiя сняться. Послать людей своихъ на помощь бѣдствовавшимъ—для Петра показалось мало; особенно когда дѣйствовали посланные вяло и нерѣшительно, и когда дорого было каждое мгновенiе. Недовольный и гнѣвный, пылкiй монархъ самъ бросился въ воду и энергическимъ починомъ, да распоряженiями своими — спасъ бѣдствовавшихъ, получонною здѣсь простудою усиливъ только свою болѣзнь. Врачи увѣряли потомъ, что простуда эта и произвела тѣ болѣзненные пароксизмы, которые, возрастая съ половины января 1725 года, въ 28-й день этого мѣсяца, довели до смерти Петра. Въ продолженiе одиннадцати-дневной болѣзни Петра I, особенно въ послѣднiе дни,—когда врачи находили уже положенiе больного отчаяннымъ,—народъ толпился передъ зимнимъ дворцомъ

и во всѣхъ церквахъ тысячи скорбныхъ молились со слезами за болящаго монарха. Народъ инстинктивно понималъ, что онъ теряетъ государя, безпристрастія котораго и для всѣхъ доступности, не отрицали самые отъявленные порицатели и противники его нововведеній. Но никто и изъ самыхъ наиболѣе приближонныхъ не былъ въ состояніи оцѣнить еще величія дѣлъ Петра I, дни котораго судьба пресѣкла, можно смѣло сказать, въ то именно время, когда должна была развиваться вполнѣ его мирная законодательная дѣятельность. Самыя горячія стремленія царя привести въ порядокъ законодательство, начавшіяся созваніемъ особой коммисіи еще передъ шведской войною, не принесли, въ 25 лѣтъ, никакихъ положительныхъ результатовъ. Въ рукахъ у насъ только отдѣльныя работы самого Петра и нѣтъ ничего изъ дѣятельности созванныхъ имъ законособирателей. Поэтому, эпитеты: *морякъ*, *полководецъ*, *правитель и преобразователь*, только и остаются у насъ въ памяти при имени Петра, въ замѣнъ—*законодателя*, величаемаго регламентаторомъ, довольно вѣрно. Дальше отдѣльныхъ регламентовъ, какъ частей великаго тѣла, въ законодательной работѣ Петръ дойти не имѣлъ возможности, оставивъ дѣло такимъ образомъ на половинѣ пути къ успѣху.

И прахъ Великаго Петра нашолъ упокоеніе въ недостроенномъ еще тогда, Петро-

павловскомъ соборѣ. Для погребенія безсмертнаго основателя Петербурга, внутри неотдѣланнаго зданія собора, поставлена была только временная деревянная церковь. Въ ней, на особомъ возвышеніи, и стоялъ гробъ Петра, не опущеннымъ въ могилу, до временъ Анны. При Петрѣ II, рядомъ съ супругомъ, нашла пріютъ и Екатерина I, всего проживъ сорокъ два года на землѣ и два — процарствовавъ въ Россіи.

Входя въ Петропавловскій соборъ, сдѣлавшійся усыпальницею Россійскаго Императорскаго дома, обозрѣватель судебъ русскаго народа за послѣдніе полтора вѣка нашей исторіи, знакомится съ прахомъ вѣнценосныхъ правителей и правительницъ нашихъ. Но напрасно будетъ онъ искать могилъ царевича Алексѣя и его супруги, кронпринцессы Шарлоты. Своды столбищъ, служащихъ основаніемъ гигантской соборной колокольни, скрываютъ останки этой четы, несчастной столько же, если не болѣе, отъ себя, какъ и отъ обстоятельствъ, расположившихся къ взаимному вреду мужа и жены. Онъ не понималъ своей роли подлѣ отца, всюду поспѣвавшаго и незнавшаго отдыха, ни рукамъ, ни мысли. Она не хотѣла вникнуть въ свое положеніе въ странѣ, которая должна была сдѣлаться вторымъ отечествомъ ея, тогда какъ всѣ помышленія, привычки, взгляды и предразсудки ея неслись въ прошлое, къ нѣмецкимъ пенатамъ, вѣру и привязанность къ кото-

рымъ только усиливала въ ней, вмѣсто ослабленія, другъ ея — принцесса Фрисландская. Этой, бѣдной Шарлоттѣ, не отгадавшей такой безделицы, полнымъ контрастомъ во всемъ является безсмертная Екатерина II, или мать, всѣхъ слабыхъ и немощныхъ, невѣстка ея, Марія Ѳедоровна. Обѣ онѣ, родившись въ той же Германіи, съ пріѣзда въ Россію считали ее уже своимъ отечествомъ и остались вѣрными себѣ до гроба. За то и теперь еще, прочитавъ имена ихъ на гробницахъ, подъ сѣнью высокихъ сводовъ Петропавловскаго собора, первая мысль каждаго, знающаго наше недавнее прошлое — благодарность къ вѣнценоснымъ усопшимъ царицамъ, за жизнь ихъ у насъ и съ нами. При свекрови, мужѣ и сынѣ, императрица Марія I благодѣтельствовала русскимъ людямъ въ продолженіе пятидесяти двухъ лѣтъ своего супружества и вдовства. Мать ея супруга, безсмертная Екатерина II, также пятьдесятъ два года своей богатой событіями жизни прожила въ Россіи. Принявъ скипетръ Имперіи, громадной, но совсѣмъ неустроенной, Екатерина II, въ 34 года царствованія, пополнила дѣянія Петра I, и если Онъ могъ начать дѣло нашей цивилизаціи, то Ею русская цивилизація доведена до общаго сознанія, что жизнь въ образованной странѣ, подъ кроткимъ правительствомъ—единственно возможное достиженіе человѣческаго благополучія. Въ блескѣ славы Екатерины II тонутъ

и исчезаютъ прочія вѣнценосныя правительницы: заводившая во всемъ строгій порядокъ суровая Анна, одно имя которой приводитъ на память бироновщину, и совершенная противоположность ей, во всемъ, и въ красотѣ, и въ любезности, и въ щедрости и, къ несчастію, въ безпечности правительственной, —кроткая Елизавета, дочь Петра I и Екатерины I, казалось, ожившей въ своей дочери. Петръ III, Павелъ I и его четыре сына — два носившіе, какъ и родитель, корону,—заканчиваютъ собою знаменитую лѣтопись царственнаго некрополя Петропавловскаго собора. Много силъ, благорасположенія на пользу народную, ума и даже величайшихъ способностей, проявили въ дѣяніяхъ своихъ вѣнценосные потомки Великаго Петра, сошедшіеся вмѣстѣ въ общей усыпальницѣ, уготовленной безсмертнымъ предкомъ въ новой столицѣ, — чтобы не смѣшивать старую исторію съ новымъ порядкомъ вещей, единственно пригоднымъ въ политической жизни Россіи, какъ государства европейскаго. Идею великаго предка поняли первые его преемники, и, еще въ XVIII вѣкѣ, государственныя заслуги Петра принялись увѣковѣчивать памятниками, достойными мысли и цѣли сооруженія.

IX.

«Отличнымъ и великимъ только умамъ предоставлено право воздвигать памятники другимъ, себѣ подобнымъ», писалъ Бакмейстеръ, приступая къ описанію памятника Петру I-му, воздвигнутаго Екатериною II-ю; но онъ не сказалъ бы этого, если бы зналъ, что Петръ самъ еще заказывалъ вылить изъ бронзы свое изображеніе въ видѣ конной группы,—извѣстному проходимцу, профессору всѣхъ искусствъ, графу Бартоломею Растрелли, скульптору,—отцу знаменитаго строителя зимняго дворца. Какъ ни оригинально подобное обстоятельство, но, зная побужденія Петра,—конечно, не имѣвшаго при этомъ въ виду самовосхваленія, а единственно украшеніе своего Петербурга,— едва ли кто, безъ предвзятой идеи осужденія во что бы ни стало, дѣйствій Великаго преобразователя, найдетъ въ этомъ обстоятельство, набрасывающее тѣнь на его память. Особенно, если мы поглубже вдумаемся въ XVII и XVIII вѣка, съ ихъ порядкомъ вещей, прихотями, модными вкусами и затѣями—цѣль которыхъ бить въ глаза подлинною или мнимою только пышностью и декораціей. Да, наконецъ, самое главное, если присмотримся мы къ исключительной роли художниковъ, призванныхъ быть наставниками невѣжественной народности, которой каждый изъ нихъ и всѣ они вмѣстѣ, стараются навязы-

вать свои обычаи и порядки, подъ непремѣннымъ условіемъ буквальнаго исполненія всего, что бы они ни предлагали. Знать это и имѣть преимущественно въ виду,—какъ единственное руководство для точнаго уразумѣнія большей части сдѣланнаго у насъ нашими наставниками въ области искуства и цивилизаціи,—намъ необходимо. Особенно если мы принимаемся въ первый разъ за трактованіе явленій искуственной жизни, какъ неминуемаго, перваго шага, пересаженныхъ къ намъ готовыми,—западной науки и европейской жизни. Та и другая, очень ясно, имѣли уже и готовыя, вошедшія въ обычай, формы и отправленія, отъ которыхъ западные учоные и художники ни за что не захотѣли бы отступить. Потому что въ самыхъ подробностяхъ этихъ, для дѣла ихъ почти *каноническихъ*, и заключалась, по ограниченному кругозору рутины, *самая суть*: если еще не побудительная цѣль дѣйствія. То была пора подлинной рутины, изъ подъ которой не могли освободиться ни наука, ни искусство; наконецъ ею и обезсиленное. Въ наукѣ, всегда имѣвшей большую жизненность, по самой положительности и наглядной практичности почвы, было нѣсколько иначе. Отъ того наука и не погибла. Искусство же низошло на степень ремесленности, измельчавъ, именно отъ ограниченности требованій отъ него самозванчыми мудрецами, да представителями искусственности *большаго свѣта*. Въ немъ же,

въ его высшей средѣ, недоступной для черни и внушавшей учонымъ только покорную подчиненность, да рабскую угодливость, Людовикъ XIV, съ своими роскшоными затѣями,—гдѣ его *я* выставлялось съ неблаговидною безцеремонностью, — успѣлъ обратить въ моду роскошь городскихъ жилищъ, не столько во внутренности, недоступной для взоровъ большинства, но еще болѣе во внѣшности. Города, безспорно, отъ того выиграли. Примѣненный французскими зодчими къ современному обиходу, римскій вкусъ вѣка Августа потребовалъ колоннъ и фронтоновъ на фасадахъ богатыхъ дворцовъ и домовъ, выходящихъ на улицы. Въ садахъ же оказалась надобность въ фонтанахъ, украшенныхъ статуями изъ гипса, мрамора и бронзы; фонтаны же и бронзовыя статуи,—если не обелиски и колонны, по примѣру римскихъ,—сдѣлались необходимымъ украшеніемъ площадей. Подражаніе римской статуйной скульптурѣ, до-рабскаго слѣдованія въ самыхъ деталяхъ одежды, сдѣлалось также условіемъ sine qua non для группъ новѣйшихъ ваятелей, назначаемыхъ для украшенія городскихъ улицъ и площадей; безъ того не признавали даже въ художественномъ произведеніи никакихъ достоинствъ.

Вѣдь Петръ I для украшенія своего Петербурга призвалъ искуснаго зодчаго француза, Александра Леблона, съ званіемъ генералъ архитектора. А первымъ дѣломъ этого высша-

го руководителя техниковъ по строительной части было составленіе плана Петербурга, съ укрѣпленіями въ формѣ громаднаго овала, захватывавшаго большую часть острововъ васильевскаго, городского (Петербургской стороны) и до адмиралтейскаго, отъ Невы до Мойки. Овалъ этотъ предполагалъ искусный зодчій—инженеръ опоясать тройнымъ рядомъ фортификаціи, по системѣ Вобана. На Васильевскомъ островѣ назначались имъ самыя важнѣйшія зданія: дворецъ государя и высшія управленія Имперіи и города. И здѣсь-то, для украшенія самой главной обширнѣйшей площади «для экзерцицій», авторъ затѣйливаго проэкта назначилъ колоссальную конную группу основателя Петербурга, какъ необходимую и существенную часть украшенія новой невской столицы русскаго царства. Проэктъ этотъ, однако начатый приводиться въ исполненіе, за раннею смертію Леблона (1719 г.) и заключеніемъ Ништадтскаго мира оставленъ; но изображеніе государя поспѣшилъ уже выполнить, въ эскизѣ изъ глины, противникъ Леблона, графъ Растрелли-отецъ. Петръ заказывалъ и живописцу своему Таннауэру изобразить себя побѣдителемъ Карла XII при Полтавѣ, но кажется остался недоволенъ его, слишкомъ рутинною, идеею: представленія надъ головою женской крылатой фигуры съ лавровымъ вѣнкомъ, взамѣнъ подлинной картины ожесточоннаго боя, гдѣ онъ выполнилъ свою обязанность,

какъ гражданинъ, воинъ и полководецъ. При открытіи подлиннаго эскиза, неодобрѣніе государемъ идеи Таннауэра кажется намъ наиболѣе вѣроятною разгадкою невыполненія художникомъ большой картины. Идея Петра воителя въ формѣ римскаго императора: въ доспѣхахъ, лавровомъ вѣнцѣ тріумфаторскомъ и воинскомъ плащѣ, — какъ принято было изображать и нѣмецкихъ императоровъ на монетахъ и медаляхъ — всего удобнѣе выполнялась въ скульптурѣ. А потому трудъ Растрелли имѣлъ лучшій результатъ, чѣмъ попытка талантливой кисти въ модной формѣ, льстивой, схоластически напыщенной аллегоріи въ краскахъ; выказывающихъ еще ярче разладъ искусственнаго измышленія съ правдою и естественностію подлиннаго факта. Въ скульптурѣ могли представить царю книжные аргументы и примѣры всеобщаго подчиненія условіямъ не перемѣняемыхъ правилъ. Изъ желанія украсить свое любимое созданіе, Петръ волею-неволею и покорился необходимости возсозданія себя въ вѣчномъ образѣ, хотя ни сколько не похожемъ на оригиналъ.

Если бы гнался царь за сохраненіемъ своего *я*, въ памяти вѣковъ, онъ,—натуралистъ до мозга костей,—конечно, никогда бы не согласился уже на такой, не схожій съ нимъ, условный портретъ. Но, имѣя въ виду декорацію города, онъ уступилъ представленію техниковъ и позволилъ, передъ будущимъ

зданіемъ Сената, имъ основаннаго; также, какъ и противъ замышляемой имъ академіи наукъ,—поставить, по отстройкѣ того и другого, *монументъ*. Идея же монумента на столько относилась къ учрежденіямъ, какъ и къ учреждателю. Такъ, намъ кажется, можно только объяснить соизволеніе Петра на выполненіе Растрелли своей фигуры. *) По смерти перваго императора, первоначальная идея, безъ сомнѣнія, не разъ измѣнялась; согласно побужденіямъ его преемницъ, дававшихъ Растрелли заказы. При Екатеринѣ I, напримѣръ, виды правительства ограничивались только памятникомъ надъ гробомъ государя, въ Петропавловскомъ соборѣ, въ родѣ того и въ тѣхъ же почти формахъ, какъ устроенъ былъ въ залѣ зимняго дворца castrum doloris. При Аннѣ же, любившей распространять свои собственные портреты въ ростъ, при всякомъ удобномъ (и неудобномъ даже) случаѣ, предполагалъ Растрелли поставить Петра на конѣ, среди аллегорическихъ фигуръ и арматуръ, въ такомъ видѣ, какъ рисовальщикъ Тарсія представилъ его въ числѣ другихъ деталей, на фронтисписѣ изданія «Палатъ Академіи Наукъ».

Вступленіе на престолъ дочери Петра I— Елизаветы, еще разъ обратило мысль худож-

*) Зная, что этотъ же Растрелли выполнилъ изъ воска статую Петра, сидящаго на креслахъ, въ подлиной одеждѣ государя: даже въ парикѣ изъ волосъ его, именно для музея академіи наукъ,—всего вѣроятнѣе допустить что самъ царь думалъ дать подобное же, а никакъ не болѣе публичное, назначеніе своему изображенію.

ника къ большей простотѣ и почти той же идеѣ: неподвижно стоящаго всадника на боевомъ конѣ, въ вѣнкѣ лавровомъ; на пьедесталѣ съ барельефами полтавскаго боя. Искусникъ на словахъ, въ техникѣ Растрелли-отецъ былъ только любитель; а самое дѣло отливки изъ металла производилъ его помощникъ, литейщикъ заправскій, Алессандро Мартелли. Растрелли самъ только проходилъ большую модель изъ воска, выполненную скульпторами Канцеляріи Строеній съ его маленькаго скица, и умеръ (1744 г.), не дождавшись окончанія своего творенія. Подъ руководствомъ сына его—сооружателя зимняго дворца—въ 1747 году группа наконецъ выполнена изъ бронзы; перевезена къ мѣсту, гдѣ должно было воздвигнуть ее (на мѣстѣ теперешняго биржевого сквера) и тамъ оставлена, въ сараѣ, до дней Екатерины II. Великая монархиня, въ первые же дни по вступленіи на престолъ, осматривая монументъ надъ гробомъ Петра I, дѣлавшійся Ломоносовымъ, разсмотрѣла и группу Растрелли; но ни та, ни другой ея не удовлетворили. Ей хотѣлось, чтобы представили Петра болѣе соотвѣтственно идеѣ, о немъ распространенной: *геніальнымъ*; на сколько доступно это средствамъ искусства. Высокоталантливый французскій скульпторъ Этьенъ Морисъ Фальконетъ подалъ тогда эскизъ свой, далеко оставившій за собою проэкты другихъ соучастниковъ въ конкурсѣ: Фаю, Кусту и Васу.

Въ 1765 году съ Фальконетомъ заключонъ въ Парижѣ контрактъ, при посредствѣ русскаго посла при французскомъ дворѣ, князя Д. А. Голицына. Срокъ выполненія памятника назначенъ осьми-лѣтній и художникъ въ 1766 году явился въ Петербургъ съ семействомъ своимъ, учениками и помощниками. Въ первые десять мѣсяцевъ пребыванія здѣсь, Фальконетъ выполнилъ оригинальную модель своей идеи, въ маломъ видѣ. Тогда стали искать цѣльнаго камня, который долженъ былъ служить естественнымъ подножіемъ взлетающему на скалу всаднику. По идеѣ Фальконета, подножіе должно было имѣть до 5 сажень въ длину, 2 сажени съ $^1/_2$ аршиномъ въ ширину и—полуаршиномъ больше, въ высоту.

Фальконетъ сперва хотѣлъ этотъ естественный пьедесталъ слѣпить изъ 6 или 12 камней; между тѣмъ, поиски производились старательно и одинъ изъ наемныхъ отъ Канцеляріи Строеній развѣдчиковъ, Семенъ Вишняковъ, далъ знать въ сентябрѣ 1768 г., что въ 6-ти верстахъ отъ Лахты, съ незапамятныхъ временъ лежавшая въ болотѣ *каменная гора*, отъ разбитія громомъ получила размѣры, подходящіе къ искомымъ. Длина уцѣлѣвшей отъ разбитія части горы, называвшейся крестьянами Лахты «Камень Громъ»—составляла 44 фута, ширина 22 фута и вышина 27 футовъ. Въ землѣ же сидѣлъ камень на 15 футовъ, и заросъ мхомъ толщиною на два дюй

ма. Верхняя и нижняя части его были совсѣмъ плоски, а вся фигура представляла неправильный параллелопипедъ. Камень былъ пепельнаго цвѣта и состоялъ изъ полевого шпата и кварца, въ которыхъ съ одной стороны видны были топазы, аметисты, гранаты и корналины, съ разноцвѣтными кристаллическими впрысками, обратившимися при накаленіи въ зеленоватое стекло. Тяжесть каменной массы, по вычисленіямъ, составляла около 100,000 пудовъ.

Съ помощью передвигательной машины, изобрѣтеніе которой приписываетъ себѣ извѣстный Карбури—занятый Бецкимъ извлеченіемъ и доставкою камня въ Петербургъ, посредствомъ 12 рычаговъ, 10 воротовъ и шаровъ въ металлическихъ жолобахъ,—12 марта 1769 г. 400 человѣкъ работниковъ привели въ движеніе колоссальный «Камень Громъ»; предварительно вырывъ вокругъ землю на 14 сажень (и на 2 сажени глубиною), да устроивъ дорогу въ 10 сажень ширины. Операція подъема изъ гнѣзда камня великана произведена въ присутствіи Екатерины II и двора ея. По осмотрѣ ея Величествомъ камня и снарядовъ передвиженія, съ 15 ноября того же года стали оттаскивать камень на мѣдныхъ каткахъ, шестернями. Эту страшную операцію видѣла государыня 20 января и въ августѣйшемъ присутствіи колоссъ передвинутъ на 12 сажень. Весь же путь, который предстоялъ совершить каменной массѣ под-

ножія, — до мѣста погруженія на транспортъ для перевозки водою, — составлялъ 4,173 сажени. На протяженіи его масса камня пять разъ погружалась въ землю. Августа 28 1770 г. погрузили *камень-громъ* въ затопленное судно, а потомъ, выпустивъ воду и поднявъ транспортъ, почти мѣсяцъ тащили его до исаакіевской площади, къ которой присталъ онъ 23 сентября. Октября же 11-го, въ присутствіи Екатерины и прусскаго принца Генриха, подножіе, приготовленное самою природою, заняло свое мѣсто, на которомъ долженъ былъ показаться взлетающій на скалу Петръ I.

Екатерина II, съ числомъ осмотра ею работъ влеченія камня (20 янв. 1770 г.), приказала выбить медаль, съ надписью: «*дерзновенію подобно*»: и заказала три гравюры различныхъ положеній камня «Громъ». На первой представлена мѣстность, гдѣ найденъ камень, съ естественнымъ его положеніемъ. На второй гравюрѣ изображонъ камень вырытымъ уже изъ земли, а на третьей—перевезеніе камня въ Высочайшемъ присутствіи.

Фальконетъ большую модель окончилъ въ іюлѣ 1769 г. и выставилъ ее на двѣ недѣли, для обозрѣнія всѣхъ желающихъ, заявивъ, что ученица его, дѣвица Колло (впослѣдствіи невѣстка художника), выполнила голову государя. Многимъ это казалось предосудительнымъ для славы художника; намъ же кажется это не особенно важнымъ, чтобы ставить

подобную мелочь въ упрекъ творцу цѣлой группы, полной такого одушевленія.

Затѣмъ возникли новыя хлопоты съ отливкою изъ металла, для чего вызванъ по рекомендаціи самого Фальконета, знаменитый литейщикъ Эрсманъ изъ Парижа; сперва ладившій съ творцомъ группы, а потомъ сдѣлавшійся врагомъ его. Фальконетъ самъ принялъ высшій надзоръ за работами и произвелъ отливку, по его мнѣнію, удачно, не смотря на несчастіе отъ разрыва формы. Литейщикъ артиллерійскій Хайловъ, одинъ только сохранилъ присутствіе духа и, рискуя сгорѣть, забывъ личную опасность, заткнулъ отверстіе остановивъ потокъ расплавленной бронзы. Вынувъ изъ печи группу и убѣдившись въ незначительности оставшагося неотлитымъ, Фальконетъ не видалъ окончательной чеканки колосса и по неудовольствію оставилъ Петербургъ, не дождавшись открытія своего безсмертнаго памятника.

Безъ него уже, спустя шесть лѣтъ по отливкѣ, онъ открытъ торжественно Екатериною II, 7 августа 1782 г.

Съ окончаніемъ чеканки группы и установкою пьедестала, для открытія памятника Екатерина II выбрала августъ мѣсяцъ—въ который Петръ спасся отъ злонамѣреній сестры, воротился изъ перваго путешествія, взялъ Нарву, командовалъ 4-мя флотами, заключилъ Ништадтскій миръ и перевезъ мощи Св. Александра въ Петербургъ. Мѣсто для памятни-

ка выбрано тоже, какъ одно изъ наиболѣе посѣщавшихся государемъ, сосѣдственное съ Исакіевскимъ соборомъ, Сенатомъ и Адмиралтействомъ. Площадь, по срединѣ которой *пала скала подъ стопы Великаго Петра*, —какъ выразился авторъ знаменитой надписи къ памятнику Фальконета, — составляла тогда въ ширину 67 сажень, а въ длину (отъ Невы до Адмиралтейскаго канала, отдѣлявшаго эту площадь отъ Адмиралтейскаго луга) 120 сажень. Устраивавшій пьедесталъ, архитекторъ Фельтенъ, послѣ отъѣзда Фальконета приставилъ къ переднему концу камня отломокъ отъ него въ 9 футовъ, а къ заднему въ 6 футовъ, что удлиннило подножіе до 43 футовъ, при ширинѣ внизу 21 фута и вышинѣ 13 футовъ. Приставленныя части спаяны и послѣ установки, въ продѣланныя отверстія, желѣзныхъ укрѣпленій заднихъ ногъ, да хвоста—профессоръ И. А. Х. Гордѣевъ выполнилъ модель змѣи, изгибающейся подъ копытами коня могучаго всадника. Фальконетъ еще хотѣлъ, чтобы поверхность камня за фигурою покрыта была бронзовою же травою и кутарникомъ «чтобы доказать благополучный успѣхъ начатаго просвѣщенія», но это оставлено. Только со сторонъ подножія укрѣплены литыя буквы надписи (направо) по русски и (на лѣво) по латыни: «Петру Первому Екатерина Вторая лѣта 1782 г.». Стоимость памятника, по открытіи его, доходила до 424,610 р.

Наступилъ и давно ожидавшійся день открытія монумента, скрытаго только полотномъ (въ 5 саж. вышины и 32 вьокружности), расписаннымъ каменистыми горами. Пасмурная погода не помѣшала стеченію народа тысячами на временныя галлереи, окружавшія площадь; кто же не попалъ туда—стоялъ на валу Адмиралтейскомъ и на кровляхъ домовъ. Въ полдень прояснилось однако и 15000 чел. войска выстроилось отъ Невы, подъ начальствомъ фельдмаршала князя А. М. Голицына. Въ 4 часа по полудни подъѣхала на шлюпкѣ Екатерина II, встрѣченная на пристани Сенатомъ, съ генералъ-прокуроромъ во главѣ. Подъ прикрытіемъ кавалергардовъ, государыня прошла въ Сенатъ и явилась на балконѣ. Крикъ ура! при видѣ монархини, былъ сигналомъ опущенія полотняной декораціи, служившей ширмами группѣ. Увидѣвъ изваяніе царственнаго всадника, войска забили походъ, преклонивъ знамена и новый громъ троекратныхъ ура! смѣшался съ залпами пушекъ съ Адмиралтейской и Петропавловской крѣпостей. Суда по Невѣ расцвѣтились флагами. Президентъ Канцеляріи Строеній,—на которую возложено было исполненіе памятника—И. И. Бецкой, поднесъ медали государынѣ, съ ея портретомъ и изображеніемъ группы на оборотной сторонѣ. Самую большую изъ золотыхъ медалей Екатерина II подала Бецкому, сказавъ, что она ему слѣдуетъ по праву.

Полки, равняясь, прошли мимо памятника,

государыня воротилась во дворецъ; народъ разошолся, а *мѣдный всадникъ,* воспѣтый Пушкинымъ, остался вѣчно сторожить со скалы своей, основанный имъ Петербургъ.

Послѣ великой Екатерины II, строителемъ наибольшаго числа памятниковъ оказывался Императоръ Николай I. Назначивъ соорудить, хотя и простой, но вполнѣ выражавшій идею почота, монументъ въ Полтавѣ, на мѣстѣ, гдѣ Петръ I отдыхалъ отъ трудовъ своихъ послѣ знаменитаго боя, этотъ государь почтилъ память предка памятникомъ и въ Кронштадтѣ, имъ основанномъ. Къ концу тридцатыхъ годовъ, французскій скульпторъ Жакъ уже изготовилъ модель стоящей фигуры великаго императора, со шпагою въ рукѣ. Модель эта удостоилась Высочайшаго утвержденія, но, при выполненіи въ настоящую колоссальную величину, художникъ исполнитель не употребилъ, какъ оказалось, должнаго усердія къ безупречному воспроизведенію своей идеи.

Императорская Академія Художествъ, которой по Высочайшему повелѣнію поручено было въ мастерской Жака осмотрѣть колоссальную модель, отлитую уже изъ алебастра, въ журналѣ 6-го марта 1840 года, въ заключеніи своемъ выразила: 1) что художникъ «сдѣлалъ въ модели отступленія отъ Высоч. утвержденной фигуры»; 2) «что отступленія эти,—состоящія въ томъ, что фигура Императора Петра I поставлена прямѣе, голова меньше повернута

въ сторону и рука держитъ шпагу ловче и естественнѣе», — должны были, по намѣренію художника, содѣйствовать къ улучшенію статуи. Но, 3) въ отношеніи соразмѣрности частей къ цѣлому, въ фигурѣ монументальной желательно бы видѣть больше удачи; ибо въ статуѣ Жака плечи узки, грудь низка и кругла, туловище длинно, слѣды коротки». А 4) костюму, въ пластическомъ выполненіи, не достаетъ должной отдѣлки и правды и 5) что «на статуѣ Жака даже *сходство и выраженіе лица неудовлетворительны*». Не смотря на поправки, устранить всѣ указанные недостатки, при окончательной отдѣлкѣ, художнику тоже не удалось вполнѣ.

Рядомъ со скульптурою и живопись, по иниціативѣ частныхъ лицъ, чтившихъ память великаго Петра, старалась воспроизвести великія государственныя дѣянія перваго Императора.

Укажемъ первую въ этомъ отношеніи задачу, обращонную въ конкурсъ, для художниковъ нашихъ, черезъ посредство академіи художествъ въ 1805 году.

Но, тогда тэмою былъ одинъ эпизодъ изъ дѣяній Петра: именно его дѣйствія въ критическую минуту окруженія войска нашего турками и татарами, при р. Прутѣ. Спустя тридцать два года послѣ того, извѣстный богачъ, много жертвовавшій для науки и искусства, Анатолій Николаевичъ Демидовъ, открылъ конкурсъ для всѣхъ русскихъ ху-

дожниковъ, вызывая ихъ написать двѣ картины, за каждую изъ которыхъ, если судьи конкурса найдутъ ихъ лучшими изъ всѣхъ, платитъ онъ по 8000 руб. Задачу же для конкурса выразилъ предлагатель такъ: «изобразить Петра I въ одинъ изъ случаевъ, когда нашъ Великій государь соображалъ одну изъ исполинскихъ и глубокихъ своихъ идей, которыми онъ возвелъ наше прекрасное отечество на высшую степень славнаго его могущества». Декабря 10-го 1838 г. академія художествъ сдѣлала чрезвычайное собраніе, пригласивъ въ него 25 особъ, извѣстныхъ своими знаніями въ искусствѣ и исторіи нашей, сверхъ своихъ постоянныхъ членовъ.

Картинъ было представлено на судъ этого собранія всего *семь*. Первая изъ нихъ представляла Петра I, который, стоя у камня, на коемъ положена карта Финскаго залива, указываетъ вдаль, гдѣ межъ облаковъ видна Петропавловская крѣпость. Тѣни царей и пѣвцовъ взираютъ съ небесъ на преобразователя. Вторая конкурсная картина представляла Великаго Монарха, «который, посѣтивъ берега Невы, остановился и, простирая правую руку свою, кажется хочетъ выразить владычество надъ краемъ». Третья изображала Петра, который, стоя въ лодкѣ, опускаетъ лотъ для вѣрнаго измѣренія глубины моря.

Четвертая же представляла преобразователя, «который маніемъ одной руки повергаетъ олицетворенное невѣжество, а другую возла-

гаетъ на лежащіе передъ нимъ планы преобразованій и учрежденій. Пятая картина изображала царя на Заандамской верфи, обдѣлывающаго руль. На шестой представленъ былъ Петръ съ Меньшиковымъ и Головкинымъ, осматривающій берега Финскаго залива, вблизи камня, сдѣлавшагося основаніемъ его памятника. А седьмая картина изображала Петра разсуждающимъ со своими приближонными объ основаніи Петербурга, когда вдали рубятъ лѣсъ и ставятъ вѣхи. Всѣ представленныя картины найдены неудовлетворительными.

Въ настоящемъ году, руководясь въ основаніи тою же идеею, какъ и предлагатель конкурса 1837 г., Комиссія празднованія юбилея 200 лѣтняго дня рожденія Петра достигла своими картинами болѣе выгоднаго результата, устроивъ для народа самую удачную въ очахъ и неграмотнаго человѣка, галлерею сценъ изъ жизни монарха, благодаря ей получающаго типическій образъ вѣчнаго царственнаго труженика. Такимъ представляется Петръ вообще и при самомъ подробномъ изслѣдованіи подлинныхъ источниковъ, несомнѣнной точности.

X.

Конечно, фантазія художниковъ, воспроизводившихъ образъ Петра и дѣла его, опиралась на вещественные памятники, непо-

средственныя свидѣтельства его пребыванія на землѣ.—Въ этомъ отношеніи,—маска, снятая скульпторомъ Растрелли съ лица государя, въ первое время по кончинѣ его; портреты, списанные съ Петра въ 1698, 1702, 1713, 1715, 1716, 1717, 1720 и 1722 годахъ; вещи, бывшія въ употребленіи великаго человѣка; принадлежности его костюма; наконецъ, мѣста временныхъ пребываній царя преобразователя, съ ихъ обстановкою, болѣе или менѣе сохранившеюся, — составляютъ основные, такъ сказать, матеріалы, которыми фантазія художниковъ должна пользоваться для воспроизведенія самого преобразователя, или той славной эпохи нашей исторіи, когда, ведя тяжолыя войны, терпя неудачи, борясь съ невѣжествомъ и недобросовѣстностью исполнителей своихъ дальновидныхъ мѣръ и распоряженій, Петръ пересоздалъ изъ полуазіятскаго, полудикаго московскаго царства, могучую Россію для жизни, развитія и разумной дѣятельности въ средѣ европейскихъ государствъ.

Въ сохранности дошли до насъ и два домика Петра I миніатюрныхъ размѣровъ: мѣсто его недѣльнаго пребыванія въ 1697-мъ году (съ 8 по 15 августа) въ Заандамѣ и мѣстожительство царя въ основанномъ имъ Петербургѣ, близъ крѣпости, на городскомъ островѣ, теперь называемомъ петербургскою стороною.

Домикъ Петербургскій — «хоромцы брус-

чатыя», говоря языкомъ первой половины XVIII вѣка,—заключалъ двѣ свѣтлицы, раздѣляемыя сѣнями. Въ длину онъ имѣлъ не болѣе 10 сажень, а въ ширину только три сажени. На конькѣ крыши поставлена была мортира, а по концамъ кровли положено было по бомбѣ «съ горящимъ пламенемъ»—разумѣется изваяннымъ. Снаружи фасады домика расписаны были подъ кирпичную кладку, а внутри стѣны и потолки обтянуты холстомъ и расписаны. Уже за вѣкъ назадъ окружено было ветхое зданіе каменнымъ шатромъ съ черепичною кровлей; какъ и теперь мы находимъ его. Въ самой большой изъ 3 комнатъ этого домика, при жизни государя стояли его два токарные станка, пріобрѣтенные за границей. А отъ имени ихъ и любимаго занятія Петра токарнымъ дѣломъ во время досуга,—самое зданіе называли современники *токарною*, гдѣ царь принималъ всѣхъ и терпѣливо выслушивалъ жалобы и просьбы всякаго рода. Въ настоящее время изъ бывшей *спальни* Петра образована часовня, гдѣ предъ образомъ Спасителя—спутникомъ походовъ великаго монарха—вѣчный приливъ народа, изъ почтенія къ памяти Петра, приходящаго служить молебны. Изъ вещей царя только его шкафы въ бывшей токарной остаются единственными свидѣтелями пережитыхъ полуторыхъ вѣковъ. Садикъ, окружающій утлое жилище монарха хозяина, даже и садовода страст-

наго,—своимъ обиліемъ цвѣтовъ приводитъ на память эту черту въ характерѣ Петра. Къ празднованію 200 лѣтняго дня рожденія его позолотили наружную рѣшотку садика и придѣлали крытый переходъ до наружной галлереи, образованной каменнымъ футляромъ, охраняющимъ утлый домикъ. Наше изображеніе бывшей токарной въ настоящемъ видѣ, лучше словъ выразитъ всю обстановку ея, для тѣхъ, кто не видалъ перваго жилища Петра въ Петербургѣ.

Заднiй домикъ кузнеца Киста, нанятый царемъ Петромъ для своего обиталища, въ первый же день явленія въ Заандамъ, гдѣ думалъ онъ работать на верфяхъ, никѣмъ незнаемый,—что, какъ извѣстно, несостоялось и было причиною сокращенія здѣсь царскаго пребыванія,—стоялъ въ самой отдаленной части деревеньки «Занской плотины» на *Кримпѣ* (нынѣ *Форстенбургѣ*). Срубленный изъ топорныхъ досокъ, онъ тоже состоялъ изъ двухъ комнатъ съ кухнею. При самомъ входѣ, створныя дверцы ведутъ въ бывшую царскую спальню —чуланчикъ; гдѣ, какъ мы уже прежде замѣтили, трудно было государю расправить и могучій станъ свой. Чтобы дойти до этого домишки, благодаря случайному постояльцу пріобрѣтшаго европейскую извѣстность, нужно идти отъ станціи желѣзной дороги все на югъ, до самой *таверны царской*, отъ ней-же взять на право въ улицу и перейти по высокому мосту черезъ каналъ «Импера-

тора» (гдѣ напрасно бургомистръ Іооръ ставилъ стражу, чтобы удержать приливъ ротозѣевъ, страшно надоѣдавшихъ Петру). Отъ моста этого до хижины Петра 125 шаговъ. Она, какъ видно на нашемъ рисункѣ, окружена каменнымъ футляромъ. Но это предохраненіе, какъ видно, сдѣлано было тогда уже, когда хижина почтительно наклонилась въ одну сторону—во всякомъ случаѣ, не ранѣе 1800 года. До того времени посѣщалъ домикъ великій князь Павелъ Петровичъ и со времени его посѣщенія стали говорить въ Европѣ о домикѣ Петра и Заандамѣ. Сынъ Павла, Александръ I, тоже посѣтилъ хижину предка въ 1814 году и въ память этого посѣщенія вставилъ мраморную бѣлую плиту, съ надписью «Petro Magno Alexander» надъ старымъ каминомъ; гдѣ самъ готовилъ себѣ Петръ скромный обѣдъ. Что касается до мебели, находящейся теперь въ единственномъ салонѣ хижины Петра, она—безъ сомнѣнія—недавно постановлена, и отнюдь не имѣетъ никакого значенія въ дѣлѣ напоминанія времени житія здѣсь царя. Неизвѣстно даже, какъ отъ Киста перешолъ этотъ домикъ къ Тьери Жаку Фрису, отъ котораго,—со времени начатія высокими особами*) посѣщеній исторической развалины, перекупилъ ее трактирщикъ Фергуеръ за 178 флориновъ, (включая въ счотъ за 40 флориновъ и золотую

*) Въ XVIII вѣкѣ были здѣсь: Іосифъ II (съ Павломъ и Маріею Θеодоровною), графъ Алексѣй Орловъ.

медаль съ портретомъ Екатерины II, привезенную граф. Алексѣемъ Орловымъ). Продажа эта состоялась около 1785 года, но попрежнему хижина отдавалась въ наймы жильцамъ и въ ней только прибавились: ящикъ для вкладовъ подъ видомъ *памяти о Петрѣ* въ пользу владѣльца домика, да альбомъ для именъ посѣтителей. Къ концу вѣка, когда домикъ Киста совсѣмъ грозилъ разрушеніемъ и Фергуеръ рѣшилъ сломать его да построить новый, нѣкто Консьержъ городского общества, Бульзингъ, пріобрѣлъ покачнувшійся срубъ безъ кровли и чуланчика за 200 флориновъ. Онъ покрылъ за-ново кровлю и завелъ новый альбомъ; но уже жильцовъ не оказывалось. Хозяинъ, тоже трактирщикъ, въ 1804 г. перепродалъ преемнику своему по заведенію — Лобхеру. Людовикъ Наполеонъ, король голландскій, до свѣденія котораго дошолъ слухъ о хижинѣ Петра, въ 1808 году хотѣлъ поставить передъ нею памятникъ нашему первому Императору, пріобрѣтя домикъ. Но ни то, ни другое не состоялось и, спустя уже 10 лѣтъ (въ 1818 году) король Вильгельмъ пріобрѣлъ въ казну и подарилъ супругѣ—Аннѣ Павловнѣ, хижину ея предка. Нынѣ царствующій императоръ, великимъ княземъ посѣтилъ Заандамъ и хижину 29 апр. 1839 года. Находившійся же съ высокимъ посѣтителемъ воспитатель его, поэтъ В. А. Жуковскій, написалъ четверостишіе, награвированное на особой дощечкѣ, здѣсь-же и помѣщонной въ

хижинѣ. Въ ней же въ настоящее время помѣщено нѣсколько портретовъ и картинъ изъ жизни Петра. Хижина была пуста, напротивъ, при посѣщеніи ея Наполеономъ I, который, по этому случаю, сказалъ голландцамъ не безъ ироніи: «только и всего?»—на что они даже обидѣлись, относя потомъ эти слова къ нелюбви императоромъ французовъ всего русскаго. Такая бѣдность воспоминаній о Петрѣ въ пресловутой хижинѣ, конечно, не по нашей винѣ, а благодаря давности спекулятивныхъ видовъ иностранцевъ, не можетъ нисколько быть обидною Россіи успѣвшей собрать все, что окружало Петра въ его жилищѣ. Мы разумѣемъ Петровскую галлерею въ музеѣ Императорскаго эрмитажа.

Еще преемница Петра I, собрала выточенныя имъ вещи и токарные станки въ кунсткамерѣ, имъ основанной при Академіи наукъ. Анна приказала туда же передать и всѣ прочія достопримѣчательности, относившіяся до жизни и дѣлъ ея славнаго дяди, вв ривъ токарную,—его же токарному мастеру А. К. Нартову. Составляя часть академическихъ коллекцій до царствованія императора Николая I, Петровскія вещи здѣсь и сохранились въ неприкосновенности; даже всѣ его книги, бумаги, чертежи, монеты, медали и инструменты.

Въ царствованіе Николая I, образуя Петровскую галлерею въ помѣщеніи дворца

Эрмитажа, перенесли въ нее все, что составляло принадлежность кабинета Петра Великаго. Въ длинной галлереѣ, свѣтлая стѣна которой состоитъ изъ оконъ, обращонныхъ въ зимній садъ, собраны и размѣщены всѣ предметы, бывшіе въ пользованіи Петра или напоминающіе его волю и заказы. Здѣсь по стѣнамъ портреты: его—въ нѣмецкомъ костюмѣ—и важнѣйшихъ его сотрудниковъ. По срединѣ, подъ балдахиномъ, съ завѣсами и короною, на креслахъ восковая фигура Петра I, исполненная съ маски, графомъ Растрелли, въ первый же годъ по смерти государя. Подлѣ помѣщены и его маски противъ чучелы его лошади и собачки. Его рыдванъ-одноколка—здѣсь также фигурируетъ, перенося зрителя въ прошлый вѣкъ. Токарные станки, шкафы и инструменты—все на лицо. Есть тутъ же и бронзовые цилиндры съ выпуклыми изображеніями его подвиговъ, дѣланные медальоромъ Шульцемъ, при здѣшнемъ монетномъ дворѣ. Кафтанъ на царѣ подлинный, вышитый серебряными блестками самою Екатериной, къ коронаціи ея и бывшій на Петрѣ въ этотъ замѣчательный день его жизни. Парикъ тоже изъ подлинныхъ волосъ государя. Въ числѣ книгъ—драгоцѣнное собраніе фейерверковъ и чертежей, съ гравюрами для Марсовой книги, коллекція которыхъ самая полная, съ замѣтками Петра. Нѣтъ только кабинета Петра—коллекціи всѣхъ бумагъ, къ нему поступившихъ съ первыхъ годовъ

царствованія. Но и она бережно сохраняется въ государственномъ архивѣ въ 149 фоліантахъ, переплетенныхъ въ сафьянъ. Слѣдовательно отъ Петра и о Петрѣ мы имѣемъ почти все, чтобы судить о немъ вѣрно и безпристрастно и смотрѣть на него безъ предвзятыхъ близорукихъ идей. И здѣсь то выказывается вполнѣ величіе этого колосса.

Усопшій Петръ Великій на парадномъ одрѣ.

Съ картины И. Н. Никитина, принадлежащей И. А. Х.

Всѣ пріемы въ обыкновенной, даже исторической сценѣ, способствующіе обольщенію глаза зрителя, переходя на нейтральную почву церковной стѣны теряютъ свою испытанную заманчивость, при всей обаятельности яркихъ колеровъ даже, щекотящихъ пріятно глаза и нервы. Спокойствіе, сановитость, такъ сказать *экономія яркихъ красокъ* и, при этомъ, правильность рисунка, вкусъ драпировокъ, ансамбль, не рѣжущій глаза ни одной рѣзкою подробностью—вотъ рецептъ для выполненія хорошей сцены священнаго писанія на стѣнѣ церковной. Профессоръ Плѣшановъ, въ своемъ трактованіи стѣнной живописи въ храмѣ Св. Николая, попалъ на единственную вѣрную дорогу. Желаемъ ему продолжать ее съ тѣмъ же сознаніемъ цѣли.

Василій Григорьевичъ Худяковъ.

(1825—1871 г.).

В. Г. Худяковъ, умершій въ прошломъ году, былъ человѣкъ, судьба котораго не лишена интереса; по крайней мѣрѣ въ отношеніи характерности фазисовъ развитія.

Въ природномъ талантѣ недостатка у него не было, но наука не сдѣлала ничего почти для него, при всей его природной любознательности и желаніи попасть на настоящую дорогу. Вмѣсто сѣтованій о неимѣніи у насъ исторіи искусства, погорюемъ лучше о несчастной судьбѣ нашихъ отечественныхъ историческихъ живописцевъ. И то сказать, образованіемъ хвалиться намъ довольно трудно, въ любой спеціальной отрасли. Художественная же спеціальность, на которую смотримъ мы еще легче, чѣмъ на всѣ другія — требуетъ, наоборотъ, развитія многосторонняго, а не хватанія вершинокъ. Прибавимъ къ этому еще и другую, не менѣе невыгодную, обстановку. Въ тѣ годы, когда таланту нужно развиваться—онъ тратитъ могучія силы, чтобы выбиться изъ жесткихъ объятій матери-нужды, на каждомъ шагу останавливающей его стремленія въ развитію. Всѣмъ, для кого дорого было самообразованіе и кто совершилъ таки его, не смотря на всевозможныя препятствія—понятны будутъ слова наши. Кто же не испытывалъ положенія «пасынка фортуны», говоря словами баснописца—тотъ можетъ считать

это нарочно утрированнымъ эффектомъ. И Богъ съ нимъ! Всякому—свое.

Съ Худяковымъ не могло быть иначе, какъ точно такъ, какъ намекнули мы, излагая ходъ всего неблагопріятнаго, мѣшающаго развитію таланта.

Въ Симбирской губерніи, въ Корсунскомъ уѣздѣ, въ лѣвой сторонѣ отъ торговой дороги изъ Симбирска въ Пензу, почти у самыхъ истоковъ Свіяги, стоитъ владѣльческое село Шуваты (Акшуатъ), съ тысячью слишкомъ душъ,—благодаря нахожденію винокуреннаго, да поташнаго заводовъ. Принадлежало оно сенатору Поливанову, у котораго въ дворнѣ былъ, между крѣпостными, Григорій Худяковъ. Наканунѣ Рождества, въ годъ воцаренія Николая I, этому бѣдняку далъ Богъ сына, названнаго Василіемъ. Какъ баринъ Поливановъ былъ изъ добрыхъ помѣщиковъ. Замѣтивъ въ выроставшемъ своемъ дворовомъ Васильѣ Худяковѣ наклонность къ живописи, онъ не только дозволилъ ему учиться въ Москвѣ, но опредѣляя 19-ти лѣтняго будущаго художника въ московское училище живописи и ваянія, 1-го января 1844 года, предоставляя полную свободу развитія таланта, заплатилъ даже деньги за его ученіе, обязавшись, въ случаѣ полученія имъ наградъ академическихъ,—уже дававшихъ право убѣдиться въ талантѣ—*дать ему вольную.*

Доброе желаніе помѣщика скоро осуществилось; всего 2 года спустя. Къ концу 1846 года, училище живописи и ваянія представило за тотъ годъ лучшія работы своихъ учениковъ въ Императорскую академію художествъ. Тутъ были портреты, пейзажи и рисунки съ натуры. Работы Худякова—портретъ и рисунокъ, найдены были до того превосходящими всѣ прочія, что ему прямо назначила академія 1-ю серебряную медаль и званіе классного художника. Всякая зависимость отъ помѣщика теперь прекратилась. Молодой художникъ можетъ посвятить себя любимому призванію и оставить мѣсто начальнаго образованія. Вотъ онъ въ Петербургѣ и, несмотря на свое званіе художника—сидитъ въ натурномъ классѣ. Прошло три года въ работахъ классныхъ и въ практикѣ портретной. Качества, замѣченныя академіею въ работахъ ученика, вы-

росли до художественнаго достоинства въ портретной живописи Худякова: и живость колорита, и мягкость кисти, и картинность постановки. Худяковъ проситъ на званіе академика программы и пишетъ по выбору академіи портретъ талантливаго архитектора Авр. Ив. Мельникова. Проходя по портретной залѣ академическаго музея и вглядываясь въ краски далеко не на всѣхъ портретахъ свѣжія, невольно остановишься и залюбуешься на живопись Худякова. Въ его портретѣ скромный и трудолюбивый Мельниковъ,—отмѣченный особенною несправедливостью къ себѣ своихъ современныхъ цѣнителей,—просто выходитъ изъ полотна. Не очень много, еще разъ повторимъ, написано такъ портретовъ *искателями членства* въ академіи. Хорошъ, безспорно, и портретъ А. Т. Маркова, писанный въ это время и тоже удостоеннымъ званія академика,—К. А. Горбуновымъ, но по простотѣ и естественности всѣ, конечно, отдадутъ первенство кисти Худякова, получившаго титуль академика. Съ этого времени на каждой почти выставкѣ являются цвѣтистыя произведенія Худякова; сперва, впрочемъ, только портреты.

Одною изъ первыхъ композицій Худякова въ бытовомъ родѣ, была картина, нами теперь помѣщаемая. Самый пристрастный цѣнитель долженъ согласиться, что тутъ много драматическаго интереса и неподдѣльной живости. Это правда, что сильный мужчина, отпихивающій лодку багромъ, нѣсколько академиченъ и напоминаетъ позою своею блаженныя памяти Харона на Стиксѣ, но другія дѣйствующія лица вышли хорошо, не смотря на неопытность композитора—проглядывающую напр. всего ярче въ силуэтномъ представленіи таможенныхъ стражей, въ родѣ какихъ-то тѣней. Замѣтимъ здѣсь кстати, что заканчивать одинъ край картины туманомъ — черта личной оригинальности художника, если хотите. Сличите съ *контрабандистами* «Сююнбеку, везомую въ Москву»,—гдѣ повторился, спустя пятнадцать лѣтъ, этотъ же мотивъ: и лодки, и туманныхъ пятенъ, и невыдержанности цѣлаго,—и вы найдете очень много близкаго, не смотря на разность характеровъ сценъ и пространство времени, въ которое Худяковъ успѣлъ и прославиться и—выдохнуться даже. Такъ что сами поклон-

ника художника, по поводу «Игры въ шары» и «Иродіады» ожидавшіе отъ него чего-то необыкновеннаго, должны были сознаться въ томъ, что далеко хватили.

Сцена «контрабандистовъ», позволимъ себѣ здѣсь замѣтить, была, однако, въ свое время отраднымъ явленіемъ, отъ котораго вѣяло жизнью.

Заманчивость колорита у Худякова всегда была могучимъ средствомъ подкупить строгость судей-критиковъ. Еще болѣе всѣмъ понравилось произведеніе Худякова, явившееся на выставку того же года—«Возстаніе христіанъ на востокѣ». Поэзію борьбы на смерть, за независимость родины, художникъ умѣлъ прочувствовать и выразить съ блескомъ и эффектомъ несовсѣмъ обыкновенными. Настроеніе фантазіи артиста подходило какъ разъ къ общему, господствующему чувству всѣхъ русскихъ въ періодъ предстоящей борьбы чуть не съ цѣлой Европою, и это ощущеніе, было, можетъ быть, самымъ вѣскимъ аргументомъ при оцѣнкѣ новаго произведенія, удостоившагося пріобрѣтенія Государемъ Императоромъ. Умѣнье оживить эпизодъ борьбы, съ этого времени, казалось, сдѣлалось одною изъ опредѣлившихся сторонъ таланта Худякова. «Куликовская битва»(1855 г.)—подтвердила только этотъ выводъ анализа способностей художника и именно въ то время, когда чистый патріотизмъ ежеминутно выказывался въ горячихъ спорахъ и сужденіяхъ о нашихъ неудачахъ и подвигахъ незабвенныхъ защитниковъ Севастополя.

Но вотъ наступилъ миръ. Патріотизмъ успокоился и Худяковъ, сдѣлавшись любимцемъ публики, мирно притаился въ затишьѣ. Дѣло объяснилось нескоро, однако. Только уже въ 1859 г. онъ прислалъ изъ Рима своего «Пастуха», написаннаго сочно, сильно, мастерски, но встрѣченнаго какъ-то холодно. Превращеніе, или, лучше, уклоненіе таланта въ болѣе соотвѣтствующую ему сферу—сцены быта, почему то на первый разъ непонравилось публикѣ, желавшей, какъ видно, продолженія историческихъ композицій отъ Худякова.

Онъ же, какъ извѣстно, добывъ выгодный заказъ работъ для церкви и собравъ всѣ, накопленныя экономіею въ нѣсколько лѣтъ, деньжонки свои, рискнулъ послѣ «Куликовской

битвы» пуститься въ Италію — вдохновительницу художниковъ; сознавая слабость еще силъ своихъ для историческаго рода, къ которому въ душѣ онъ чувствовалъ непреодолимое влеченіе.

Поѣздка въ Италію, дѣйствительно вполнѣ развила въ Худяковѣ способности колориста, но не могла ему ничего дать по части обогащенія ума свѣдѣніями внѣ классицизма и классическаго міра. Отъ этого вышло, поздно замѣченное художникомъ, безсиліе духа, въ то время, когда чувствовалъ онъ въ себѣ силу въ техникѣ, достаточную для серіознаго выполненія, — разумѣется, историческаго сюжета. Бытъ обыденный, настоящій, давался ему легко, со всею силою обаянія. За примѣрами ходить не далеко. Самое возвращеніе изъ Италіи было тріумфомъ для Худякова. По заказу графа Кушелева-Безбородко, написалъ онъ большую картину изъ римской народной жизни — «игру въ шары». Очаровательнѣе и живѣе уличной сцены, какъ эта, намъ не случалось видѣть. Здѣсь къ тому же соединилось все, что можетъ очаровать глазъ: блескъ колорита, хорошій, строгій рисунокъ (въ которомъ ненаходили погрѣшностей и судьи спеціальные — совѣтъ академіи), естественность выраженія лицъ и мгновенность позъ. Единодушный приговоръ—возведеніе въ профессоры за эту картину, ничего неоставляетъ прибавлять намъ съ своей стороны въ дѣлѣ внѣшней, технической оцѣнки исполненія. Да и кромѣ него было что̀ похвалить въ любомъ изъ эпизодовъ и группъ, введенныхъ художникомъ. Глубины мысли искать здѣсь, конечно, нечего. И вотъ, по нашему мнѣнію, вѣрная оцѣнка Худякова. Все, что внѣшность можетъ дать и произвести собою на глазъ зрителя — при умѣньи писать и природномъ дарѣ колорита, давалось ему безъ большого труда. Идеалъ же, за которымъ онъ не переставалъ гнаться, вѣчно ускользалъ отъ него, не отучая отъ погони.

Послѣ тріумфа, доставленнаго «игрою въ шары» (1860), на слѣдующій годъ Худяковъ попытался обратиться къ историческому роду и создалъ «Иродіаду съ матерью, ожидающихъ головы Іоанна Предтечи». Внѣшняя картинность здѣсь поражаетъ: розовая драпировка дѣвушки; полумракъ темницы; золотое блюдо; огненное освѣщеніе отъ

свѣтильниковъ — все есть и все усиливаетъ эффектъ. Но, примешься отыскивать выраженіе, соотвѣтствующее страшной сценѣ, на лицахъ красавицы и ея матери — очарованіе улетаетъ и заступаетъ недовольство. Мина красавицы почти ничего не выражаетъ; дальше благообразія нечего и искать. Женскіе характеры, дѣйствительно,у Худякова не существуютъ. Можетъ быть, кабинетныя работы не давали ему время для наблюденій? это — всего вѣрнѣе. Лица мужскія попадались ему чаще, и онъ подмѣчалъ въ нихъ, хотя не глубоко, но все же вѣрное выраженіе. Съ женскими типами было совсѣмъ другое. «Тайное посѣщеніе» матерью аристократкой ребенка, отданнаго на воспитаніе, служитъ только подтвержденіемъ нами высказанному. О картинѣ этой много было толковъ но всѣ варіации заключеній сходились на одномъ что лица (и матери и кормилицы) мало выражаютъ. Потому что выраженія животной нѣжности къ cavalliere servente,—который просто походитъ на танцмейстера,—немного говоритъ о человѣчности чувства матери, при видѣ ея ребенка. Нравилась, впрочемъ, самая идея представленія, попавшая мѣтко въ настроеніе общества и, изъ за идеи, да картинности общаго эффекта, картину хвалили за урядъ; впрочемъ, меньше уже, чѣмъ предъидущую.

Худяковъ, какъ извѣстно, по возвращеніи изъ Италіи, опредѣленъ наставникомъ живописи въ училищѣ живописи и ваянія въ Москвѣ и уже вслѣдъ за «Иродіадою», занялся компановкою большой картины, которая, наконецъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ попытокъ, имъ брошена. Онъ хотѣлъ представить *новгородское вече*, въ пору самаго бурнаго возбужденія противъ Іоанна III.

Наконецъ художникъ остановился было на идеѣ изображенія народнаго собранія, при открытіи непріятельскихъ дѣйствій съ великимъ княземъ, но трудность представить осязательно сущность рѣшенія выборнаго правительства,—*изъ впечатлѣнія на народъ при объявленіи его* — остановило Худякова. Онъ прозрѣлъ, наконецъ, и вѣрно опредѣлилъ, отчего частію происходили у него остановки въ исполненіи, какъ ему хотѣлось. Разгадка была *въ малой наблюдательности*. И въ Россіи, и въ Италіи, художникъ, живя въ одномъ городѣ, не имѣлъ возможности

освоиться съ разнообразіемъ типовъ, особенно сельскаго населенія и разныхъ народностей, рѣдко въ подстоличныхъ мѣстечкахъ показывающихся съ оригинальнымъ характеромъ своимъ. Худяковъ, къ тому же, увлекался современнымъ. Геройство кандіотовъ въ борьбѣ съ турками оживило его прежнимъ жаромъ и эпизодъ изъ конца возстанія—«защитники Кандіи, ожидающіе пароходъ Аркадіонъ»,—былъ блистательнымъ отвѣтомъ и разъясненіемъ тогдашняго настроенія художника (1867 г.).

Написавъ эту картину, художникъ нашъ пустился въ разъѣзды по Россіи; сперва въ западный край. Въ Гродно остановили его наблюдательность типы евреевъ и двѣ картины — этюды ихъ, прислалъ онъ на выставку 1868 года. Это были «молитва евреевъ передъ шабашемъ» и «гродненская торговка». Нашъ туристъ нигдѣ, впрочемъ, долго не заживался, по пути пописывая въ губернскихъ городахъ портреты. Съ запада такимъ образомъ перебрался онъ на востокъ и очутился на Волгѣ.

Если на западѣ затронули его художническое чутье евреи, то красивое племя татаръ волжскихъ, надолго заняло и воображеніе его и руки. Онъ зачертилъ много фигуръ и написалъ нѣсколько характерныхъ головокъ, особенно миловидныхъ татарокъ. Одна изъ этихъ типичныхъ головокъ была на выставкѣ 1869 года. На этюдахъ онъ, однако, не думалъ остановиться. Къ слѣдующей выставкѣ явилась у него большая картина изъ казанской исторіи—«отвозъ въ Москву плѣнной царицы Сюнбекъ», по волѣ Іоанна Грознаго. Фантастически разукрашенная шлюпка съ царицею и ея провожатыми, изъ рѣки Казанки выплываетъ въ широкую Волгу, по берегу которой бѣгутъ съ плачемъ, провожая падшую государыню, недавніе ея подданные. Вдали, въ туманѣ рисуется силуэтъ Казани. Небо яркое; туманъ и свѣтъ солнца; осеннее утро.

На первый взглядъ глазъ зрителя, поражаемый движеніемъ (сообщеннымъ художникомъ толпѣ), находитъ что-то свѣжее, но яркостью тоновъ перваго плана трудно удовлетвориться. Гармоніи въ картинѣ, при несомнѣнныхъ достоинствахъ композиціи, не существуетъ. Самъ же художникъ полюбилъ этотъ, не уходившійся еще разгулъ

своего воображенія и ставилъ его очень высоко. Заставить его согласиться съ правдивостью заключенія знатоковъ, никакъ было нельзя. Впрочемъ, справедливость заставляетъ сказать, что, и не имѣя общаго, «Сююнбека» нѣсколькими частностями заставляла, если не забыть отсутствіе строгости и очевидные промахи пылкаго композитора своего, то—многое простить ему, въ виду будущихъ успѣховъ.

Онъ стоялъ теперь все же на вѣрной дорогѣ къ воспроизведенію отечественнаго прошлаго. Порукою лучшаго впредь была эта, далеко не обыкновенная, попытка, а лѣта художника заставляли справедливо надѣяться на работы отъ него, болѣе совершенныя. И вдругъ, холера, 14 іюля 1871 года, вычеркнула Худякова изъ списка живыхъ. Потеря его во всякомъ случаѣ грустная, потому что со всѣми недостатками, — происходящими отъ необогащенія ума художника нужными свѣдѣніями, а отнюдь не по винѣ его, — Худяковъ былъ съ талантомъ, при лучшихъ обстоятельствахъ принесшимъ бы плоды, заставляющіе говорить о себѣ въ мірѣ искусства. Подведя итоги къ цѣлому ряду работъ покойнаго профессора, у него мы найдемъ талантъ и воображеніе, оригинальное, блестящее, живое. Глубины же образовъ, безъ образованія, ждать отъ таланта нечего. Все, что личная наблюдательность давала ему возможность пріобрѣсти, вооружившись кистью и карандашомъ — Худяковъ пріобрѣлъ и проявилъ въ своихъ созданіяхъ, блистательныхъ по краскамъ, игривыхъ по рисунку и свѣжихъ по идеѣ.

